

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXII

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXII

*Памяти
выдающегося геолога,
географа и путешественника
Василия Михайловича Синицына
(1912—1977)*

*In memory of
the outstanding geologist,
geography and traveller
Vasily Sinitsyn
(1912—1977)*

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
D. A. OLDEROGGE,
corresponding member
of the Academy of Sciences of USSR

VOL. 22

CENTRAL ASIA
GEOGRAPHY, ETHNOGRAPHY, HISTORY
Book 2

Compiled and edited by V. A. Romodin

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Составитель и ответственный редактор
В. А. РОМОДИН

Настоящий сборник серии посвящен Средней и Центральной Азии. В него вошли статьи по геологии, географии, истории, этнографии, истории культуры и искусства этого региона. Значительное место в сборнике уделено статьям, содержащим материалы о путешествиях по странам Средней и Центральной Азии, совершенных нашими современниками и странствователями прежних времен.

С $\frac{20901-075}{013 (02)-80}$ 125-80. 1905040000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

1. ГЕОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. ПУТЕШЕСТВИЯ

В. М. Синицын

НАУЧНЫЕ РЕКОГНОСЦИРОВКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мои исследования Центральной Азии охватывают период с 1935 по 1960 г. Полевые работы производились в 1935, 1936 и 1937 гг., в 1941—1943 гг., в 1951, 1952, 1953, 1954 гг., в 1955—1956 гг. и в 1958 г. В общей сложности за 68 полевых месяцев пройдено свыше 45 тыс. км маршрутов, осветивших около 500 тыс. кв. км территории. К началу советского периода изучения Центральная Азия с географической стороны была обследована в первом приближении довольно обстоятельно. Наблюдениями многочисленных русских, английских, шведских и немецких экспедиций уже были намечены все ее основные орографические элементы, установлены их взаимоотношения; изучены гипсометрия рельефа и его морфология, речная сеть, получили общее освещение и все другие природные условия, в том числе климат, почвы, растительность, животный мир. Геологическая же изученность оставалась крайне слабой. К началу наших исследований сведения о геологическом строении большинства регионов Центральной Азии или отсутствовали, или ограничивались беглыми наблюдениями путешественников, сделанными вдоль путей их «трансазиатских» экспедиций. Среди наших предшественников было лишь восемь геологов, работавших в составе географических экспедиций: Ф. Столичка, К. И. Богданович, В. А. Обручев, К. Футтерер, Г. Кейдель, П. Гребер, Э. Норин и Г. де-Терра. Подобное состояние геологической изученности определило направление и содержание наших исследований, носивших в основном характер научных рекогносцировок, что позволяло малыми силами и за короткие сроки выяснить общие черты геологического строения важнейших регионов Центральной Азии. За более чем 20-летний период экспедиционной деятельности научными рекогносцировками было охвачено огромное пространство — от Алтая на севере до Тибета на юге.

Поскольку мне приходилось заниматься одним и тем же регионом неоднократно, иногда по несколько раз возвращаясь туда же в последующие годы, представляется целесообразным мои маршруты и результаты изучения Центральной Азии характеризовать не в хронологическом порядке, а суммарно по каждому региону.

1. МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ

Мое участие в исследовании Центральной Азии началось в 1935 г. с поездки в Монгольский Алтай в составе геологического отряда В. П. Нехорошева, известного палеонтолога и знатока советского Алтая. Рекогносцировками этого отряда был охвачен южный склон хребта между реками Бурчум (приток Иртыша) и Чингиль (западная составляющая р. Урунгу). Спустя 15 лет (в 1951 г.) я продолжил исследования южного склона Монгольского Алтая уже в пределах МНР, совершив ряд пересечений в пространстве между долиной Булгуна и восточной оконечностью хребта. Еще раз я посетил Монгольский Алтай в 1954 г. для ревизионных маршрутов и аэровизуальных наблюдений, потребовавшихся в связи с увязкой листов геологической карты масштаба 1 : 200 000. Хотя к моменту наших первых исследований Монгольский Алтай в географическом отношении был в главных чертах изучен В. В. Сапожниковым, Г. Н. Потаниным, а также помощниками П. К. Козлова А. Н. Казнаковым и В. Ф. Ладыгиным, сведения о его геологическом строении отсутствовали почти полностью. В этих условиях представлялось целесообразным провести редкие и беглые рекогносцировочные маршруты с максимальным охватом территории, позволяющие выявить самые основные особенности ее геологического состава и строения.

В результате наших исследований 1935 и 1951 гг. была составлена первая геологическая карта Монгольского Алтая, уже отражавшая все основные элементы его структуры. В нижней части склона четко вырисовывался обширный выход докембрийского фундамента с гнейсами и кристаллическими сланцами, трактуемый мною как активизированный в позднем палеозое край Джунгарского массива. В водораздельной части хребта обозначилась зона каледонид с обширными выходами мощной и сложносмятой песчано-сланцевой серии ордовика и силура, а в предгорных мелкосопочниках и в долине Иртыша выявлена зона герцинид Зайсанского синклинория с исключительным развитием терригенных толщ девона и нижнего карбона. При геологических рекогносцировках в полосе выходов метаморфических толщ и инъецирующих их герцинских гранитов была выявлена бериллоносная провинция.

2. ДЖУНГАРИЯ

Исследования Джунгарии проводились в разные годы с длительными перерывами. Самый северный ее участок, примыкающий к долине р. Урунгу и оз. Улюнгур, я посетил совместно с В. П. Нехорошевым в 1935 г. Пограничную Джунгарию пересек дважды — в мае и сентябре 1941 г. Здесь мои маршруты прошли мимо оз. Эбинур, через горы Майли, Джаир, Барлык, по долинам Эмель и Кобук, вдоль Уркашара, через Семистай и восточные отроги Саура. Крайние восточные районы Джунгарии, лежащие в пределах МНР, — долину Барун-Хурай, Байтыкскую горную цепь и долину Хуху-

Номин-Гоби — изучал летом 1951 г. Западную окраину Джунгарской равнины, орошаемую р. Манас, исследовал в августе 1953 г. В октябре—ноябре 1953 г. произвел рекогносцировку Восточной Джунгарии в пространстве между Байтыкской цепью и Восточным Тянь-Шанем, а в 1954 г. дважды пересек восточную окраину Джунгарской равнины между Коктогаем (Алтай) и Гученом (предгорья Тянь-Шаня).

Джунгария лежала на путях многих центральноазиатских экспедиций (Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, В. А. Обручева, Д. А. Клеменца, Ю. А. Сосновского и др.), поэтому ее природные условия были достаточно известны. Но в геологическом отношении она оставалась совсем необследованной, за исключением Пограничной Джунгарии, обстоятельно изученной в начале столетия В. А. Обручевым, а в 1935—1937 гг. — А. Х. Ивановым.

Нашими исследованиями выяснена тектоническая природа Джунгарской равнины, оказавшейся срединным массивом, который до второй половины девона испытывал поднятие и являлся устойчивой областью денудации, а в позднем палеозое и мезокайнозое погружался и представлял обширный седиментационный бассейн. Наиболее энергичным погружение массива было в южной части, пограничной с Тянь-Шанем, где отложения этого возраста обнаруживают повышенную мощность и разрез их оказывается полнее стратиграфически. К северу фундамент массива уступами приближается к поверхности, и мощность осадков мезокайнозоя на нем сокращается в 3—5 раз, при этом из разреза выпадают триас и мел. В южной части горного обрамления Джунгарской равнины обнаружены выходы метаморфических пород докембрия, представляющие, очевидно, отторженцы срединного массива, увлеченные поднимающимся Тянь-Шанем. Нарушения осадочный покров массива подвергался только в соседстве с горным обрамлением, главным образом на границе с наиболее активным Тянь-Шанем. Любопытны изменения морфологии складок и возраста слагающих толщ по мере удаления от палеозойских структур Тянь-Шаня. Ближайшие к ним складки обладают сильно сжатыми ядрами из отложений палеогена, разорванными вдоль осевых плоскостей. В сторону Джунгарской равнины строение складок упрощается; среди них появляются формы со спокойными замочными перегибами. В ядрах периферических складок обнажаются отложения не старше неогена.

В современном рельефе наиболее низкое гипсометрическое положение занимает западная окраина равнины, примыкающая к горам Джаир. К ней направлен основной сток с территории Джунгарского бассейна, и здесь размещаются конечные водоемы рек Манас, Урунгу и Дям. Исследована позднечетвертичная история одного из крупнейших конечных водоемов Джунгарии — Большого Ихэ-Хака, от которого сохранились береговые уступы и ровное сухое днище, выстланное озерными осадками. Площадь древнего озера в несколько раз превышала наследующий его ныне Айранкель.

Восточная Джунгария, самая сухая и почти лишенная населения, меньше других посещалась путешественниками и поэтому до 50-х годов оставалась *terra incognita* не только в геологическом, но и в географическом отношении. В этой наиболее труднодоступной части Джунгарии мною произведены первые геологические рекогносцировки, позволившие создать схему тектонического районирования территории и охарактеризовать в первом приближении ее важнейшие структурные зоны, изучить морфологические особенности ее рельефа, собрать сведения о характере почв и растительности, нанести на карту источники подземных вод.

Орографическим и структурным ядром Восточной Джунгарии служит ромбовидная равнина Номин-Гоби, обособленная от собственно Джунгарского массива диагональным поясом сложной складчатости, в котором лежат горы Немейчу, Карамайли и Куарчатау; горные кряжи Байтыкской цепи отделяют ее от Зайсанского синклинория, принадлежащего Алтайской системе, а кряж Мэчин-Ула — от Восточного Тянь-Шаня, с которым он тесно связан структурно и орографически.

Подобно Джунгарскому массиву, Номин-Гоби лишена нижнего и отчасти среднего палеозоя и покрывается чехлом из отложений верхнего палеозоя и мезокайнозоя. В ограничивающих Номин-Гоби зонах сложной складчатости, наоборот, развиты отложения силура, девона и раннего карбона, а отложения верхнего палеозоя и мезокайнозоя отсутствуют. Таким образом, движения Номин-Гоби и расположенных на ее флангах подвижных зон были взаимно противоположными по знаку.

Морфология возвышенностей Восточной Джунгарии оказалась в принципе подобной горам Пограничной Джунгарии. И в ней мы увидели комплексные глыбовые поднятия, возникшие на основе древней денудационной равнины в результате ее раскалывания и дифференцированных смещений по разломам разнообразных направлений. Вследствие более или менее одинакового влияния на рельеф разломов различных систем новейшая структура и орография Восточной Джунгарии также не получила четкого линейного развития. Однако в сложной мозаике ее горных кряжей и мелкосопочных массивов все же улавливается преимущественное эшелонирование их либо в алтайском (северо-западном), либо в тянь-шаньском (широтном) направлении.

В Пограничной Джунгарии мною, больше на материалах В. А. Обручева и А. Х. Иванова, чем на собственных наблюдениях, были намечены основные структурно-формационные зоны этой области: Майли-Джаирская (каледониды), Барлык-Уркашарская (ранние герциниды), Эмельский блок и Восточно-Тарбагатайская (южное крыло Зайсанского синклинория).

3. ВОСТОЧНЫЙ И ГОБИЙСКИЙ ТЯНЬ-ШАНЬ

Мое знакомство с Восточным Тянь-Шанем началось с пересечения его на меридиане 83° в. д. от оз. Эби-Нур на Джунгарской равнине, через знаменитый перевал Муздаван, до города Бай, расположенного

в южных (таримских) предгорьях. Этот маршрут пройден в октябре 1941 г. В связи с рекогносцировками в системе Кельпинских кряжей зимой 1941/42 г. было совершено четыре пересечения хребта Майдантаг по долинам рек Терек, Кипчик, Корумдук и Чараачин, а в ноябре 1942 г. исследованы горы Уччат и восточный отрог Алайского хребта — горы Теректау. Летом 1951 г. был обследован Гобийский Тянь-Шань, в части, находящейся к западу от меридиана 100° в. д. В августе 1952 г. были проведены наблюдения вдоль тракта Урумчи—Куча, а осенью этого же года совершено трехкратное посещение Чолтага и групп примыкающих к нему кряжей. В 1953 г. магистральный маршрут пролегал вдоль Богдошаня, Баркультага и Карлыктага, от которого было принято шесть полных и частичных пересечений этих хребтов. Таким образом, восточная половина Тянь-Шаньской горной системы, лежащая за пределами СССР, была охвачена моими рекогносцировочными маршрутами на всем ее протяжении.

На основании геологического изучения Восточного и Гобийского Тянь-Шаня произведена орографическая систематика его хребтов. Выделены Северная (Борохоринская), Южная (Халыктауская) цепи высоких хребтов и внутренняя зона менее крупных хребтов, разделенных просторными межгорными долинами и плато. Намечены поперечные (диагональные) поднятия, в которых хребты скучиваются в горные узлы (Хан-Тенгрийский, Ирень-Хаберганский) и прогибы, вызывающие понижение хребтов и углубление пролегающих между ними впадин (Даванчинский, Баркульский, Номин-Гобийский). Уточнены орографические границы Тянь-Шаньской горной системы в ее восточной части в связи с выделением из ее состава группы Кельпинских кряжей и Куруктага, оказавшихся активизированными участками Таримского массива. Было отмечено большое влияние на морфологию гор Восточного Тянь-Шаня новейшей глыбовой структуры и аридного климата. Хребты Тянь-Шаня, возникшие в результате коробления и дифференцированных глыбовых смещений древнего пенеплена, обладают широкими плоскими слаборасчлененными водоразделами, сохраняющими останцы древней денудационной поверхности. На склонах хребтов прослеживаются прямолинейные крутые уступы, приуроченные к разломам. Ступенчатые перепады рельефа наблюдаются и по простираанию хребтов. Особенно ясно эти неотектонические формы рельефа сохраняются в наиболее пустынных хребтах: Борто-Ула, Чолтаге, Карлыктаге, Гобийском Тянь-Шане.

Выяснилось значение Восточного Тянь-Шаня в качестве важного регионального климатораздела между жаркой Кашгарией и прохладной Джунгарией. Северный (джунгарский) и южный (таримский) склоны горной системы обладают разными профилями и высотными уровнями природной зональности, разным высотным положением снеговой границы и уровней спуска ледников. Установлено повышение всех природных границ к востоку — по мере вхождения Тянь-Шаня в пустынное пространство Гоби и к югу — с приближением к пустыне Такла-Макан.

Особенно много нового мои исследования внесли в познание геологического строения Восточного и Гобийского Тянь-Шаня. Впервые произведено тектоническое районирование этих частей горной системы: выделены каледонский остов, приходящийся на область внутренних хребтов и впадин, раннегерцинские геосинклинальные призмы — в пределах высоких хребтов Северной и Южной цепей, позднегерцинские сооружения — окраинных хребтов и созданные альпийскими движениями предгорные гряды, расположенные по границе с Джунгарским и Таримским массивами.

Выявлен и впервые исследован позднепалеозойский геосинклинальный прогиб Майдантага (Южный Тянь-Шань), выполненный мощным и сложностроеном песчано-сланцевым комплексом. Вдоль границы этого флишевого отрога с Таримским массивом в течение карбона и ранней перми существовал барьерный риф (Муздукская фациальная зона), в пределах которого разновозрастные песчано-сланцевому флишу отложения представлены органогенными известняками.

Упомяну еще об исследованиях Южного Тянь-Шаня в области его Кашгарского сближения с Куньлунем. Здесь был выявлен дугообразный изгиб алайских структур возле Сулутерекского докембрийского массива, представляющего, очевидно, выступ древнего фундамента, отторгнутый от Таримского массива группой Ферганских разломов.

В самой восточной части Тянь-Шаня — Богдошане, Карлыктаге и в гобийских отрогах — удалось выявить ранее неизвестный общий стиль региональной структуры, исследовать основные тектонические зоны, различные по возрасту осадочных и вулканических комплексов и по типу складчатости, выделить и отчасти проследить в пространстве крупнейшие стратиграфические подразделения.

Даже известная Турфанская впадина, столько привлекавшая к себе путешественников, оставалась плохо изученной, особенно в ее Хамийской части. Только при рекогносцировках 1952 г. в ней была выявлена поперечная система дислокаций, разделяющая эту впадину на три бессточные котловины — собственно Турфанскую, Таньчуанскую и Шонанорскую, — разобщенные глыбовыми поднятиями Кумтагским и Отургэмским. В широтной (основной) структуре Турфанской впадины выделены три важнейших элемента: северное — наиболее опущенное крыло (ему в рельефе отвечает Чичанская покатость), южное — менее погруженное крыло (отрицательная низменность Асса) и разделяющая их моноклиналь кряжа Тузтаг, приуроченная к погребенному уступу фундамента.

4. ГАШУНЬСКАЯ ГОБИ

Гашуньская Гоби относится к числу наиболее сухих областей Центральной Азии, по бесплодию не уступая пустыне Такла-Макан. Вместе с Бэйшанем, Хамийской частью Турфанской впадины и Гобийским Тянь-Шанем она составляет своеобразный полюс сухости Азиатского материка, которого не достигает ни влага, поступающая

с атлантическим воздухом, ни влага, приносимая на континент с Тихого океана. В пределах этого полюса сухости годовая сумма атмосферных осадков не превышает 20—30 мм. Поэтому в Гашуньской Гоби нет ни одного, хотя бы эпизодически действующего водотока, а родники встречаются очень редко, обладают ничтожным дебитом, и вода их минерализована в такой степени, что пить ее отказываются даже верблюды. Естественно поэтому, что все исследователи Центральной Азии обходили Гашуньскую Гоби стороной. И, только располагая четырьмя вездеходами, позволившими возить двухнедельный запас воды и бензина, я смог предпринять здесь научные рекогносцировки, которые оказались не только первыми в геологическом изучении этой труднодоступной территории, но и впервые осветившими ее географические условия.

Гашуньская Гоби располагается между угасающей Чолтагской ветвью Тянь-Шаня с одной стороны и Бэйшанем — с другой. В целом она представляет собой весьма обширное всхолмленное пространство с пологоволнистым равнинным рельефом, среди которого лишь кое-где поднимаются одиночные скалистые гривы. И хотя издали Гашуньская Гоби кажется идеальным пенеппеном, поверхность ее дробно, но неглубоко расчленена сложным лабиринтом широких ложин, сбегających к местным солончаковым пустошам либо спускающихся на Хамийскую равнину и Лобнорскую низменность.

Вместе с Бэйшанем и Гобийским Тянь-Шанем Гашуньская Гоби относится к области интенсивного развевания, из пределов которой мелкообломочные продукты выветривания (глинистые, песчаные) выносятся и где на месте остаются только крупные обломки, составляющие каменистый панцирь гаммад, здесь являющихся господствующим типом ландшафта. Энергичному воздействию ветра подвергаются даже скальные породы, на выходах которых возникают различные дефляционные формы: курчавые скалы, ниши и котлы выдувания. Но не всегда дефляция в Гашуньской Гоби являлась единственным фактором денудации. В недавнем прошлом (в плейстоцене) в местном рельефообразовании значительной была роль текущей воды, разработавшей сложную сеть ложин со всеми признаками эрозионного происхождения. Макрорельеф Гашуньской Гоби, как и других областей Центральной Азии, имеет в основе тектоническое происхождение. Он создан позднекайнозойскими движениями в результате коробления и глыбовых смещений домезозойского пелеплена. В связи с тем что денудационное воздействие на рельеф вследствие крайней сухости климата было незначительным, его тектоническая морфология (различные глыбовые формы, прямолинейные уступы и пр.) сохраняется с исключительной ясностью, особенно четко тектоническая морфология вырисовывается при рассмотрении с некоторого расстояния, скрадывающего мелкие неровности эрозионно-дефляционного расчленения.

В геологической структуре Гашуньской Гоби выделены две основные зоны: южная, тяготеющая к Лобнорской низменности, характеризуется выходами докембрийского фундамента, сложенного гней-

сами, кристаллическими сланцами, филлитами и древними границами, и северная с песчано-сланцевым комплексом ордовика — силура, составляющая продолжение каледонид и ранних герцинид Чолтага. В разных частях Гашуньской Гоби, но главным образом вдоль границы с Хамийской равниной, значительные площади занимают выходы верхнепалеозойского осадочно-вулканогенного комплекса и красноцветы палеогена.

5. ТАРИМСКИЙ МАССИВ

Таримским массивом приходилось заниматься только в холодную половину года, когда в пустыне спадала непереносимая летом жара. Поздней осенью 1941 и зимой 1941/42 г. я обследовал группу Кельпинских кряжей, а в феврале и марте 1942 г. совершил глубокий разъезд в пустыню Такла-Макан для исследования кряжа Мазартаг, еще отсутствовавшего на географической карте. После возвращения из пустыни Такла-Макан я побывал в Текеликтаге и уже в апреле того же года изучал группу Артушских складок, находящихся к северу от Кашгара. Год спустя я снова предпринял продолжительные рекогносцировки в Кельпинских кряжах. Глубокой осенью и в начале зимы 1952 г. изучал Лобнорскую низменность и Восточный Куруктаг, а осенью 1954 г. экскурсировал в Тоюнской мульде, горах Коктун и в восточной части Кельпинских кряжей. Осенью 1958 г. по пути из Цайдама пересек Алтынтаг и его предгорные (кумтагские) ступени.

В результате предпринятых мною исследований были получены первые реальные доказательства платформенной природы Таримского массива, ранее лишь предполагавшейся по его равнинному рельефу и поведению обрамляющих массив хребтов Тянь-Шаня и Куньлуня. При этом было установлено, что орографически сомкнутые с Тянь-Шанем Кельпинские кряжи и Куруктаг, а также входящие в систему Куньлуня Текеликтаг и Алтынтаг являются активизированными участками Таримского массива, в которых удалось изучить его древний метаморфический фундамент и весь разрез осадочного чехла. Оказалось, что осадочный чехол Таримского массива обладает характерной для платформенных областей малой мощностью и удивительным постоянством литологического и фациального состава в отдельных горизонтах. Формирование его началось в позднем протерозое и происходило в условиях плоского и слабо дифференцированного рельефа вплоть до настоящего времени. Движения массива носили эпейрогенический характер и не сопровождались нарушением залегания слоев, поэтому в его покрове, несмотря на многочисленные и длительные перерывы в осадконакоплении, а также на резкие смены фациальных типов (морских — континентальными), угловых несогласий нет. Например, в Кельпинских кряжах из разреза выпадает весь средний палеозой и известняки карбона ложатся на песчано-аргиллитовую толщу ордовика, но контакт этих резко разновозрастных толщ параллелен.

Детально была изучена система моноклинальных кряжей Кель-

пинской группы и Маралбашийские возвышенности, в которых осадочный чехол Таримского массива представлен особенно полно. Здесь были выделены и на большой площади закартированы синийские песчаники и сланцы с лавами и пирокластами основного и среднего состава, соленосные красноцветные песчаники нижнего кембрия, известняки кембро-ордовика, мергелистые алевролиты и аргиллиты силура, красноцветные песчаники нижнего карбона, известняки верхнего палеозоя, а на склонах, обращенных к Кучарскому и Яркендскому предгорным прогибам, также и терригенные толщи юры, мела, палеогена и неогена. Отдельные подразделения этого разреза с теми или иными вариациями прослежены и в других областях Таримского массива, подвергшихся активизации: в Куруктаге, Текеликтаге, горах Карабоктор.

Выявлена региональная макроструктура Таримского массива, состоящая из двух предгорных прогибов: Предтяньшаньского (Кучарская депрессия) и Предкуньлуньского (Яркендская депрессия), разделенных плоским, геоморфологически не выраженным Ойхартским поднятием, охватывающим основную территорию Таримской равнины. В прогибах кристаллический фундамент массива опущен и перекрыт осадками мезокайнозой мощностью 5—8 тыс. м, а в пределах Ойхартского поднятия он резко приближен к поверхности и во многих местах залегает непосредственно под четвертичными отложениями.

Описаны неотектонические структуры областей активизации Таримского массива, отлично сохранившиеся в рельефе благодаря экстремальному климату. Это Артушские складки, проявившиеся в предгорных прогибах, выполненных мощными толщами мезокайнозойского возраста, и выраженные в рельефе горными грядами (антиклиналями) и межгорными долинами (синклиналями); Кельпинские кряжи, характерные для участков Ойхартского поднятия, с мощным палеозойским чехлом, залегающим близко к дневной поверхности, и представляющие приразломные моноклинали, в рельефе выраженные односторонними горными кряжами — куэстами; наконец, группы горстов-грабенов и системы предгорных ступеней, ограниченных параллельными разломами. Этот глыбовый тип получил развитие на участках выхода кристаллического фундамента массива — в Текеликтаге, Алтынтаге в Бэйшане и Гашуньской Гоби. Все неотектонические формы (Артушские складки, Кельпинские моноклинали, кряжи и алтынтагские ступени) развивались последовательно от гор к Таримской равнине. Те из них, которые расположены ближе к горам Тянь-Шаня и Куньлуня, возникли раньше и поэтому оказались сильнее денудированными; в них структурные и орографические формы не совпадают полностью. Идеальное подобие структурных и морфологических форм отличает периферические дислокации, находящиеся на самой границе с Таримской равниной; это в основном четвертичные образования, почти не эродированные.

Составлена карта распространения основных генетических типов новейших отложений в пределах Таримского бассейна, и изучена в общих чертах его четвертичная история. Выявлены морфологиче-

ские различия перевеваемых песков пустыни Такла-Макан в зависимости от характера поверхности субстрата: грядовых песков — на денудационной равнине Ойхартского поднятия и барханных песков — на аллювиальных равнинах Кучарского и Яркендского предгорных прогибов.

Исследованы древние озерные водоемы Таримской равнины, и особенно детально самый крупный среди них — Лобнорский. В истории Лобнора выделены три стадии — стадия ярдангов, предисторическая и историческая, — контуры которых прослежены и закартированы по береговым уступам, сухим днищам и выстилаемым их озерным отложениям.

Нанесен на географическую карту горный кряж Мазартаг, который в прошлом веке лишь издали видели Н. М. Пржевальский и англичанин Кэри. Кряж протягивается среди песков пустыни Такла-Макан по границе Яркендского прогиба и Ойхартского поднятия и сложен толщами осадков палеогена и неогена, образующими над уступом фундамента флексурообразный изгиб, рассеченный вдоль поднятого (северного) плеча продольным разломом. Орографическая и структурная формы Мазартага в общих чертах совпадают. Несмотря на незначительную водосборную поверхность кряжа (поперечник не более 1,5 км), его высокий южный склон изрезан глубокими логами, ныне перегороженными барханами. Такая ситуация свидетельствует, с одной стороны, об обильном былом увлажнении пустыни Такла-Макан (в плейстоцене) и о совершенном отсутствии в ней поверхностных водотоков в новейшее время (в голоцене).

Рекогносцировка пустыни Такла-Макан показала, что кряж Мазартаг не имеет связи с Маралбашийскими возвышенностями, предполагавшейся К. И. Богдановичем и Свеном Гедином.

6. НАНЬШАНЬ И ЦАЙДАМ

Наньшань до работы комплексной экспедиции АН КНР (1956—1960) уже был достаточно изучен с географической стороны, но оставался слабо освещенным в отношении его геологического строения. Лишь наше совместное с геологами АН КНР пересечение этой горной системы (1956 г.) позволило исследовать в общих чертах региональную структуру этой страны; наметить в ней ряд зон, различных по возрасту и характеру седиментационного и тектонического развития: зону хребта Рихтгофена с преимущественным развитием песчано-сланцевых толщ ордовика и силура; кристаллическую ось системы (хребты Тхолошань, Дасэшань и Зюсса) с обширными выходами метаморфических пород докембрия и осадков синийского и кембрийского возраста; Кукунорскую зону, характеризующуюся распространением отложений верхнего палеозоя и триаса; зону южных хребтов (Мушкетова, Семенова), в которой снова доминирующего развития достигают породы докембрийского фундамента.

На основе предложенного нами тектонического районирования

планировались дальнейшие геологосъемочные и поисковые работы в Наньшане.

Цайдам вместе с окружающими хребтами (Алтынтагом, Чиментагом и хребтом Мушкетова) оказался ответвлением Таримского массива, заключенным между геосинклинальными сооружениями Наньшаня и Восточного Куньлуня. Во всех ближайших к высокогорной равнине Цайдама хребтах обнажаются либо метаморфические породы докембрия, либо древнейшие (синийские и кембро-ордовикские) подразделения его платформенного чехла.

В мезокайнозойской структуре Цайдам представляет впадину, разделенную небольшим (геоморфологически не выраженным) поднятием на два прогиба: принаньшаньский и прикуньлуньский, в которых мощность осадочного выполнения в три—четыре раза больше. Вдоль гор отложения мезокайнозоя образуют группы антиклинальных и синклинальных складок, отраженных в рельефе соответствующими формами (увалы среди равнины).

По типу ландшафта Цайдам разделяется на две части: юго-восточную, почти сплошь покрытую солончаками, и северо-западную — глинистую и песчаную пустыню, местами всхолмленную. В ледниковое время юго-восточная часть равнины покрывалась ледниковым щитом, образованным группой долинных ледников, спускавшихся с гор противоположного сектора Куньлуня. После стаивания льдов здесь некоторое время существовало обширное озеро, постепенно деградировавшее до размеров современного озера Дабасун-нор. Северо-западная часть Цайдама ни льдом, ни озерными водами не покрывалась и, таким образом, представляет один из древнейших участков Гобийской пустыни.

7. КУНЬЛУНЬ

Куньлунь был затронут нашими исследованиями в хотанском секторе (долины рек Килиан, Санджу, весь бассейн р. Каракаш) и в секторе, противоположном Цайдаму.

В хотанском секторе Западного Куньлуня были выделены и охарактеризованы три главные структурные зоны этой части системы: древнее ядро, выступающее в хребтах внутренней цепи (Карангутаг, Тахтакорум), палеозойский прогиб таримского фланга, проявляющийся в хребтах, пограничных с Таримским массивом, и позднепалеозойский прогиб тибетского фланга, примыкающий к хребтам Каракорума. В пределах древнего ядра преобладающее развитие получили толщи докембрийских гнейсов и кристаллических сланцев, инъецированные многочисленными телами герцинских гранитов. В строении прогиба таримского фланга участвуют нижнепалеозойский песчано-сланцевый комплекс, красноцветы силура и нижнего карбона, известняки девона и верхнепалеозойский комплекс песчаников, сланцев и вулканитов. Прогиб тибетского фланга (смыкающийся с Тетисом) отличается мощным развитием терригенных и карбонатных осадков карбона и перми. По границе древнего ядра с прогибом тибетского фланга на большой территории выявлена зна-

чительная оловоносность, по своему масштабу и позиции в региональной структуре близко напоминающая оловянный пояс Юго-Восточной Азии.

В Восточном Куньлуне главными элементами региональной структуры являются: зона выходов метаморфических пород докембрия — в хребтах, пограничных с Цайдамом; зона развития песчано-сланцевого комплекса ордовика — силура хребтов Аркатаг и Кукушили; зона, охватывающая окраинные хребты Тибета, сложенные терригенными толщами верхнего палеозоя и красноцветами триаса.

8. ТИБЕТ

Тибет первый раз был посещен нами в 1942 г. в области истоков р. Каракаш и вторично в 1958 г. при поездке в г. Лхассу по Цинхай-Тибетскому шоссе.

Из особенностей орографического устройства поверхности наше внимание привлекло территориальное господство в Тибете высоких равнин, в соотношении с ними поднимающиеся здесь короткие кряжи и хребты являются лишь второстепенными элементами. Внутренние хребты Тибета, несмотря на отметки 6000 м и более, не поражают своим видом вследствие большой высоты их пьедестала (4800—5200 м).

Это большей частью широкие плоские массивы, водоразделы которых настолько уплощены, что местами подвергаются заболачиванию. Следуя двум основным направлениям, широтному и северо-восточному, они разделяют высокие равнины на отдельные, как бы сотовидные пространства. Массивные, линейно развитые хребты с огромной амплитудой рельефа доминируют только в Куньлуне и Гималаях, образующих фланги Тибетского нагорья. Тибет закрыт высокими хребтами от влияния влажных воздушных потоков и поэтому является одной из самых аридных областей Земли. Его гидрографическая сеть складывается из множества бессточных бассейнов; речная эрозия здесь настолько слаба, что не в состоянии пропилить даже совсем низкие поперечные поднятия, отгораживающие один бессточный бассейн от другого.

Характерную особенность тибетского ландшафта составляют озера, присутствующие во всех крупных котловинах. Особенно богата ими юго-восточная часть нагорья, несколько лучше увлажненная. Озера Тибета находятся в стадии деградации, о чем свидетельствуют следы их ранних стадий в виде береговых уступов, более высоких и протяженных, чем современные береговые линии, а также повышенное содержание солей в их водах, выпадающих нередко в виде пласта соли (соды, буры, поташа) на плоских побережьях.

Современное оледенение в Тибете, несмотря на его огромную высоту, развито слабо и неравномерно. В значительных масштабах оно проявляется в соседстве с Каракорумом и Гималаями, подверженными влиянию индийского муссона, и совсем незначительно — во внутренней и прикуньлуньской частях, над которыми господствует

континентальный воздух, формирующийся над равнинами Центральной Азии. В последних отмечены лишь единичные долинные ледники длиной не более 5 км и не спускающиеся ниже 5600 м. Однако древнее оледенение на Тибетском нагорье было значительным, и связанные с ним ландшафты являются едва ли не преобладающими. Судя по тому, что по периферии нагорья концы древних ледников спускались до отметок 4300—4500 м, все равнины Тибета были покрыты фирном и льдом и несут на себе следы ледниковой эрозии в виде заплечиков и зандровых полей.

Посещенные области Тибета представляли геологическую целину, и только нашими маршрутами здесь были намечены главные тектонические области: северная зона мезозойд с геосинклинальными фациями триаса (индосиниды), Тибетский срединный массив и южная зона мезозойд с участием морского мезозоя, до мела включительно (яншаниды).

* * *

В результате научных рекогносцировок выявились многие общие закономерности природы Центральной Азии, освещенные в моих публикациях. Здесь я коснусь лишь некоторых из них, представляющих интерес для географов.

1. Установлена длительность существования Монголо-Сибирского антициклона над Центральной Азией; исследована его структура, запечатленная в зональном распределении эоловых отложений различных типов.

Наблюдения над эоловыми отложениями и морфологией коренной поверхности показали, что существующие ныне основные направления воздушной циркуляции над Центральной Азией сложились еще в плейстоцене, когда хребты Куньлуня, Наньшана и Гималаев стали достигать уровня, превосходящего высоту индийского муссона и Монголо-Сибирского антициклона (3—4 км). В результате новейшего поднятия Куньлуня в Центральной Азии стал задерживаться сухой континентальный воздух, формирующийся над ее пустынями, а возникновение Гималайского барьера закрыло доступ в нее влажного воздуха индийского муссона. С этого времени Монголо-Сибирский антициклон становится главной воздушной массой, господствующей над Центральной Азией, определяющей ее ветровой режим. Только ветры, связанные с антициклоном, достигают большой силы и оказываются в состоянии совершать геологическую работу: корродировать скалы, развевать слабоцементированные отложения, перевевать песок и поднимать тучи лёссовой пыли. Результатом многовековой геологической работы антициклонального потока явилась односторонняя зональность эоловых отложений Центральной Азии, отражающая его динамическую структуру: каменистые пустыни --> песчаные пустыни --> области лёссонакопления, а также сложившаяся с течением времени закономерная ориентировка песчаных гряд и дефляционных траншей.

Каменистые пустыни (гаммады) господствуют в Восточной Джун-

гари, Гашуньской Гоби и Бэйшане, над которыми ветры, порождаемые антициклоном, достигают наибольшей силы. Здесь покровные отложения полностью лишены мелкозема и сохраняют только крупные обломки, составляющие каменистый панцирь гаммады. Разрушающее воздействие ветра в зоне каменистых пустынь испытывают даже коренные породы, на выходах которых возникают «курчавые» и «дырявые» скалы, а также бесчисленные карманы, желоба и ниши выдувания. С подветренной стороны каменистые пустыни сменяются поясом песчаных пустынь с двумя основными массивами — Таримским и Алашанским. Последнее связано с тем, что антициклональный поток перед орографическим барьером Наньшаня разverzается на два течения — западное и восточное, увлекающие главные массы песка. В каждом массиве барханы и гряды имеют однообразную ориентировку, соответствующую господствующим направлениям ветров: в Таримском их осыпные склоны обращены на юго-запад, а в Алашанском — на юго-восток. В тех же направлениях, но еще дальше переносилась и лёссовая пыль. Она осаждалась по южной периферии песчаных пустынь, где ослабевший антициклон встречал преграду в виде достаточно высоких гор или достигал границ другой климатической области. Соответственно таримскому и алашанскому потокам выделяются и два основных района распространения лёссов: Северокитайский (Восточная Ганьсу, Северная Шэньси, Западная Шаньси) и Западнокуньлунский.

2. Прослежено в горах Центральной Азии поведение снеговой линии и границ спуска современных и древних ледников, показавшее стабильность климатических областей и их границ в течение четвертичного периода.

Установлено высокое общее положение этих уровней в Центральной Азии, связанное с ее крайней сухостью и нахождением в южных (отчасти субтропических) широтах. На высотное положение в ней снеговой линии и границ современного и древнего оледенения помимо географической широты оказывает влияние позиция по отношению к материковому полюсу сухости, приходящемуся на Восточную Джунгарию, Гашуньскую Гоби, Бэйшань, Западный Наньшань, Лобнорскую низменность, Срединный Куьлунь и Центральный Тибет и представляющему своеобразный климатораздел, на который не распространяется влияние ни атлантического, ни тихоокеанского увлажнения. В направлении полюса сухости высотное положение снеговой линии и границ спуска современных ледников возрастают, достигая максимальных значений в Срединном Куьлуне и Центральном Тибете, где вечные снега можно видеть на высоте не менее 5800 м, а современные ледники — от уровня 5400—5500 м. Древнее оледенение было значительным также лишь в окраинных хребтах Центральной Азии: в Западном Куьлуне и Западном Тянь-Шане, в Каракоруме, горах Кама и Восточном Наньшане, и тогда находившихся в условиях несколько лучшего увлажнения, в Срединном Куьлуне и Центральном Тибете и древние ледники не спускались ниже 4000—3700 м, т. е. лежали на высоте современных ледников Тянь-Шаня. При этом вырисовывалась кар-

тина концентрического замыкания линий одинакового положения каждого из этих уровней (снеговой линии, границы современного и древнего оледенений) вокруг полюса сухости, причем колебания в высотном положении каждого уровня в пределах одной и той же широты (и экспозиции склона) достигают 1000 м. Например, снеговая линия в хребтах Тянь-Шаня, лежащих приблизительно на одной широте, изменяется от 4800 м в Сулутерекском массиве до 3900 м в Кокшаале и 4300 м в Ташкартаге, а в хребтах Куньлуня — от 4700 м в западном секторе до 5900 м в Срединном и 4900 м в Восточном Куньлуне.

Аналогичные высотные изменения по отношению к полюсу сухости обнаруживают границы современного и древнего оледенения, изображающиеся на карте в виде двух подобных систем изолиний, отвечающих лишь различным интервалам высот (граница древнего оледенения проходит на 700—900 м ниже границы современного оледенения).

Согласное поведение снеговой линии и границ современного и древнего оледенений свидетельствует о том, что положение основных климатических областей материка, связанных с распределением атмосферных осадков, а следовательно, и общая система воздушной циркуляции в четвертичном периоде существенных изменений не претерпели. Этой устойчивости не в малой степени способствовала орографическая обстановка, унаследованно развивавшаяся в ходе неотектонического процесса.

3. Выяснена в общих чертах история палеогеографического и палеоклиматического развития Центральной Азии в мезокайнозое. Последнее море покинуло Центральную Азию в ранней перми, после чего на всей ее территории установился континентальный режим, продолжающийся поныне. В начале континентального этапа истории (P_2-T) Центральная Азия представляла обширный пещеплен с гипсометрическим уровнем, близким нулевому. И хотя основные элементы центральноазиатского рельефа — Таримская, Джунгарская, Алашанская, Цайдамская равнины и горные пояса Алтая, Тянь-Шаня, Наньшаня и Куньлуня — уже наметились, но геоморфологически выражены они были еще очень слабо. На месте современных горных систем находились лишь одиночные кряжи и увалы (в несколько сотен метров высотой). В юре рельеф становится контрастнее: главные цепи Тянь-Шаня, Наньшаня и Куньлуня, судя по мощности осадков предгорных прогибов, достигают высоты 1,5—2 тыс. м. До конца палеогена высота этих гор остается все еще небольшой, в пределах 2,5—2,8 тыс. м, а уровень равнин — близким нулевому, поскольку отдельные их участки были доступны кратковременным ингрессиям моря.

В неогене происходит общее вздымание всего центральноазиатского пещеплена. Высота равнин возрастает до 400—600 м (Джунгария), 700—1000 м (Таримская и Алашанская) и до 2700 м (Цайдамская). Горные системы Тянь-Шаня, Наньшаня и Куньлуня с этого времени развиваются как комплексные поднятия на обширном своде, служащем им общим пьедесталом, в результате чего участки рав-

нины, разделявшие отдельные хребты, теперь приобретают характер межгорных долин, поверхность которых оказывается на отметках 1,5—2 тыс. м. Высота хребтов быстро возрастает, приближаясь к современному уровню. Особенно энергично орогенический процесс протекал в четвертичное время, за которое высота гор увеличилась на 1—1,5 км, а уровень межгорных долин — на 0,5 км. При этом горные системы значительно увеличились и вширь за счет активизации окраин Таримской, Джунгарской и Алашанской равнин.

Климат Центральной Азии в отношении термического режима до конца палеогена оставался тропическим, более или менее однородным и стабильным; крупные изменения происходили лишь в распределении и характере увлажнения. На них и строится периодизация климатической истории Центральной Азии, представляющая чередование продолжительных аридных и гумидных фаз.

Аридная фаза триаса (начавшаяся еще в перми), фиксирующаяся по широкому распространению карбонатных красноцветов с малым количеством глин в основном гидрослюдистого и монтмориллонитового состава, преобладанию пролювиальных фаций, редким остаткам ксерофильных растений.

Гумидная фаза рэта, ранней и средней юры, получившая отражение в серо-зеленой окраске осадков, мощном каолиновом выветривании, аутигенном минералообразовании при значительном участии закисного железа, господстве озерно-аллювиальных фаций, обильной угленосности и богатой мезофильной растительности.

Аридная фаза поздней юры — неокома, с которой связаны очередной расцвет красноцветного осадконакопления (карбонатного типа), прекращение угленакопления и ослабление глинообразования; смена климатического аспекта растительности.

Гумидная фаза апта—альба и сеномана, оставившая след в резком сокращении ареалов распространения красноцветов, замещаемых в периферических районах Центральной Азии пестроцветными осадками, местами бокситоносными и угленосными.

Аридная фаза позднего мела и палеогена, сопровождавшаяся очередным расширением аридной области и смещением зоны угленакопления к океаническим побережьям. С этого времени аридные ландшафты Центральной Азии отчетливо дифференцируются на внутреннюю зону сухих саванн (Таримская равнина, Гашуньская Гоби и Бэйшань с Западным Алашанем) и внешнюю зону влажных саванн (периферические районы Центральной Азии), к которой относятся многочисленные находки остатков динозавровых фаун (мел) и фаун примитивных млекопитающих диноцератового и бронхотериевого комплексов (палеоген).

Со второй половины олигоцена начинается похолодание, по времени совпавшее с усилением орогенического процесса. Тропический климат сменяется субтропическим, в связи с чем цвет осадков изменяется от красного к палевому. К плиоцену относится появление первых очагов пустынь.

В четвертичный период похолодание и орогенический процесс достигают максимума. В горах появляется оледенение, на равнинах

широкое распространение получают экстрааридные ландшафты каменистых и песчаных пустынь.

Иссушение климата Центральной Азии продолжалось и в исторический период, о чем свидетельствуют смена на Гобийских равнинах относительно молодых эрозионных ландшафтов дефляционными, сужение, распад и гибель основных массивов полосы тугайных лесов, развевание кучевых песков и перестройка их в барханные, продолжающееся повышение снеговой линии и границы оледенения в горах Тянь-Шаня, Наньшаня и Куньлуня.

* * *

Мои научные рекогносцировки проводились с перерывами в течение 24 лет (с 1935 по 1958 г. включительно). Такой продолжительности работы и такой широты охвата территории Центральной Азии не достигал ни один из исследователей как раннего, так и позднего этапов ее изучения. В части геологического изучения Центральной Азии мои научные рекогносцировки составили самый значительный из индивидуальных вкладов исследователей. Они легли в основу первых представлений о геологии многих наиболее труднодоступных ее территорий: Восточной Джунгарии и Заалтайской Гоби, Гашуньской Гоби, Лобнорской низменности, Восточного и Гобийского Тянь-Шаня, Южного Тянь-Шаня, активизированных участков Таримского массива (Кельпинские кряжи, Текеликтаг) и др. Мною составлена первая геологическая карта для значительной части центральноазиатского пространства, разработаны первые схемы тектонического и минералогического районирования Центральной Азии. На основе центральноазиатского материала мною были сформулированы первые представления об активизации древних платформ и обоснована идея о заложении альпийского складчатого пояса на платформенном основании.

СПИСОК ¹ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В. М. СИНИЦЫНА

1. Рудные зоны Алтая. — «Вестник знания». 1939, № 4—5, с. 17—20.
2. О золоте Восточного Тарбагатая. — ЗВМО. Ч. 68. Вып. 1, 1939, с. 99—103. Совместно с Г. М. Гапеевой.
3. Рудная зональность и зоны смятия Алтая. — ЗВМО. Ч. 70. Вып. 2, 1941, с. 264—275. Совместно с Г. М. Гапеевой.
4. О геологической границе тяньшанских и кузньлунских структур в Памиро-Алайском сближении. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1945, № 6, с. 19—32. Библиогр.: 9 назв.
5. Тянь-Шань. Географический и геологический очерк. — БСЭ. Изд. 1-е. Т. 55. М., 1947, с. 475—484.
6. Мазартагская флексура в Таримском стабильном массиве. — ДАН. Новая серия. Т. 58. № 3, 1947, с. 459—462.
7. К четвертичной истории Таримской впадины. — БМОИП. Отделение геологии. Т. 22. Вып. 3, 1947, с. 49—61. Библиогр.: 13 назв.
8. Структурно-орографическая схема Китайского Тянь-Шаня. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1947, № 4, с. 55—60.

¹ Список публикуется с оригинала, составленного по материалам В. М. Синицына.

9. К истории Таримского стабильного массива. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1948, № 1, с. 27—40. Библиогр.: 13 назв. То же на кит. яз.².
10. Некоторые замечания к орографической систематике хребтов Центральной Азии. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1948, № 3, с. 93—98.
11. Строение и развитие Китайской платформы (Докл. на Совещании по вопросам тектоники 10—15 мая 1948 г.). — ИАН СССР. Серия геологическая. 1948, № 6, с. 97—104.
То же на кит. яз.
12. Геотектонический фактор в изменении климата Центральной Азии. — БМОИП. Отделение геологии. Т. 24. № 5, 1949, с. 3—12. Библиогр.: 26 назв.
13. Некоторые основные вопросы учения о геосинклиналях. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1950, № 4, с. 28—52. Библиогр.: 11 назв. Совместно с А. В. Пейве.
То же на кит. яз.
14. [Рец. на:] Х у а н Б о - ц и н ь. Основные черты тектонического строения Китая. Пер. с англ. М., 1952. — «Советская книга». 1953, № 7, с. 36—38.
15. Китай. Геологическое строение и полезные ископаемые. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1953, с. 172—174.
То же на кит. яз.
16. Корея. Геологическое строение и полезные ископаемые. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 22. М., 1953, с. 589.
17. Геологическая история Лобнорской низменности и озера Лобнор. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1954, № 6, с. 30—42. Библиогр.: 21 назв.
То же на кит. яз.
18. Монголия. Геологическое строение и полезные ископаемые. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 28. М., 1954, с. 200—201.
19. Новые сведения о действующем вулкане в Центральной Азии. — «Природа». 1954, № 9, с. 89—90 с карт.
20. Ордос и Алашань. Географическое и геологическое описание. М., 1954. 238 с. с ил. и карт.
21. Восточный Тянь-Шань и Бейшань. М., 1954. 273 с. с ил. и карт.
22. Основные черты тектоники Китая. — Вопросы геологии Азии. Сборник статей, посвященный 90-летию акад. В. А. Обручева. Т. 2. М., 1955, с. 81—101.
То же на кит. яз.
23. Общая схема тектоники Высокой Азии. — БМОИП. Отделение геологии. Т. 30. № 2, 1955, с. 51—65. Библиогр.: 13 назв.
То же на кит. яз.
24. Общий физико-географический обзор районов Ланьчжоу-Алмаатинской железной дороги (в пределах КНР). — ИВГО. Т. 87. Вып. 6, 1955, с. 505—515 с карт. Библиогр.: 6 назв.
То же на кит. яз.
25. Водные ресурсы Синьцзяна. — «Кэсюе тунбао». 1956, № 6, с. 55—62 (на кит. яз.).
26. Геологическая карта Евразии. И-416. Составлена Науч.-ред. картосост. частью ГУГК в 1954 г. под общ. ред. и рукозод. Н. С. Шатского при участии А. Х. Иванова и В. М. Силицына. Ред. Д. И. Жив. М., ГУГК, 1956, 6 л. многокрас.
27. Основные элементы геологической структуры Гоби (с примеч. ред.). — БМОИП. Отделение геологии. Т. 31. № 6, 1956, с. 13—31. Библиогр.: 25 назв.
То же на кит. яз.
28. Заалтайская Гоби. Геологические рекогносцировки летом 1951 г. Отв. ред. акад. В. А. Обручев и А. Х. Иванов. [М.], 1956. 167 с. с ил.; 5 л. ил. и карт.
29. Тектоническая карта Зарубежной Азии. М-б 1 : 15 000 000. — Д о б р ы н и н Б. Ф., М у р з а е в Э. М. и др. Зарубежная Азия. М., 1956.
30. Тектоническая карта СССР и сопредельных стран. Под ред. акад. Н. С. Шатского. М-б 1 : 5 000 000. Картфабрика Госгеолтехиздата Мин-ва геол. и охраны недр СССР. [М.], 1956. Участие в составе коллектива.

² В связи с отсутствием некоторых китайских изданий в библиотеках Ленинграда их выходные данные не могли быть указаны в иероглифике.

31. К вопросу составления тектонической карты Китая. — Тектоника и металлогения Китая (Доклады советского советника). Изд. АН КНР, 1956.
32. Общие принципы составления обзорных карт прогнозов. — Там же.
33. Металлогенические провинции Китая. — Там же.
34. Схема экзогенной металлогении Восточного Китая. — Там же.
35. Угленосные провинции Китая. — Там же.
36. Тектоническая природа дуги Куэнь-Луня. — ДАН Т. 106. № 5, 1956, с. 901—903. Библиогр.: 6 назв. То же на кит. яз.
37. Тектоническая схема Восточного Тянь-Шаня. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 43. М., 1956, с. 574. Совместно с А. Х. Ивановым.
38. Очерки геологии Синьцзяна. 1957 (Труды Института геологии АН КНР. № 4, 1957) (на кит. яз.).
39. Геологическая карта Синьцзяна. М-б 1 : 1 000 000. Картографическое изд-во КНР, 1957. Совместно с А. Х. Ивановым.
40. Геологическая карта Северного Синьцзяна. М-б 1 : 500 000. Картографическое изд-во КНР, 1957. Совместно с А. Х. Ивановым.
41. Северо-западная часть Таримского бассейна. Геологический очерк. М., 1957. 250 с. с черт. и карт.
42. Турфан-Хамийская впадина и Гашуньская Гоби. Геологические рекогносцировки 1952 г. М., 1957. 108 с. с карт.; 5 л. карт. Библиогр.: с. 106—107 (48 назв.).
43. Очерки геологии Синь-Цзяна. — ТИГАНК. 1957, № 4. Отд. вып. 76 с. (на кит. яз.).
44. Геологическая карта Монгольской Народной Республики. Под ред. акад. В. А. Обручева и Н. А. Маринова. М-б 1 : 2 500 000. Госгеолтехиздат. [М.], 1957. Участие в составе коллектива.
45. Строение и развитие земной коры. — Дичжи ицун. [Б. м.], 1957, № 5, с. 1—7 (на кит. яз.).
46. Тектоническая карта Китая. М-б 1 : 4 000 000. Картографическое изд-во КНР, 1957. Совместно с коллективом китайских геологов.
47. Развитие идей акад. В. А. Обручева в новейших исследованиях Центральной Азии (Докл., прочит. на годовом собрании членов Геогр. о-ва СССР, посвящ. памяти акад. В. А. Обручева). — ИВГО. Т. 90. Вып. 6, 1958, с. 521—530 с карт. Библиогр.: 10 назв.
48. Географические наблюдения в Высокой Азии. — ИАН СССР. Серия географическая. 1958, № 3, с. 37—47 с карт. Библиогр.: 10 назв.
49. Тянь-шань. Главнейшие элементы тектоники. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1958, № 4, с. 3—17 с карт. Совместно с Н. М. Синицыным.
50. Тектоническая карта Китая. М-б 1 : 18 000 000. — Красочные пробы к атласу «Китай». ГУГК СССР. [М., б. г.].
51. Геологическая карта Китая. — Там же.
52. Карта четвертичных отложений Китая. М-б 1 : 27 000 000. — Там же.
53. Металлогеническая карта Китая. — Там же.
54. Карта угленосных провинций Китая. М-б 1 : 36 000 000. — Там же.
55. Карта нефтеносных провинций Китая. — Там же.
56. Геологическое строение Наньшаня. Изд. АН КНР, 1959, с. 132—157 с черт. Совместно с Ту Гуан-чжи, Ли Пу, Чен Тин-сюань и др. (на кит. яз.).
57. Центральная Азия. М., 1959. 456 с. с ил. и карт.; 7 отд. л. карт. Библиогр.: с. 450—455.
58. Монголо-Сибирский антициклон и региональная зональность золотых отложений Центральной Азии. — ДАН. Т. 125. № 6, 1959, с. 1326—1328 с карт.
59. Некоторые особенности размещения областей третичного угленакопления в Евразии. — ТЛГУАН. Вып. 10, 1960, с. 243—254. Библиогр.: 9 назв.
60. Карта кайнозойского угленакопления (Рабочий макет). — Материалы к истории угленакопления на территории СССР. Доклады на Седьмом совещании Междуведомственной постоянной темат. комиссии по проблеме «Закономерности размещения ископаемых углей в земной коре как основа для их прогноза на территории СССР» (25—28 апреля 1960 г., Москва). М.—Л., 1960, с. 86—93. Совместно с В. В. Лавровым, В. В. Кирюковым и др.
61. Карта пермского угленакопления на территории СССР. М-б 1 : 5 000 000.

- Картфабрика Госгеолтехиздата Мин-ва геол. и охраны недр СССР. [М.], 1961. Совместно с Ф. А. Бочковским, В. М. Никольским и др.
62. Карта угленосных провинций СССР. М-б 1 : 5 000 000. Картфабрика Госгеолтехиздата Мин-ва геол. и охраны недр СССР. [М.], 1961. Совместно с И. И. Горским, В. В. Мокринским и др.
 63. Исследования Н. М. Синицына в Средней Азии и их значение. — Геология Средней Азии. Л., 1961, с. 7—16. Совместно с В. Н. Огневым и Г. С. Поршняковым.
 64. История аридной области Центральной Азии в мезокайнозое. — Доклады на ежегодных чтениях памяти В. А. Обручева. М.—Л., 1961, 1—5, с. 121—145. Библиогр.: 6 назв.
 65. Атлас истории угленакопления на территории СССР. М-б 1 : 10 000 000. [М.], 1961. Участие в составе коллектива.
 66. [Рец. на:] Куэнь-лунь и Тарим. М., 1961. — ИВГО. Т. 94. № 4, 1962, с. 354—356.
 67. История угленакопления на территории СССР. Изд-во АН СССР и Рижской картфабрики, 1962. Совместно с И. И. Горским, В. В. Мокринским и др.
 68. Палеогеновое и неогеновое угленакопление. Объяснительная записка к Атласу карт угленакопления на территории СССР. М.—Л., 1962. Совместно с В. В. Лавровым и В. В. Кирюковым.
 69. Пермское угленакопление. Объяснительная записка к Атласу карт угленакопления на территории СССР. М.—Л., 1962. Совместно с Ф. А. Бочковским и А. А. Любер.
 70. Палеогеография Азии. М.—Л., 1962. 268 с. с ил. Библиогр.: с. 261—267.
 71. Народное хозяйство и геология. — «Ленинградский университет», 27.IX.1963. Совместно с С. С. Кузнецовым и В. И. Лебедевым.
 72. Тектоническое районирование Пограничной Джунгарии по материалам В. А. Обручева и новейшим данным. — Идеи академика В. А. Обручева о геологическом строении Северной и Центральной Азии и их дальнейшее развитие. К столетию со дня рождения. 1863—1963. М.—Л., 1963, с. 144—154.
 73. Первый в мировой науке синтез по общей палеогеографии. [Рец. на:] Рух и Я. Б. Основы общей палеогеографии. Изд. 2-е. Л., 1962. — ВЛГУ. 1963, № 6. Серия геологии и географии. Вып. 1, с. 149—150.
 74. 70-летие С. С. Кузнецова. — ВЛГУ. 1963, № 6. Серия геологии и географии. Вып. 1, с. 5—7 с порт. В соавторстве с В. И. Лебедевым и др.
 75. Важнейшая задача науки. — ВЛГУ. 1963, № 6. Серия геологии и географии. Вып. 1, с. 8—11. В соавторстве с С. С. Кузнецовым и В. И. Лебедевым.
 76. Об одной особенности геологической структуры Азии. — ТГМ. Вып. 14а, 1963, с. 170—176 с карт.
 77. Новая веха в геологическом изучении Монголии. — ИАН СССР. Серия геологическая. 1964, № 1, с. 110—111. Совместно с П. С. Матросовым.
 78. Роль солнечной энергии в развитии земной коры (Выступление на филос. семинаре геол. фак. Ленингр. ун-та. Апр. 1963 г.). — ВЛГУ. 1964, № 6. Серия геологии и географии. Вып. 1, с. 47—56. Библиогр.: 14 назв.
 79. Долгопериодические изменения геологических процессов (на примере Азии). — ВЛГУ. 1964, № 24. Серия геологии и географии. Вып. 4, с. 5—16 с ил. Библиогр.: 8 назв.
 80. Фундаментальные исследования по верхнему палеозою Средней Азии. [Рец. на:] Миклухо-Маклай А. Д. Верхний палеозой Средней Азии. Л., 1963. — ВЛГУ. 1964, № 18. Серия геологии и географии. Вып. 3, с. 127—129.
 81. Древние климаты Евразии. Ч. 1—4. Ч. 1. Палеоген и неоген. Л., 1965. 167 с. с ил.; 3 л. ил. Библиогр.: с. 159—166.
 82. Геологическая карта Средней Азии и сопредельных стран. М-б 1 : 2 500 000. Картфабрика Госгеолтехиздата Мин-ва геол. и охраны недр СССР. [М.], 1966. Совместно с А. П. Марковским, В. Н. Огневым, Б. П. Бархатовым и др.
 83. Древние климаты Евразии. Ч. 1—4. Ч. 2. Мезозой. Л., 1966. 167 с. с карт.; 5 л. карт. Библиогр.: с. 160—166.
 84. Эволюция геологических процессов (Докл., прочит. на объединенном филос. семинаре геол. фак. ЛГУ и Лабор. геол. докембрия АН СССР 16 дек.

- 1964 г.). — ВЛГУ. 1965, № 18. Серия геологии и географии. Вып. 3, с. 5—14 с табл. Библиогр.: 16 назв.
85. Климаты Евразии в палеогене и неогене. — Стратиграфия и палеонтология мезозойских и палеоген-неогеновых континентальных отложений Азиатской части СССР. Л., 1967, с. 201—208.
 86. Введение в палеоклиматологию. Л., 1967. 232 с. с черт. и карт. Библиогр.: с. 224—230.
 87. Литогенетические (климатические) формации осадочных пород. — ВЛГУ. 1967, № 18. Геология и география. Вып. 3.
 88. Геология в Ленинградском университете. — ВЛГУ. 1967, № 24, с. 13—24. Геология, география (К 50-летию Советской власти). Вып. 4, с. 5—14. Библиогр.: 7 назв. В соавторстве с В. И. Лебедевым и С. С. Кузнецовым.
 89. Солнечная энергия и проблема образования сиалического слоя земной коры. — БМОИП. Т. 72. Отделение геологии. Т. 43. № 1, 1968, с. 5—16. В соавторстве с В. И. Лебедевым.
 90. Геологический. — «Ленинградский университет», 14.II.1969.
 91. Профиль роста. — «Ленинградский университет», 19.II.1969.
 92. Геологический метод реконструкции климатов прошлого. — ВЛГУ. 1969, № 6. Геология и география. Вып. 1, с. 55—63.
 93. Древние климаты Евразии. Ч. 1—4. Ч. 3. Вторая половина палеозоя (девон, карбон и пермь). Л., 1970. 134 с. с черт. и карт.; 3 л. карт. Библиогр.: с. 129—133.
 94. Геология в Петербургском — Ленинградском университете. — Геологический факультет Ленинградского университета (Очерк. Отв. ред. проф. В. М. Силицын). Л., 1969. 182 с. с ил.
 95. Николай Михайлович Силицын (1909—1958). Л., 1969. 29 с. с ил. (Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Выдающиеся ученые Ленингр. ун-та. Ленингр. ун-т — 150 лет). Совместно с С. С. Кузнецовым, В. Н. Огневом, Г. С. Поршняковым.
 96. Фоссилизация газов в осадочной оболочке и ее значение для эволюции атмосферы Земли. — ВЛГУ. 1970, № 6. Геология, география. Вып. 1, с. 46—55. Библиогр.: 15 назв.
 97. Fossilization of Gases in Sedimentary Shell and its Significance in Evolution of Earth's Atmosphere. — IGR. 1971, vol. 13, № 3, с. 365—371.
 98. Kunlun. — Encyclopedia Britanica. Vol. 13, 1971.
 99. Ландшафтная сфера и ее геологическое строение. — ВЛГУ. 1971, № 18. Геология, география. Вып. 3, с. 21—29. Библиогр.: 9 назв.
 100. Сиаль. Некоторые историко-генетические аспекты. Л., 1972. 167 с. с черт. и карт. Библиогр.: с. 158—165.
 101. Эволюция природной зональности Северного полушария и проблема перемещения континентов. — ВЛГУ. 1972, № 12. Геология, география. Вып. 2.
 102. Вклад в развитие отечественной геологии. — ВЛГУ. 1972, № 24. Геология, география. Вып. 4. С соавторами.
 103. Куэнь-лунь. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 14. М., 1973, с. 9—10.
 104. The Geological Method of Reconstructing Ancient Climates. — The Countries and Peoples of the East. Selected Articles. М., 1974, с. 139—147.
 105. Приглашаем на геологический факультет. Л., 1974. Совместно с В. Ф. Барбановым, Г. Я. Крымгольцем, В. А. Франк-Каменецким.
 106. Наньшань. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 17. М., 1974, с. 239.
 107. О качестве подготовки выпускников геологического факультета (по данным анкетного опроса). — ВЛГУ. 1974, № 18. Геология, география. Вып. 3, с. 136—138. Совместно с В. И. Солун и В. А. Франк-Каменецким.
 108. Палеоклиматология. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 19. М., 1975, с. 107—108.
 109. Климат и минералогические формы свободного глинозема в латеритном боксите. — ВЛГУ. 1975, № 6. Геология, география. Вып. 1, с. 29—33. Библиогр.: 7 назв.
 110. Геологический факультет к 30-летию Победы над фашистской Германией (Докл. на научн. сессии Уч. совета геол. фак. Ленингр. ун-та. Май 1975 г.). — ВЛГУ. 1975, № 18. Геология, география. Вып. 3, с. 5—11. Совместно с Ф. С. Моисеенко.
 111. Климат латерита и боксита. Л., 1976. 152 с. с ил. Библиогр.: с. 147—151.

112. Сино-Тибетские горы. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 23. М., 1976, с. 428.
113. Тибетское нагорье. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 25. М., 1978, с. 542—543.
114. Центральная Азия. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 28. М., 1978, с. 498.
115. Цайдамское нагорье. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 28. М., 1978, с. 435.

Редактирование

1. С и н и ц ы н Н. М. Тектоника горного обрамления Ферганы. Л., 1960.
2. О б р у ч е в В. А. Избранные труды. Т. 1—6. М., 1958—1964.
3. История нижнемезозойского угленакопления в Казахстане. Ч. 1, 311 с. с карт., 41 л. ил., 15 отд. л. табл. и карт, библиогр. в конце разделов; ч. 2, 257 с. с ил. и карт., 34 л. ил. и карт, библиогр. в конце разделов; ч. 3, 290 с. с ил., 7 л. ил. и карт, библиогр.: с. 284—289. М.—Л., 1961—1963 (ТЛГУ, вып. 12, 13, 20).
4. Вопросы геологии угленосных отложений азиатской части СССР. Вып. 3. М.—Л., 1961. 342 с. с ил., табл., карт.
5. В о р о н ц о в В. В. Строение и условия образования нижнемезозойской угленосной толщи Карагандинского бассейна. М.—Л., 1965. 140 с.
6. История палеогенового угленакопления на территории Сахалина. М.—Л., 1963. 168 с. с черт. и карт. Библиогр.: с. 159—164 (ТЛГУ, вып. 17).
7. П е т р о в М. П. Пустыни Центральной Азии. Т. 1—2. М.—Л., 1966—1967.
8. Меловые континентальные отложения Ферганы. Авторы разделов: А. Б. Со-чава и Г. Г. Мартинсон. М., 1965.
9. Геологический факультет Ленинградского университета. Л., 1969. 182 с. с ил.

А. Л. Грюнберг

**ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОЧНОМУ ГИНДУКУШУ
(1963—1968)**

ОТ РЕДАКЦИИ

Напечатанные ниже извлечения из записей в путевом дневнике представлены для опубликования в нашем сборнике А. Л. Грюнбергом по просьбе редакции. А. Л. Грюнберг выступал с обстоятельной информацией о своих путешествиях по Восточному Гиндукушу, совершенных в 1963—1968 гг., на заседании Восточной комиссии 3 апреля 1968 г. [2, с. 11].

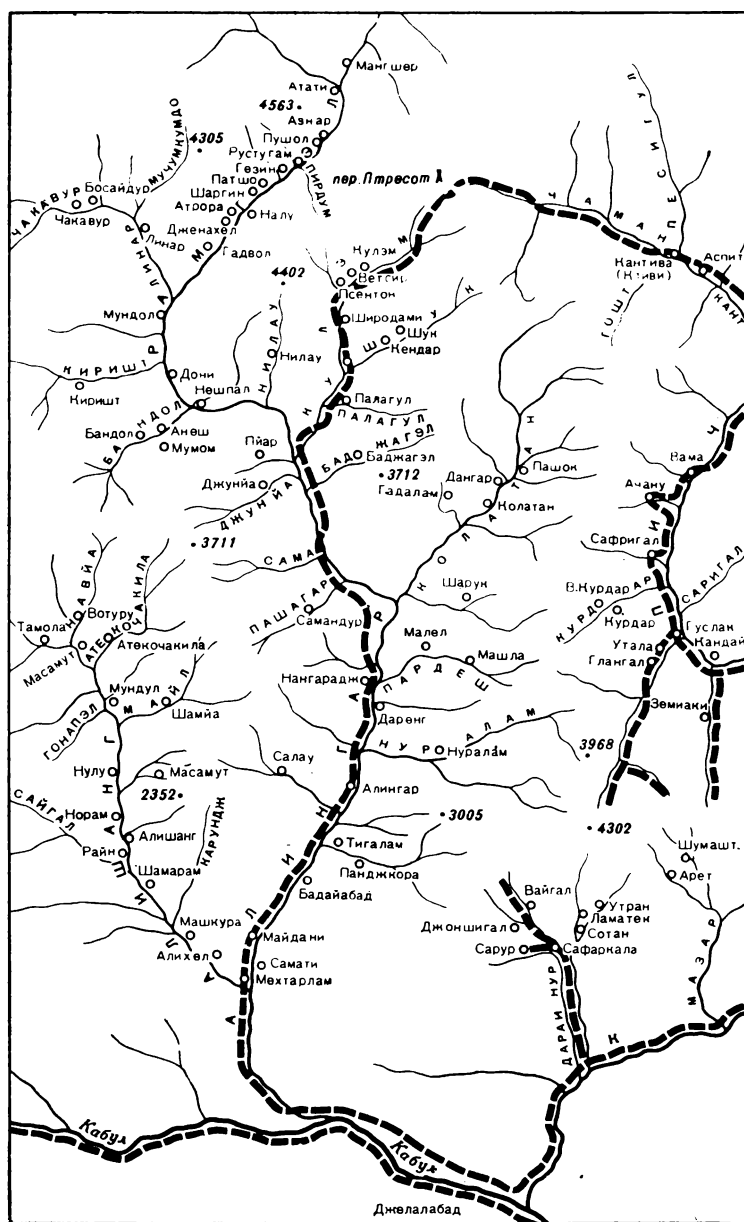
В настоящем сборнике приводятся извлечения из дневника А. Л. Грюнберга, который он вел в октябре 1963 г., работая переводчиком и техником в составе группы советских геологов, обследовавшей труднодоступный Центральный Нуристан в горах Восточного Гиндукуша в Афганистане. Вследствие особенностей своей истории Нуристан представляет собой как бы естественный заповедник, изучение которого сулит еще немало новых открытий для географов, этнографов, лингвистов и историков. Этот край был завоеван в 1895—1896 гг. войсками афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901) и после распространения ислама среди его населения получил нынешнее название Нуристан — Страна света (имеется в виду свет «истинной религии», которую получили местные жители). Прежде соседние мусульмане именовали жителей этой области «кафиры», (т. е. немусульмане, «неверные»), а саму эту область — Кафиристаном. Единственным европейцем, которому удалось побывать в Кафиристане и исследовать его до афганского завоевания, был англичанин Д. С. Робертсон, врач по образованию, проживший там в 1891—1892 гг. около года. Его книга «Кафиры Гиндукуша» [7] остается единственным источником сведений о доисламской религии, традициях и обычаях местного населения, собранных во времена, когда они еще не подверглись насильственным изменениям. И после афганского завоевания Нуристан в течение долгого времени оставался недоступным для исследователей. Первыми европейскими путешественниками, побывавшими в нем после Робертсона, были наши соотечественники Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, которые в 1924 г. за четыре дня пересекли Центральный Нуристан по долине р. Парун [1, с. 117—139; 3, с. 267].

В дальнейшем в Нуристане побывало несколько экспедиций (немецкие, датские), собравших значительный материал. Однако там осталось еще немало загадок для ученых. Ликвидации некоторых белых пятен, еще недавно остававшихся на карте Восточного Гиндукуша, способствовали советские геологи, с которыми работал А. Л. Грюнберг. Их маршруты охватили такие местности и селения, где до них еще не ступала нога европейского исследователя.

Важный вклад в этнографическое, этнолингвистическое и картографическое изучение Нуристана и соседних с ним районов Восточного Гиндукуша внес и сам А. Л. Грюнберг. Выступив исследователем до него неизвестных и малоизвестных языков населения Памиро-Гиндукушского региона, он собрал одновременно ценный и уникальный этнографический материал о носителях этих языков, изучил их обычаи, материальную культуру, топонимику, составил лингвистическую карту Нуристана [3; 4; 5]. Эта карта, а также схема пройденных А. Л. Грюнбергом по Нуристану маршрутов [3, вклейка между с. 264 и 265], воспроизведенные и в настоящем сборнике, нанесены на топооснове, более надежной по сравнению с предшествовавшими опытами этнолингвистического картографирования Нуристана, причем населенные пункты и гидросеть изображены с большей точностью и в значительной степени откорректированы по собственным наблюдениям А. Л. Грюнберга с использованием сделанных им на месте записей географических названий.

Из собранных А. Л. Грюнбергом этнолингвистических данных наиболее полно пока введены в научный обиход только относящиеся к мунджанцам, поскольку они вошли в опубликованную им книгу о мунджанском языке [5]. Из собранных им материалов о нуристанцах пока издана еще только малая часть [3; 4]. Однако и то, что им уже обнародовано, дает многое исследователям Нуристана.

В настоящем сборнике публикуются извлечения из дневников А. Л. Грюнберга, относящиеся к самому раннему периоду его экспедиционной работы в Афганистане, когда он впервые встретился с нуристанцами в их землях и еще только начинал изучать их языки. Но свежесть впечатлений от первого знакомства с природой и людьми Нуристана и острота восприятия, проявившиеся в публикуемых здесь извлечениях, придают большую живость описаниям природы и записям наблюдений, характеризующим местные особенности, материальную и духовную культуру населения, обычаи и языки нуристанцев. Извлечения сделаны из путевых записей, которые А. Л. Грюнберг вел в сентябре—октябре 1963 г., во время похода в Центральный Нуристан по следующему маршруту: от селения Гусалак вверх по долине р. Пич с заходом в селения Саффригал и Ачану, затем мимо селения Вама до слияния рек Кантива и Парун, образующих р. Пич, далее по долине р. Кантива почти до ее истоков, потом через Мумский перевал в междуречье Кантива и Парун, оттуда через перевал в долину р. Парун и вверх по долине до истоков этой реки, потом вниз по долине до устья р. Чатрас, левого притока р. Парун, далее вверх по р. Чатрас и через одноименный перевал в долину р. Цамгэль до селения Вайгал, а оттуда вниз по р. Вайгал до ее слияния с р. Пич,

Нуристан (мар

до автодороги, которая проходит по долине этой реки. Одним из его спутников был геолог С. Л. Шварков (он упоминается в записях иногда под своей фамилией, а иногда только по имени — Степа). Отметим, что в своей статье о Нуристане А. Л. Грюнберг горячо поблагодарил геологов С. Л. Шваркова, а также П. А. Полквого, В. М. Народного, А. В. Трифонова и Г. С. Симкина, с которыми он тогда работал в Нуристане, «за дружескую помощь, искреннее доброжелательство и понимание целей моей работы» [3, с. 270].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА А. Л. ГРЮНБЕРГА. ПУТЕШЕСТВИЕ В НУРИСТАН В 1963 г.

1—3 октября. Наш проводник, бывший малек ¹ Гусалака Абдулматин, оказался человеком энергичным и расторопным. Сравнительно быстро ему удастся набрать недостающих носильщиков и даже достать где-то осла — случай, неслыханный за все время нашей работы ². Мы отправляемся в путь.

Наш первый переход — до устья ущелья Курдар. Здесь мы должны дожидаться двоих наших товарищей, которые выходят из Гусалака вслед за нами, разделить с ними мукú, которую по распоряжению нашего афганского начальника нам смололи в Гусалаке. Из этой муки два сира мы отдадим им, три оставим себе. Потом они уйдут вверх по Курдару, а мы направимся дальше к верховьям Пича.

Итак, начинается наш многодневный поход в Парун. Из Паруна мы хотим перевалить в Вайгал и спуститься вниз по Вайгалу. Там, в устье Вайгала, нас должна ждать автомашина — так мы договорились с начальником. А пока мы трое — Степа, Малек и я — сидим в устье Курдара. Мы дошли до него немногим больше чем за час и ждем появления остальных.

Наконец весь груз разобран; последнюю вьючную суму взваливает на себя повар Исмаил, сдержанный, немногословный и работающий человек. Мы прощаемся и расходимся.

Малек идет вместе с нами, не отставая ни на шаг. По-видимому, ему дана строгая инструкция охранять нас всеми возможными способами. Недаром у него на поясе красуется пистолет в новенькой кобуре, а через плечо висит лента, до отказа набитая патронами. Еще один из членов нашего отряда несет с собой тульскую двустволку. Вообще, советские охотничьи ружья здесь ценятся очень высоко. Много раз нас спрашивали, не можем ли мы как-нибудь достать советское охотничье ружье.

Путь до устья Сафригала оказывается нетрудным. Почти все время вдоль реки идет хорошая, широкая, утоптанная поколениями тропа, и только местами, там, где в долину врезаются скалы, приходится подниматься вверх по камням. Но и это теперь, после двух

¹ М а л е к — деревенский староста.

² Как правило, по горным тропам Нуристана вьючные животные не могут пройти и используются редко. Грузы переносят носильщики.

с лишним месяцев ходьбы по руслам горных рек, заваленных огромными глыбами камня, уже не кажется трудным.

Подходим к деревне. . . Дома здесь не такие, как внизу, в долине. Последний этаж каждого из них — что-то вроде веранды, с простенками из резного дерева и деревянными ставнями. Стекол здесь, как и повсюду в окрестностях, нет, и, когда хотят закрыть окно, опускают ставень.

Небольшой подъем, и вот мы уже в доме. Здесь, вероятно, что-то вроде постоянного двора. На полу разбросано сено, поверх сена положено несколько паласов. По краям расставлены чарпай — деревянные кровати без стенок, с сеткой из веревок. Эти кровати нам хорошо знакомы: мы много раз спали на них во время похода в Чапа-Дара. Да и в базовом лагере, когда все собираются вместе, раскладушек не хватает, и несколькими приходится спать на чарпаях.

Утром берем первые шлихи. Мыть их трудно: вокруг светлые граниты и, сколько ни старается Джаббар-хан, на дне лотка остается все тот же светлый песок. Спускаемся по долине. Выше устья Сафригала дорога становится хуже. То и дело в долину врезаются огромные скалы, и тогда тропа круто взмывает вверх. Приходится карабкаться по камням, пуская иногда в ход руки.

Пич выглядит сверху очень красиво, изумительно прозрачна голубовато-зеленая вода. В одном месте, где вода поспокойнее, не бурлит и не покрыта белой пеной, я смотрю, как в глубине ходит стая больших рыб. Рыба эта — маринка, знакомая мне еще по Памиру. Никаких рыболовных снастей у нас с собой нет, и поэтому остается только смотреть.

Мы подходим к устью Ачану в самом начале четвертого. Тропа идет между клочками кукурузных полей. Сейчас кукурузу уже убирают, и нам то и дело встречаются люди, несущие за плечами корзины со свежесобранными початками. К нам подходит рябой мужчина с бельмом на глазу и вежливо осведомляется о том, кто мы такие и куда идем. Ему объясняют, и он приглашает нас в Ачану. Это уже настоящий Нуристан. Встретившийся нам мужчина — малек Ачану. По дороге он рассказывает кое-что о своем народе. В Ачану говорят на том же языке, что и в большом селении Вама, в которое нам предстоит по главной долине подняться завтра. Тот же язык и в Сафригале, но там он уже почти вытеснен афганским.

Тропа идет по высокому, левому берегу неширокой реки, вдоль арыка. Внизу кое-где маленькие клочки полей, а больше камни — огромные и маленькие, галька, заросли деревьев. Напротив, на противоположном берегу, поднимаются почти отвесные скалы, отделенные от реки узкой полоской земли, поросшей деревьями, кустарником, среди которого то и дело возвышаются громаднейшие камни, отколовшиеся от скального массива. Тропа идет горизонтально, и постепенно мы все больше приближаемся к берегу реки. Наконец мы у того места, где берет начало арык. Проходим еще немного вверх — и перед нами открывается удивительное по своей красоте и необычности зрелище. Гигантские скальные стены с двух сторон образуют ко-

ридор, по которому с негромким шумом и журчанием течет небольшая речка с хрустальной водой, впадающая возле наших ног в речку Ачану. Это справа от нас. Мы как бы на перекрестке двух исполинских улиц. Угловой «дом» имеет, наверно, метров пятьсот в высоту. Прямо перед нами — ущелье немного пошире.

Поднимаемся еще на некоторое расстояние вверх по главной «улице», и справа от нас, на почти отвесных скалах, освещенных косыми розовыми лучами вечернего солнца, возникает вдали сказочный город. Издалека он кажется неправдоподобно прекрасным и величественным. Потом мы узнаем, что дворцы этого города на самом деле бедные хижины, прилепившиеся к краю скалы, потому что надо экономить каждый клочок земли, пригодной для возделывания, и взобравшиеся наверх, потому что так врагам из соседних долин было труднее устроить набег на селение (рис. 1).

3 октября. Ачану — долина Пича. Несколько местных слов, значение которых удалось узнать у местного малека (его зовут Хазратдин), показывают, что язык здесь явно родственен земиакинско-вайгальскому.

Спускаемся из Ачану в долину Пича. Где-то на полдороге Джаббар-хан, ушедший шагов на тридцать вперед, оборачивается и делает мне какие-то знаки. Я останавливаюсь, роняю молоток и вижу, как на противоположном склоне ущелья, среди кустарника, удирает в гору большое стадо обезьян. Они совсем близко; двое детенышей, не понимая, в чем дело, продолжают лежать на большом камне. Вскоре обезьяны скрываются в кустарниках, и о том, что они там, можно догадываться, только примечая, как раскачиваются кусты и деревца, на которые они забираются.

Немного выше устья Ачану есть мост. После него тропа идет по левому берегу Пича. Проходим по мосту. Мост деревянный, из толстой доски, на искусно выложенных каменных быках. Когда доходишь до середины моста, он начинает раскачиваться, и, если посмотреть вниз, может zakружиться голова.

Возле моста ждем малека. Дальше прекрасная земляная тропа, среди деревьев она похожа на дорожку в парке, затем становится хуже, идет вверх над скалой. Прыгаем с камня на камень, переходим по жердочкам. Джаббар-хан помогает — подает руку.

Издали Вама на склоне освещенной солнцем горы, так же как раньше Ачану, напоминает сказочный замок. Чем ближе подходим к Ваме, тем ее хуже видно: она высоко над долиной, с тропы в поле зрения только скалы и кое-где маленькие клочки засеянной земли. Еще один мост, такой же конструкции, как и мост в устье Ачану. Мы опять переходим на правый берег и начинаем подниматься по тропе в Ваму. Тропа очень крутая, местами приходится карабкаться по почти вертикальной стене. По-видимому, даже для местных жителей, особенно когда они идут с грузом, этот подъем кажется утомительным, так как в двух местах на тропе устроены площадки для отдыха. На сваях, упертых в скалу, покоятся конструкции из грубо обтесанных досок — площадки с барьером-загородкой и скамейкой. Вид с каждой

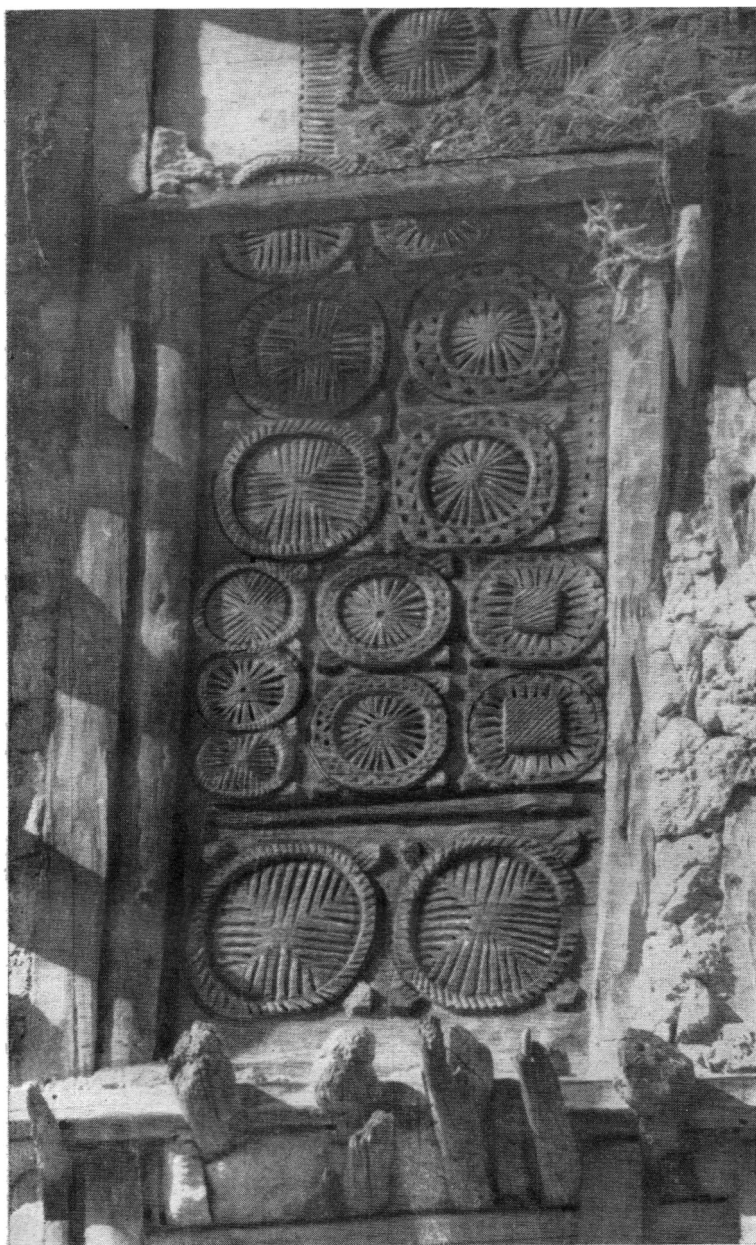

Рис. 1. Деревянная резьба на двери дома (сел. Ачану, Центральный Нуристан). Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

из них открывается прекрасный. Рядом с верхней из них — мазар³. Это деревянный павильон, богато украшенный деревянной резьбой.

Одежда местных жителей. Мужчины — в широких штанах немного ниже колена, с кинжалами, в полосатых рубашках с засученными рукавами. Женщины — в юбках до колена, вышивка крестами; ведут себя относительно свободно — резкий контраст по сравнению с сафи⁴. Относительно много светловолосых с голубыми глазами. На голених у всех — мужчин и женщин — намотаны длинные полосы грубошерстной черной материи. Дома одним краем прилепились к скале, другим опираются на деревянные колонны-подпорки (рис. 2). Для домов выбраны, кажется, самые неудобные места. В гору ваминыцы идут с длинными, больше человеческого роста, посохами — альпенштоками. На юбках у женщин вышита полоса, а спереди сделан разрез, по-видимому, для того, чтобы юбка не стесняла движений.

4 октября. Вама. Рядом с домом, где мы остановились, — ваминская мечеть (рис. 3). Вероятно, раньше этот дом выполнял какое-то другое назначение, возможно тоже культовое, во всяком случае, не был только жилым домом. Внутри мы не были, снаружи видна галерея-айван, столбы и карниз украшены деревянной резьбой. Внизу от нас и от мечети — источник, вода из которого течет довольно лениво. Тут же сложенная из камней купальня. Пробуем сфотографировать одного из стариков, он категорически протестует.

Внутренность дома, в котором мы остановились: на стене висят два ружья, в центре помещения — очаг с таганом. Дом топится по-черному (отверстие в крыше). Стоят плетеные стулики. Своеобразный музыкальный инструмент называется «ванз». У него четыре струны. Играют на нем, перебирая струны палочкой снизу вверх и прикасаясь к струнам пальцами.

Принесли виноград, но сами не едят. Существует обычай не есть виноград, грецкие орехи и энаб⁵ до определенного срока, причем «розговенье» сопровождается определенным ритуалом.

Мы находимся в доме малека Вамы, красивого черноволосого и усатого парня, очень приветливого. Он подвижен и энергичен. В правом ухе — серьга. Говорит, что вверх и вниз из Вамы жители этого селения ходят редко. По его словам, от Вамы до Дуаба — слияния Паруна и Кантivy — расстояние почти такое же, как от Гусалака до Вамы.

На женщинах в Ваме много серебряных украшений, серебряные браслеты. У некоторых белые рукава с вышивкой крестом. Кокетливые, разноцветные кисточки на обмотках, встречаются обмотки и со сплошной бахромой.

5 октября. Встаем необычно рано — еще нет шести. Фотографируемся с ваминым малеком и его братьями и отправляемся вниз. В восемь часов мы уже внизу. Там задерживаемся на некоторое

³ М а з а р — мавзолей и место погребения, гробница, могила; священное место.

⁴ Имеются в виду женщины соседних с нуристанцами афганцев-сафи, принявших мусульманскую религию задолго до исламизации нуристанцев.

⁵ Энаб, уннаб — (бот.) юбба, зизифус обыкновенный (Zizyphus).

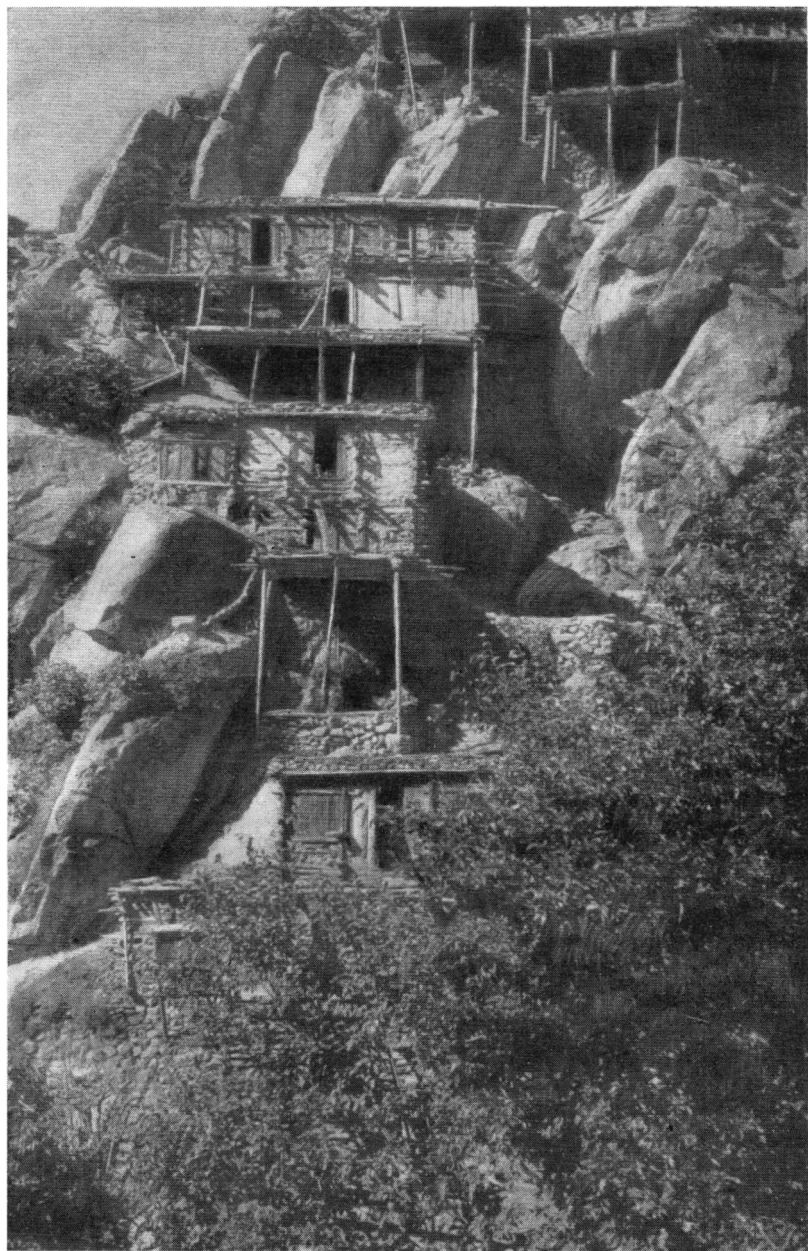

Рис. 2. Дома на скалах. Центральный Нуристан, сел. Вама.
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

время, чтобы сфотографировать переход через мост и чтобы навьючить осла, который начинает доставлять нам много неприятностей: проходить ему по тропе в отдельных местах так трудно, что приходится людям тащить его.

После утомительного перехода ночуем на крыше дома вайгальцев, одного из небольшой группы домов, расположенных у Дуаба, на склоне горы, среди леса.

6 октября. Встаем в половине шестого. Освобождаемся от лишнего груза. С нами идут в Кантиву — солдат, два носильщика, Джаббар. Берем немного провизии: сахар, соль, сухое молоко, рис. В целом груз у нас очень легкий. В восемь выходим. У Дуаба расстаемся.

10.30. Дорога оказалась трудной: овринги, местами отвесные скалы.

14.30. Перешли мостик. Дорога постепенно становится лучше: идет среди дубов и елей, утоптанная земляная тропа. Теснина с каскадами, потом ущелье расширяется. Вода здесь тихая, вдоль берегов — белая галька и валуны. Дальше все чаще встречаются зеленые лужайки. Встретились с двумя девушками, у них обычные здесь корзины конической формы. Кажется, эти девушки занимаются заготовкой дров.

В устье большого ущелья к нам подходит человек и расспрашивает, кто мы и откуда идем. Отсюда видно, как на террасе на правом берегу вручную молотят цепями. Около четырех часов дня мы приходим в Кантиву. Издали она очень похожа на крепость. Малек рассказывает нам про нуристанцев. Они говорят здесь на том же языке, что и жители Камдеша и части верховьев Алингара. Раньше, мол, все жили в Кантиве, а потом расселились. Жители Вайгала и Вамы — это совсем другие племена.

7 октября. Утром уходим: мы с Джаббаром — мыть шлихи, Степа — посмотреть, что делается в обломках. По дороге расспрашиваю Джаббар-хана о местных делах. Выясняется, что Кантива в давней вражде с Пушалем; местные люди боятся якобы, как бы это не отразилось на нас. Солдат говорит, что местное население относится к афганцам-торговцам плохо, но что мы — другое дело, мы ведь не частные лица.

Встреча с крестьянами. Джаббар объясняет им нашу благородную миссию, но они реагируют более чем сдержанно.

На той стороне реки виднеется дом-крепость. Принадлежит это строение генералу Гарзаю, начальнику строительства Джалабадского канала.

Когда приходим с Джаббар-ханом с работы, начинаем заниматься языком. В комнатухе неуютно, холодно. . .

8 октября. Наутро уходим. Прощаемся кисло, без обычного в этих случаях фотографирования. Будем идти до Мума, а там перевалим в долину Паруна дорогой по чудесному хвойному лесу. Наконец Мум. Несколько домиков среди лужков и полей на склоне. Вокруг лесистые горы. Кантива где-то далеко внизу. Здесь нас встречают немного лучше (если не считать того, что в самом начале нас выгоняют с места, где мы расположились отдохнуть, так как рядом работают женщины). Мужчины заняты молотьбой.

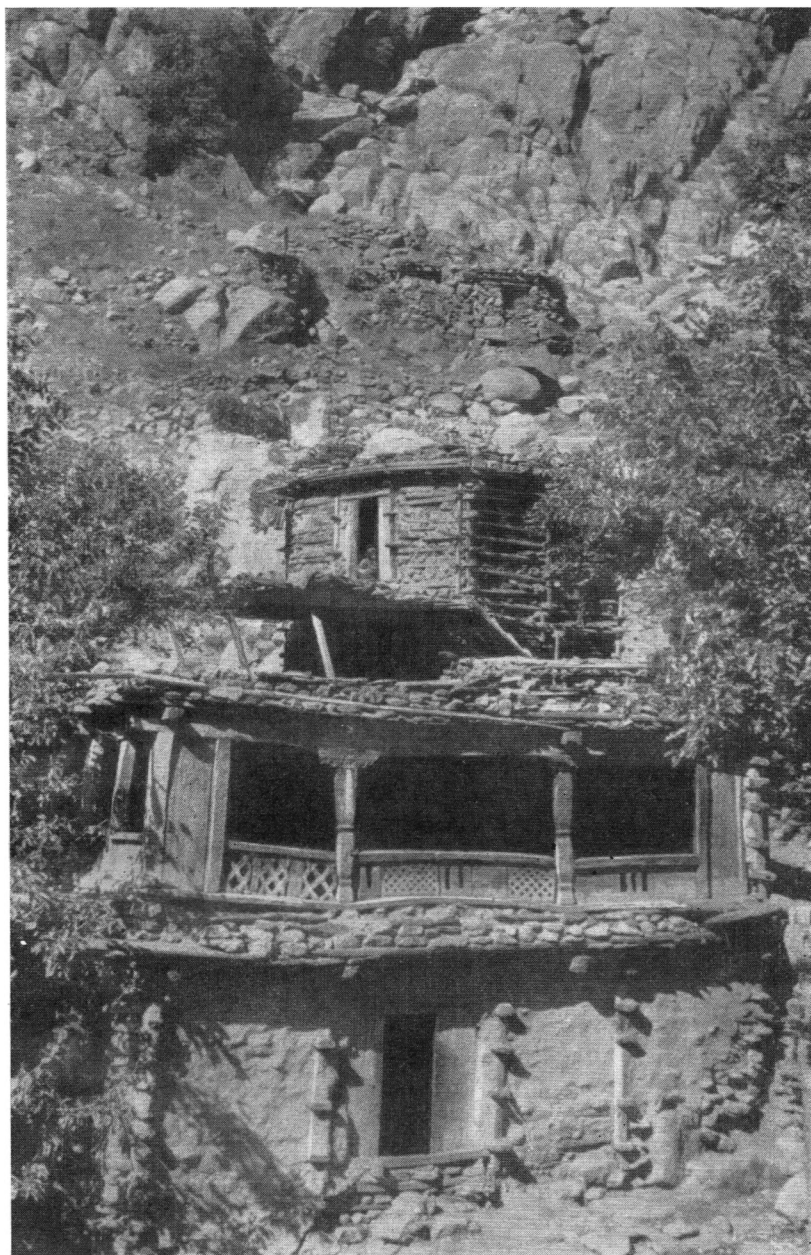

Рис. 3. Мечеть в селе Вама (Центральный Нуристан).
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

Нам ставят чарпай, и мы спим часа полтора под открытым небом. Потом вводят в дом, туда же приносят чарпай. Темнеет. Горит по-черному костер. Дым ест глаза. Длинный вечер. Едим и ложимся спать.

9 октября. Прощаемся с хозяином и на перевал — он отсюда хорошо виден. Доходим до перевала часа за два. Вокруг горы и горы. По пути на перевал встречаем троих людей. Они тоже идут в Парун. Сами они из Камдеша, один из них — духовное лицо. Начинаются душевные разговоры. Они устраивают мне экзамен на ученость. Задают вопросы: как движется солнце, есть ли в «искусственных звездах» (спутниках, которые они видят на небе) человек? Может ли зародыш человека развиваться в искусственных условиях? «А куриный может?» По-видимому, тот, кто пограмотнее, наслушался Кабульского радио.

В свою очередь, я устраиваю им экзамен по арабскому языку. Отстают. На перевале догоняют снова. Тут уже начинаются разговоры о боге, о том, что вся премудрость заключена в Коране. Допускаются только медицина и естественные науки, все прочее — от лукавого. Духовное лицо ругает культ предков-пиров, жертвоприношения и т. п. Ругает Кантиву за неверие. Экзамен продолжается: «Где Китай, какое политическое устройство в Советском Союзе?» Наконец вопрос: «Ты разве не материалист?» Даю уклончивый ответ. Беседа наша длится часа два. Потом камдешцы уходят.

Наш дальнейший путь опять лежит по хвойному лесу. Дорога идет поперек склона. Спускаемся в благодатную долину Паруна: поля, рощи ореховых деревьев. Первые домики, первые люди. Контраст с Кантивой. Очень приветливые и приятные.

Проходим последнее ущелье перед селением Пашки. Поля, засеянные обычным и итальянским просом. На склоне видна деревня с башнями (рис. 4). Вдруг за поворотом видим много людей. Это нас вышли встречать наш начальник, три малека и шейх Лал-Мухаммад, наш давний знакомый (с неделю назад он вернулся из Мунджана, из-за хребта). Трогательная встреча. В селении для нас режут барана. Разговоры, теплые слова.

Рассказывают, в частности, про немца, который два месяца прожил в Пашки, месяц в Цацуме. Он был молод, приехал бритым, уехал с бородой. Это было лет пять-шесть назад. Речь, как выяснилось впоследствии, шла о Будруссе, западногерманском лингвисте, изучавшем язык прасунских кафиров, находясь в составе западногерманской экспедиции ⁶.

10 октября. Часа в три отправляемся вверх, в следующий кишлак — Цацум. Уже начинает темнеть, когда подходим к Цацуму. Наш приход вызывает огромный интерес у местного населения. Мы ни на минуту не остаемся одни. Все время у дверей толпятся какие-то люди, входят, выходят. Даже женщины иногда заглядывают в дверь. Вечером, когда нам очень хочется спать — мы устали, — пашкин-

⁶ Георг Будрусс собирал лингвистические материалы в долине Паруна весной 1956 г. [6, с. 33, примеч. 4].

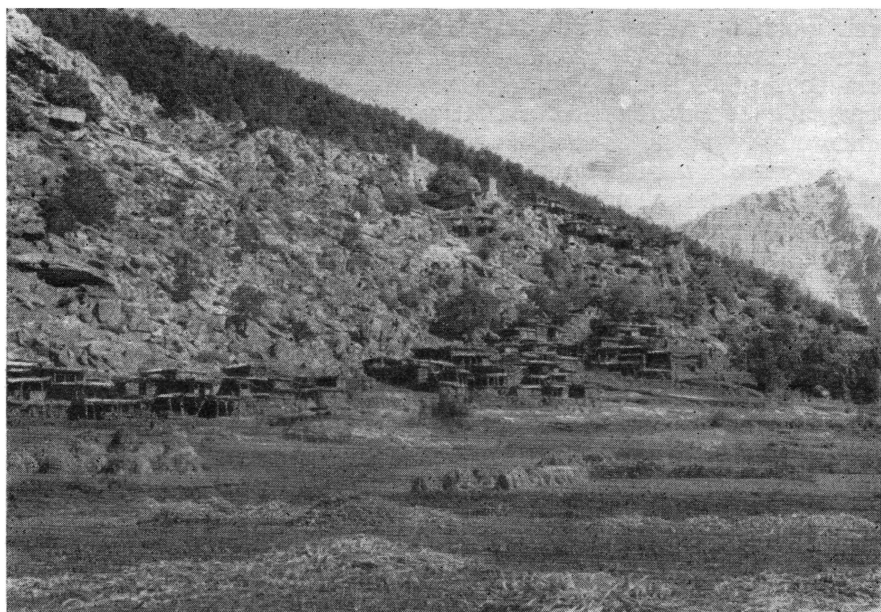

Рис. 4. Селение Пашки (Пашкигром) в Центральном Нуристане (долина Парун).
Фото А. Л. Грюнберга, октябрь 1963 г.

ский малек (появившийся в селении Цацум ко времени нашего прибытия туда) достает бубен, грубо сделанный, неправильной круглой формы, и начинает петь под его аккомпанемент какую-то песню. Мелодия очень проста — все время повторяется одна музыкальная фраза, но поет он хорошо, и постепенно мы начинаем проникаться настроением. Потом он поет еще одну песню под тот же аккомпанемент и, кончив, говорит, что она очень старинная.

Я спрашиваю, нет ли у них своих танцев. «Сколько угодно», — отвечает он. Опять начинает петь, и молодой парень, сидевший до сих пор рядом и подпевавший ему, встает и начинает танцевать. Немного похоже на кавказские танцы вроде лезгинки, но только немного. Наклоняется, ходит на прямых ногах и иногда шипит «с-с-с-с» сквозь зубы. Глаза полузакрыты. Чувствуется, что для него это высшее наслаждение. Ответный танец исполняет солдат-узбек. Народу все прибывает. Потом появляются два парня с дудочками. Песню поют несколько человек, аккомпанемент — дудочки и бубен. Затем лихой групповой танец. Лампы убираем в сторону.

Шейх, вошедший после первого танца, спрашивает, не пора ли кончать. Но нам уже не хочется, чтобы это кончилось. Очень все это необычно и интересно. Красивая песня с подголосками. Еще групповой танец. Потом малек поет песню. Это, как он говорит, старинная легенда. Между Вайгалом и Паруном была война. Парун-

ский князь — у него было очень много коров и овец — отправился с сыном в Чатрас. Он привез оттуда, с летовья, много масла, а сын остался на перевале. И вот приходит весть, что сына убили вайгальцы. Отец собирается отомстить им. Но мать уговаривает его не идти: все равно сына уже не воскресить, зачем же лишняя кровь.

«Это очень длинная легенда», — говорит малек. Степа спрашивает, есть ли у них новые песни. «Есть», — отвечает малек и поет длинную песню, содержания которой мы, конечно, не понимаем, но различаем упоминания таких слов, как «мутар» (автомобиль) и «маадан» (рудник). В одиннадцать часов все расходится.

11 октября. Утром холодная, унылая погода. Иней, на горах снег. Сидим в своей каморке. Записываю парунские слова, при этом присутствуют малек Цацума, малек Киштаки и еще какой-то сероглазый мужик. Потом уединяюсь с Джаббар-ханом, и занимаюсь с ним глангальским. К вечеру разводят огонь. Разговор о Заман-хане, живущем в Иштави, влиятельном человеке, о котором внизу рассказывают чуть ли не как о властителе Паруна.

12 октября. Утром выходим из Цацума. Наш план таков: к двенадцати часам нам предстоит быть в селении Киштаки — туда нас накануне звали в гости, и там должны приготовить какой-то обед. Мы предполагаем пообедать и двинуться в следующее селение — Дева, где мы будем ночевать две ночи.

В Киштаки приходим в половине первого. Дастархан расстелен прямо на земле, неподалеку от селения. По-видимому, здесь традиционное место трапез. Об этом можно судить по огромному количеству высохших обгрызанных костей, валяющихся вокруг. Подают еду: картошку, разваренную до пюре и залитую сверху толстым слоем растопленного масла, и курут⁷, тоже залитый сверху маслом. Нам этого масла хватило бы на неделю, чтобы жарить картошку. Едим, пьем чай, фотографируемся и уходим.

По дороге наблюдаем такую сцену: наш солдат вымогает у какого-то крестьянина его шерстяную куртку. В ответ на наши упреки — «нехорошо, мол» — говорит, что обычай таков, что парунцы обязаны «что-нибудь давать» пришлым (!).

К селению Дева подходим часа в четыре. Так же как и Киштаки, это селение находится на сравнительно ровном, плоском месте, у подножия горы. Встречает нас много народу. Все они одеты одинаково: штаны из грубой дмотканой шерсти, внизу сложенные и перевязанные тесьмой, и такие же куртки. Все это грязно-серого цвета. На головах нечто вроде беретов, такие же, как внизу, у афганцев. Тип лица у местных жителей иной, чем у светловолосых и кареглазых вавинцев и у чернявых, сплошь бородатых кантивайцев. У здешних волосы по преимуществу темные, а глаза голубые или серые. Много носов «картошкой». На ногах нечто вроде лаптей, грубо сшитых из плохо выделанной кожи. Многие босиком. Народ в Паруне, как выразился один из наших афганцев, особенный. Люди простодушные, любопытствующие и, по-видимому, добрые.

⁷ Курут, крут — сушеный сыр в виде шариков.

В нашей комнатке обмазанные глиной стены, потолок; видны большие балки, поперек елочкой уложены брусочки. Низкая дверь. Посредине в крыше — квадратное отверстие вместо дымовой трубы. Когда его нужно закрыть, задвигают сверху плоскими камнями. Деревянная полка. В углу на полу разводят огонь. Треугольный таган. На полу разбросано сено, поверх положена полосатая кошма. Стены и потолок еще не очень закопчены, так как дом построен недавно, но скоро они почернеют и уже навсегда останутся черными, как это мы видели в Муме, Пашки, Цацуме.

Радио вызывает у жителей деревни Дева невероятный интерес. Нас это радует, потому что мы остаемся одни, приемник уносят в комнату напротив.

14 октября. С утра прошли до Парунца, маленькой деревушки на ровном месте, у впадения большого притока. По-парунски приток называется Тпеш, по-кантивайски — Пажул. В деревушке ветхие хибарки.

Степа вернулся очень поздно, в полную темень. Он прошел около 17 километров вверх. Шейх его бросил по дороге — за Степой ему не угнаться — и остался дожидаться его внизу. Степа рассказывает, как в сумерках на какой-то летовке двое, обеспокоенные появлением человека в таком месте, целились в него из луков. Я очень осторожно пытаюсь сделать Степе выговор. Кажется, он и сам понимает, что увлекся.

15 октября. Идем в направлении Иштави — последнего селения в долине прасунских нуристанцев. Подходим к нему часам к трем. На расстоянии селение выглядит очень живописно: над селом возвышается башня, вдали заснеженные горы — водораздельный хребет. Но вблизи — все те же жалкие хибарки.

Вот и дом Заман-хана, но его сейчас нет, он ушел вверх по делам. Сгибаясь, вхожу в низкую дверь. Помещение без окон, с маленьким отверстием в стене. Двери, собственно говоря, тоже нет, есть только проем. На полу разбросана солома, поверх постланы две кошмы. Здесь мы будем спать.

Вечер проходит в слушании приемника. Слушаем, как всегда, не мы. Вокруг собрались афганцы и ловят Кабул, а в дверях все забито парунцами: здесь, как и всюду в Паруне, приемник — большое чудо.

16 октября. Идем к левому притоку брать шлихи.

17 октября. Поход к истокам, до слияния двух речек, образующих Парун.

19 октября. Последний день в Иштави. Приходит Заман-хан. Нуристанцы, по его словам, делятся на четыре группы: парунская, вайгальская, ваминская, камдешско-кантивайско-пушальская. Сохранились старики кафиры, не принявшие мусульманство. У одного из жителей Паруна нашли идола, хотели этого идола разломать, однако владелец не позволил. Тогда прислали солдата и забрали идола. В Паруне до распространения ислама был якобы золотой идол. У вайгальцев прежние религиозные верования отличались от других кафирских. Вайгальцы якобы верили в единого бога, у кото-

рого, как они полагали, было четыре «помощника» — двое мужчин и две женщины.

20 октября. Утром выходим из Иштави. В Деве мы должны остановиться. Часть дороги иду один. Хорошо идти одному. Дорожка ровная, рядом речка, деревья с желтыми листьями, впереди вдали заснеженные горы. Очень красиво: нежно-голубое небо, белые горы и огненно-оранжевые листья.

Прохожу Парунц. Весь караван здесь. Насколько могу понять, разговоры идут о найме новых носильщиков. Наши «штатные» носильщики устроились очень неплохо: сами не несут, а заставляют от деревни до деревни носить парунцев — кажется, бесплатно, в порядке «добровольной» повинности.

До селения Дева идем с Абдулматином и там ждем Шваркова. Дальше идем вместе с Шварковым. Ночуем в селении Пашки.

21 октября. Дорога идет по живописнейшему ущелью — здесь мы еще не были. Чудесный лес, огромные деревья, скалы, река петляет и шумит внизу. Временами овринги.

В шестом часу приходим в Чатрас. Останавливаемся в пустом доме. Дымно, жарко, громко играет наш приемник.

22 октября. Дорога на перевал. Кажется, что он близко, но на самом деле это совсем не так. Первым на перевал приходит Шварков, потом, минут через десять, мы с шейхом. Постепенно подтягиваются остальные. Виден Вайгал — лесистые горы, скалистые вершины. Фотографирую.

Спуск в лесу. К пяти часам приходим в селение. Беленые дома. Селение большое, состоит из трех частей. По сравнению с Паруном выглядит очень богато. В первых двух домах масса народу. Мы решаем, что это по случаю нашего прихода. Но потом выясняется, что здесь справляют нуристанский осенний праздник. По случаю праздника зарезали четырех быков и двадцать овец.

28 октября. После нескольких дней, проведенных в вайгальских селениях, начинаем стремительный марш вниз по долине Вайгала. Тропа неважная, чтобы не сказать больше. То овринги, то наклонные скользкие плиты над обрывом, то бревнышки над бездной, то отвесные скалы. В низовьях — мост, т. е. бревнышко над кипящей рекой. Переходим по нему в Вант, на левый берег. Последнее собственно вайгальское селение. Ночуем в селении Вант, расположенном несколько в стороне от долины. До этого, во время спуска по долине Вайгала, не видели ни одного селения. Говорят, что селения здесь находятся где-то в боковых ущельях и расположены на большой высоте. К ним ведут трудные тропы вроде той, что была в Ваме или Ачану.

29 октября. Из Ванта проследовали в Манугей, в устье Вайгала. Здесь после отдыха в доме хакима (встречает он нас прекрасно) садимся в машину и отправляемся вниз, через Чагасарай, в Дарай-Нур. Прибываем туда поздно вечером. Сердечная встреча. Весь ноябрь будем в Дарай-Нуре.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов Н. И. и Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
2. Восточная комиссия Географического общества СССР в 1965—1972 гг. — «Страны и народы Востока». Вып. 15. Африка и Азия. М., 1973, с. 5—17.
3. Грюнберг А. Л. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. — «Страны и народы Востока». Вып. 10. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1971, с. 264—287.
4. Грюнберг А. Л. Опыт лингвистической карты Нуристана. — Там же, с. 288—289.
5. Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты. Словарь. Грамматический очерк. Л., 1972.
6. Edelberg L. Some Paruni Myths and Hymns. — «Acta Orientalia ediderunt societates orientales Danica, Norvegica, Svecica». Vol. 34. Havniae, 1972, с. 31—94.
7. Robertson G. S. The Káfirs of the Hindu-Kush. L., 1896.

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВИЯ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО
ПО ЗАПАДНОМУ КАЗАХСТАНУ В 1839—1840 гг.
(по неопубликованному «Путевому журналу»)**

Вскоре после возвращения на родину из Черногории [4, с. 21—44] Е. П. Ковалевский стал готовиться к новому путешествию. Вот что он сам писал по этому поводу 12 марта 1839 г. выдающемуся поэту правителю Черногории Негошу: «Что же касается до меня, то другая звезда увлекает меня — и, может быть, на погибель! . . Я отправляюсь в Бухарию вместе с бухарским посланником; если бог вынесет, месяцев через семь вернусь, если нет, прощай жизнь, которая блеснула ярко, но мгновенно, утешусь тем, что был полезен на свете, мое поручение очень лестно, но и очень опасно» [14].

История, ход и результаты этого путешествия подробно изложены в книге «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» [4, с. 45—73]. Ковалевский посетил Западный Казахстан на пути в Бухару, куда был направлен в 1839 г. по просьбе бухарского эмира — прислать «горного чиновника» для «горных изысканий». Ковалевскому поручалось произвести разведку месторождений полезных ископаемых, в особенности дорогих минералов, а также оказать помощь в «учреждении самой добычи оных». Кроме того, Ковалевский должен был собрать сведения о возможности установления торговли с Бухарой.

Перед отъездом в Среднюю Азию Ковалевский получил инструкцию от Штаба корпуса горных инженеров¹ Департамента мануфактур и внутренней торговли² и Министерства иностранных дел³.

Министр народного просвещения С. С. Уваров просил прикомандировать к экспедиции ориенталиста П. С. Савельева, но эта просьба была отклонена. Об этом подробно излагается в статье «Ковалевский и русские востоковеды» [5].

Экспедиция выехала из Оренбурга 30 октября 1839 г. с торговым караваном вместе с бухарским посланником Балтакули Чагатайбек Рахметбековым. Ковалевского сопровождали горный инженер А. Р. Гернгрос, переводчик Григорьев и мастера горного дела.

¹ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 23—28.

² АВПр. Главн. архив, II—10, 1839—1843, л. 32—35.

³ Там же, л. 28—30.

Рис. 1. Фото-копия портрета Е. П. Ковалевского работы художника И. Келера. Подлинник хранится в Институте Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Портрет публикуется впервые

Однако достигнуть Бухары русским путешественникам не удалось из-за событий, связанных с Хивинским походом В. А. Перовского.

Через неделю после отъезда из Оренбурга путешественники достигли р. Илек, 7 ноября они переехали р. Биш-Тамак, которую Ковалевский считал истоком р. Илек. Издали видели могилу «Батыря Исета». Это была могила казахского народного героя Исета (Исета) Тайманова (1791—1838), руководителя антифеодального и антиколониального крестьянского восстания 1836—1837 гг. против хана Внутренней (Букеевской) орды Джангира и его ставленников. Вместе с Таймановым против хана Джангира боролся его друг Махамбет (Мугамет) Утемисов (1803—1846), который, как писал Ковалевский, был «душой и путеводителем Исета».

Рассказ о гибели Тайманова Ковалевский опубликовал в очерке «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовав-

шая против Хивы (1839—1840 года)» [11, с. 59—197]. Отряд Тайманова был неожиданно настигнут в степи казаками, которые, имея численный перевес, начали его окружать. «Исетай долго прикрывал бегство своих, носясь от одной толпы к другой и метая беспрестанно стрелы в русских. Он слишком надеялся на своего коня, но сытый конь загорелся; тогда Мугамет схватил под уступы его коня и повлек за собой, между тем казаки заметили и узнали Исетаю: пули градом посыпались на него, но он оставался невредим». Тогда казаки подстрелили его лошадь. «Вместе с нею упал Исетай; Эвтимиев употребил последнее усилие, чтобы поднять его и посадить на свою лошадь, но было поздно: налетевшие казаки изрубили Исетаю. Мугамет опять успел спастись» [11, с. 86].

От Илека шли по направлению к верховьям Эмбы, далее следовали на юго-восток по небольшим возвышениям, изрытым в разных направлениях «руслообразными безводными углублениями». Вскоре путешественники достигли Мугоджар — южной оконечности Уральской складчатой системы. Мугоджарские горы вытянуты в меридиональном направлении на 200 км. Средняя высота их составляет 250—350 м. Они представляют собой большей частью холмистую местность с мягкими округлыми очертаниями. 13 ноября Ковалевский и его спутники остановились в 4 км от второй по высоте вершины Мугоджар — двуглавого массива Айрык с абсолютной высотой 639 м. Отсюда постепенно стали спускаться в юго-восточном направлении и скоро достигли Каульджурской долины, расположенной недалеко от песков Большие Барсуки.

Недалеко от Каульджурской долины Ковалевский встретил первых жителей Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев. «Мы нашли аулы, — писал он, — чрезвычайно взволнованными и раздраженными против русских, впоследствии узнали: их только накануне нашего прихода оставили хивинские посланцы»⁴.

На пути к Большим Барсукам караван посетил хивинский посланец Науман, «присланный для возбуждения киргизов к содействию против русских»⁵. Он изменил путь каравана и направил его к Хивинскому укреплению. 17 ноября караван остановился в Больших Барсуках — полосе песков, тянувшейся к северу от Аральского моря. Ковалевский и его спутники оказались в плену у хивинцев, вокруг их кибитки был установлен караул.

В это тяжелое время Ковалевский встретил в аулах казаха, «чрезвычайно замечательного в кругу своего народа» [11, с. 81]. Это был выдающийся казахский поэт XIX в. Махамбет Утемисов, который вместе с Исатаем Таймановым руководил восстанием казахов в 1836—1837 гг. против хана Букеевской орды Джангира.

Ковалевский писал, что во время короткой беседы Утемисов обнаружил весь свой ум и красноречие. Он приводил для своих доводов подлинные «тексты Корана и толковал их не теми софизмами и общими местами, которые избиты в медресе Бухары и Самарканда,

⁴ См. с. 58 наст. изд.

⁵ Там же.

но сообразно собственным понятиям, высказывавшим глубокое изучение предмета. . .» [11, с. 82].

В 1838 г., после подавления восстания, Утемисову удалось бежать в Хиву. В октябре 1839 г. он опять появился в Букеевской орде, и хан дал приказ о его розыске. Узнав, что Ковалевский попал в тяжелое положение, Утемисов предложил ему свою помощь; он думал, что за услуги, оказанные Ковалевскому, царское правительство перестанет его преследовать и он сможет вернуться на родину. «На вас была вся моя надежда, — говорил Утемисов Ковалевскому, — уже представились мне роскошные берега Волги, и мой аул, и моя кибитка, уже виделись мне мои жены, дети: все собрались вокруг меня» [11, с. 87].

20 ноября для избавления от плена Ковалевский организовал побег. В этом побеге участвовал и Махамбет Утемисов. И когда в пути неожиданно исчез переводчик Григорьев, Ковалевский послал на его розыски Утемисова. Вскоре Григорьев на верной лошади нагнал отряд. А Утемисова Ковалевский не стал ждать, так как отряд настигала погоня.

24 ноября Ковалевский и его спутники достигли Ак-Булакского укрепления, где находился русский гарнизон. Вскоре хивинцы, не ожидая того времени, когда на них нападет отряд Перовского, сами перешли в наступление и осадили Ак-Булакское укрепление. Ковалевский, как старший в чине, должен был принять на себя руководство обороной укрепления, помощником его в этом деле был его спутник горный инженер поручик Гернгрос. Несмотря на то что нападавших было более двух тысяч, а гарнизон Ак-Булакского укрепления состоял из 240 человек, Ковалевскому удалось организовать оборону и заставить хивинцев снять осаду и отступить.

В. И. Даль в «Письмах к друзьям из похода в Хиву» писал: «Ковалевский, о котором у нас разнеслись какие-то нелепые слухи, ждет нас в Ак-Булаке, но, говорят, сам болен» [9].

Отряд Перовского, вышедший из Оренбурга 14 ноября 1839 г., с громадными потерями в людях и транспортных животных только 26 января 1840 г. достиг Ак-Булакского укрепления. Войска были измучены трудным переходом в условиях чрезвычайно суровой и многоснежной зимы и совершенно утратили боеспособность. Дальнейший путь в Хиву был закрыт непроходимыми снегами. 1 февраля 1840 г. сохранившиеся остатки отряда Перовского получили приказ о возвращении в Оренбург.

5 февраля Ковалевский и его спутники присоединились к отряду Перовского и вместе с ним в марте 1840 г. прибыли в Оренбург. 14 марта 1840 г. Ковалевский частным письмом довел до сведения начальника Штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина «о прибытии своем и вверенной ему команды в Оренбург».

«С горестью, — писал он, — вспоминаю об усилиях, употребленных нами к достижению цели, которых в другое время, при других средствах (у нас было 4 казака) или обстоятельствах стало бы на выполнение более трудного предприятия; утешаюсь тем, что полугодовое пребывание в степи, странное положение наше, заставившее нас ко-

чевать со всеми почти родами западной степи, небывалое в ней волнение, причиненное ожиданием столкновения хивинцев с русскими, наконец, знакомство с батырями, стекавшимися со всех сторон к поприщу действия, познакомили меня с краем и народом киргиз-казаков»⁶.

П. М. Ковалевский в своих воспоминаниях писал, что во время этой экспедиции Егор Петрович «голодает и мерзнет вместе с верблюдами и казаками в степи; отбивается самолично в дрянном земляном укрепленьице. . . за что и получает желтуху, которая окрашивает его в цвет самой чистой охры, но не получает Георгия, к которому его представляют» [7].

Вернувшись в августе 1840 г. в Петербург, Ковалевский сразу приступил к составлению научного отчета об экспедиции и описанию своих впечатлений о посещении малоизвестных стран. В 1840 г. он опубликовал в «Горном журнале» описание Западного Казахстана [10], а в 1843 г. выпустил в свет первую часть «Странствователя по суше и морям» [11] без подписи автора. В ее состав вошло шесть очерков: «Зюльма, или женщина на востоке. Ташкент», «Несср-Улла Бахадур хан и Куч-Беги. Бухара», «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)», «Английские офицеры в Средней Азии», «Военная экспедиция по окраинам льда у восточных берегов Каспийского моря», «Пленный персиянин. Хива».

В предисловии к книге автор сообщал о себе следующее: «Судьба кидала меня большей частью в страны малоизвестные и почти недоступные для европейцев; на долю мою всегда доставались труд и лишения» [11].

Критики единодушно признали замечательный талант писателя-путешественника. В. Г. Белинский в рецензии на первую книжку Ковалевского писал в «Отечественных записках»: «Нам неоднократно доводилось читать (и даже слушать на кой-каких публичных чтениях) начертания путешествий, где, как в пространной географии, автор весьма подробно, по систематическому порядку, описывает положение страны, нравы и обычаи жителей, произведения природы, искусств и так далее. Все это очень полезно, потому что всегда почти увеличивает запас наших сведений, почерпнуты ли эти сведения из напечатанных уже дорожников или состоят из собственных наблюдений путешественника. Но все это большей частью немножко скучно, потому что в подобных начертаниях замечаешь более трудолюбия и начитанности, нежели ума и таланта. Этого нельзя сказать об авторе „Странствователя по суше и морям“: каждая страница его занимательной книжки обнаруживает в нем сметливую наблюдательность, умение двумя-тремя резкими чертами обрисовать быт и характер народа, среди которого он жил, или замечательные лица, с которыми он встречался» [1].

Не все свои работы Ковалевский смог опубликовать при жизни. Среди рукописей, связанных с его экспедицией в Среднюю Азию,

⁶ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, 1839, л. 95.

большой интерес представляет «Путевой журнал во время следования по Киргиз-Казачьей степи с 30-го октября 1839 г. по 11-е марта 1840 г.»⁷, который он вел вместе с А. Р. Гернгросом.

В «Путевой журнал» Ковалевский и Гернгрос записывали маршруты путешествия, количество пройденных верст, метеорологические наблюдения; отмечали наличие воды, корма для скота и топлива, а также описывали геолого-географические особенности местности. В журнале есть записи о встречах в пути с местными жителями — казахами, которых авторы «Путевого журнала» называют киргизами, а также с хивинцами.

С 30 октября по 24 ноября 1839 г. — за 28 дней — путешественники прошли около тысячи километров и ежедневно вели записи. С 25 ноября 1839 по 4 февраля 1840 г. они находились в Ак-Булаке и записывали только метеорологические наблюдения. С 5 февраля по 11 марта 1840 г. на пути из Ак-Булака в Оренбург ежедневные записи возобновились.

Во время путешествия Ковалевский и Гернгрос собрали интересный материал и для статьи «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи», которую опубликовали в «Горном журнале» [10]. «Путевой журнал» лег в основу очерка Ковалевского «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)», опубликованного в «Странствователе по суше и морям» [11, с. 59—197], а потом перепечатанного в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» как «Отрывок из дневника русского офицера» [12; 13].

«Путевой журнал» использован нами при подготовке к печати книги «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» [4]. Полностью этот журнал публикуется здесь впервые⁸.

Три основных источника о путешествии Ковалевского по Западному Казахстану: «Путевой журнал», «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи» [10] и «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)» [11] — тесно связаны между собой. Уже это одно вызывает необходимость публикации «Путевого журнала», который является документальной хронологической основой указанных выше работ Ковалевского.

Можно предположить, что первоначально «Путевой журнал» являлся приложением к отчету о путешествии и статье «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи» [10], но, по-видимому, в ходе подготовки к печати он был настолько неожиданно снят цензурой, что авторы даже не успели убрать ссылки на него. Так, в статье есть такая фраза: «Из *прилагаемого журнала* (курсив мой. — Б. В.) видно, что до самых Мугоджарских гор держались пути, по которому следовал посланник наш Негри в Бухару в 1819 г., с незначительным в некоторых местах уклонением» [10, с. 331]. В другом месте статьи указано: «Отделившись от каравана, мы проехали пространство 300 с лишним верст в две с половиной суток (смотри *Путевой журнал*)

⁷ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 110—132.

⁸ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 110—132.

(курсив мой. — Б. В.), а потому не могли ощутить недостатка в корме для лошадей и воде» [10, с. 333].

В «Путевом журнале» природные условия описываются очень кратко, по мере того, как путешественники следовали от одного места к другому. В нескольких местах Ковалевский и Гернгрос отсылают читателя «к подробному описанию», опубликованному в «Горном журнале» [10], где дана характеристика Мугоджар, плато Устюрта, Прикаспийской низменности, пустыни Большие Барсуки.

В «Описании западной части Киргиз-Казачьей степи» Ковалевский и Гернгрос дали критику общепринятой в то время теории о соединении в историческое время Каспийского и Аральского морей и отвергли предположение о соединении Мугоджар и Устюрта на основе указанного ими различия в геологическом строении этих областей.

Я. В. Ханыков писал, что дневник Ковалевского «подтверждает показание, сделанное покойным капитаном Романовым английскому геологу Мурчисону, об отсутствии горной перемычки между Мугоджарами и Устюртом» [17]. При этом Ханыков ссылается на «Горный журнал» [10], а цитату приводит из «Путевого журнала».

«В дневнике Ковалевского под 22 ноября, — пишет Ханыков, — записано: „Ехали на северо-восток; в правой стороне оставили огромные соляные топи. Переехали речку Каульдждир и вершины Тибеня. 23 ноября, переехав Чеган, поднялись на Устюрт ущельем, непроходимым для вьючных верблюдов“. Река Чеган, как известно, нижними частями своими касается Ак-Булакской долины, лежащей к западу от Мугоджар; следовательно, если от вершин Тибеня, на восточном скате Мугоджар, можно достигнуть правого берега Чегана, не переходя гор, то очевидно, что Мугоджары оканчиваются севернее» [17].

В 1843 г. Ханыков в Париже прочел корректуру капитального труда Александра Гумбольдта «Центральная Азия» и сразу сообщил ему свои замечания по поводу «географической разнохарактерности Урала и Устюрта, соединяемых Гумбольдтом в одну систему гор». В письме к Я. В. Ханыкову в 1851 г. Гумбольдт писал: «При новом издании моей *Asie Centrale* я воспользуюсь вашим любопытным замечанием об отсутствии соединения между Мугоджарскими горами и северо-восточной оконечностью Устюрта» [8].

Учитывая чрезвычайно скудные данные, имевшиеся в то время по географии Западного Казахстана, исследования Ковалевского и Гернгроса представляли значительный интерес для науки. О статье Ковалевского и Гернгроса писали М. Н. Богданов [2], Г. П. Гельмерсен [6], И. В. Мушкетов [15], В. А. Обручев [16] и др.

О населении Западного Казахстана в «Путевом журнале» написано очень мало, но по его документальным материалам можно выявить достоверность фактов, изложенных в очерке «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)» [11]. В этом очерке Ковалевский дал описание населения казахской степи и портреты исторических деятелей казахского народа Махамбета Утемисова и Исатая Тайманова, о которых упоминает в «Путевом журнале». Он нарисовал картины безрадостной

жизни казахов, их бесправие и нищету, разорительные войны и дикий произвол восточных ханов.

«Сколько раз, — писал Ковалевский, — встречали мы полунагих, отолавших, избитых и изнуренных киргизов, скрывавшихся от холода в сугробах снега, от неприятеля в камышах и питавшихся лоскутом найденной ими шкуры или с трудом добываемыми кореньями. Как теперь гляжу я на киргиза, которого мы нашли в камышах, помнится, близ Мугоджарских гор: нагой, он лежал, свернувшись клубком и закрывши голову обеими руками; полузанесенный снегом, бедный киргиз так мало походил на человека, что, вглядываясь в него очень долго, я никак не мог распознать, что это было за существо! Наконец, откинув его заоченелые руки, мы увидели голову, до того покрытую инеем, что на ней не было приметно лица; только две звездочки глаз его блеснули ярко и одни свидетельствовали о человеческой природе» [11, с. 109].

Яркими красками нарисовал Ковалевский тяжелую долю казахского народа. Он познакомил своих друзей-петрашевцев Дурова и Пальме с жизнью и бытом казахов.

«Путевой журнал» и связанные с ним работы Ковалевского являются важными источниками для изучения природы и населения Западного Казахстана 30—40-х годов XIX в.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ ВО ВРЕМЯ СЛЕДОВАНИЯ ПО КИРГИЗ-КАЗАЧЬЕЙ СТЕПИ С 30-го ОКТЯБРЯ 1839 г. ПО 11-е МАРТА 1840 г.

30 октября. Оренбург. Выступили из Оренбурга в числе 3-х офицеров, 4-х казаков, 3-х горных мастеров и 2-х слуг. При нас находилось 22 верблюда с припасами для людей и фуражом для лошадей и при верблюдах 3 киргизца.

30 октября. Станица Благословенная. [Прошли] 17 верст⁹. 10° ниже нуля по Реомюру¹⁰ (в полдень). Ясно и тихо.

31 октября. Речка Канды-Су (кровавая вода), впадающая в Урал с правой стороны; от устья ее в трех верстах. [Прошли] 53 версты. Травы и воды много. Поутру 7°; вечером 1°; ясно; небольшой ветер. Здесь соединились мы с [неразб.] и с небольшой частью каравана, выступившего в разное время из Оренбурга. Переехали р. Бердянку в 20 верстах от Оренбурга и в 5-ти от нее небольшую реку Битте-Су.

1 ноября. Река Урал в 2-х верстах от зимовья султана правителя Юсупа Нуралиева. [Прошли] 30 верст. Воды и травы изобильно; дров достаточно. Утром 9°; ясно, тихо. Перед вечером 5°, небольшой вете-

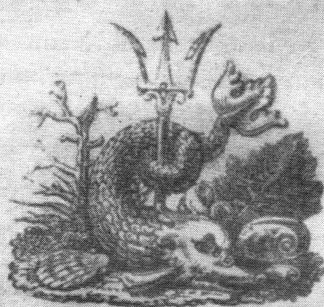
⁹ По измерению нашему, хорошие верблюды проходят удобным путем 4 версты в час; в дурную погоду и снегом — от 3 до 2-х верст. Это измерение почти соответствует измерению Борнса [3]; мы держались его впоследствии, не употребляя одометра.

¹⁰ Состояние термометра наблюдали мы всегда при выступлении каравана, т. е. около 3-х часов утра, и тогда, как останавливались на ночлег, т. е. около 3-х часов пополудни.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

от. Ковалевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. П. Бочарова.

1843.

Рис. 2. Титульный лист книги Е. П. Ковалевского «Странствователь по суше и морям»

рок. Верстах в 3-х от зимовья султана, переправившись через р. Чит-Буртю (Крайнюю Буртю), впадающую в Урал; течение ее довольно быстро; ширина реки до 5 саж.; переправа дурна.

2 ноября. Дневка. Утром 5°; ясно, тихо. Перед вечером 0; большой ветер. Виделись с султаном правителем, который вверил нам несколько рекомендательных писем к важнейшим старшинам киргизским, особенно к роду Тляу-Кабак; к несчастью, эти письма не имели никакого влияния на тех, к кому были адресованы, как и самое имя султана на подвластных ему, но кочующих вдали от русских урочищ киргиз-казаков.

3 ноября. Р. Урта-Буртя (Средняя Буртя) в 20 верстах от фор[оста] Верхнеозерного, на противоположной стороне Урала. [Прошли] 25 верст. Воды и травы много. Утром 2° выше 0; к вечеру 1°, ясно, ветер. Караван, шедший параллельно р. Уралу, начал уклоняться на юго-восток. Почва холмистая и приметно повышается к Бурте. Переехали р. Кара-Агачты (черное дерево).

4 ноября. Вершины Урта-Бурти. [Прошли] 36 верст. Воды и травы много. Утром 3°; ясно, небольшой ветер; вечером 1° тепла; снег. Караван следовал по направлению на юго-восток.

5 ноября. Речка Верхний Ашчи-Бутак (горький рукав), впадающая в Илек. [Прошли] 44 версты. Воды и травы изобильно; дров много. Утром 9°, ясно, сильный северный ветер; вечером 1°. На пути встречались возвышения и овраги, склоняющиеся к Илеку, которые несколько затрудняли караванный ход. Чтобы иметь дрова, уклонились от настоящего пути на восток.

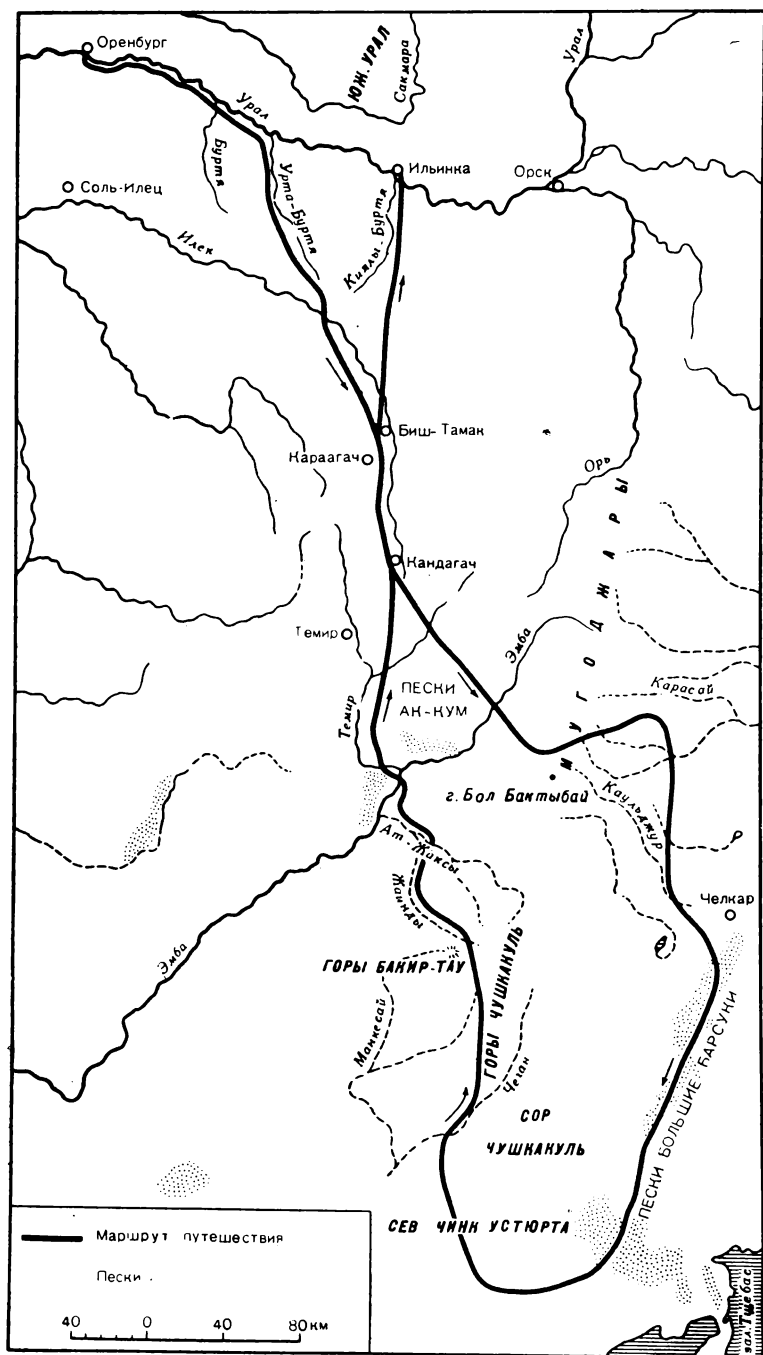
6 ноября. Река Илек, вблизи мазарок (киргизских могил) муллы Акча-Чаки. [Прошли] 36 верст. Воды, травы, дров изобильно. Утром 15°; ясно; вечером 16°, ясно, тихо. Перешедши Илек по (льду), настигли передний караван, шедший под путеводительством караванбаши Мирзы-Бая, и соединились с ним. Мазарки муллы, или киргизские могилы, состоят из обломков красного песчаника, принесенного сюда, вероятно, издалека. Обнажений горно-каменных пород до сих пор не встречали. Холмы и берега речек состоят большей частью из вязкой глины или наносного песка.

7 ноября. Биш-Тамак (пять рукавов), составляющий вершины Илека, в 3-х верстах от запасов сена, приготовленного для экспедиции, шедшей в Хиву. [Прошли] 40 верст. Воды и травы много; дров достаточно. Утром 16°; ясно; вечером 15°, ясно, тихо. Переехали один из рукавов Илека. В 2-х верстах не доезжая ночлега, видели известную мазарку Батыря Исета.

8 ноября. Дневка. Утром 17°, ясно, тихо, вечером 16°, то же.

9 ноября. Вершины Биш-Тамака. [Прошли] 36 верст. Воды много, корм для лошадей и верблюдов порядочный, недостаток дров заменяется мелким кустарником, известным под именем дерезы. Утром 17,5°, ясно, тихо, вечером 13°. Переправились через Илек и следовали на юго-восток, параллельно Биш-Тамакским вершинам. Переехали небольшие речки Тавай-Таш и Темрей, впадающие в Илек.

10 ноября. Вершины Исенбая, впадающего с левой стороны в Илек. [Прошли] 36 верст. Вода в одной версте от становища; травы

Путешествие Е. П. Ковалевского в Западный Казахстан
в 1839—1840 гг.

хорошие; дерезы много. Утром 12°; ясно; вечером 8°; ночью выпал снег и покрыл землю, но держался недолго. Путь пересекался изредка незначительными возвышениями. Недалеко от ночлега переехали вершину р. Тамды, впадающей в Илек. Исенбай составляет одну из вершин Илека; вначале тянется безводным оврагом и на всем протяжении своем имеет мало воды. В русле р. Исенбая попадались гальки белой отвердевшей глины, которой обнажения видны в окрестностях, совершенно обтертые куски песчаника, окрашенные большей частью железным окислом, и обломки лучистого кварца (см. подробное описание).

11 ноября. Отклон горы, неподалеку от вершины р. Кубелей-Темира. Расстояние перехода — 40 верст. Вода в 3-х верстах и в небольшом количестве; корм очень дурен; степь выжжена, дерезы мало. Утром 12°, вечером 10°. Небольшие возвышения и частые рытвины затрудняли переход. В рытвинах, служивших некогда ложбинами рек, находили мы небольшие кусочки сердолика и яшмы, обломки кварца и разных видов песчаников. В разрезах, которые они представляют, виден песчаник, массаи, склоняющимися на северо-восток; он мелкозернист, красного цвета и в обнажениях несколько разрушен.

12 ноября. Вершина Эмбы, известная у киргизов под именем Кундузды, берет начало из горы Айрюк, состоящей в цепи Мугоджарских гор. Расстояние перехода — 36 верст. Воды и травы много; дереза и кокпек; род шалфея, годный для корма верблюдам и для топлива. Утром 14,5°; ясно; вечером 5° выше нуля в тени; 15° тепла на солнце.

Следовали на юго-восток по небольшим возвышениям, изрытыми в разных направлениях руслообразными безводными углублениями. Переехали речки: Темир-Акмат, Кундузду и Джемным-Джелангач (одна из вершин Эмбы). В последней есть чистая пресная вода.

13 ноября. Уш-Кат (Уш-Булак — три родника) в 4-х верстах от горы Айрюк, в Мугоджарских горах. Расстояние перехода — 36 верст. Воды в родниках так мало, что едва достало на потребление каравана, травы посредственные; вблизи небольшой ольховый и осиновый лес. Утром 18°, ясно; вечером 4,5°.

Поднявшись безводными вершинами р. Кундузды, караван спустился в долину, окруженную небольшими, совершенно обнаженными возвышениями гипса. В стороне оставили р. Ак-Тыкен-Авлия, названную этим именем в честь святого Ак-Тыкен. Здесь начинаются отклонения с Мугоджарских гор. Близ Ак-Тыкен-Авлия, в версте от родников, встретили мы обнажение кремнистого песчаника, а в рытвинах, служивших ложбинами рек, — измельченные куски яшмы, полевого шпата, нечистые сердолики и кремнистый сланец.

14 ноября. Вершина Каульджира, впадающая в небольшое озеро, — Худжакуль, близ Больших Барсуков. [Прошли] 40 верст. Воды много, корм посредственный. Утром 5°, ясно; вечером 8°, ветер.

Пересекая цепь Мугоджарских гор, караван переехал на большую реку Кум-Суат (она теряется в песках, отчего и получила

свое название песчаной реки), безводные вершины Джаная и Карасая (обе текут в Иргиз) и остановился на южном отклоне Мугоджар, в вершинах Каульджира.

15 ноября. Долина, не имеющая особенного названия, в 10-ти верстах от Каульджира и в 7-ми от первых аулов Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев. Расстояние перехода — 28 верст. Воды в колодцах мало, травы изобильно. Утром 12°, вечером 6°.

Крутизна спусков и рытвины, пересекающие путь у подножия Мугоджарских гор, замедлили ход каравана, державшегося юго-востока, по направлению Каульджирской долины. Мы нашли аулы чрезвычайно взволнованными и раздраженными против русских: впоследствии узнали, что их только накануне нашего прихода оставили хивинские посланцы. Беспрестанные стычки киргизов с нами. Они не давали нам воды из колодцев и всячески оскорбляли наших людей. К вечеру старшина Акман со своею шайкой явился мстителем за брата своего Джан-Давлета, умершего в Оренбургской темнице. Он требовал сначала, чтобы мы все сдались, потом — чтобы выдали по крайней мере переводчика Григорьева, с которым имел он личную вражду; не успев и в этом, беспокоил нас в течение целой ночи. На другой день мы успели склонить на свою сторону некоторых киргизов и прогнали его; особенно содействовал нам в этом случае Нияз, сын известного старшины Утурали, главный караванный вожатый.

16 ноября. Каульджир, в 2-х верстах от аулов одного из старшин Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев, Бай-Мухаммеда. Расстояние перехода — 32 версты. Воды в колодцах изобильно, травы много. Утром 8°, ясно, вечером 5,5°.

Караван шел по направлению Каульджира на юго-восток, придерживаясь аулов, расположенных по ее долинам. На всем протяжении ее места изобилуют травами; летом река пересыхает, но киргиз-казаки пользуются водою из колодцев, вырытых во множестве в ее русле.

17 ноября. Вблизи Больших Барсуков, в версте от Мен-Авлия, возле аулов Утурали (старшины Семекеевского отделения). [Прошли] 55 верст. Воды очень мало в колодцах, и та в 3-х верстах от становища, горька и солона, травы худые, возле колодцев талы и кокпек, утром 9°, ясно, вечером 4°.

На пути встретил нас хивинский посланец Науман, присланный для возбуждения киргизов к содействию против русских. Он вдруг изменил ход каравана, направив его к северо-востоку, к Хивинскому укреплению, которого хотели избежать Бухарские купцы. После 12-часового усиленного перехода по ровным изобильным кочевьям Каульджира караван остановился в 7 часов вечера у Больших Барсуков (характер Больших Барсуков см. подробное описание).

Мы были частыми свидетелями тех притеснений, которым подвергаются караваны во время перехода через Киргиз-Казачью степь, и всей случайности торговли, идущей через нее (см. подробное описание) [4, с. 58—60].

18 ноября. Дневка. Утром 12°, ясно; вечером 5°. Мы успели привлечь на свою сторону Джеума-Назара, брата его, Бай-Мугамета, и некоторых других почетных старшин и батырей. Мугамет Эвтимиев, известный русскому правительству своими преступлениями, оказал нам деятельное содействие, желая тем самым выкупить себе прощение. Здесь собрали мы сведения о движении хивинцев на Ак-Булак и другие, с которыми и послали Мамбета к г. корпусному командиру, а равным образом известили его превосходительство о нашем затруднительном положении. Свидание с хивинскими посланцами; их угрозы. С этого дня вокруг нашей кибитки поставлен был караул.

19 ноября. Большие Барсуки. [Прошли] 25 верст. Воды в колодцах мало и большая часть солоноватая; травы посредственные; караган, кустарник, годный для топлива. Утром 12°, ясно, вечером 5°. Караван тронулся с аулом Тляу-Кабаков, которых убедили хивинские посланцы перекочевать с собою за Сырдарью.

Большие Барсуки представляют волнообразную почву твердых песков, тощая ковыль лепится на кочках его и служит скудной пищей для скота киргизов, кочующих обыкновенно здесь зимой.

Мы решились освободиться от того унижительного состояния, в которое были поставлены, и какими бы ни было средствами отделиться от каравана. Особенно узнавши, что один из хивинских посланцев уехал навстречу шедшему к Каратамаку отряду киргизского хана Жангази (Меденбея), с которым была часть хивинцев; но в этом затруднительном положении мы не могли найти вожатого ни по направлению к одному из наших укреплений, ни тем более к Бухаре. Каждый киргиз опасался навлечь на себя месть хивинцев и даже своих единоплеменников.

20, 21 ноября. Дневка. Утром 5°, пасмурно; вечером 3°, сильный ветер и снег; к ночи буран.

Новые оскорбления со стороны киргизов. У нас увели 20 верблюдов среди каравана. Схватили одного из наших горных мастеровых в нескольких шагах от каравана; но мы вовремя успели для освобождения его. Мы решились прибегнуть к старшине Утурали, известному по преданности своей России, который, несмотря на строгий за ним присмотр, посетил нас ночью. Он говорил, что вполне видел наше опасное положение и уже думал, как бы избавить от него, но находил только одно отчаянное средство: воспользоваться бураном, который свирепствовал, и совершенной темнотой ночи и отделиться от каравана по направлению к Чушка-Кульскому (Ак-Булакскому) временному укреплению, отстоявшему за 300 верст, что он, наконец, жертвует своим сыном, отдавая его нам в вожатые. Это было совершенно сообразно нашему мнению, и мы приняли предложение Утурали с благодарностью. Приготовления были сделаны немедленно и остались не замеченными со стороны карауливших нас киргизов, потому что на дворе зги не было видно; мы оставили все свои вещи, взяв, однако, принадлежавшие переводчику, казакам и мастеровым порох и бывшие с нами два небольших фальконета для заводных лошадей. Когда мы сели на лошадей, то, веро-

ятно, отразившись на горизонте, были примечены киргизами, их крики и шум подняли весь караван, одни кинулись в аулы, отстоявшие в верстах в 4-х от каравана, другие за нами в погоню, но их шум и крик служили нам только путеводителем, потому что никто не знал, куда мы отправились, и никто не полагал, что мы решились идти в Чушка-Куль, где, как думали все киргизы, уже был хивинский отряд.

В ночь с 21 на 22 ноября. Чукуркум — на оконечности Больших Барсуков. Прошли 25 верст (от 12 часов ночи до 3¹/₂ часов утра). Воды вблизи не было, травы посредственные. В продолжение ночи сильный буран.

22 ноября. В 3-х верстах не доезжая р. Майлису. [Прошли] 114 верст. Вода в русле Майлису, в колодцах в недостаточном количестве, немного солоноватая, травы мало, кустарник. День ясный. Ночью буран. Термометр не выставляли. Ехали на северо-восток, в правой стороне оставили огромные соляные топи. Переехали речку Каульдзир и вершины Тебенья. На заре заметили вдали шайку барантовщиков, может быть из тех, которые кинулись за нами в погоню; к вечеру они напали на нас; их было не более 30 человек, и при первом сопротивлении они оставили нас.

23 ноября, верстах в 10-ти проехали р. Чеган. Переход — 125 верст. Корм дурной; воды ближе Чегана нет, кустарник. Погода ясная и тихая (термометр не выставляли). Переехав Чеган, поднялись на Усть-Урт ущельем, непроходимым для вьючных верблюдов. Изрытые, крутые, разметанные горы и встречаемые повсюду окаменелости обнаруживают характер Чинка, далее эти горы сливаются в ровную или едва холмистую возвышенность. Мы следовали по ней верст 35, и только рытвины иногда затрудняли путь нам; спуск с Усть-Урта довольно удобный.

24 ноября. Ак-Булакское временное укрепление. [Переход] 40 верст. Камыш; вода солоноватая в ключе и окрестных колодцах. 10° в полдень. Обтехав пространство камышей и солонцеватых топей, составляющих отличительный характер Ак-Булакской долины, приехали в 11 часов в укрепление.

Метеорологические наблюдения за время пребывания в Ак-Булаке [проводились] с 25 ноября 1839 по 5-е число февраля 1840 г. ¹¹.

5 февраля 1840 г. Чийли (урочище в 1,5 верстах от Чий-Булака); [прошли] 11,5 версты. Воды немного в ключах Чий-Булакских; травы плохи. Утром — 24°, вечером — 23°.

Присоединенные к отряду генерал-адъютанта Перовского, тронулись к Эмбинскому укреплению на северо-восток, придерживаясь Ак-Булакских возвышенностей, для избежания солончаков, рассеянных здесь в чрезвычайном множестве.

¹¹ Эти наблюдения мы не публикуем. Ковалевский писал: «По прибытии нашем в Ак-Булакский укрепленный лагерь у нас остался один только сверенный термометр 20-градусного реомюрова деления, а потому нельзя было определить стужу ниже этого до прибытия главного отряда».

Поверхность почвы холмиста, покрыта красноватою глиною и лишена всякой растительности, солончаки же изобилуют камышами и чиём.

К северо-востоку от нашего пути тянулись горы с обнажениями железистого мергеля и серой вакки. Мергель этих гор различных свойств, большей частью с отпечатками раковин, с окаменелостями; попеременно плотен и слоист. В серой вакке кварц находится в отдельных кристаллах, а в соединении с полевым шпатом, яшмами и кремнистым сланцем переходит в конгломерат; он хрупок и потому скоро выветривается. Вершины гор завалены параллелопидальными глыбами мергеля, нагроможденными одна на другую; отклоны же покрыты дресвою.

6 февраля Чаранмсан (в 20-ти верстах от Чий-Булака); [переход] 18,5 версты. Воды нет. Травы плохи. Утром -23° , вечером -20° . Перерезав холмистую возвышенность, прилегающую к Ала-Тау, и поднявшись на сию последнюю, небольшим ущельем, мы спустились в долину Бакира, склонясь постепенно на северо-восток.

7 февраля. Не доходя 2-х верст до подошвы Ала-Тау. Прошли 17 верст. Вода в 2-х верстах — ключевая; корма плохи. Утром -21° ; вечером -22° .

8 февраля в 11-ти верстах от Ала[-Тау] и в 7-ми от Бакир-Тау. [Переход] 19 верст. Воды нет; корма плохи. Утром -25° , вечером $-14,5^{\circ}$. Характер этих гор такой же, как и в окрестностях Ак-Булака; они гораздо выше и имеют слабую, бедную растительность. Серая вакка и мергель проникнуты здесь до того железным окислом, что могли бы быть употреблены в плавку. У подошвы Ала[-Тау] и на отклонах серая вакка прорезывается правильными гребнеобразными прослойками кварца, внизу он серого цвета, крупнозернист, с занозистым блестящим изломом, по мере же возвышения он теряет плотность и переходит в глинистый кварцеватый песчаник.

9 февраля. Талдысай в вершинах р. Джаинды. [Переход] 19 верст. Воды нет, корма плохи. Утром -12° , пасмурно, сильный северо-восточный ветер, вечером $-18,5^{\circ}$. Переехав родник Бакир, мы миновали сыпучие отлогие холмы Бакир-Тау, имеющие протяжение с [апада] на [восток]. Судя по найденным здесь кускам медной зелени и мергеля с прослойками медной лазури и с примазкою самородной налетелой меди, можно допустить, что здесь могут быть открыты месторождения медных руд; самое название (Бакир-Тау — медные горы) служит несколько тому опорой, но совершенное отсутствие всякого горючего материала и воды, на дальнем расстоянии, делало бы бесполезным это обречение.

Серая вакка, в разных видоизменениях, рассеяна на Бакире в наибольшем количестве; они прорезываются, как и в Ала[-Тау], прожилками кварцевого песчаника.

10 февраля. Р. Джаинды. [Переход] 20 верст. Вода хорошая в полуверсте. Травы посредственные (юзган). Утром -8° , пасмурно; вечером -9° , буран s. w. Шли на север совершенно плоскими, глинисто-песчаными местами. Глубина снега увеличивается.

11 февраля Кызыл-Яр. [Переход] 15 верст. Воды нет, корм плохой, утром $-17,5^{\circ}$; вечером -21° , буран. Перерезали береговые возвышения Джаинды; обнажений незаметно; снега глубоки.

12 февраля Аты-Якши (хорошее имя), впадает в Эмбу; не доезжая 10 верст до Эмбенского укрепления. [Переход] 20 верст. Воды много. Корм хорош (боялыш). Утром -22° , вечером -13° . С места тронулись на северо-восток, по направлению к Эмбе, откуда повернули на северо-запад в параллель ее течению; береговые осыпи состоят из красной глины с гальками кварца, кремнистого камня, полевого шпата и песчаников.

(Аты-Якши. См. описание.)

13 февраля. Р. Эмба в 8 верстах от укрепления. Переход 18 верст. Воды много, корм посредственный (боялыш). Утром -12° , вечером -13° ; буран s. s. w.

14 февраля. Эмба при могиле Ходжа-Суяк. [Прошли] 14 верст. Воды много, корм хорош (боялыш). Утром -15° , вечером -17° , буран п. w. Поднявшись вверх по течению Эмбы ровными низменными местами и миновав укрепления Аты-Якши, мы переехали ее, придерживаясь глинистых крупнопадающих холмов. Угловатые куски песчаного мергеля, которые находили мы, отличаются от встреченного в отрогах Бакир-Тау совершенным отсутствием в них железных примесей, отчего мергель терял плотность и встречался серовато-белого и белого цвета. Отпечатков раковин и окаменелостей мы в нем не находили, тогда как участие их в толщах Ак-Булака и далее столь значительно, что нередко мергель уступал место раковинам, связанным глинистым цементом. Впрочем, о геогностическом строении толщ здешнего края мы ничего определенного сказать не беремся: чрезвычайно глубокие снега и недостаток обнажения горных пород по берегам рек делали почти невозможными всякие наблюдения.

15 февраля. Р. Темир. [Переход] 16 верст. Воды много, корм хорош, по берегам Темира камыш; много талов. Утром -12° , вечером $-7,5^{\circ}$, сильный юго-восточный ветер, к вечеру буран. На противоположном, правом берегу Эмбы, почти от самого укрепления, расстилались пески Ак-Кум (белые пески); огибая их, отряд переезжал неоднократно Эмбу и, поднявшись Темиром, остановился в верстах в 15-ти от его устья. Здесь природа видимо богаче: берега Темира покрыты кустарниками тальника и камышами; по лугам и возвышенностям, согласно уверениям киргизов, растут сочные, богатые травы; воды изобилуют рыбою, а прибрежные камыши кабанями. Обнажения показали здесь песчаник красновато-желтого и серого цветов, части его состоят из зерен кварца, слабо соединенных глинистым веществом. Трещины его нередко наполнены железистыми охрами, иногда даже вся масса проникнута окислом железа, и тогда плотность песчаника увеличивается. При устье Темира найдены в глине окаменелые рыбы зубы; в песчанике же ни отпечатков, ни окаменелостей не встречали. Речные наносы состоят из кварца, полевого шпата, известняков, кремнистого сланца и пр.

С 16 по 23 февраля — пребывание на Темире. Пользуясь местными удобствами, отряд расположился лагерем по Темиру¹².

24 февраля. Суходол Тагеле (гористая), впадающий в Эмбу. [Прошли] 13 верст. Воды нет, камыша много, утром —24°, вечером —20°.

25 февраля. Камышовое озеро (Сары-Копа — желтый камыш; в прошлом году часть этих камышей выгорела, почему киргизы называли его Кюк-Куль — погоревший камыш). [Прошли] 15 верст. Вода гнилая; камыш, покрывающий берега озера, служит кормом для верблюдов; травы немного. Утром —15°; вечером —6,5°, буран с. в. Поднявшись на гору, отряд достиг грядою холмов, прилегающих к Темиру, безводной вершины р. Тагеле, переехал ее 25-го числа и, держась постоянно на север, расположился в 3-м часу пополудни у Камышова озера. Вода в озере солона, имеет гнилой запах, местами не замерзает; в прилегающих к нему камышах водится много кабанов. Здесь начинаются кочевья киргизов.

26 февраля. Кульденен-Темир, впадающий в Эмбу. [Прошли] 20 верст. Вода зимой замерзает, травы посредственные (чий). Утром —9°, вечером —12°. Сильный ветер в. Имели направление на север, по ровным местам до половины пути, где опять выходят пески Ак-Кум, по волнистым местам которых следовали дальше до Тык-Темира.

Пески Ак-Кум, состоя, подобно Большим Барсукам, из бугров большей или меньшей величины, иногда сажени в 2 и 3 вышиной, изобилуют камышами и, защищая от буранов, служат зимним кочевьем для киргизов.

27 февраля. Тык-Темир (в 2,5 верстах от русла реки). [Прошли] 21 версту. Вода в 2-х верстах, корм для верблюдов посредственный, камыша много. Утром —15°, вечером —17°, ветер.

28 февраля. Пригорье, не имеющее названия. [Прошли] 18 верст. Вода и травы посредственные, утром —17°, вечером —15°.

29 февраля. Р. Кан-Агач (кровяного цвета лес) при впадении ее в Тык-Темир. [Прошли] 22 версты. Вода посредственная, корма мало, дрова есть в 3-х верстах в небольшом перелеске Кан-Агач. Утром —15°; вечером —15°.

От Тык-Темира, огибая ложбины, занесенные глубоким снегом, склонились мы возвышениями его к небольшой безводной реке Кан-Агач, получившей это название от семейства ольховного леса, рассеянного по побережью. Кан-Агач — кровавым деревом — названа ольха потому, что сердцевина ее имеет красноватый цвет.

1 марта. В 5-ти верстах от Кан-Агача. [Прошли] 5 верст. Воды нет; корм плохой. Утром —15°, буран при сильном северо-восточном ветре; к вечеру стихло, —7°. В весьма немногих местах, на вершинах холмов, обнаруживается суглинок с гальками полевого шпата, кварца, всего же более с угловатыми кусками красноватого песчаника, которого плиты составляют оплот во множестве разбросан-

¹² Метеорологические наблюдения, веденные Ковалевским в эти дни, мы не публикуем.

ных могил киргизов. Он чрезвычайно железист, отчего и встречается преимущественно красных цветов, и плотен до такой степени, что зерна его почти сливаются. Окаменелостей нами не замечено.

2 марта. Вершина Танасбая (впадает в Исенбай). [Прошли] 16 верст. Воды нет; травы плохи. Утром -8° , буря, к вечеру стихло, -10° .

3 марта. Р. Исенбай. [Прошли] 16 верст. Вода и корм для верблюдов хороши. Утром -15° ; вечером -10° .

4 марта. Р. Исенбай. [Прошли] 18 верст. Вода и корм в изобилии. Утром -12° , при ветре, вечером -12° .

5 марта. Р. Илек, вблизи Биш-Тамака. [Прошли] 20 верст. Вода и корм для верблюдов в изобилии. Утром -12° ; вечером -12° .

Через вершины Танасбая мы спустились на Исенбай и по направлению его шли два дня до Илека, которым следовали до устья Якши-Каргалы. Берега рек круты, исчерчены рывинами; везде в отсыпях видна красная глина с обломками песчаников и речных галек. Течение рек быстрое, луга изобилуют травами или, правильнее, кустарниками, привлекающими сюда зимою на кочевья киргизов. Воды Илека и Исенбая богаты рыбою, в перелесках много дичи.

6 марта. Р. Якши-Каргала (при впадении в Илек). [Прошли] 22 версты. Воды и корма для верблюдов и лошадей достаточно; осоколь, жимолость, тальник, ольха. Утром -12° ; вечером -5° . Приближаясь к устью Якши-Каргалы, лес становится приметно значительнее, в особенности же отличается вышиною осоколь. Возвышения тянутся холмами, прорезываемыми местами рывинами, а верстах в 8-ми от устья Якши-Каргалы впадающею в нее речкою Яман-Каргалою. Начиная от самого Исенбая снега до того глубоки, что отряд вытягивался в одну линию по тропе, проложенной перекочевавшими здесь киргизами.

7 марта Якши-Каргала. [Прошли] 18 верст. Воды много, корм посредственный, дрова есть. Утром -18° ; в 3 часа пополудни 5° , к вечеру 9° .

8 марта Якши-Каргала в верстах в 10-ти от впадающей в нее р. Дамбар. [Прошли] 18 верст. Вода и корм в изобилии, дрова есть. Утром 18° , вечером 12° . Следуя по киргизской тропе долиной Каргалы и речкою Дамбар, поднялись мы на впадающую в нее р. Алибайтал, в вершинах которой расположились лагерем, а отсюда, перерезав горы вершиною Кии-Бурти и следуя Буртею, достигли форпоста Ильинского.

9 марта р. Алибайтал, впадающая в р. Дамбар. [Прошли] 22 версты. Вода и корм в изобилии, дрова есть. Утром 11° , вечером 8° .

10 марта форпост Ильинский в 160 верстах от Оренбурга. [Прошли] 60 верст. Утром 10° , вечером 12° . От Кии-Бурти горы видимо изменяются в наружном виде: верхи их остроконечны, отклоны круче и прорываются глубокими ложбинами. Они состоят из гребней и сопок, проталины обнаружили по склонам их громадной осыпи. Обломки красного и серого цветов кремнистых песчаников рассеяны здесь в бесчисленном множестве по берегам рек, по отклинам гор

и могилам; скалистых же обнажений не встречали; в правой стороне обрисовываются Губерлинские горы.

В вершинах Кии видели мы березовые перелески и рощи; далее ольха, осокорь, тальник; уменьшаясь постепенно в количестве, при соединении Кии с Буртею, лес совершенно исчезает, а на всей Бурте стелются открытые, изобилующие травами долины.

На всем этом протяжении встречали мы кочевья киргиз-казаков.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1907, с. 269—270.
2. Богданов М. Н. Обзор экспедиций и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. СПб., 1875, с. 29.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. 1—3. СПб., 1848—1850.
4. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
5. Вальская Б. А. Е. П. Ковалевский и русские востоковеды. — ДВК. Вып. 2, 1965, с. 36—50.
6. Гельмерсен Г. П. О геогностическом составе Устюрта и особенно восточного склона его к Аральскому морю. — «Горный журнал». 1845, ч. 3, с. 19.
7. Григорович Д. В. Литературные воспоминания с приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928, с. 306.
8. Гумбольдт А. Письмо Я. В. Ханыкову от 16 декабря 1851 г. — «Вестник Русского географического общества». Ч. 4, 1852, с. 18.
9. Даль В. И. Письма к друзьям из похода в Хиву. — «Русский архив». 1867, год пятый, с. 619.
10. Ковалевский [Е. П.] и Гернгросс [А. Р.] Описание западной части Киргиз-Казачьей степи. — «Горный журнал». 1840, ч. 4, с. 315—346.
11. Ковалевский Е. П. Странствователь по суше и морям. Ч. 1. СПб., 1843.
12. Ковалевский Е. П. Киргизские степи (отрывок из дневника русского офицера в ноябре 1839 г.). — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». 1846, т. 61, № 243, с. 187—204; № 244, с. 279—292.
13. [Ковалевский] Е. Нападение хивинцев на укрепление Ак-Булак в ноябре 1839 г. (Из дневника русского офицера). — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1846, т. 62, № 246, с. 127—135.
14. Ковалевский Е. П. Письмо Негошу от 9 января 1839 г. Подготовил к печати Душан Д. Вуксан. — Српска Академија, «Споменик». Београд, 1935, LXXXI, други разред. Философско-филолошке, друштвене и историске науке, 63, с. 17.
15. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. 1. СПб., 1886, с. 96.
16. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801—1850). Л., 1933, с. 39.
17. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями. — «Записки Русского географического общества». Т. 5, 1851, с. 333—334.

Е. А. Княжецкая

**ПУТЕШЕСТВИЕ ТОБОЛЬСКОГО КАЗАКА
ФЕДОРА СКИБИНА
В КАЗАЧЬЮ ОРДУ В 1694—1696 гг.**

Русский картограф XVII в. Семен Ульянович Ремезов при составлении своих атласов Сибири, как известно, широко пользовался расспросными сведениями, полученными им от местных жителей и путешественников. Без их участия не могли бы появиться многие подробные данные на его чертежах, так как сам он побывал далеко не во всех местностях, отраженных в его картографических работах.

Одним из таких путешественников, сообщивших сибирскому картографу свои непосредственные впечатления и наблюдения, был тобольский казак Федор Скибин.

В этой статье описаны его путешествие из Тобольска в Казачью орду, плен, побег, возвращение в Тобольск. (В конце XVII в. степное пространство к северо-востоку от Каспийского и Аральского морей до бассейнов Иртыша и Тобола было занято казахами. Их государство, делившееся на три орды, или три жуза, в России называли Казачьей или Киргиз-Кайсацкой ордой.)

В конце XVII в. ханом Казачьей орды был Тауке, или Тевки. В 1691 г. на берегу Иртыша, у Ямышева озера, русскими были взяты в плен двое приближенных хана — мурзы Килдей и Сара. Их отвезли в Тобольск, где Сара вскоре умер. Килдей остался в плену. В следующем, 1692 г. из Тобольска в Казачью орду отправили посольство во главе с боярским сыном Андреем Неприпасовым. Посольство было взято в плен.

Осенью 1693 г. хан послал царю Петру грамоту с просьбой возобновить дружественные отношения и освободить из плена мурзу Килдея [2; 5, с. 14—15; 13].

В ответ на грамоту из Тобольска в г. Туркестан, где жил хан Тауке, было направлено новое посольство во главе с казаками Федором Скибиным и Матвеем Трошиным. С ними ехал и отпущенный из плена мурза Килдей.

Скибину «с товарищи» было поручено требовать возвращения из плена Андрея Неприпасова и всех ранее взятых пленных.

Немногие упоминания в литературе о главе посольства Федоре Скибине относятся ко времени его поездки в Казачью орду. Более ранние сведения о нем взяты нами из архивных документов ¹.

Дед Федора Скибина запорожский атаман Михайла Скиба был выслан в 1618 г. из Москвы в Тобольск и служил в тобольском казачьем войске, в «литовском списке» ². Отец Федора Скибина Любим Скиба известен как тобольский казак литовского списка с 1645 г. О Михайле и Любиме Скиба в архивном документе сказано, что они «служили многие службы и бились не щадя головы своей с изменники». О каких «изменниках» идет речь, пока не выяснено.

Федор Скибин, так же как его дед и отец, был тобольским казаком. Год начала службы неизвестен. В 1683 г. по его челобитью «велено ему быть в литовском списке, для того что челобитчиков дед и отец служили в литовском списке многие годы, а не из гулящих и прихожих людей». В 1685 г. Ф. Скибин был послан на службу из Тобольска в «Дауры», т. е. в Даурию — в Восточное Забайкалье. Здесь он находился пять лет. За это время несколько раз ездил с грамотами в Москву «наскоро».

В последнюю поездку из «Даур» в Москву Ф. Скибин сопровождал «мунгальских» (монгольских) посланцев. Как видно, ему доверялись важные и спешные поручения. В 1690 г. Ф. Скибин подал челобитную об освобождении от службы в Даурии. Последовало распоряжение: «От даурской службы оставить и быть в Тобольске по-прежнему» ³.

Когда в 1694 г. был дан царский указ направить посольство к хану Казачьей орды, главой посольства назначили Федора Скибина. Ему предстояло решение сложных дипломатических задач в трудных и опасных условиях. То, что выбор пал на него, вполне понятно: он был известен как бывалый путешественник, неоднократно выполнявший ответственные правительственные поручения.

Посольство вышло из Тобольска 4 апреля 1694 г. Шли по торговому пути в Среднюю Азию, а именно: от Тобольска через Иртыш, через его левые притоки Вагай и Ишим к верховьям Ишима, далее мимо гор Улу-Тау к рекам Сарысу и Чу, затем к Сырдарье до г. Туркестана. Проводником — «вожем» — был мурза Килдей.

Караван, дойдя до верховьев Ишима, направился к р. Сарысу. Как сообщал впоследствии Федор Скибин, «подле Сарысуя реки у Атуба-Каменю наехали на нас Казачьи орды воинские люди, человек с шестьдесят, и учили по нас из ружья и луков стрелять. . .

¹ ЦГАДА, ф. Сиб. Приказ (СП), № 214.

² В сибирском служилом казачестве существовали особые команды: казаки литовского, черкаского, новокрещенного списков и др. Происхождение их следующее. В то время как Донское, Запорожское и Яицкое казачества составлялись «по вольной воле» из беглых, недовольных московскими порядками людей, Сибирское служилое казачество пополнялось по царским указам «потребными людьми» и, кроме того, ссылкой в Сибирь преступников и всякого рода пленных: черкасс (украинцев и запорожцев), литвы (поляков), немцев. Таким образом, Сибирское служилое казачество имело в своем составе многих иностранцев, были даже «францужане» [6; 8].

³ ЦГАДА, ф. СП, № 214, стб. 1243, л. 12, 16, 18, 19.

убили кашевара, а другога ранили, а пожитки наши со вьюшными лошадьми ограбили без остатку». Мурзу Килдея забрали в плен, когда он подошел к нападавшим, уговаривая их не трогать русское посольство и отдать награбленное. Стрельба продолжалась весь день, были убитые и раненые с обеих сторон. Скибин, Трошин и их спутники, отстреливаясь, приблизились к р. Сарысу и «сели в осад». Ночью им удалось бежать в горы. Здесь они встретили несколько человек калмыков. Скибин рассказал им о своих злоключениях и просил довести посольство тайной дорогой к хану Тевки в г. Туркестан. За это калмыкам отдали из «остаточных своих пожитков» четыре лисицы красные да три бобра». Очевидно, подарки, которые русское посольство везло хану, были достаточно богатыми.

Калмыки, взяв подарки, сказали, что поедут за «добрыми верблюдами». Вернулись они в значительно большем составе, на лошадях, но без верблюдов. Всех русских связали, посадили вместе с собой на лошадей и повезли в свой улус. Здесь собралось человек двести, между ними началась ссора, каждый хотел взять русских пленников себе. В конце концов их продали своим же калмыкам «в холопство», получив за них скотом. В рабстве русские прожили четыре дня. Затем в улус приехал «отколе неведомо» мурза Килдей. Ему удалось уговорить калмыков освободить посольство.

Всех русских повезли вместе с мурзой Килдеем к хану Тевки.

22 июля они прибыли в г. Туркестан. Это весьма неблагоприятное путешествие продолжалось около четырех месяцев. Когда Скибина и его спутников привели в юрту к хану, здесь же были находившийся в плену Андрей Неприпасов и его спутник казак Василий Кобяков. Через толмача начались переговоры русского посольства с ханом Тауке, при этом присутствовало много его приближенных. Хан велел прибывшим прочесть ему царский наказ. На это Федор Скибин и Матвей Трошин сказали: «Как мы учнем наказ честь и про наших великих государей. . . здравие ему Тевкихану объявлять, и он бы Тевкихан став, слушал без шапки». Хан ответил, что встать он не может, так как у него болят ноги, а шапок у них не снимают и богу молятся в шапках. Скибин и Трошин сослались на то, что «у турецкого салтана и кизыл-башского (персидского. — *Е. К.*) хана» царский наказ слушают без шапок, стоя. На это последовал ответ, что и турецкий султан, и персидский хан ничем не выше его, Тевки-хана.

После отказа хана отдать дань уважения царскому наказу Скибин и Трошин объявили здравие хану Тауке, но не от лица царей Иоанна и Петра Алексеевичей, а только от ближнего стольника и тобольского воеводы Андрея Федоровича Нарышкина. Хан ответил, что он «здоров в восьмидесяти тысячах своего войска».

Затем стал говорить мурза Килдей. Он рассказал, что в русском плену «никакова ему утешения не было, жалованье и корм даван был с довольством». В заключение, обращаясь к приближенным хана, Килдей убеждал их прекратить набеги на русские селения. «И они татарова тех речей его не слушали».

В соответствии с полученным ими указом Скибин и Трошин

стали перечислять хану недавние нападения на русские слободы и требовали их прекращения. Хан же утверждал, что набеги совершают каракалпаки, а не его люди. Затем члены посольства потребовали возвращения всех русских пленных «мужеска и женска пола».

Скибина и Трошина поселили в одной юрте с Неприпасовым и Кобяковым. Корму на всех дали одного барана и два пуда пшеницы и этим ограничились, а прожили они в Туркестане год и три месяца. За это время Скибин и его спутники много раз обращались к хану, требуя отпустить их в Тобольск, но посольство держали в плену. «Тевкихан только челобитью нашему смеялся, а правды не сказал».

Скибин с товарищами, живя в Туркестане, часто встречались с другими пленными. Одна русская «полонянка», Анна Васильева, взятая в плен во время набега на Шипицину слободу Тарского уезда, рассказала Скибину то, что слышала от жен хана. Они просили своего повелителя отпустить домой русскую пленницу, но хан не только отказался отпустить кого-либо из пленных, но объявил своим женам, что собирается сам идти в поход на русские города и взять столько пленных, сколько ему понадобится.

В феврале 1695 г. по неизвестной причине внезапно умер Андрей Неприпасов. Со Скибиным, Трошиным и спутником Неприпасова Кобяковым обращались все хуже и хуже. По словам Скибина, «корму и чести нам не было».

Федор Скибин и его товарищи задумали побег из плена. В мае 1695 г. Матвей Трошин и Василий Кобяков бежали из Туркестана в Бухару. Скибин осуществил свой побег в октябре 1695 г. В товарищи он позвал одного из участников посольства—тобольского захребетного⁴ татарина Таушка Мергеня. Тот согласился, но затем передумал, и Скибин бежал один. В путь он вышел вместе с русскими пленниками, которых вели в Бухару продавать в рабство. Скибина тайно взял с собой надсмотрщик за пленными бухарский житель Салтанбаев.

В Бухару пришли 5 ноября, здесь Скибина встретили Трошин и Кобяков. В конце ноября Скибин, Трошин и Кобяков вышли из Бухары в Хиву вместе с торговыми людьми: астраханским жителем греком Николаем Ивановым и армянином Сайвасом Иванистовым. Скибин признался им, что бежал из плена, и назвал себя и своих товарищей.

20 декабря 1695 г. путники пришли в Хиву. Здесь было много пленных из «украинных» и сибирских городов. Один из пленных, донской казак Иван Яковлев, передал Скибину «штилистный» образ Николая-чудотворца, т. е. складень на шести досках. Доски были расколоты, лицо на образе изрезано ножом. Это сделали хивинцы, отнявшие образ у пленного русского купца. Казак Яковлев тайком спас поруганный образ и просил Скибина отнести его на родину.

В Хиве Скибин с товарищами прожили тайно три месяца, назвавшись ногайцами. На четвертой неделе великого поста (в конце

⁴ Захребетные — зависимые люди, заложившиеся «за хребет» какого-нибудь лица с передачей ему своего «государева тягла», т. е. повинностей [4, с. 65].

марта 1696 г.) все они вышли из Хивы и через плато Устюрт направились к р. Яику, на урочище Сарайчик. Весь путь из Туркестана в Бухару, из Бухары в Хиву и из Хивы на Яик «брели пеши». От Яика Кобяков пошел к Астрахани, а Скибин и Трошин отправились к кочевьям хана волжских калмыков Аюки, расположенным неподалеку от Яика. Хан принял путешественников «с честью и корм учинил». Для продолжения пути Аюка дал Скибину подводы и провожатых. От него они поехали на несколько дней в Яицкий городок (теперь Уральск), к яицким казакам, затем выехали в Уфу. Здесь Скибин отдал спасенный образ в соборную церковь. Пронести на себе тайно почти через всю Среднюю Азию тяжелый образ было нелегким и опасным делом. Скибин считал выполнение этого трудного поручения своим долгом. К тому же он, несомненно, знал, что Николай-чудотворец издавна считается в русском народе покровителем путешественников, и надеялся на его помощь в предстоявшем ему тяжелом пути.

В Уфе Скибин и Трошин прожили два дня; затем им дали подводы и отправили в Тобольск, куда они прибыли в июле 1696 г.

Прибыв в Тобольск, они явились к воеводе А. Ф. Нарышкину и подали ему «за своими руками» статейный список о путешествии в Казачью орду и «Росписи городков Казачьей орды» [7, с. 18; 9, с. 263; 11, с. 375—385].

Так как привезенные путниками сведения были очень важны, их отправили 5 августа 1696 г. «с отпиской и статейным списком» в Москву к князю Репнину, стоявшему во главе Сибирского приказа⁵.

Последовал царский указ о награждении Федора Скибина. «И великий государь пожаловал ево за многие службы деда и отца ево и за ево службишку и за всякое нужное терпение и велел ему быти в тобольских детех боярских с ево денежным и хлебным окладом и с пашнею». Василий Кобяков также был поверстан в дети боярские «за службу и за полонное терпение»⁶.

Несколько месяцев спустя из Москвы была послана царская грамота тобольскому воеводе А. Ф. Нарышкину, полученная им 14 февраля 1697 г. [1, с. 101]. Грамота содержала наказ подробно допросить тобольского сына боярского Федора Скибина «с товарищи» о путях в Казачью орду: в г. Туркестан, из Туркестана в Бухарию, из Бухарии в Хиву. Очевидно, эти сведения понадобились в связи с угрозой нашествия хана Тауке на русские города — в грамоте указано выяснить, где могут лучше пройти «ратные люди». После допроса велено было «учинить чертеж» [12].

В своем статейном списке Скибин сообщал о злключениях посольства на пути в Туркестан, о пребывании в плену, бегстве из плена и трудностях обратного пути в Тобольск.

В допросе же, как это было предписано царской грамотой, он рассказал о тех путях в Туркестан, по которым шел сам, подробно

⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 12, л. 191; ед. хр. 14, л. 107 об. — 108.

⁶ ЦГАДА, ф. Сп., № 214, стб. 1243, л. 514—515. Дети боярские стояли на низшей ступени феодальной иерархии. Верхний слой составляли князья, второй слой — бояре и служебные князья, третий — дворяне и дети боярские.

перечисляя все маршрутные сведения, имеющие несомненный географический интерес. Мы знаем, что посольство Скибина шло через реки Иртыш, Вагай, Ишим к рекам Сарысу и Сырдарье. Скибин называет не только эти большие реки, но и речки, перевозы, броды, деревни, волости, горы, горки, болота, через которые шел его путь; указывает, где можно проехать на конях или верблюдах, где пройдут телеги, а где можно только пройти пешком, где есть корм людям и скоту, а где его достать нельзя, в каких местах надо опасаться нападения «воровских» людей.

У оз. Тныркуль (по-видимому, это оз. Тенгиз) «воровские, разбойные люди», ограбив слободу, оставляют свою добычу — телеги, арбы, посуду, разную утварь — и затем идут в дальние походы. В степи растет «древо соксоус (саксаул. — *Е. К.*), похож на жимолость, корою на сандал, угольем жарок, по три дня не гаснет». Называет Скибин и колодцы, из которых можно запастись водой.

Расстояние между отдельными пунктами Скибин указывает в верстах и в днях пути. По его сведениям, от Тобольска до Туркестана средним ходом два месяца, скорым — тридцать дней, тихим — девять недель.

О р. Сарысу он сообщает, что она «пала устьем» в оз. Тиникуль. Это, несомненно, оз. Телеколь, в которое впадает р. Сарысу. О р. Чу Скибин также приводит правильные сообщения: «Не дошед до Сарысу за полднища ⁷, Чуй река ушла озером под землю». Как известно, р. Чу, не дойдя до р. Сарысу, впадает в оз. Саумак-Коль в пустыне Бет-Пак-Дала.

Верные сведения дает Скибин и о р. Амударье, которая течет «под Бухарию и под Хивинскими жилищами до города Хивы».

О р. Сырдарье, представлявшей большой интерес, так как по ее течению были расположены почти все города и городки Казачьей орды, Скибин сообщает: «А Сырт де река течет из под Камени ⁸, от городов их не в близости, а пала де устьем в море Хивинское или Аральское». В общих чертах это верные сведения. Об этом стоит упомянуть, так как на нескольких чертежах С. У. Ремезова, составленных в более поздние годы, Амударья и Сырдарья, впадая в Аральское море, в то же время берут начало из фантастического «моря Тенгиз» ⁹.

Отметим, что если в России конца XVII в. знали о впадении Амударьи и Сырдарьи в Аральское море, то в Западной Европе о существовании самого этого моря не знали еще и в первой четверти XVIII в., а реки Амударью и Сырдарью считали впадающими в Каспийское море.

Интересные сведения сообщает Скибин о городах, в которых он побывал, о том, как они построены, чем занимаются их жители,

⁷ Древнее русское слово «днище», встречающееся еще в летописях XII в., означает «день пути». Соответственно полднища — это полдня пути [10, стб. 768—769].

⁸ Из гор Тянь-Шаня.

⁹ Л. С. Берг писал, что под морем «Тенгиз» на чертежах Ремезова подразумевается, очевидно, оз. Балхаш [3, с. 196].

какие ремесла знают. По его словам, Туркестан и другие города Казачьей орды обнесены земляными валами. На валах стены из необожженного кирпича. Высота стены вместе с валом — две с половиной сажени, ширина — около сажени. Население городов состоит главным образом из бухарцев, «а казаки де все живут для пашенных земель по кочевьям». Лошадей и овец у казахов много, коров мало. Питаются они мясом и молоком, рыбы не ловят совсем. Сражаются луками и копьями, пушек у них нет, ружей мало, привозят их из Бухарии, так же как порох и свинец.

На Сырдарье, в трех днях езды от Туркестана, находится г. Юзугант. От этого города вниз по реке, по обе ее стороны, кочуют каракалпаки. Кочевья их доходят до мечети Курчут. Городов у них особых нет. Каракалпаков насчитывается более шести тысяч человек. Правит ими султан Тобурчак. Пушек у них нет, ружья они получают от казахов.

Дорога из Туркестана в Бухарию идет мимо колодцев Дертуктук и Агитлы. До первого колодца ходу три дня, от него до колодца Агитлы — пять дней, отсюда до г. Бухария — шесть дней езды на верблюдах безводными степями, воду везут с собой.

Город Бухария строением и высотой похож на Туркестан, у входа в него стоят 12 башен. Здесь живет бухарский хан Самангул. Бухарцы — люди торговые, «рукодельные», т. е. хорошие ремесленники. У них много мелкого «огненного» оружия, порох и свинец они делают сами. В городе стоят 50 пушек длиной в сажень.

Из Бухарии в Хиву ходу 15 дней. Город Хива меньше Бухарии, строения такого же. Хивинцы также «рукодельны», ружья и порох делают сами, пушек у них не видно. Бояр хивинских называют атальсками, служилых людей — узбеками, крестьян — раятами. Кроме хивинцев в Хиве живут «аральцы», «гурленцы» и «трухменцы», т. е. туркмены.

В заключение допроса Скибин сообщает, что кроме того пути, которым шло посольство, есть другая «пристойная» дорога из Тобольска в Казачью орду. О ней он узнал от многих «ведомцев и бывальцев». Это был один из торговых путей из Тобольска в Среднюю Азию. Путь этот шел вверх по Тоболу, через лежащие по его течению остроги и слободы; все они перечисляются, и указываются расстояния между ними¹⁰.

Известно, что многие из собранных Скибиным сведений отразились на чертежах С. У. Ремезова [1, с. 101; 3, с. 196; 13, с. 101—103; 14, с. 125, 130; 16, с. 299—300].

При сопоставлении литературных и архивных материалов о Федоре Скибине вырисовывается образ на редкость мужественного, стойкого русского человека. В тяжелейших условиях плена, ежедневно находясь под угрозой смерти, он настойчиво добивался

¹⁰ По допросу Скибина был сделан чертеж его пути. История создания этого чертежа изложена нами в статье: Е. А. Князецкая. Чертеж пути казака Федора Скибина из Тобольска в Казачью орду (1697 г.). — ИВГО. Т. 101. № 2, 1969.

выполнения порученного ему дела — освобождения русских пленных и прекращения набегов на русские поселения.

«Казахская Одиссея» Федора Скибина продолжалась более двух лет. Пройдя «пеши» огромный путь от Туркестана до Яика, он собрал много ценных сведений о странах Средней Азии.

Путешествие Федора Скибина вписало яркую страницу в историю русской географии.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII в. Изд. 2-е. М.—Л., 1960.
2. Басин В. Я. О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII в. — «Известия АН Казахской ССР». Серия общественных наук. 1965, вып. 5, с. 39—51.
3. Берг Л. С. Очерк истории исследований... Аральского моря. — Берг Л. С. Избранные труды. Т. 3. М., 1960, с. 167—250.
4. Вилков О. Н. Русские товары на тобольском рынке. — Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 40—92.
5. Казахско-русские отношения в XVI—XVII вв. Сборник документов и материалов. А.-А., 1961.
6. Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в исследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908.
7. Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска 1582—1908 гг. СПб., 1908.
8. Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества. — Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 201—217.
9. Роспись городков Казачьей орды по пути от Тобольска до Туркестана. — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М., 1933, с. 263.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
11. Статейный список пребывания в Туркестане, Хиве и Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина. . . — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 10. СПб., 1867, с. 375—385.
12. Сыскное дело 1697 г. о дороге в Хиву. Сообщение Н. В. Калачова. — «Русский архив». 1867, год пятый, стб. 395—402.
13. Федчина В. Н. Средняя Азия на русских чертежах (картах) XVIII в. — «Вопросы истории естествознания и техники». Вып. 4. М., 1957, с. 94—104.
14. Федчина В. Н. Развитие картографических представлений о Средней Азии с древнейших времен и до XVIII в. — «Научные записки Ташкентского института пародного хозяйства». Вып. 31, 1964, с. 97—131.
15. Чулошников А. П. Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. — ИАН. Отделение общественных наук. 1936, № 3, с. 525—529.
16. Шибанов Ф. А. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. — УЗЛГУ. Серия географических наук. Т. 104. Вып. 5, 1949, с. 270—306.

Т. Н. Голубева

СОЧИНЕНИЕ ЭМИРА
АБДУРРАХМАНА *ПАНДНАМА-ЙИ ДУНЬА ВА ДИН*
И ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Один из наиболее интересных периодов новой истории Афганистана, важный для последующего развития страны, — 60—70-е годы XIX в. Это время острой борьбы за власть между наследниками Дост Мухаммад-хана, период правления эмира Шер Али-хана и его попыток проведения преобразований в стране, борьбы афганского народа с английскими оккупантами и, наконец, возвращения в Афганистан и водворения на афганском престоле эмира Абдурахман-хана.

Среди источников этого периода заслуживает внимания автобиография Абдурахман-хана под названием *Панднама-йи дунья ва дин*. Однако, насколько нам известно, ее подлинный текст не подвергался специальному подробному исследованию, хотя и послужил источником и основой для ряда более известных востоковедам сочинений, таких, как официальная афганская история *Сирадж ат-таварих* (т. 2) и английский перевод автобиографии под названием «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan» (т. 1). Недостаточная изученность *Панднама* связана, по-видимому, с тем, что издание этой книги на языке оригинала (дарӣ) является библиографической редкостью, оно сохранилось лишь в нескольких экземплярах в руках частных лиц в Афганистане и Пакистане. Насколько нам известно, в фондах библиотек книга *Панднама-йи дунья ва дин* отсутствует. В настоящей статье использована машинописная копия литографического издания этой книги, присланная из Афганистана.

Сочинение Абдурахман-хана *Панднама-йи дунья ва дин*¹ является его автобиографией. Абдурахман приступил к изданию книги в месяце рамазане 1303 г. х. [21, с. 141] (что соответствует 3 июня—3 июля 1886 г. н. э.), т. е. на шестом году своего правления. Книга печаталась в кабульской типографии Дар ас-салтанат литографским способом на больших листах форматом 30×42 см. Литография была выполнена красивым насталиком² [21, с. 141].

¹ «Книга наставлений в мирской и духовной жизни».

² Существует предположение, что почерк литографического издания *Панднама* принадлежал Шер Мухаммаду, одному из авторов «تقويم الدين», изданного в Кабуле в 1306/1888-89 г. [21, с. 141].

Оглавление в начале сочинения свидетельствует о том, что автор замышлял создать большое произведение, которое должно было состоять из 16 глав под следующими названиями: глава 1 — «О событиях жизни»; глава 2 — «Советы и наставления»; глава 3 — «Экономическая политика»; глава 4 — «Как распознать друга и врага»; глава 5 — «Как обращаться с другом и как обращаться с врагом»; глава 6 — «Об устройстве армии и ее уставах»; глава 7 — «Об обращении с подданными и избавлении притесняемого от тирана»; глава 8 — «О законах царского двора и о правосудии»; глава 9 — «О защите дела священного шариата»; глава 10 — «О единстве мусульман — поклонников киблы»; глава 11 — «Знакомство с далекими соседями»; глава 12 — «О готовности к священной войне за веру»; глава 13 — «О том, как [необходимо] знать, что враг — обманщик и предатель»; глава 14 — «О верности долгу и избежании лжи»; глава 15 — «О поощрении талантливых людей во всех подвластных областях»; глава 16 — «О защите и охране путей сообщения».

Главы перечислены на титульном листе сочинения, а на страницах 1—2 названия некоторых из них раскрываются более подробно.

Абдуррахману не удалось сколько-нибудь полно осуществить свой план: из 16 задуманных глав свет увидели только две. Первая — «О событиях жизни» — была издана на языке дари, и за ней закрепилось общее название сочинения; вторая — «Советы и наставления» — была выпущена отдельной брошюрой на языке пашто. Объем литографического издания *Панднама* составил 140 страниц [21, с. 141]. Рукопись эмира, с которой сделана литография, обнаружена сравнительно недавно и в настоящее время хранится в рукописном отделе Кабульской Публичной библиотеки [16, с. 217]. Она не датирована [16, с. 217]. Ее объем — 246 страниц форматом 20×31,5 см [21, с. 142]. В рукописи в отличие от английского перевода отсутствует внутреннее деление на главы или разделы. Повествование начинается со времени приезда Абдуррахмана в Балх в 1853 г. и завершается написанием ответного письма англичанам во время остановки Абдуррахмана в Кундузе весной 1880 г., т. е. охватывает двадцатисемилетний период жизни автора.

Рукопись, с которой сделана литография, не была единственным автографом автобиографии Абдуррахмана. Вернувшись в 1897 г. на родину англичанка Лилиас Гамильтон, проработавшая несколько лет врачом при дворе афганского эмира, привезла с собой другую рукопись Абдуррахман-хана (а вместе с ней и ее будущего переводчика Султан Мухаммад-хана) [13, с. 116], которая представляла собой более поздний список по сравнению с *Панднама-йи дунья ва дин*. Эта поздняя рукопись имела деление на главы и была дополнена. Она заканчивалась описанием восстания в Хазараджате в 1892 г., о чем свидетельствуют содержание первого тома английского перевода [17] и предисловие его издателя Джона Муррея [17, т. 1, с. V]. Султан Мухаммад-хан в предисловии к английскому изданию сообщал, что он намеревается поместить оригинал сочинения Абдуррахмана в Восточный читальный зал Британского музея [17, т. 1, с. VIII].

Однако там рукопись не обнаружена [21, с. 142—143]. Существует предположение, что в настоящее время она находится в частной коллекции пакистанского поэта Файз Мухаммада — сына Султан Мухаммад-хана [16, с. 220].

Автобиография не является единственным сочинением Абдуррахман-хана. Еще находясь в изгнании, он по просьбе русских властей написал историю Афганистана, которая хранится в русских архивах и опубликована в английском переводе. Кроме того, афганский историк доктор Джавид в перечне изданий времени правления Абдуррахман-хана (1880—1901) упоминает помимо *Панднама* еще две его работы [21, с. 154]. Более полный перечень работ Абдуррахмана приводит афганский историк Мухаммад Хасан Какар [21, с. 154].

В книге английского автора С. Уилера об Абдуррахман-хане [18] в качестве приложения 1 приводятся в английском переводе выдержки из сочинения, написанного Абдуррахманом по просьбе русского правительства во время изгнания. В своем сочинении Абдуррахман рассказывает об истории Афганистана последних лет перед его бегством в Россию. Перевод сочинения на русский язык хранится в настоящее время в архивах. В книге С. Уилера помещен почти весь текст английского перевода с русского, выполненного полковником Гованом. Для нас эта работа представляет особый интерес, поскольку персидский и русский варианты остаются недоступными, а также потому, что она является предшественницей *Панднама*. Уилер называет ее «Автобиографией» и склонен считать частью автобиографии или ее ранним вариантом [18, с. 235], хотя первое, по-видимому, ошибочно. Абдуррахман начинает повествование со смерти эмира Дост Мухаммад-хана. Далее он подробно рассказывает о борьбе за престол с Шер Али, о своем бегстве в Иран, затем в Среднюю Азию и завершает рассказ повествованием о своем прибытии в Карши и намерении ехать в Самарканд.

В 1900 г. в Лондоне вышла двухтомная книга под названием «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan», редактором которой был Султан Мухаммад-хан, учившийся в Кембриджском университете и получивший ученую степень бакалавра юриспруденции (государственный секретарь Афганистана, как значилось на титульном листе книги).

В предисловии издателя книги Джона Муррея говорится, что первые 11 глав есть не что иное, как перевод Султан Мухаммад-ханом рукописи эмира, а остальная часть книги составлена редактором по его записям, сделанным в разное время «со слов эмира». Это же подтверждает и сам Султан Мухаммад в своем предисловии. Хотя эта часть сочинения, по словам редактора и издателя, является переводом с автографа эмира, в ней обнаружен целый ряд несоответствий с *Панднама*, искажений имен собственных и пропусков в тексте. Поэтому для исследования и оценки автобиографии Абдуррахман-хана недостаточно пользоваться лишь английским переводом, необходимо обращение к оригинальному тексту *Панднама*.

Русский перевод с английского осуществлен в Петербурге в 1901 г. полковником Генерального штаба М. Грулевым и имеет название

«Автобиография Абдуррахман-хана эмира Афганистана». Поскольку это перевод с перевода оригинала, то он, естественно, содержит еще большее число погрешностей и требует еще более осторожного обращения. Издание снабжено подробным предисловием русского переводчика, в котором высказывается мнение о подлинности обоих томов «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan» [2, с. I—XXXIX], и этим обосновывается правомерность изменения названия в русском переводе.

Следует отметить, что существует ряд других переводов автобиографии Абдуррахмана. Они были выполнены из-за недоступности оригинала с английского варианта.

Среди источниковедческих работ советских авторов следует выделить рецензию А. А. Семенова, посвященную изучению и характеристике двух первых томов официальной афганской истории *Сирадж ат-таварих* [14]. В ней рецензент указывает на использование автобиографии Абдуррахмана в качестве одного из источников второго тома *Сирадж ат-таварих* и впервые отмечает, что в *Сирадж ат-таварих* есть сведения по истории Средней Азии, которые отсутствуют в русских источниках и в обратном переводе автобиографии. Кроме того, рецензент обращает внимание читателей на тот факт, что некоторые материалы, вошедшие в *Сирадж ат-таварих* из автобиографии, не были включены в обратный перевод сочинения Абдуррахман-хана, выполненный с английского перевода и имеющий название *Тадж ат-таварих*.

В дальнейшем изучением *Сирадж ат-таварих* занимался В. А. Ромодин, которому принадлежит ряд статей, посвященных различным вопросам исследования этого сочинения и «Автобиографии» Абдуррахмана [10; 11; 12; 13].

При сопоставлении текста сочинения Абдуррахмана и его английского перевода обнаруживается ряд различий между ними. Прежде всего обращает на себя внимание различная форма изложения материала: в *Панднама* это непрерывное повествование, в котором почти не нарушается хронологическая последовательность. Исключение составляет описание событий в Ургуте, происходивших во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., которое в *Панднама* предшествует рассказу о восстании в Коканде в 1871—1875 гг. В английском переводе имеется деление материала на главы со следующими названиями: глава 1 — «Юные годы»; глава 2 — «Бегство из Балха в Бухару»; глава 3 — «Борьба с Шер Али»; глава 4 — «Борьба с Шер Али (продолжение). Эмир Азим»; глава 5 — «В Самарканде»; глава 6 — «В Бадахшане». Внутри каждой главы имеются более мелкие подзаголовки. Хронологические рамки сочинений также различны. Начинаются оба изложением событий 1268/1853 г. Однако в *Панднама* повествование обрывается на событиях весны 1880 г., а в английском переводе оно продолжено до 1892 г.³ и разделено на следующие главы: глава 7 — «Мое восшествие на престол»; глава 8 — «Управление»; глава 9 — «Присоединение Герата»; глава 10 — «По-

³ Имеется в виду перевод собственно сочинения Абдуррахмана.

ложение страны во время моего вступления на престол»; глава 11 — «Войны во время моего царствования».

Сличение содержания показало, что описания юношеских лет эмира и его участия в междоусобной борьбе за власть, разгоревшейся после смерти Дост Мухаммад-хана, приблизительно идентичны. Однако в разделе, посвященном времени пребывания Абдулрахмана в русских пределах, в английском переводе отсутствует целый ряд фрагментов, которые имеются в *Панднама*. Эти эпизоды заслуживают внимания как с точки зрения событий, которым они посвящены, так и с точки зрения авторского отношения к этим событиям. Кроме того, в разделе, посвященном описанию пребывания Абдулрахмана в русских владениях, в английском переводе имеет место ряд искажений и отдельных ошибок, которые иногда трудно объяснить. Так, Абдулрахман рассказывает, как ему довелось участвовать в «великом русском празднике». Об этом празднике в переводе говорится как о «Рождестве Христовом» [17, т. 1, с. 140]. Однако из описания видно, что это не рождество, а пасха. Остается загадкой, как такая ошибка не была замечена не только английским издателем, но и русским переводчиком. К тому же этот эпизод в английском переводе сильно сокращен.

Фрагменты, отсутствующие в английском переводе, касаются в основном различных вопросов истории Средней Азии второй половины XIX в. Абдулрахман рассказывает о тех событиях, участником которых он был либо о которых слышал от очевидцев. Среди этих эпизодов — описание Хивинского похода 1873 г., карательной экспедиции царских войск против туркменского племени иомутов и рассказ о волнениях в Ургуте. Этот рассказ изложен с сокращениями в *Сирадж ат-таварих* [22, с. 340]. А. А. Семенов, занимавшийся исследованием *Сирадж ат-таварих*, впервые обратил внимание на то, что «случай этот... не был отмечен в истории русской гражданственности в Туркестане» [14, с. 206] и его описание отсутствует в сочинении Абдулрахмана под названием *Тадж ат-таварих* [14, с. 206]. Сказанное выше затрудняет комментирование описываемых событий. Можно предположить, что волнения, о которых идет речь, были из тех, что вспыхивали в период русско-турецкой войны в Средней Азии в результате антирусской панисламистской пропаганды, которую вели там представители турецкого султана при содействии британских властей [15, с. 341].

Некоторые фрагменты *Панднама* изложены в переводе в значительно сокращении. К ним относится рассказ о восстании в Коканде в 1871—1875 гг., а также описание пребывания Абдулрахмана в русских пределах.

Следует отметить, что в описаниях исторических событий отчетливо прослеживается классовая позиция Абдулрахмана, который осуждал народные восстания в Средней Азии, принимая сторону царских властей.

Если рассматривать сочинение Абдулрахмана только как источник по истории политических событий, то его характеристика будет далеко не полной. Автор *Панднама* рассказал довольно подробно,

хотя и не всегда правдиво, о своих контактах с русскими, привел некоторые сведения о их жизни, которые могли быть интересны афганским читателям с точки зрения истории культуры, поскольку Афганистан в XIX—начале XX в. был «закрытой страной».

Абдуррахман уделил большое внимание описанию правил европейского этикета. При этом он подробно рассказал о действиях окружающих, но умолчал о своем отношении к происходившему. Из русских источников, однако, известно, что Абдуррахман не был простым свидетелем описываемых им приемов и вечеров, а принимал в них самое живое участие. На одном из балов, данных Кауфманом, генерал-губернатором Туркестана, он вопреки предостережениям имама и части свиты принял участие в танцах и танцевал полонез второй парой за генерал-губернатором «с m-lle П-ман, барышней весьма симпатичной наружности и декольтированную» [1, № 3265]. После танца Абдуррахман признался, что он «первый раз в жизни ходил с дамой под руку в таком многолюдном месте» [1, № 3265], и заявил, что «танцы его весьма интересуют» [1, № 3265]. После танцев он с помощью переводчика прислуживал даме во время ужина [1, № 3265].

Абдуррахман не рассказывает об этом в своем сочинении, как он не говорит и о многом другом, что могло скомпрометировать его либо в глазах соотечественников, либо в глазах европейских читателей. Так, Абдуррахман вспоминает, как при первом приезде в Ташкент ему было предложено побывать в Петербурге, где русский император якобы ожидал встречи с ним. Абдуррахман пишет, что он отказался от поездки, так как не получил на нее согласия приближенных [20, с. 90]. Однако в воспоминаниях об Абдуррахмане, опубликованных в русской прессе, сообщалось, что он изъявлял желание поехать в Петербург, но получил отказ генерал-губернатора [1, № 3268]. Стремясь показать себя человеком светским, лишенным религиозных предрассудков, Абдуррахман рассказывает о том, как он охотно согласился сфотографироваться для русского императора, и ругает своих приближенных, у которых «нет и доли разума», за то, что они отказались сняться из опасений стать кафирами [20, с. 90]. Однако русский автор воспоминаний об Абдуррахмане писал, что лишь с большим трудом удалось уговорить его сфотографироваться. Свита же, наоборот, снялась довольно охотно, отказавшись лишь от групповой фотографии [1, № 3264].

Десятилетнее пребывание Абдуррахмана в русских пределах не могло не сказаться на внутреннем облике этого человека. Абдуррахман познакомился с правилами европейского этикета и освоил их. Кроме того, он получил некоторые представления о европейской науке.

В детстве, как пишет сам автор *Панднама*, он не проявлял ни желания, ни способностей к учению и «назавтра забывал все, что выучил сегодня» [20, с. 2]. Читать и писать Абдуррахман научился лишь в юношеском возрасте, да и то, как он считал, с помощью сверхъестественных сил [20, с. 27—28]. Ко времени своего прибытия в Россию, т. е. к 26-летнему возрасту, он мог писать «незавидным

почерком, чрезвычайно мелким, но довольно грамотно» [1, № 3262]. По всей вероятности, «научный багаж» Абдуррахмана заключался в умении читать, писать и производить простейшие арифметические действия. Приехав в Россию, он окунулся в среду, резко отличную от той, в которой пребывал ранее. Многие явления, с которыми он встретился, были ему непонятны, а для их понимания требовались дополнительные знания. Так, будучи свидетелем военных маневров на р. Салар, Абдуррахман наблюдал действие мины [20, с. 89], взорванной на значительном расстоянии с помощью электрической батареи. При этом ему было предложено самому соединить проводник с батареей [1, № 3264]. Абдуррахман был очень удивлен мощным взрывом, происшедшим в результате совершенной несложной операции. Прежде ему не доводилось быть свидетелем подобных «чудес». Видимо, произведенное током действие пробудило в нем большой интерес, так как переводчику Кауфмана было предложено перевести для сардара на персидский язык раздел гимназического учебника по физике Ленца [8], в котором говорилось об электричестве. В этом разделе [8, с. 152—220] излагались основы теории электричества и относящиеся к ней законы (такие, как закон Ома). Теоретическому материалу предшествовало описание ряда физических опытов, что в значительной степени облегчало понимание теории и делало ее доступной для человека, не имевшего ранее знаний по физике. Однако наряду с этим в разделе об электричестве объяснялся и такой материал, для понимания которого учащемуся необходимы были знания геометрии, химии, тригонометрии. Без сомнения, этих знаний у Абдуррахмана не было, поэтому значительная часть материала гимназического учебника вряд ли была им понята. Однако можно предположить, что основы теории электричества Абдуррахман усвоил, а это уже было немало. По-видимому, он был первым из афганских эмиров, получившим элементарные представления об электричестве на уровне европейской науки того времени. Здесь нельзя не согласиться с мнением русского переводчика автобиографии Абдуррахман-хана М. Грулева, который в предисловии к изданию отмечал, что «жизнь Абдуррахмана в пределах России в значительной степени изоширила его ум и расширила его кругозор далеко за те узкие рамки, которые служили уделом прежних эмиров афганских» [2, с. XXIII]. Побывав в России, Абдуррахман понял «необходимость более частого и тесного общения афганцев с остальным миром» [2, с. XXIII]. Вероятно, это наряду с другими факторами повлияло на стремление автора *Панднама* как можно более подробно отразить свою жизнь в русских пределах.

Однако следует отметить, что, понимая необходимость контактов с внешним миром, Абдуррахман в годы своего правления, с одной стороны, вынужден был сохранять изоляцию страны в результате потери внешнеполитического суверенитета [3, с. 39], а с другой стороны, и сам стремился к сохранению изоляции, опасаясь проникновения в страну свежих веяний. В связи с этим он не разрешал выезда из страны с целью обучения за рубежом [9, с. 276—277]. Признавая важность и необходимость внедрения европейских наук для про-

гресса страны, он в то же время запрещал их преподавание, а одобрял и покровительствовал только традиционным мусульманским «старым наукам». При нем процветала в Кабуле религиозная школа (*мадраса-йи шахи*) [22, с. 942], а школа современного типа, основанная Шер Али и разрушенная англичанами во время второй англо-афганской войны, так и не была восстановлена. Все это свидетельствует о противоречиях во взглядах и делах эмира.

Рассматривая *Панднама*, следует отметить, что это сочинение — не только исторический источник, характеризующий внутреннюю обстановку в Афганистане в 60—70-х годах XIX в., внешнеполитическую ситуацию, отдельные вопросы истории сопредельных Афганистану стран. *Панднама* — не только источник информации, но в то же время и интереснейший памятник языка дари конца прошлого века. С этой точки зрения сочинение Абдуррахмана ценно потому, что история языка дари до сих пор почти не исследована. Некоторым аспектам исследования современного языка дари посвящены работы Л. Н. Дорофеевой (Киселевой) [5; 6]. Кроме того, как вклад в изучение лексики современного языка дари следует отметить недавно вышедший «Дари-русский словарь» [7].

Лексика *Панднама* отличается большим количеством слов, заимствованных из пушту, таджикского, английского, русского, а также из индийских и тюркских языков. Долголетнее пребывание в России и общение с русскими сказалось на языке автора *Панднама*. В. В. Бартольд указывал, что уже в 1873 г. Абдуррахман мог несколько говорить по-русски [4, с. 417]. Знакомство с русским языком отразилось в его сочинении; он употребляет в *Панднама* некоторые русские слова и, заведомо зная, что они не будут понятны читателям, объясняет их значение, а иногда, наоборот, дает русские эквиваленты к известным в дари словам.

Панднама написано довольно простым и ясным языком, почти свободно от «словесной мишуры». Афганский ученый доктор Джавид отмечает, что при чтении сочинения «у читателя складывается мнение, будто пожилой человек, проживший богатую событиями жизнь, рассказывает искренне о своей судьбе» [21, с. 146]. В тексте встречаются образные сравнения, стихотворные отрывки, некоторые поговорки. Доктор Джавид говорит, что сочинение написано «языком, близким к разговорному, бегло и весьма красноречиво. Встречающиеся слабости стиля и ошибки в орфографии не умаляют красоты и привлекательности текста. „Панднама“ — великая сокровищница языка дари и особенно кабульского диалекта столетней давности с точки зрения лексики, обиходных слов, словосочетаний и терминологии» [21, с. 146].

Настоящей статьей делается попытка ввести оригинал сочинения Абдуррахман-хана в научный обиход и показать, что источник заслуживает серьезного внимания и исследования как памятник по истории и культуре Афганистана конца XIX в.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуррахман-хан (Из воспоминаний о нем). — «Новое время». СПб., 1885, № 3262—3266, 3268, 3269, 3272, 3275.
2. Автобиография Абдуррахман-хана эмира Афганистана. Пер. с англ. М. Грулев. Т. 1. СПб., 1901.
3. Бабаходжаев М. А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). Таш., 1975.
4. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
5. Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
6. Киселева Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973.
7. Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дари-русский словарь. М., 1978.
8. Ленц Э. Руководство к физике, составленное по поручению Министерства народного просвещения для русских гимназий академиком, профессором Э. Ленцем. Изд. 9-е. Ч. 1—2. М., 1870.
9. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2. М., 1965.
10. Ромодин В. А. «Сирәдж ат-таварих» (т. III) как источник. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». IV годовичная сессия ЛО ИВАН. Л., 1968.
11. Ромодин В. А. Источники «Сирәдж ат-таварих». — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». V годовичная сессия ЛО ИВАН. Л., 1969.
12. Ромодин В. А. «Автобиография» Абдуррахман-хана и ее переводы. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». VIII годовичная научная сессия ЛО ИВАН (аннотации и краткие сообщения). Л., 1972.
13. Ромодин В. А. Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана. — «Страны и народы Востока». Вып. 18. М., 1976.
14. Семенов А. А. [Рец. на:] Святильник истории (سراج التواريخ), история Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-хана. — ИТОРГО. Т. 17. Таш., 1925.
15. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). М., 1965.
16. Kakar Muhammad Hasan. Afghanistan. A Study in International Political Developments 1880—1896. Kabul, 1971.
17. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. Edited by Sultan Mahomed Khan, Advanced Student of Christ's College, Cambridge, Secretary of State of Afghanistan: Barrister-of-Law. With Portraits, Maps and Illustrations. Vol. 1—2. L., 1900.
18. Wheeler S. The Ameer Abdur Rahman Khan. . . With Portraits and Maps. L., 1895 (Public Men of To-day. An International Series. Ed. by S. H. Jeyes).
19. Абдуррахман. Nesai Namchai Afghani. Кабул, 1303/1886. [Русский перевод извлечений]. — «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским Военным Округом». Вып. 11. № 4. Таш., 1903, с. 2—13.
20. Амир Абдуррахман. Панднама-йи дунйа ва дйн, баб-и аввал — дар вақи'ат-и саргузашт. Кабул, 1304 г. х.
21. Джавид. Саргузашт-и Тәдж ат-таварих. — «Адаб». Кабул, 1349/1970, № 5—6.
22. Файз Мухаммад. Сирәдж ат-таварих. Т. 2. Кабул, 1913; т. 3, 1915 [—1918].

С. И. Баевский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В РАННИХ ПЕРСИДСКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (XI—XV вв.)

Персидские толковые словари, сохранившиеся в дошедших до нашего времени памятниках начиная с XI в., представляли собой сложный жанр научной литературы, своеобразные учебники образованности. Предназначенные служить пособиями для чтения художественной литературы, поэзии, ранние персидские фарханги были в известной мере и энциклопедиями, содержащими, в частности, сведения по географии.

Этот аспект персидских фархангов специально не изучен. Вместе с тем ранние словари могут быть, безусловно, привлечены как источники ценных сведений по исторической географии и топонимике Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии, дополняющие средневековые сочинения по географии и другие источники.

Можно отметить как характерную черту персидской лексикографической традиции, что вместе с заметным ростом объема словарей и расширением их научно-практических функций увеличивался от словаря к словарю и объем сведений по географии и топонимике.

Если самые первые фарханги были — в некоторой части — и своего рода комментарием к литературным текстам, более всего к *Шах-наме* Фирдоуси, в соответствии с территорией, где разворачивались события эпопеи, то в более поздних словарях, особенно с XVI в. и далее, географические термины представлены шире, текст толкования их более полный и пространный.

В фархангах раннего периода географические сведения отрывочны, пояснения их кратки. Однако наряду с краткими и мало-конкретными объяснениями отдельные словарные статьи насыщены интересными свидетельствами, в частности о тех или иных ведущих признаках, которыми так или иначе славился в средневековье отдельный географический пункт — город, область, селение. Это сведения о развитых ремеслах, отличающих тот или иной населенный пункт, о товарах, вывозимых из него, и т. д. Словари приводят также варианты географических названий, некогда употреблявшиеся и устаревшие уже ко времени составления словаря.

Сам отбор географических названий, вводимых в список толкуемых слов, показывает, что эти географические названия были

употребительны в поэзии, в контексте литературно-художественных произведений. Вместе с тем они, видимо, иногда требовали пояснения, как не всегда понятные читателю.

Ниже мы приводим географические названия, имеющие отношение к Ирану, Средней Азии, Афганистану и Индии, которые зафиксированы в персидских толковых словарях раннего периода, XI—XV вв., в качестве заглавных словарных статей.

* * *

Географические названия выбраны из следующих словарей:

1. *Лугат-и фурс* («Словарь персидского языка»). Составлен в Азербайджане во второй половине XI в. уроженцем Хорасана поэтом Асади Туси. Содержит около 1700 толкуемых слов. Словарь издан трижды.

Ссылки даны на издание Дабира Сиййаки 1336/1957 г. [7] и на издание А. Икбали 1319/1940 г. [8]¹.

2. *Сихах ал-фурс* («Совершенство персидского языка»). Составлен в Азербайджане в 1328 г. поэтом Мухаммадом ибн Хиндушахом Нахчивани. Содержит 2300 толкуемых слов. Ссылки даны на издание Абд ал-Али Таэти 1341/1962 г. [6].

3. *Мийяр-и Джамали* («Джамалов эталон»). Составлен на юге Ирана, в Луристане, в 744/1343 г. поэтом Шамс ад-Дином Фахри Исфакхани. Содержит около 1600 толкуемых слов. Словарь имеет два печатных издания. Ссылки даны на издание 1887 г. К. Г. Залемана [5].

4. *Фарханг-и зафангуйа ва джаханпуйа* («Словарь говорящий и мир изучающий»). Составлен в Индии в конце XIV в. неким Бадр ад-Дином. Содержит 5170 толкуемых слов. Ссылки даны на издание С. И. Баевского [1]; в сокращении — 3. Издание осуществлено по ташкентскому списку с привлечением рукописи, хранящейся в Индии. В последнее время обнаружен третий список, который хранится в Тегеране (Библиотека сената, № 527) под названием *Фарханг-и панджбахши* («Словарь из пяти частей»).

5. *Даниш-наме-йи Кадар-хан* («Книга знания Кадар-хана»). Словарь составлен в 1404—1405 гг. в Индии, его автор — Ашраф ибн Шараф ал-Музаккар Алфаруги. Словарь не издан. К настоящему времени зарегистрирована только одна его рукопись, принадлежащая Республиканскому рукописному фонду Академии наук Азербайджанской ССР², ссылки даны на эту рукопись; в сокращении — Д.

АБИСКУН (آبِسْكُون) — «река, которая течет из Хорезма, но там, где она приближается к Кульзуму, ее называют Абискун» [6, с. 228].

АДАРБАДГАН (آذربادگان) — «название области недалеко от Тебриза, где были храмы огня магов; называют также — Азарбадган» [3., л. 29а].

¹ Ссылки на издание А. Икбали даны по книге В. А. Капранова [2].

² Первое печатное сообщение об этой рукописи см. в статье Ш. Хусейнзаде и Р. Хашима [3, с. 64—83].

АДЖУ (اجو) — «город³ вблизи Армен» [6, с. 297].

АЛВАНД (الوند) — «гора в Хамадане» [6, с. 73].

АМУЙ (آموی) — «город на берегу Джейхуна» [6, с. 298]; «город на берегу Джейхуна, и Джейхун называют этим именем» [5, с. 138].

АНДАРАБ (اندرآب) — «город в Хорасане» [2, с. 48].

АРАС (ارس) — «большая река, которая течет с горы Арзанрум, протекает через степь Нахчивана, оттуда следует в Аран и разделяется на несколько рукавов; большей частью она попадает на возделанные поля той области, а небольшая часть, которая остается, соединяется с рекой Курой, и обе они, соединившись, впадают в море Абискун, которое называют также Кульзум» [6, с. 140].

АРВАНД (اروند) — «так называют реку Тигр» [2, с. 52; 5, с. 26]; «так называют реку Тигр и гору Алванд» [6, с. 72]; «название горы, так же называют реку Тигр» [Д., л. 466].

АРМАН (ارمن) — «название местности» [3., л. 44a].

АС (آس) — «название города в области Кипчак»⁴ [6, с. 140].

БАМ (بم) — «название местности в области Керман» [6, с. 216].

БАРАК (برک) — «река» [7, с. 103; 6, с. 174].

БАХАР (بهار) — «капище в Туркестане, и город в Индии, и река в Индии, и остров» [Д., л. 55a].

БИЛАРАМ (بيلارام) — «название большой крепости» [2, с. 53].

БУНДУР (بندر) — «название города в Гарчистане» [2, с. 48].

БУРТАС (برطاس) — «город и область в Туркестане, тамошние лисицы отличаются хорошим мехом» [3., л. 446].

ВАКВАК (وقواق) — «название местности» [3., л. 496].

ВАРАРУД (ورارود) — «Мавераннахр» [2, с. 48; 6, с. 95; 5, с. 33].

ВАХШ (وخش) — «название города» [2, с. 47]; «название города в Туркестане» [6, с. 158].

ГАВАШИР (گواشیر) — «название области» [3., л. 346].

ГАНАДЕ (غناده) — «название области» [3., л. 96].

ГАНГ (گنگ) — «остров, река в Индии, храм идолопоклонников в Туркестане» [7, с. 88; Д., л. 1176]; «город, название острова и река в Индии» [6, с. 200; 5, с. 78]; «название острова, название реки в Индии» [3., л. 186].

ГАНДАК (غنداق) — «название местности; стрелы в тех местах очень хорошие» [3., л. 476].

ГАТФАР (غاتفار) — «город, в котором много кипарисов» [2, с. 53]; «название местности в Самарканде» [Д., л. 696].

³ Словом «город» здесь, как и ниже, переводится персидское *шахр*; в средневековых персидских словарях *шахр* обозначало как «город», так и «страна».

⁴ Ср. в словаре Ценкера [4, с. 35]: «اس» oder «احی — As. Name einer Jegend und eines Volkes im Kiptchak; die Osseten».

- ГУРГАН (گورگان) — «известная страна» [5, с. 97].
- ГУРГАНДЖ (گورگانج) — «название Хорезма» [6, с. 54].
- ДАМАВАНД (دماوند) — «высокая гора» [3., л. 1а].
- ДАРГАМ (درغم) — «название местности» [3., л. 45а].
- ДАРГАН (درغان) — «город по эту сторону Самарканда» [2, с. 47]; «название города вблизи Самарканда» [6, с. 240].
- ДАСТАН (دستان) — «название местности в Самарканде» [6, с. 242].
- ДЖАБУЛКА (جابلقا) — «город на Востоке» [6, с. 34].
- ДЖАБУЛСА (جابلسا) — «город на Западе» [6, с. 34].
- ДИХЛАВ (دهلوی) — «город в Индии, Амир-и Хосров из того города» [6, с. 297].
- ЗАВУЛ (زاوول) — «название города» [3., л. 36].
- ЗАСТ (زاست) — «название области» [2, с. 48].
- ИГ (ایگ) — «город и область» [3., л. 516].
- ИЛ (ایل) — «область» [3., л. 516].
- ИЛИК (ایلیک) — «город в Туркестане, где много красавиц» [6, с. 173].
- ИРАК (عراق) — «известная страна, и это Иран, а Ираков два: Ирак арабский, где река Тигр, то есть Тигр Багдадский, и Ирак ад-жамский, который с этой стороны» [3., л. 416].
- ИРАН (ایران) — «название Ирака, а Ирак — это арабизованное слово от Иран» [2, с. 52].
- ИСПАХАН (اسپهان) — «название города в Иране, в древности его называли „Дар ал-йахуда“» [6, с. 259].
- ИСТАХР (اصطخر) — «название города в стране Парс» [3., л. 436].
- ЙАГМА (یغما) — «название города, откуда привозят много красавиц» [6, с. 33]; «название города и области Туркестан» [3., л. 28а]; «набег, также употребляется как название города» [Д., л. 166].
- ЙАРИЙАН (یریدان) — «так называют город Самарканд» [3., л. 286].
- КАБУЛ (کابل) — «название области» [3., л. 156].
- КАЗДАР (قزدار) — «название города на границе Индии» [2, с. 50].
- КАЛАНДЖАР (کالنجر) — «крепость в Индии, из которой вывозят много индиго» [2, с. 50].
- КАНГАЛЕ (کنغاله) — «название горы в Хорасане» [3., л. 166; Д., л. 198а].
- КАНДАХАР (قندهار) — «название города» [3., л. 48а].
- КАННУДЖ (کنوج) — «город» [6, с. 71].
- КАРКАРИ (کرکری) — «название города в Индии» [2, с. 49].
- КАРКУБ (قرقوب) — «название местности; так, куркуби и шуштери — два названия одежды, которую ткут в этих двух местностях» [3., л. 476].
- КАТ (کات) — «город в Мавераннахре» [5, с. 11].
- КАТУР (کتر) — «область в Индии» [2, с. 49].

КАХБАР (كهبر) — «название области в Индии» [2, с. 50].

КАШ (كاشى) — «название города в Мавераннахре, вблизи Нахшаба» [6, с. 154].

КАШГАР (كاشغر) — «название города в Туркестане, вблизи Хотана» [5, с. 47]; «название города в Туркестане, говорят также Каргар» [3., л. 136].

КИДИН (كدن) — «деревня, в которой ежегодно в день Ашура собирается десять тысяч человек» [6, с. 249].

КИМАК (كىماك) — «город в Туркестане» [2, с. 48].

КИРВАН (قىروان) — «некая страна в отдаленной части благоустроенного мира» [6, с. 249].

КИШ (كىشى) — «город на берегу Персидского моря, там добывают драгоценные камни — жемчуг и другие. Климат там очень жаркий» [6, с. 155].

КУРКСАР (كركسار) — «название области» [3., л. 136].

КУЧ У БАЛУДЖ (كوج وبلوچ) — «местность между Керманом и Исфаханом» [6, с. 59].

ЛАВХУР (لوهور) — «название области в Индии» [2, с. 49].

ЛАМГАН (لمغان) — «название города вблизи Газни» [3., л. 206].

ЛУГАР (لوگر) — «город в Индии» [2, с. 50].

ЛУР (لر) — «название города» [3., л. 20а].

МАЗАНДАР (مازندر) — «область Мазандеран» [2, с. 52].

МАЗИЛ (مازل) — «название горы в Индии» [2, с. 50].

МАНВАР (مناور) — «город вблизи Хотана» [5, с. 46; 3., л. 216].

МАСАДЖ (مسج) — «название реки» [3., л. 21а].

МУГАН (موقان) — «название города» [3., л. 49а].

НАХЧИВАН (نخجوان) — «название области» [3., л. 25а].

НАШВИ (نشوى) — «в старину это было название Нахчивана» [6, с. 308].

НИМРУЗ (نيمروز) — «область между Хорасаном и Фарсом; Систан — столица Нимруза» [3., л. 356].

ПАРАНЕ (پرانه) — «город» [6, с. 267].

ПАРВАН (پروان) — «название города вблизи Газни» [2, с. 48].

РУДАВАР (رودآور) — «название реки» [3., л. 326].

САДИВАР (سدیور) — «название города в Индии» [2, с. 49].

САЙХАН (سیحان) — «река Сейхун» [2, с. 52].

САҢЛАБ (سقلاب) — «область в Туркестане, люди там белые» [3., л. 46а].

САМАНГАН (سمنگان) — «город, [называемый также] Ахваз, который сейчас называют Рамс» [6, с. 246].

САМАНДУР (سمندور) — «название города в Индии, из которого привозят алоэ» [2, с. 49].

САПИД (سپید) — «название крепости в стране Иран» [3., л. 5а].

САРИЙАН (ساریان) — «название города в Гарчистане» [2, с. 48].

САХРИ (سهری) — «область» [3., л. 526].

СИЙАМ (سیام) — «это гора, и говорят, что Муканна оттуда принес луну» [7, с. 133]; «гора в стороне от Мавераннахра, откуда Муканна показал луну» [6, с. 222]; «гора в районе Мавераннахра, где Муканна с помощью волшебства показал луну» [5, с. 90]; «гора в Мавераннахре» [Д., л. 1306].

СИНА (سینا) — «гора Тур» [6, с. 25]; «название горы» [3., л. 46].

СИНД (سند) — «известная страна» [5, с. 29].

ТАБАР (طبر) — «название области и страны, и произносят Табаристан [по типу] Туркестан» [3., л. 466].

ТАРАЗ (طراز) — «город красавиц из страны Чин» [6, с. 128]; «название города, где ткут разные ткани, а в Туркестане называют так украшения» [3., л. 466]; «название города» [Д., л. 766].

ТУРАН (توران) — «название Туркестана и части Хорасана, и это с востока» [2, с. 52].

ТУРК (ترک) — «употребляется в смысле Туркестан» [7, с. 102].

ТУС (طوس) — «область и название человека» [3., л. 47a].

УШ (اوشی) — «селение» [3., л. 51a].

ФАМИР (فامر) — «город вблизи Фархара, поблизости от него есть пустыня, в которой мускусная кабарга сбрасывает мускусный мешочек» [2, с. 48].

ФАНАРУЗ (فناروز) — «название места в Самарканде, в котором хорошее вино» [2, с. 47].

ФАНСУР (فنصور) — «название города в Индии, из которого вывозят хорошую камфару» [2, с. 49].

ФАРГАНЕ (فرغانه) — «название области между Самаркандом и Чином» [2, с. 47].!

ФАРЗАД (فرزد) — «так называют реку в Мавераннахре» [Д., л. 506].

ФАРХАР (فرخار) — «название города в Туркестане» [6, с. 111]; «название идола и капища, название города, в котором много красавиц» [3., л. 10a].

ХАЙТАЛ (هیطال) — «область» [3., л. 496].

ХАЛЛУХ (خلخ) — «страна, откуда привозят много красавиц» [6, с. 64].

ХАРАТ (هرات) — «название города в Хорасане, который называют еще Хари и Харив» [3., л. 27a].

ХАРГУН (خرغون) — «название города» [2, с. 53]; «название города в Туркестане» [6, с. 239].

ХАРДЖИК (خرجیک) — «известная пустыня по дороге в Хорезм» [2, с. 47].

ХАРУМ (هروم) — «название города» [3., л. 276].

ХАФЧАК (خفجاق) — «название области тюрок, которые являются жителями степи» [З., л. 45а].

ХВАРНАК (خورنق) — «название крепости Бахрамгура» [Д., л. 97б].

ХИРХИЗ (خرخیز) — «область в Туркестане, откуда добывают мускус, люди там ловкие, красивые и красавицы» [З., л. 31б].

ХИТА (خطا) — «название города и области в Туркестане, где добывают мускус» [З., л. 45а].

ХУРАБЕ (خورابه) — «название города в Индии» [2, с. 49].

ХУТАН (ختن) — «большой и известный город в области Туркестан» [6, с. 239].

ЧАГАН (چغان) — «название местности» [2, с. 53].

ЧАЛАНДАР (چالندر) — «название области в Сумнате» [2, с. 50].

ЧАРХ (چرخ) — «название города в Хорасане» [6, с. 64].

ЧИН (چین) — «город» [6, с. 239].

ШАБАРАН (شابران) — «название области» [З., л. 7а].

ШАВГАР (شاوگر) — «область на границе Мавераннахра, там находится песчаная пустыня, а по ту сторону песков — кафиры; жители Шавгара по большей части занимаются тканьем холста» [2, с. 47]; «страна на границе Мавераннахра, там песчаная пустыня, и со стороны песка область, а в ней Шавгар» [6, с. 109]; «страна на краю Мавераннахра» [5, с. 47]; «область на краю Мавераннахра, а с той стороны кафиры, там много ткачей» [З., л. 6а].

ШАШ (شاش) — «название города в Мавераннахре» [6, с. 153].

ШИМ (شیم) — «название реки» [6, с. 223; 5, с. 92; 3., л. 7а].

ШИРАЗ (شیراز) — «название города в Фарсе» [З., л. 6а].

ШИРВАН (شروان) — «название области» [З., л. 7а и 46а].

ШУШТАР (شوشتر) — «местность в Туркестане» [З., л. 6а].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бадр ад-Дин Ибрахйм. Фарханг-и зафъангуӣ ва джаҳанпӯӣ (Словарь говорящий и мир изучающий). Факсимиле рукописи. Изд. текста, введение, список толкуемых слов, приложения С. И. Баевского. М., 1974 (ППВ, 46).
2. Капранов В. А. «Луғати ғурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии. Душ., 1964.
3. Хусейнзаде Ш. и Хашим Р. Донишномаи Қадархон ва ахамияти он дар омуктани мероси адабии мо ва осори Рудаки. — Сухансарои Панҷруд. Сталинобод, 1958, с. 64—83.
4. Dictionnaire turc-arabe-persan par J. T. Zenker. T. 1. Lpz., 1866, с. 35.
5. Lexicon persicum id est libri Mi jar i Gamali, edidit C. Salemann. Casani, 1887.
6. صحاح الفرس محمد بن هندوشاه نخجوانی باهتمام عبد العلی طاعتی. تهران. ۱۳۴۱.
7. لغت فرس اسدی طوسی بکوشش دبیر سیاقی تهران ۱۳۳۶.
8. لغت فرس اسدی طوسی بتصحیح عباس اقبال تهران. ۱۳۱۹.

С. Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМЕННОМ ИЗВАЯНИИ ИЗ ЧОЙРЭНА

В 1928 г. в Академию наук СССР из Ученого комитета МНР поступили четыре фотографических снимка с общим видом кургана в каменистой пустыне и «каменной бабы» на его вершине. На передней части фигуры с трудом просматривались знаки древнетюркского рунического письма. Фотографии были переданы С. Е. Малову, а в 1933 г. он получил от П. Ж. Жамцарано рисунок надписи. В 1936 г. С. Е. Малов опубликовал ее предварительное чтение и перевод [20, с. 251—259]. К сожалению, изображения оказались совершенно неудовлетворительны. Различимы были далеко не все знаки, но даже заметные кое-где «полустертые буквы» исследователь не стал приводить в публикации¹. Естественно, это не могло не отразиться на чтении. Надпись казалась слишком фрагментарной, чтобы привлечь чей-либо интерес, а сам С. Е. Малов уже не возвращался к ней в своих сводных работах. Справедливость общего забвения предстояло проверить, и в августе 1968 г., во время командировки в Монголию, автор получил такую возможность.

ПАМЯТНИК

Курганы на южном склоне горы Сансар-Ула, в 180 км на юго-восток от Улан-Батора и в 15 км на северо-восток от нынешней железнодорожной станции Чойрэн, являются, по замечанию В. А. Обручева, «последней колонией» древних могил, выдвинутых с севера в Гоби [27, с. 76]. На одном из них и стояло изваяние с надписью, хранящейся с 1929 г. в Центральном государственном музее МНР (Улан-Батор) (рис. 1).

Изваяние высечено из буровато-серого гранита. Его общая длина — 132 см, ширина — 41 см, ширина лица — 37 см, наибольшая

¹ Публикация С. Е. Малова с попыткой некоторых лексических поправок была повторена Х. Н. Оркуном [55, с. 164—168].

Рис. 1. Каменное изваяние из Чойрэна на месте первоначального нахождения

шая толщина камня (на уровне рта) — 22 см. По своим иконографическим особенностям изваяние не выходит из круга древнетюркских каменных скульптур и относится к тому их типу, для которого характерно изображение только головы или лица человека при полном отсутствии каких-либо иных деталей [8, с. 54; 41, с. 26]. Голова выделена из монолита и смоделирована объемно, показаны шея и плечи. Лицо мужское, монголоидное, с четко намеченными линиями ушей, бровей, носа, рта и усов с загнутыми вверх концами, слабо показана небольшая клиновидная борода, прическа не обозначена. Перед нанесением надписи передняя часть тулова была грубо подтесана. Обычно этот тип древнетюркских изваяний датируется VI—VIII (VI—VII) вв. [41, с. 45].

Судя по фотографиям 1928 г., опубликованным С. Е. Маловым, курган с изваянием был довольно велик и сооружен наброской крупных каменных обломков. Сооружение каменных курганов подобных масштабов завершилось в гунно-сарматское время, за несколько столетий до появления здесь древнетюркских памятников, и потому очевидно, что изваяние с надписью найдено не *in situ*. Перемещение тяжелого гранитного монолита на древний курган, расположенный над старым путем караванов и перекочевков из Гоби в Хангай (в по-

следние столетия здесь проходил Ургинско-Калганский тележный тракт), никак не связано с первоначальным назначением намогильного памятника и само по себе представляется загадочным.

ТАМГИ

Начальная строка Чойрэнской надписи обозначена двумя тамгами. Тамга в начале надписи обычна для рунических памятников Монголии и Енисея, она как бы входит в состав надписи [33, с. 65] (рис. 2, 7).

Возникновение и семантическая эволюция тамги у кочевых племен Центральной Азии, прежде всего тюркских и монгольских, связаны с зарождением и развитием института собственности на скот. Основное значение этого слова в большинстве тюркских языков — «тавро, знак собственности, которым клеймится скот» [31, стб. 1003—1004; 6, с. 729]. Только в этом значении зарегистрирован термин и в наиболее древних памятниках — енисейских надписях: *tamqaly jylqy* 'скот, отмеченный клеймом', *tamqa at* 'клеяменная лошадь' [21, с. 49, 73—74].

Все известные источники, в той или иной мере сохранившие древнетюркскую традицию, засвидетельствовали употребление тамг как родовых или племенных знаков собственности. Так, Махмуд Кашгарский (XI в.) пишет о тамгах огузских племен: «Все эти знаки являются клеймами их скота и лошадей, и при смешении животных каждый род (*баты*) по этим приметам узнает при осмотре свою скотину и лошадей» [24, с. 310]². Вместе с тем тамга превращается в родо-племенной символ [24, с. 309; 42, с. 32; 32, с. 88—89; 17, с. 53—54; 29, с. 301—303]. Обе эти функции тамги сохранили у тюркских и монгольских племен и народов вплоть до недавнего времени [3, с. 408—421; 35; 13, с. 43—49; 7, с. 39—40; 37].

В созданных тюркскими племенами государствах Центральной Азии и Южной Сибири (VI—IX вв.), а вслед затем и в тюркских государствах Средней Азии наряду с родо-племенными тамгами появились новые категории знаков. Так, Л. Р. Кызласов рассматривает тамги, известные по енисейским руническим памятникам, как лично-семейные эмблемы крупных феодалов, наследственных владельцев шести феодальных уделов [18, с. 104—118; 19, с. 38—49].

Больше отвечает современному состоянию знаний о древнетюркской геральдике мнение А. фон Габэн: «Остается неясным, была ли тамга общей для всего племени, или этим знаком метила свою собственность отдельная семья, причем у близкородственных семей она модифицировалась внесением небольших изменений» [49, с. 542]. Здесь же исследовательница отмечает, что, как следует из текстов (в частности, *Огуз-наме*), в социальной практике роль термина вышла за пределы обозначения «простого знака собственности» и тамга

² Следует подчеркнуть, что родо-племенными тамгами метился скот, находившийся и в частной собственности огузских семейств [2, с. 106].

1 — чойрэнские тамги; 2 — тамга по памятникам Бильге-кагана и Кюльтегина; 3 — тамга ашида в «Танском обозрении» (два варианта)

превратилась в неперенный и всеобщий атрибут семьи или племени. Появились знаки должностных лиц, официальные знаки государственной власти, а вместе с ними и соответствующие термины: *tamçaŋy* 'хранитель [государственной] печати' [22, с. 426], *beg tamgasy* 'печать бега, правителя' [43, с. 241—268].

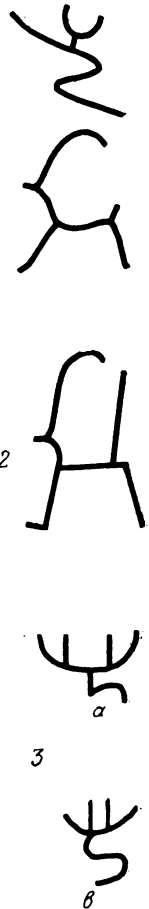
Позднее различались *al tamça* 'красная печать должностного лица' и *altun tamça* 'золотая печать хана' [31, стб. 1004]. Встречаются упоминания сакральных или магических тамг [46, с. 323—356].

Вероятно, термин «тамга» перестал удовлетворительно определять функционально различные категории знаков. Во всяком случае, в надписи уйгурского кагана Баян-чора (747—759) три отдельных знака в наверху памятника названы иначе (*belgüm* 'мои знаки' [57, с. 23; 50, табл. 63]. Позднее появляется термин *nišan* [10, с. 359].

Особый интерес для изучения этой группы терминов представляет руническая надпись на обломке скалы, обнаруженная в 1949 г. А. П. Окладниковым и Н. Сэр-оджавом на горе Тэвш-уул (хребет Арц-Богдо, Гобийский Алтай) [4; 36; 26].

В 1968 г. я имел возможность ознакомиться с памятником, хранящимся ныне в Институте истории АН МНР (Улан-Батор). Знаки процарапаны достаточно четко и двумя строками обрамляют вырезанное в центре камня изображение тамги. Палеографический надписи может быть датирована VIII в. В тексте упомянута «личная печать Йагыз-чора» (*jaγyz čor tuγraγy*). Предполагалось, что слово «тугра», часто упоминаемое в сельджукских и османских текстах в значении «монограмма султана», впервые засвидетельствовано Махмудом Кашгарским (XI в.): «Тугра — печать или монограмма хана по-огузски; тюрки не знают этого слова, и я не знаю его происхождения» [54, с. 462]. В контексте надписи термин связан с изображенным ниже знаком, который может рассматриваться как личный знак (герб, монограмма?) названного в надписи знатного лица. Следует оговорить, что тугра, как это следует из всех позднейших текстов и комментариев к ним, всегда личный, а не семейный или родовой знак хана. Теперь очевидно, что в древнетюркской геральдике и сфрагистике наличествовало несколько категорий личных, лично-семейных, родовых и племенных знаков, различие в значении и употреблении которых еще далеко не выяснено.

Одна из двух тамг Чойрэнского памятника — схематическое изображение горного козла — достаточно хорошо известна. Этот

знак высечен в наверхиях памятников Кюль-тегина (рис. 2, 2), на Асхетской плите, в наверхии Онгинского памятника (в сочетании с тамгами его героя) ³. Еще В. В. Радлов назвал его «ханской тамгой» [30, табл. 9], но определение знака как родовой тамги второй тюркской династии (682—744) является более полным.

Вторая тамга Чойрэнской надписи среди известных нам изображений тамг тюркского времени не встречена, хотя ее основные элементы — полукружие на «ножке» и зигзаг с закругленными изломами — отнюдь не уникальны [40, с. 239]. Впрочем, отсутствие петроглифических свидетельств вполне окупается свидетельством единственного аутентичного источника, который воспроизвел очертания древнетюркских тамг.

В 804 г. один из историографов танской династии составил краткое «обозрение» всех документов, включенных в династийные анналы танской эпохи. В 852 и 961 гг. это сочинение было пополнено новыми разделами, охватывающими документы более позднего времени, и получило известность под названием «Танское обозрение» (см. [12, с. 98, 132; 53, с. 453]).

Одним из самых ранних документов, сохранных «Обозрением», оказался интендантский реестр VIII в., составленный имперскими ремонтерами, которые скупали лошадей у тюркских племен Центральной Азии. Реестр, использовавшийся как практическое руководство при покупке лошадей, содержит список и несколько стилизованные рисунки тамг 36 племен. Девятнадцатым в списке названо племя ашидэ, пасшее своих лошадей к северу от Иньшаньских гор.

Конские пастбища на север от Иньшаня начинались у южных отрогов Хангая, где-то не遠далеке от Чойрэна, так как в Южной Гоби пасут не лошадей, а верблюдов. Само по себе это обстоятельство не представляло для нашей темы, если бы не помещенный здесь же, в «Обозрении», рисунок тамги ашидэ (два варианта) — зигзаг с закругленными изломами и полукружие с двумя диакритическими черточками внутри изгиба ⁴ (рис. 2, 3).

Идентификация второй чойрэнской тамги и тамги ашидэ по основным элементам не вызывает сомнений. Зеркальный поворот зигзага особого значения не имеет: на лошадином крупе тамга ориентирована в зависимости от того, каким клеймом она прижигается — «прямым» или «зеркальным». Очевидна также некоторая стилизация книжного воспроизведения тамги: в одном из вариантов наполовину «сокращен» зигзаг, в другом исчезла соединительная черта между зигзагом и полукружием.

Более существенно разнится книжный рисунок от лапидарного изображения двумя диакритическими чертами внутри полукружия. Это отличие связано с закономерностями изменения основной тамги (прототипа), которой в данном случае является чойрэнская тамга. Лично-семейные тамги изменяются при переходе к следующему

³ Наиболее полная сводка встречающихся изображений этой тамги составлена А. Д. Грачом [9].

⁴ Ср. также хорезмийскую «тамгу Сиявушидов», датируемую кушанской эпохой, совершенно аналогичную по очертаниям [39, с. 182].

поколению наследников, исключая наследника, имеющего правовое преимущество: к нему тамга переходит без изменений [35, с. 18; 34, с. 4]. Но из текста цитированного источника следует, что здесь речь идет о родовой или племенной тамге. В таком случае различия возникают либо при воспроизведении одной из родовых тамг, которая является вариацией общеплеменной тамги, либо при воспроизведении тамги одного из колен рода, также варьирующей общеродовой знак [7, с. 39; 13, с. 43].

Было бы трудно с достаточной уверенностью определить ашидэ как род или как племя. Вместе с ашина это родовое объединение было знатнейшим в Тюркском каганате; своим предком ашидэ считали одного из «древних каганов» [56, с. 332]. Весьма вероятно, что первоначально ашина и ашидэ вместе составляли дуальную эндогамную систему, столь хорошо известную у тюркских и монгольских народов [11, с. 77—95; 1, с. 143—144]. Отношения свойства между ними фиксируются и в интересующую нас эпоху.

Вожди ашидэ носили титул *иркин* (*эркин*), обычный для племенных вождей в Тюркском каганате [53, с. 139, 350]. Вместе с тем их особое положение определялось родством с династией; не случайно один из *иркинов* ашидэ носил титул *тегин* 'князь из царского рода, принц' [53, с. 136]. Известна и далеко зашедшая сегментация родовой группы ашидэ: в «Танском обозрении» упомянуты *да ашидэ* и *баянь ашидэ*; их тамги отличаются от тамги ашидэ [53, с. 453].

Для конца VII—VIII вв., вероятно, было бы правильное говорить об ашидэ как об одном из племен каганата, которое вместе с ашина было основной военно-политической опорой тюркской династии. Именно вожди ашидэ стали инициаторами освободительного восстания тюрков (679—682) [53, с. 157]. После трех лет жестокой и трагической борьбы тюркские племена покончили с пятидесятилетним господством Танской империи.

НАДПИСЬ

Надпись врезана в переднюю часть изваяния. Многие знаки не сохранились, но, по мнению польского тюрколога Э. Триярского, обследовавшего памятник в 1962 г., 10 из них могут быть восстановлены, что, впрочем, не снимает значительных трудностей дешифровки [59, с. 169—170]. В 1968 г. акад. Б. Ринчен издал фотографию надписи, которой, однако, невозможно воспользоваться из-за плохого качества изображения и исказившей некоторые знаки ретуши [58, с. 39]. Практически более или менее полное чтение стало возможно только после тщательного визуального изучения подлинника под разными углами освещения; результаты такого изучения представлены на рис. 3.

Надпись состоит из 72 зарегистрированных знаков в шести строках, расположенных не всегда последовательным бустрофедоном. Не оказалось возможным чтение нескольких знаков в начале первой строки, в начале и конце шестой строки, совершенно стертых или

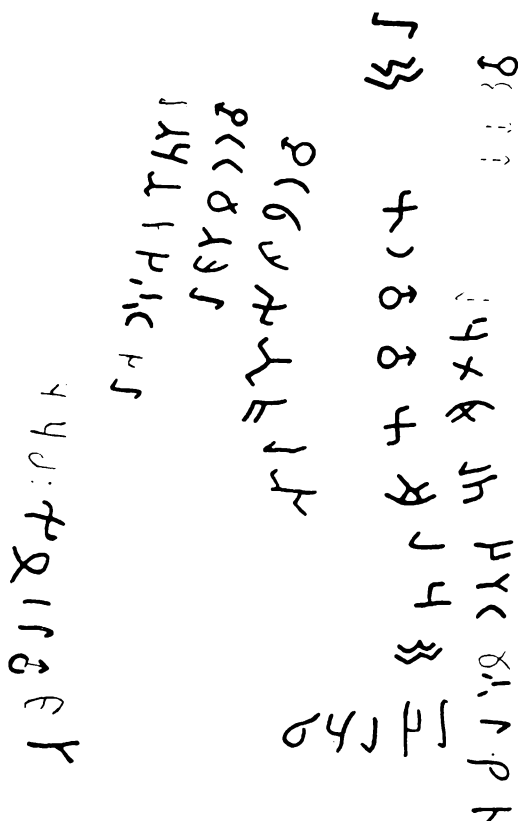

Рис. 3. Чойрэнская надпись (рисунок)

поврежденных. Хотя палеографически надпись не отличается от больших орхонских памятников тюркского времени, однако выполнена она значительно менее тщательно; отсутствует и орфографическая унифицированность. Надпись сделана явно без предварительной подготовки текста и разметки стелы, столь характерных для больших памятников (рис. 4). Она как бы записана со слов автора на первой подходящей для письма крупной каменной плоскости, найденной исполнителем.

Транскрипция:

[1] ...ilig yt(t)y säbin baryn,

[2] älteris qaḡanqa

[3] tun bilga

[4] tun jägän irkin

[5] jäti qa adyrylmaz tutunuz da

[6] toñ [uquq] ... [i]tdim yrqučun [?] äb aḡyl baḡa...

Перевод:

[1] ...государь [меня] послал: «Радуйся и иди!» — [он сказал]

[2] От Эльтериш-кагана

[3] [вы] Тун-бильге,

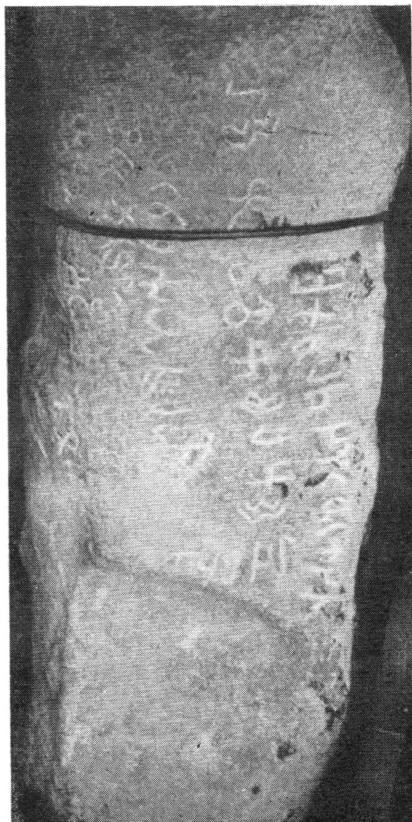
[4] Тун-йеген-иркин

[5] вы, семь сородичей, смотрите не отделяйтесь же!

[6] Я, Тонь [юкук], [государство?] привел в порядок (создал). Ради предсказания (? ради моего предвидения? за мои советы?) дома и загоны для скота мне. . .

Замечания: стк. 1. Первые знаки можно читать и как окончание предыдущего слова — *-lig*. Тогда следует переводить «. . . он послал»; стк. 2. Как и в енисейских памятниках, глагол *adyryl-* употреблен здесь при дательном падеже объекта (*qaɣanqa*) [21, с. 12]; стк. 5. Сочетание *adyryl-maz tutunuz* — скорее разговорная, чем литературная, форма и в древних памятниках еще не отмечалось. Однако другое чтение практически исключено. В более буквальном переводе: «Не поддавайтесь на отделение; старайтесь удержаться от отделения». Вообще же эта форма типична для тюркских языков [16, § 842].

Прочтение второго слова в строке как *aga* 'старший брат' здесь маловероятно, так как это монгольское слово проникло в тюркский и вытеснило там общеупотребительное *eči ~ ečü* несколько позднее [48, т. 1, с. 137—138]. Скорее здесь следует видеть известное по древнетюркским и древнеуйгурским памятникам *qa* 'родственник, родич', обычно употребляемое в парном словосочетании *qa qadaš* [10, с. 399]. Изолированное употребление *qa* здесь, возможно, обусловлено отсутствием места; стк. 6. Сочетание *yrqičün* с фонетической ассимиляцией послелого (*učün* вместо *üčün*) не вполне понятно. Слово *yrq* 'предсказание, пророчество, гадание' здесь, быть может, означает «совет» или «план действий». Глагол *it-* в древнетюркских надписях обычно употребляется в сочетании со словами *äl* или *bodun* в значении «устраивать, приводить в порядок государство или народ, создавать государство, управлять государством, народом» [25, с. 82—83].

С. Е. Малову принадлежат две оправдавшие себя догадки о характере надписи: а) надпись не имеет отношения к изваянию, которое было использовано лишь как материал для письма; б) надпись не является эпитафией [20, с. 252—255]. Анализ обеих тамг показал, что надпись относится к эпохе второго Тюркского каганата (682—744) и принадлежит вождю из племени ашидэ. Текст называет имя автора надписи и имя кагана, которому он служил в момент создания памятника.

Вождь восставших против китайского гнета тюрок тудун Кутлугчор, принадлежавший к боковой ветви каганской династии, провозгласил себя каганом возрожденного «эля тюркского народа» и принял тронное имя Эльтериш-каган в 682 г. Командующим его войском, ближайшим советником и сподвижником кагана стал один из влиятельных вождей ашидэ — Тоньюкук [14, с. 202—205]. Через несколько десятилетий, напоминая наследникам Эльтериш-кагана о своих заслугах, Тоньюкук рассказывал об этих первых, самых трудных годах войны за независимость на юге Гобийской пустыни: «[6] Так как Небо даровало мне мудрость, то сам я и принудил (упросил) его стать каганом. „С мудрым Тоньюкуком в качестве бойла бага таркана [7] да буду я Эльтериш-каганом!“ — [сказал он]. Много [каган] тогда сразил китайцев на юге, киданей на востоке, огузов на севере. А я был его товарищем по знанию, его товарищем по славе» [22, с. 61].

После 687 г. война на юге Гоби прекратилась. Военные действия были перенесены на север — началась война за Отюкенскую чернь (совр. Хангай), старый центр тюркских земель в Монголии, занятый после падения первого Тюркского каганата (630 г.) племенами токуз-огузов. Разгромленные Тоньюкуком в битве на р. Толе, огузы признали власть тюркского кагана и уступили ему господство в Отюкенской черни.

Стратегическое положение этого района было исключительно выгодным. От линии китайских пограничных укреплений он был отделен пустыней, труднопроходимой для китайской пехоты, но легко преодолеваемой тюркской конницей в осенние и зимние месяцы. Непосредственная близость к землям азов, чиков, кыргызов, киданей, татабы, не обладавших тогда столь же сильным и хорошо организованным войском, как тюрки, ставила под контроль «кагана Отюкенской черни» не только всю Монголию, но и прилегающие области Южной Сибири и Юго-Западной Маньчжурии. Обильные травой и водой пастбища Орхона, Толы и Селенги благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства. Поэтому Тоньюкук в числе своих главных заслуг перед каганской династией и тюркским народом упоминает и то, что именно он, «мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен» [22, с. 61].

Война за независимость и возрождение тюркского эля кончилась в 687—688 гг. занятием Отюкена, а в ноябре 691 г. умер основатель государства — Эльтериш-каган. Чойрэнская надпись, установленная

на южной границе Хангая еще при жизни Эльтериша, относится, следовательно, к периоду 688—691 гг. и может считаться самой ранней датируемой древнетюркской надписью, первым письменным памятником второго Тюркского каганата.

Как и большая надпись Тоньюкука из Баян Цогта, Чойрэнская надпись начинается и завершается *arologia pro vita sua*, хотя и несравненно более скромной. Тоньюкук здесь лишь подчеркивает особое доверие к нему кагана в деле и щедрость в наградах. Основное же содержание надписи — политическая прокламация, обращенная к новым вассалам кагана, с настоятельным призывом сохранить верность своему сюзерену.

Среди них — «семь сородичей», упоминание которых позволяет установить коррелятивную связь Чойрэнского памятника с тем разделом Онгинской надписи, где описаны синхронные события (стк. 4—5). Оценивая военную ситуацию накануне перехода тюрков из Гоби в Хангай, т. е. до 687 г., Онгинская надпись называет главным врагом тюрков на севере «среди бегов огузов семь мужей», которые благодаря действиям отца автора надписи, Элетмиша-ябгу, «пошли за Его священным Величеством», т. е. стали вассалами Эльтериш-кагана [23, с. 10; 46, с. 188].

В именах двух других вождей, названных в надписи, прежде всего привлекает внимание общий элемент — слово *tun* 'первый, первенец', довольно часто встречающееся в гонорофорных именах наиболее знатных представителей тюркской и уйгурской аристократии VII—IX вв. [14, с. 204]. Однако больше возможностей для идентификации открывает имя и титул Йеген-иркин. Титул *иркин* носили все вожди огузских племен [5, с. 254]. Лишь в известиях об одном из этих племен, политически наиболее значительном, уйгурах, встречаются два наименования их вождей — *иркин* и *эльтебер* [5, с. 301—302; 23, с. 18].

В перечне имен некоторых племенных вождей второго Тюркского каганата назван Йеген-эльтебер, вождь уйгуров; не исключено и другое чтение — «Йеген и эльтебер» [53, с. 259]⁵. А в описании событий 714 г. упомянут вождь уйгуров эльтебер Йеген-чор (эльтебер и Йеген-чор?), который отделился от Капаган-кагана [5, с. 365].

Надпись Кули-чора, повествуя о событиях той же эпохи, сообщает: (стк. 21) «Эльтебир сам пришел (подчинился), пришел (подчинился) и его товарищ по делам и мужеству, сын эркина (иркина) Йеген-чор» [23, с. 28—29]. В следующей строке названо имя иркина: «Йеген-чор, сын Шир-иркина, пришел (подчинился)» [47, с. 10]. Упоминание имени отца оправдано здесь тем, что немного ниже названо другое лицо с тем же именем — «Йеген-чор, сын Кули-чора Тардушского» [47, с. 10]. Однако фрагментарный характер надписи не позволяет уверенно отнести эпизод из 21-й строки к уйгурам, так как в той же строке упомянуто подчинение карлуков.

⁵ О титуле *эльтебер* и его транскрипциях см. [51, с. 97].

В то же самое время (716—717) Бильге-каган называет уйгуров *eki elteberlig bodun* — «народом, имеющим двух эльтеберов (правителей)» [23, с. 18].

Имеется достаточно оснований предположить, что Тун Бильге и Тун Йеген-иркин Чойрэнской надписи — вожди уйгуров. Сын одного из них — возможно, «сын иркина Йеген-чор» — вместе с эльтебером, унаследовав главенство над уйгурами, играл немаловажную роль в событиях второго десятилетия VIII в.

Подчинение племенного союза токуз-огузов и включение его в военно-политическую систему второго каганата было той важнейшей задачей Эльтериш-кагана и Тоньюкука, без решения которой тюркское государство не могло быть создано. Огузские племена, более многочисленные, но менее сплоченные, чем тюрки, стали в рамках тюркского эля едва ли не главной опорой каганата в тяжелых войнах с Танской империей, агрессивные устремления которой в течение нескольких столетий определяли политическую ситуацию в Центральной Азии.

Чойрэнская надпись — один из немногих письменных документов, относящихся к острейшему моменту борьбы тюркских племен за создание своего независимого государства, такого государства, которое смогло бы противостоять постоянной угрозе с юга.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — ТИЭ. Н. сер. Т. 14. М., 1951.
2. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.
3. Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков. — ЖС. Вып. III—IV. 1894.
4. Бернштам А. Н. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. — ЭВ. Т. 12, 1957.
5. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950.
6. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1868.
7. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). А.—А., 1968.
8. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
9. Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. — Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950 (ТИЭ, н. сер., т. 9).
12. Зув Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. — ТИИАЭ. Т. 8, 1960.
13. Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен. — ИТФАН. 1945, № 3—4.
14. Кляшторный С. Г., Тоньюк-Ашидэ Юань-чжэнь. — Тюркологический сборник. Л., 1966.
15. Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Новая находка рунической надписи в Улугхемском районе. — УЗТНИИЯЛИ. Т. 15, 1971.
16. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

17. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., 1958.
18. Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960., № 3.
19. Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3.
20. Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами. — ЯМ, Т. 6—7. Л., 1936.
21. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
22. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
23. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
24. Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. — МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939.
25. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899.
26. Наделяев В. М. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона, МНР. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
27. Обручев В. А. Список древних могил, замеченных на пути из Кяхты в Ургу и Калган. — СТОЭ. Т. 11. СПб., 1895.
28. Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах. — Тюркологический сборник. М.—Л., 1951.
29. Рабинович М. Г. Боевые кличи — «ураны». — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
30. Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892.
31. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб., 1905.
32. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952.
33. Рыдылов Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями. — ЭВ. Т. 9, 1954.
34. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
35. Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. — ТОУАК. Т. 13, 1904.
36. Сэр-оджав Н. Эртний түрэгүд. Улаан баатар, 1970.
37. Сухэбатор Г. О тамгах и имах табунов Дариганги. Улан-Батор, 1967.
38. Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулк. — МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939.
39. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
40. Флуг К. К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. М.—Л., 1959.
41. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.
42. Щербак А. М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
43. Bang W., v. Gabain A. Türkische Turfan-Texte. 1. Bruchstücke eines Wahrsagebuches. — SPAW. Bd 15, 1929.
44. Bang W., v. Gabain A. Türkische Turfan-Texte. 5. Aus buddhistischen Schriften. — SPAW. Bd 24, 1931.
45. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) Occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, 6).
46. Clauson G. The Ongin Inscription. — JRAS. 1957, ч. 3—4.
47. Clauson G., Tryjarskie E. The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO. T. 34, 1971.
48. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd 1. Wiesbaden, 1963; Bd 2, 1965; Bd 3, 1967.
49. Gabain A. v. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos». Bd 48, 1953.
50. Granö J. G. Ueber die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nord-westmongolei. Helsingfors, 1910.
51. Hamilton J. R. Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties. P., 1955.
52. Kutadgu bilig. Tipkibasim. C. 2. Istanbul, 1943.
53. Liu Mau-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. 1—2. Weisbaden, 1958.

54. M a h m u d a l - K a ş g a r î. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çev. B. Atalay. C. 1. Ankara, 1939.
55. O r k u n H. N. Eski türk yazitlari. C. 2. Istanbul, 1939.
56. P u l l e y b l a n k E. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. — TP. Vol. 41, 1952.
57. R a m s t e d t G. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu. T. 30, 1913.
58. R i n t c h e n. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Oulan-Bator, 1968.
59. T r y j a r s k i E. The Present State of Preservation of Old Turkic Relics in Mongolia and the Need for their Conservation. — UAJ. Bd 38, 1966.

А. Д. Грач

**ДРЕВНЕКЫРГЫЗСКИЕ КУРГАНЫ
У СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЫ КОТЛОВИНЫ БОЛЬШИХ ОЗЕР
И НАХОДКИ ТИБЕТСКИХ НАДПИСЕЙ НА БЕРЕСТЕ**

Высокогорная Саглынская долина, расположенная на юге Тувы, у границы котловины Больших Озер, известна сосредоточенными здесь археологическими комплексами¹. Здесь открыты и исследованы стоянки каменного века: палеолитические комплексы (наиболее ранние из известных в Туве) и стоянки эпохи неолита, погребения монгун-тайгинского типа, не потревоженные в древности курганы скифского времени с усыпальницами, скованными мерзлотой, огромный курган-храм скифского времени Улуг-Хорум, погребения древних тюрков, богатые захоронения тувинцев XVIII—XIX вв. Среди этого разнообразного по историческому диапазону сочетания археологических памятников достойное место занимают погребения древних кыргызов, обнаруженные в пределах могильников Саглы-Бажи I и Кюзленги II.

Исследованные на могильнике Саглы-Бажи I древнекыргызские курганы расположены среди более древних сооружений монгун-тайгинского типа и курганов этого типа, перекрытых выкладками «усами». Могильник расположен в 27 км западнее поселка Саглы (Кызыл-Тей), на стыке хребтов Цаган-Шибэту и Танну-Ола.

На могильнике Саглы-Бажи I были раскопаны два древнекыргызских кургана; среди находок, обнаруженных во время раскопок, особое место занимают тибетские надписи на бересте.

Курган 16 (рис. 1, 2). Занимает центральное положение среди памятников могильника Саглы-Бажи I не только по своим размерам, но и по выбору места: он расположен в самой середине плато и как бы господствует над всеми остальными курганными сооружениями. Наземное сооружение из обломков горных пород и валунов, круп-

¹ Работы в Саглынской долине проводились под руководством автора в 1955 г. (разведывательный маршрут) и в 1960—1962, 1968, 1969, 1975 гг. (1-й отряд Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР, археологическая экспедиция ТНИИЯЛИ). Могильник Саглы-Бажи I (публикуемые комплексы) раскапывался в 1960 г., могильник Кюзленги II — в 1961 г. (находки хранятся в Эрмитаже, коллекции № 2350, 2351).

Рис. 1. Могильник Саглы-Бажи I, курган 16. Общий вид

ного и мелкого щебня, форма в плане округлая, размеры по основным осям — 19 и 16,5 м, высота — 1,5 м. Только самые края сооружения задернованы. По этому признаку его уже до раскопок можно было определить как гораздо менее древнее, чем полностью задернованные курганы монгун-тайгинского типа (вариант МТ-П, а), расположенные рядом.

В центральной части наземного сооружения до раскопок прослеживались контуры впускного захоронения — среди камней виднелись череп и кости сопроводительного захоронения лошади. Впускное погребение располагалось севернее центра кургана². Общая послойная структура сооружения: верхний ярус — крупные и средние валуны и обломки горных пород, срединный ярус — щебенка с мелкими валунчиками, нижний ярус, непосредственно перекрывающий уровень основного погребения, — уложенные вплотную

² Впускные захоронения открыты во всех исследованных в Саглы древне-кыргызских курганах. В кургане 16 на могильнике Саглы-Бажи I и кургане 4 на могильнике Кюзленги впускные погребения стратиграфически четко отделены от древнекыргызских стерильными ярусами наземных сооружений, и какая-либо возможность смещения материала в результате сползания вещей сверху вниз совершенно исключена. В кургане 9 на могильнике Саглы-Бажи I впускное погребение располагалось непосредственно над жженым слоем, частично нарушив его. Материал, однако, дифференцируется по датировке вполне четко.

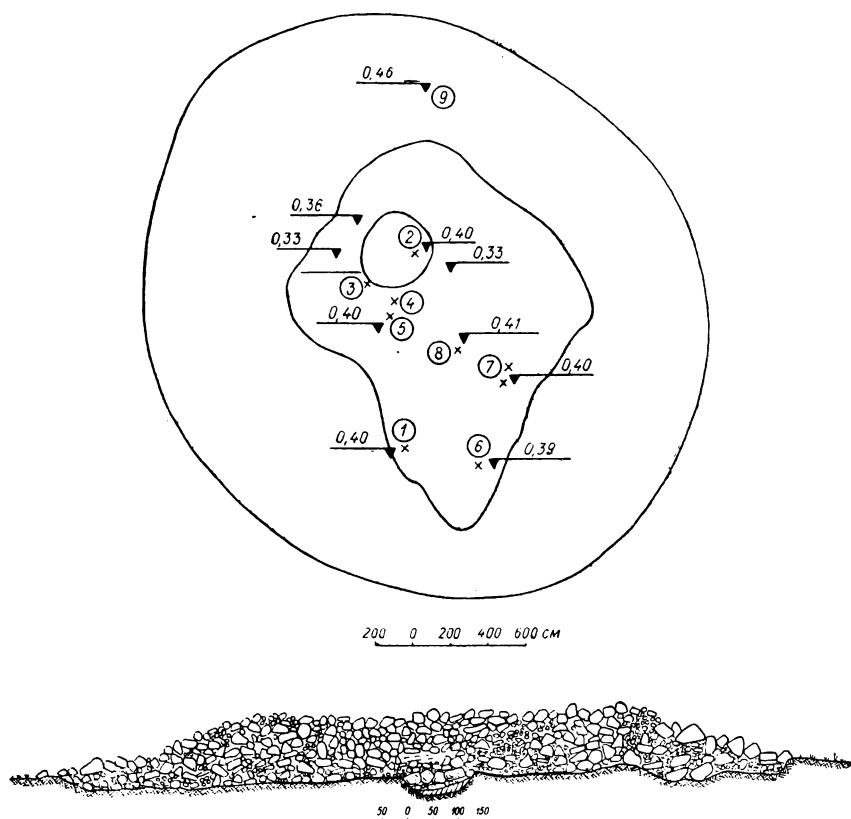

Рис. 2. Могильник Саглы-Бажи I, курган 16. План расположения находок, разрез

друг к другу валуны, промежутки между которыми пересыпаны щебенкой (см. общий разрез на рис. 2).

На уровне горизонта был выявлен жженный слой. Под центром сооружения находилась яма округлых очертаний, заложённая сверху валунами, под которыми находилось заполнение, состоявшее из золы и горелой земли. В заполнении ямы найдены многочисленные кальцинированные обломки костей человека. Пятно с жженным слоем, окружавшее центральную яму, имело неправильные очертания.

Инвентарь погребения с сожжением располагался как в пределах ямы, так и в пределах жженного пятна в целом. В яме, у северо-восточного ее края, была найдена массивная золотая серьга с биконическим расширением в нижней части (рис. 3, 1). В южном борту могильной ямы, под камнем закладки, вдавившимся в борт, был обнаружен фрагмент бересты (фрагмент I) с надписью, нанесенной китайской тушью (письмо тибетское). Остальные находки распола-

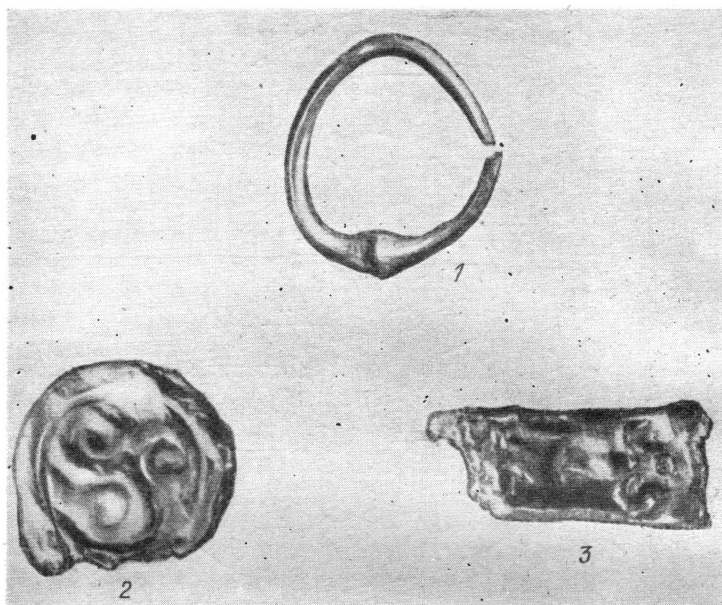

Рис. 3. Могильник Саглы-Бажи I, курган 16, 9. Инвентарь

гались в жженом пятне, окружавшем центральную яму. Южнее ямы, в слое пепла и пережженной земли, были найдены еще два фрагмента бересты с нанесенными на ней тибетскими надписями (фрагменты II, III). В пределах пятна были найдены и следующие предметы: два кальцинированных обломка костяных застежек от пут или седла (рис. 4, 11, 12), несколько сплавленных слиточков белого металла (остатки китайского зеркала?), железная пряжка со следами пребывания в огне. Под слоем, содержащим остатки сожжения, вблизи от места находки берестяных фрагментов II и III, на уровне древней поверхности почвы, был найден кусочек китайской шелковой ткани (камка). В слое с остатками сожжения были найдены древесные угли и обломки кальцинированных костей³.

Таким образом, раскопанное нами погребение с сожжением относится к одному из вариантов кыргызского погребального обряда, причем сохранившиеся остатки делятся на две группы: вещи, побывавшие в огне, и предметы, в огне не бывшие и попавшие в слой в то время, когда остатки сожжения были перенесены на место, где был сооружен курган.

³ После полной расчистки погребения было произведено контрольное снятие почвы по всей площади кургана на глубину 0,5 м. Каких-либо следов добавочных ямок-тайников при этом обнаружено не было.

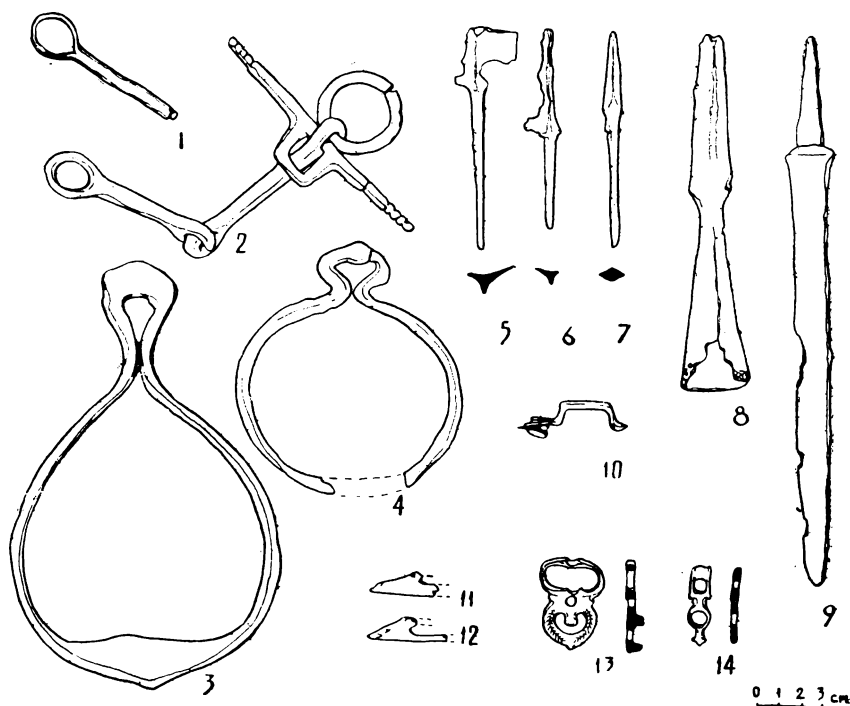

Рис. 4. Могильник Саглы-Бажи I, курганы 16, 9. Инвентарь

СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ О БЕРЕСТЕ С ТИБЕТСКИМИ НАДПИСЯМИ ⁴ ИЗ ДРЕВНЕКЫРГЫЗСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ 16

Фрагмент I (рис. 5, 1). Размеры (наибольшая длина и наибольшая ширина) — 55×7 мм. Найден в могильной яме. Узкий берестяной обрывок с тибетскими письменными знаками на обеих сторонах. На одной стороне представлена наполовину нарушенная строка тибетского текста, на другой — частично сохранились начертания двух букв.

Фрагмент II (рис. 5, 2, 3). Размеры — 89×24 мм. Найден в пределах жженого пятна, к югу от могильной ямы. На одной из сторон

⁴ Тибетские надписи на бересте из Саглы были сразу же после их доставки в Ленинград осмотрены и определены А. М. Решетовым (Институт этнографии АН СССР), Б. И. Панкратовым, К. М. Черемисовым и Ю. М. Парфионовичем (Институт востоковедения АН СССР). Расшифровала надписи и провела их исследование М. И. Воробьева-Десятовская, статья которой «Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы» публикуется в настоящем сборнике.

сохранились четыре строки тибетских надписей (знаки различными четко), на другой — слаборазличимые остатки двух строк.

Фрагмент III (рис. 5, 4, 5). Размеры — 50×36 мм. Найден в пределах жженого пятна, к югу от могильной ямы. Надписи различались слабо, после покрытия люминофором выявились полностью. На одной стороне — окончание пяти строк текста, на другой — три строки тибетских надписей.

Все три фрагмента были доставлены в Ленинград в непотревоженном состоянии (применен зажим между стеклами).

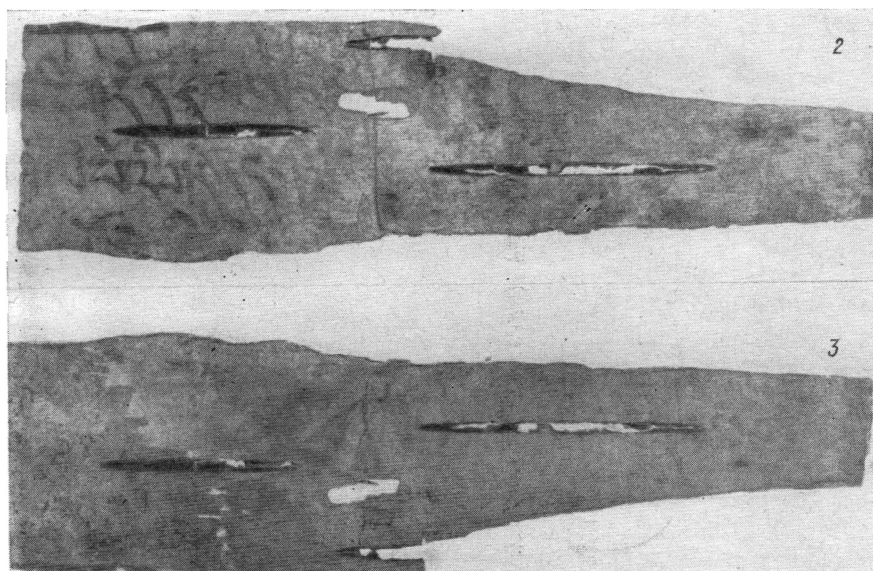
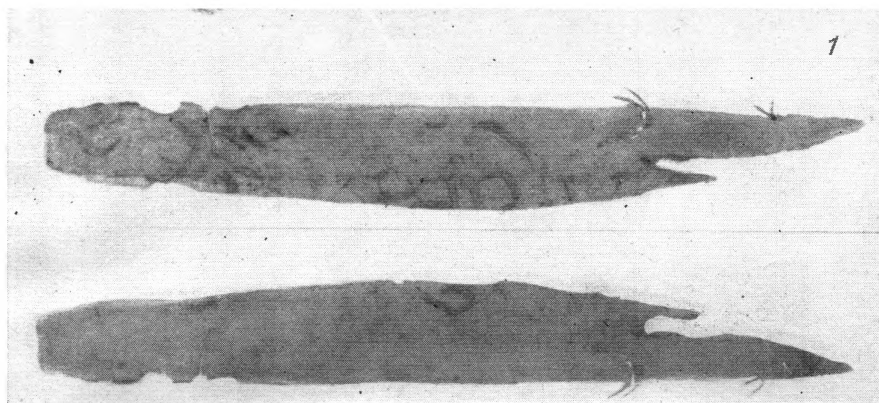
Сложная работа по консервации и выявлению надписей на бересте была проведена в Эрмитаже известным советским ученым-реставратором П. И. Костровым. В ходе работы П. И. Костровым был предложен весьма перспективный метод выявления некоторых трудно-различимых начертаний путем прокраски под микроскопом составом люминофора вдавленных, оставленных приспособлением для письма⁵. Применение этого метода позволило в дополнение к четко прослеживаемым знакам выявить большую группу начертаний. Берестяные фрагменты были до реставрации и после нее сфотографированы в видимых инфракрасных лучах (фотографирование производил заведующий рентгеновским кабинетом Эрмитажа Л. В. Сиверков).

Курган 9. Наземное сооружение из обломков горных пород и валунов, форма в плане округлая, размеры по основным осям — 8,25 и 8,6 м. Сооружение не задерновано. До раскопок прослеживался незначительный разброс камней за пределы сооружения. Вплотную к кургану 9 примыкал более древний курган монгун-тайгинского типа, сильно задернованный, причем кыргызский курган краем залегал на кольце более древнего сооружения. Кроме того, можно констатировать, что камень для древнекыргызского кургана 9 был частично взят с этого более древнего монгун-тайгинского кургана.

Древнекыргызское погребение с сожжением располагалось на уровне древней поверхности почвы, образуя широкое пятно неправильных очертаний. Характер пятна дает все основания для того, чтобы заключить, что остатки сожжения были сыпаны прямо на уровне древней поверхности, без устройства ямок-углублений.

В пределах жженого пятна были обнаружены угли, обломки кальцинированных человеческих костей и сопроводительный инвентарь. Среди вещей, относящихся к погребению с сожжением, были обнаружены предметы, весьма характерные для древнекыргызских погребений: железный нож с длинным узким лезвием (рис. 4, 9), два трехлопастных наконечника стрел-свистунок (не смотря на повреждения, можно полагать, что в лопастях были сердцевидные отверстия) и наконечник стрелы, четырехгранный в сечении, с двусторонним уплощением у перехода к черенку (рис. 4,

⁵ Результаты работы над берестяными фрагментами и краткое содержание метода были изложены П. И. Костровым в его докладе «Консервация и выявление древних надписей на бересте из раскопок 1960 г. в Южной Туве», прочитанном на пленуме Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященном итогам полевых археологических исследований 1960 г.

5—7), наконечник копья с насечками по краю втулки (рис. 4, 8), железная скоба (рис. 4, 10). Найдены предметы конского убора: железное миниатюрное стремя с петельчатой дужкой (рис. 4, 4), железное стремя необычного типа с ромбовидным подножием и дужкой, которая хотя и образует петлю, но имеет раскованную и уплощенную верхнюю часть (рис. 4, 3), составные удила (рис. 4, 1, 2), относящиеся к типу удила со стерженьковыми псалиями (сохранившийся псалий украшен резьбой). В жженом слое обнаружены два бронзовых предмета: пряжка (рис. 4, 13) в виде двух сомкнутых полу-

Рис. 5

1 — берестяной фрагмент I; 2—3 — берестяной фрагмент II; 4—5 — берестяной фрагмент III (4 — после покрытия надписи люминофором, 5 — фото в рентгеновских лучах)

колец, с резным «елочным» орнаментом и прорезью на части, крепившейся на ремень (эта часть завершается еле заметной «бородкой»), и миниатюрная пряжка-подвеска с окончанием в виде стремени с петельчатой дужкой (рис. 4, 14), имеются две золотые бляхи (рис. 3, 2, 3), одна из которых круглая с рельефным орнаментом в виде трех соединенных спиральных завитков (трикветрум), а вторая подчетырехугольная с орнаментом в виде трилистника.

Еще одно древнекыргызское погребение было раскопано на могильнике Кюзленги II (курган 4). Могильник Кюзленги II расположен на небольшом плато в западной части одноименной возвышенности, в 15 км к юго-западу от Кызыл-Тея — Саглы. Всего на могильнике представлено 7 объектов, 6 из которых содержали погребения монгун-тайгинского типа (наземные сооружения последних сильно задернованы). Курган 4 резко отличался от монгун-тайгинских памятников как более крупными размерами по основным осям, так и отсутствием задерновки. Наземное сооружение кургана 4 сложено из обломков горных пород. В кургане имелось богатое впускное погребение XVIII—XIX вв.

Пятно основного погребения открылось вблизи уровня горизонта, у центра кургана, в неглубокой ямке, в заполнении которой были помещены четыре крупных обломка горных пород.

Вместе с остатками трупосожжения инвентарь (все — железо): фрагментированный котел с поддоном (рис. 6, 8), внутри которого удила с S-видными псалиями (рис. 6, 1), удила с кольцом (рис. 6, 2), тесло (рис. 6, 6), пара стремян с петельчатой дужкой (рис. 6, 4—5), два кольца со скобой (рис. 6, 3), нож (рис. 6, 7). Кости черепа человека частично необожжены.

Погребальный обряд древнекыргызских курганов Тувы, в том числе и курганов, раскопанных нами в Саглынской долине, согласуется с кыргызским погребальным обрядом, зафиксированным на территории Минусинской котловины, где известно большое число кыргызских могильников, среди которых особенно выделяются Уйбатский и Копёнский чаатасы, исследованные С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой [24, с. 21—54, табл. I—VIII; 29, с. 147—250; 30, с. 55—56; 32, табл. IV, 1, 2, 5—10, 11, 12; 20, с. 111—122; 21; 22, с. 40—44], а также погребальные комплексы могильника Капчалы I, раскопанные В. П. Левашевой [40, с. 121—136].

Археологические данные о погребальном обряде енисейских кыргызов дополняются сообщениями китайских источников. Там говорится: «... обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач» [5, с. 353]⁶. Проведенная Н. В. Кюнером сверка текста «Новой Танской истории» с текстом «Объединенной старой и новой истории Тан» (*Тан-шу хэчао*) выявила существенное дополнение к словам «кости через год погребают» — «погребают под курганом» [38, с. 294]. Эти сообщения китайских хроник проливают свет на объяснение одной закономерности, выявленной при раскопках кыргызских курганов: человеческие кости всегда кальцинированы, т. е. явно побывали в огне и были прокалены; часть инвентаря, например бронзовые украшения и уцелевшие костяные поделки, также побывала в огне. Что же касается костей животных, то они, как правило, необожжены. Кроме

⁶ К последней фразе этого отрывка переводчик текста Н. Я. Бичурин дал совершенно справедливый комментарий: «Т. е. совершают поминки» [5, с. 353, примеч. 1]. Ср. [38, с. 60].

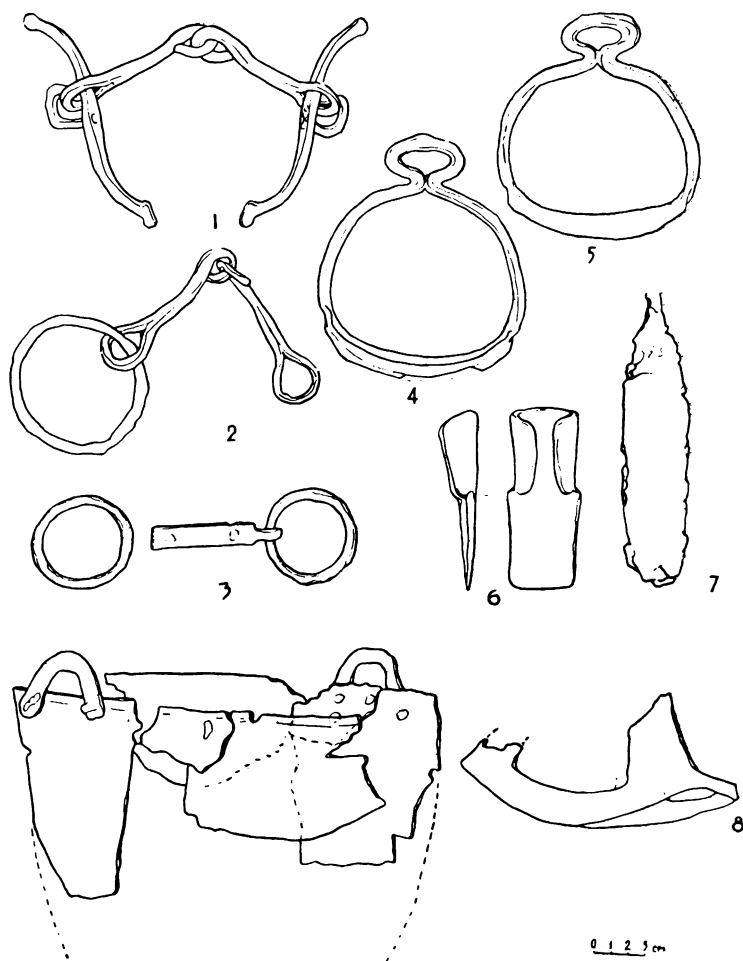

Рис. 6. Могильник Кюзленги II, курган 4. Инвентарь

того, среди остатков сожжения иногда удается найти вещи, которые, будучи легко сгорающими, тем не менее уцелели: находки берестяных фрагментов с надписями и китайской ткани под кыргызским курганом 16 в Саглынской долине.

Сочетание сведений китайских хроник с археологическими данными позволяет достоверно восстановить погребальный обряд кыргызов: после сожжения трупа и части бывшего при нем инвентаря остатки сожжения через год переносились на то место, где над этими остатками, помещенными в неглубокую яму или на уровне древней поверхности почвы, сооружался каменный курган. Перед сооружением кургана производились поминки — остатками этих поминок,

по-видимому, являются мелко издробленные необожженные кости животных. Кроме того, в погребение помещался дополнительный инвентарь — в качестве примера следует указать на бересту с надписями и шелк. Курган сооружался, таким образом, над остатками сожжения, произведенного год назад, и над дополнительным сопроводительным инвентарем.

Оба кыргызских кургана, раскопанных в Овюре на могильнике Саглы-Бажи I, так же как и сопутствующие им объекты эпохи кыргызской экспансии, — это памятники, одновременные или почти одновременные друг другу. Поэтому, учитывая территориальную компактность расположения этих памятников, представляется возможным, рассматривая вопросы датировки этих курганов, проанализировать добытый инвентарь по совокупности.

Среди инвентаря из курганов с сожжением, исследованных в Саглы, имеется наконечник копья. В древнетюркских погребениях Тувы, Южного Алтая и Монголии наконечники копий не встречаются, но они были характерны для вооружения древнекыргызских воинов и часто встречаются при раскопках кыргызских погребений, например в Сут-Холе [45, рис. 4, 5].

Наконечники стрел, найденные при раскопках кургана 9, относятся к числу распространенных среди памятников древнетюркского времени Южной Сибири, Центральной и Средней Азии трехлопастных наконечников стрел-свистунок. Несмотря на то что все экземпляры трехлопастных стрел, найденных при раскопках этого кургана, сильно повреждены, можно отметить некоторые их особенности: стрелы эти имели широкие лопасти с сердцевидными сквозными прорезями в нижней части. Эта деталь (наличие прорезей) является специфической особенностью древнекыргызских стрел с территории Минусинской котловины [39, табл. XV, 4]⁷. Что же касается наконечника стрелы, четырехгранного в сечении, с двусторонним утолщением у перехода к черенку, то этот наконечник находит себе безусловные аналогии среди инвентаря кыргызских курганов, раскопанных нами в Сут-Холе [45, рис. 3, 1].

Золотая серьга с биконическим утолщением в нижней части, найденная при раскопках кыргызского кургана 16, находит себе аналогии прежде всего среди предметов кыргызского времени с территории Минусинской котловины. Довольно значительная серия кыргызских серег представлена в собрании Минусинского музея им. Н. М. Мартынова⁸. Большая часть этих серег имеет точно такие же биконические утолщения в нижней части, как и на серьге из Саглы. На двух серьгах из минусинской коллекции имеются дополнительные подвески, на одной серьге представлены парные биконические утолщения. Кроме того, следует отметить, что на всех минусинских серьгах имеется на верхней части дужки дополнительный стерженек-«огра-

⁷ Наконечники стрел с сердцевидными отверстиями в лопастях, происходящие с территории Минусинской котловины, представлены в собраниях Минусинского, Абаканского и Иркутского музеев, где мы имели возможность с ними ознакомиться.

⁸ Кол. № 6894, 6895, 6897, 6899, 6900, 6901, 6903.

ничитель». Эти детали отсутствуют на золотой серьге из Саглы, однако в главном — в построении основы серьги — наша находка, несомненно, совпадает со своими минусинскими аналогиями⁹.

Среди предметов конской сбруи представлено миниатюрное стремя с петельчатой дужкой (может быть, модель). Подобный тип стремян широко бытовал в Южной Сибири и Центральной Азии начиная с VI в. н. э. [31, с. 516, 518, 578, табл. III, 9; 50, рис. 16, 2; 52, с. 55, табл. II, 40; 25, рис. 28; 21, рис. 20, 90, 111а; 40, рис. 1, 41, 4, 45, 50, 55; 6, табл. IV, 37; 14, с. 123, 141, рис. 59, 63, 93, 95; 36, с. 54, табл. I, 12]. Стремена с петельчатой дужкой длительное время — до VIII—IX вв. — сосуществовали с другим видом стремян, имевших так называемую пластинчатую дужку.

Второе стремя, обнаруженное при раскопках кургана 9, представляет собой оригинальное изделие (дужка в виде усеченной ромбовидной пластины-петли, на подножии имеется ромбовидное расширение).

Существенны для датировки найденные здесь же удила, относящиеся к числу удил со стерженьковыми псалиями. Подобный тип удил получил широкое распространение относительно поздно, в VIII—IX вв., и постепенно заменил удила с S-видными псалиями. Удила со стерженьковыми псалиями были встречены среди древнетюркских памятников Тувы всего один раз — при раскопках богатого кургана-кенотафа в Монгун-Тайге [13, с. 141, рис. 97]. Показательно, однако, что удила эти были найдены в инвентаре кургана, относящегося к поздней группе захоронений с конем (VIII—IX вв. н. э.).

Удила со стерженьковыми псалиями в обилии представлены среди таких комплексов Восточной и Центральной Европы VIII—X вв., как памятники салтово-маяцкой культуры [44, рис. 2, 110; 42, с. 119, рис. 15; 47, рис. 46, 12, 13] и венгерские древности [60, рис. 579, 580, 583, 584, 589—592, 594—598; атлас, табл. 146, 4, 275, 3, 343, B-3, 344, 7, 368, 3, 416, 7, 420, 1, 425, 1, 5, 6, 502, B, 503, 4, 512, B-3]. Удила со стерженьковыми псалиями были обнаружены при раскопках Саркела. Здесь группа этих удил связана с хазарским периодом жизни города (30-е годы IX в. — 965 г.). Эти изделия были обстоятельно исследованы С. С. Сорокиным, который показал, что удила со стерженьковыми псалиями продолжали бытовать и в славянский период жизни Саркела (965—1117) [51, с. 136, 150, 192, 193, рис. 1, 4, 6, 4—5, 34, 2—3]. Вопрос об этнической принадлежности жителей Саркела, оставивших предметы хазарского периода, дискутируется. Согласно одной концепции (М. И. Артамонов), «хазарский» слой принадлежал воинам гарнизона тюркских наемников и носителям салтовской культуры [2, с. 36, 37; 3, с. 6], согласно другой концепции (В. Д. Белецкий), это слой, оставленный представителями собственно хазар, с которыми сосуществовало население салтово-маяц-

⁹ Технический способ изготовления предметов с биконическим утолщением внизу, в месте соединения концов дуги, применялся в Минусинской котловине не только при изготовлении серег, но и при изготовлении браслетов, один из которых был найден при раскопках в Капчалы [40, с. 128, рис. 1, 1].

кой и боршевской этнокультурных групп [4, с. 132]. Дискуссия эта, однако, не затрагивает вопроса о приведенной выше датировке интересующих нас изделий из Саркела.

Удила со стерженьковыми псалиями имеются среди инвентаря кочевнических погребений Танкеевского могильника (VIII—IX вв.) в Татарии [28, табл. I, 3, X, 5, 6].

Среди печенежских древностей IX—X вв. удила со стерженьковыми псалиями также представлены как одно из весьма типичных изделий [46, с. 3, 10, 156]. Следует, правда, отметить, что, как это было установлено С. А. Плетневой, удила эти без перегиба (одноставные). Удила со стерженьковыми псалиями были найдены при раскопках позднечевичских погребений Калиновского могильника в Нижнем Поволжье, исследованного В. П. Шиловым [57, с. 512, рис. 67, 10], и Больше-Тарханского могильника [11, табл. IX, 1—5, 9].

Костяные застёжки от пут или седла, кальцинированные фрагменты которых были обнаружены при раскопках наиболее крупного кыргызского кургана, также принадлежат к числу очень широко распространенных в древнетюркское время предметов; они встречаются в Туве [7, табл. IV, 124; 36, табл. I, 9; 14, с. 22, рис. 22, 28г; 13, с. 123, 127, рис. 57, 58, 63; 12, с. 23, рис. 5ж], на Алтае [50, рис. 10, 6; 32, табл. X, VIII; 25, с. 96, рис. 47], в Монголии [23, рис. 14, 10, 11; 6, табл. IV, 32], в Средней Азии [54, табл. X, XII, 9]. Встречены они и среди собственно кыргызских памятников Минусинской котловины [52, табл. II, 44; 21, рис. 116, 40, рис. 5, 48], а также Тувы (Сут-Холь) ¹⁰.

Существен вопрос о происхождении и датировке бронзовой поясной пряжки, найденной при раскопках одного из кыргызских курганов. Анализ предмета показывает, что это изделие византийского происхождения. Такой вывод может быть сделан при сопоставлении этой находки с обширными группами подобных же пряжек, найденных на территории Малой Азии и византийской периферии. Как это было продемонстрировано в обстоятельной публикации Д. Чаллания, эти изделия имели широкое хождение на весьма обширных территориях: в Малой Азии, Греции, Италии, Египте, в Венгрии, в Крыму и на Кавказе [55]. Сопоставление нашей находки с изделиями из серии Д. Чаллания показывает, что она принадлежит к числу пряжек из пар согнутых петель, не имеющих шарнира. Аналогичные нашей пряжке экземпляры были найдены, в частности, и на территории юга России, например при раскопках узлового по значению могильника Суук-Су в Крыму ¹¹ [55, с. 339, табл. VII, 2] ¹².

¹⁰ Находки костяных застёжек, имеющиеся среди инвентаря кыргызских погребений могильника Тора-Тал-Арты, также кальцинированы: в свое время они явно побывали в огне.

¹¹ Вопросы датировки могильника Суук-Су затронуты в трудах В. В. Кропоткина, В. К. Пудовина, А. К. Амброза [34; 48; 1].

¹² Одна из пряжек, найденных в Суук-Су, хранится в Отделе археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, кол. № 4023-154.

Говоря о происхождении и датировке бронзовой пряжки, найденной при раскопках одного из кыргызских курганов в Саглы, необходимо отметить три существенных момента: окончание пряжки снабжено едва намеченной «бородкой» — выступом, шипы крепления пряжки имеют петли и на пряжке нанесен «елочный» резной орнамент. Как это было убедительно показано Д. Чалланем, наличие «бородки» и наличие шипа с петлей — это специфические детали, характерные именно для изделий византийского производства. При этом Д. Чаллань отмечает, что наличие «бородки» является признаком, свидетельствующим об относительно поздней датировке изделия, так как «бородки» появляются лишь во второй половине VI в. [55, с. 316—318]. Резной «елочный» орнамент также является весьма характерным для пряжек, вышедших из византийских мастерских ¹³. Рассматривая вопрос о датировке этого предмета, следует иметь в виду, что аналогичные изделия, обнаруженные на территориях Восточной Европы, датируются временем не позднее VII в., и у нас пока не может быть решительно никаких оснований к тому, чтобы относить время изготовления предмета к какому-то более позднему времени. Естественно возникает вопрос: каким образом совместить раннюю датировку находки с той относительно поздней датой (IX—X вв.), которой определяется комплекс, в котором она была найдена? Здесь нет какого-либо противоречия — приходится признать, что пряжка относилась к числу весьма ценных импортных предметов, очень долгое время бывших в обиходе и сохранявшихся поколениями владельцев. Главное же, по-видимому, состоит в том, что предмет этот мог попасть в Центральную Азию путем достаточно длительного поэтапного обмена, и, таким образом, не удивительно, что дата его изготовления отделяется от даты сооружения кургана, в котором она была обнаружена, значительным временным периодом.

Византийская пряжка из Саглы является первой находкой из археологического комплекса, исследованного в пределах центрально-азиатской — южносибирской историко-культурных зон ¹⁴.

Заключая рассмотрение древнекыргызского инвентаря из Саглы, нам остается остановиться на находке бронзовой пряжки-подвески, верхняя часть которой имеет дужку, напоминающую пластинчатую дужку стремени. Эта пряжка относится к числу предметов, имевших довольно широкое хождение в древнетюркское время, такие поделки изготавливались из железа, бронзы и кости. Предметы такого рода известны в Туве [Монгун-Тайга — 14, с. 48, рис. 52; 13, с. 129, рис. 65; Сут-Холь — 9, с. 296, рис. 5, 8, табл. II, 7] и на юге Краснояр-

¹³ Резной «елочный» орнамент представлен и на пряжке из коллекции МАЭ.

¹⁴ Напомню о дискуссии по поводу якобы найденных на Алтае античных и византийских монет. Исследовавший эти монеты С. В. Киселев видел в них прямое свидетельство оживления связей Центральной Азии и Южной Сибири с западными странами [31, с. 360]. А. Н. Зограф, однако, предостерег как от излишнего скептицизма, так и от поспешных выводов [27, с. 151—152]. М. П. Грязнов в дополнение к замечаниям известного нумизмата указал, что эти монеты следует рассматривать как коллекцию неясного происхождения и что следует воздержаться от того, чтобы считать эти монеты свидетельством культурных связей Саяно-Алтая с Западом [18, с. 152].

ского края [39, табл. XIII, 3]. Находку, происходящую из кыргызского кургана в Саглынской долине, мы считаем возможным, несмотря на ее миниатюрность, сопоставить по форме с так называемыми лировидными пряжками, вошедшими в широкий обиход с VIII в. н. э. и, таким образом, характерными для позднего этапа древнетюркского времени (о распространении лировидных пряжек и их датировке см. [25, с. 103, 105, рис. 40, табл. III, а; 32, с. 536, табл. L, 5; 15, с. 302—303; 53, с. 122; 9, с. 79, рис. 9]). Одна из весьма близких аналогий нашей находке имеется среди инвентаря известного погребения Ак-Кюна, раскопанного Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым в Курайской степи на Алтае (это погребение по обряду и инвентарю относится, с нашей точки зрения, к позднетюркской группе и датируется VIII—IX вв.; датировка, предложенная авторами раскопок, — VII—VIII вв.) [25, с. 103, 105; 32, с. 534—544].

Инвентарь из древнекыргызского погребения на могильнике Кюзлениги II также состоит из предметов, имеющих обширный круг аналогий в Центральной Азии, на Саяно-Алтае и в западных районах распространения тюркских племен (см., например, удила с S-видными псалмиями [23, рис. 7, 3; 58, рис. 32, 42; 59, табл. XXVI, 6; 14, рис. 28, в, 43, 13, рис. 89; 9, рис. 10, 82—85; 43, табл. II, 9; 37, табл. I, 4, II, 56, 103, III, 40, 41, 69; 21, рис. 14, 29, 91, 95, 103, 123, 134; 10, рис. 10, I, 11, 4, 16, табл. XXI, 58, 73; 26, рис. 1, 3; 47, рис. 46, II; 11, табл. IX, 6, 7]; удила с кольцами, сосуществующие с другими типами удил древнетюркского времени [10, рис. 15, табл. XXXI, 71]; тесло [14, рис. 26, 6; 9, рис. 10, 52, 106; 10, табл. XXXI, 47]; котел с поддоном [32, табл. L, 23; 17, рис. 50, 28]; о распространенности удил с петельчатой дужкой см. выше). Следует отметить, что инвентарь из этого кургана в отличие от вещей из курганов 9 и 16 на могильниках Саглы-Бажи I не носит специфических кыргызских черт и не исключено его трофейное происхождение.

Таким образом, по особенностям погребального обряда и инвентарю принадлежность курганов с сожжением вряд ли может вызвать сомнение: это памятники древних кыргызов.

Обратимся теперь к сообщениям письменных источников, позволяющих судить о времени и исторических событиях, сопутствовавших появлению кыргызов в Туве.

В VI — первой половине VIII в. Тува входила в состав каганата орхоно-алтайских тюрков и являлась одной из основных областей этого государства. Учитывая историческую ситуацию, возможность кыргызских погребений в Туве южнее Саян и Танну-Ола в этот период следует полностью исключить. Этот вывод убедительно подкрепляется результатами археологических исследований, в особенности картографированием распространения ритуальных оградок с балбалами и каменных изваяний. Эти данные показывают, что даже северные районы Тувы, например Кара-Холь, не входили в этот период в зону расселения кыргызов-хягасов. Это же положение сохранилось и после возникновения в 745 г. Уйгурского каганата.

Конфликты между Кыргызским и Уйгурским каганатами привели к длительной и кровопролитной войне, потребовавшей максималь-

ного напряжения сил обеих сторон. Борьба кыргызов с Уйгурским каганатом носила крайне упорный характер и продолжалась в течение двадцати лет. Накануне вторжения в Центральную Азию кыргызский ажо (каган) с полным основанием мог произнести свои слова, обращенные к кагану уйгуров (зафиксировано китайской летописью): «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи» [5, с. 355—366]. К этому времени военная мощь уйгуров оказалась действительно подорванной, и в 840 г. полчища кыргызов перевалили Саянский хребет, предавая огню уйгурские города в центральной части Тувы и на территории нынешней Монголии и становища кочевого населения. Кыргызский ажо достиг ставки уйгурского кагана, которую разграбил и затем предал огню. Уйгурский каган погиб в сражении, а его жена — царица из дома Тан — попала в плен. Разгром уйгуров был подкреплён перенесением ставки ажо на южные склоны хребта Танну-Ола (в китайской летописи — Лао-шань и Ду-мань [5, с. 356]) — этот акт свидетельствовал о стремлении кыргызов прочно закрепиться на захваченных территориях Центральной Азии.

Существование на территории Тувы кыргызских погребений в эпоху каганатов тугю и уйгуров следует считать полностью исключённым. Кыргызские курганы в Туве могли впервые появиться за Саянами только в период зафиксированной источниками кыргызской экспансии в Центральную Азию. Таким образом, приведенные нами свидетельства династийных сводов дают, со своей стороны, возможность четко установить нижнюю хронологическую границу кыргызских памятников Тувы, в том числе и курганов, раскопанных нами в Сут-Холе, Улуг-Хеме и Овюре. Эти памятники относятся ко времени не ранее 840 г.

Анализ письменных источников и инвентаря погребений позволяет считать, что древнекыргызские курганы, раскопанные нами в Саглынской долине, датируются периодом с 840 г. до начала X в. — до того момента, когда уйгуры, оставшиеся в Центральной Азии, накопили силы и вновь начали успешные военные действия против кыргызских завоевателей.

Древнекыргызские курганы отражают одну из максимальных фаз экспансии кыргызов за Саяны — напомним, что они обнаружены южнее Танну-Ола. Эти памятники были сооружены уже тогда, когда кыргызы полностью сломали сопротивление уйгуров, завладели территориями Тувы и Монголии и стали на некоторое время хозяевами Центральной Азии¹⁵. Делая выводы о времени, к которому отно-

¹⁵ В пределах того же могильника Саглы-Бажи I нами был раскопан курган древнетюркского воина с сопроводительным погребением коня, датирующийся VIII—IX вв. [17, с. 105—106, 109, рис. 48, 50, 5, 12, 13, 29]. Было установлено, что люди, потревожившие это погребение, проникли под курган вскоре после производства захоронения: трупы человека и коня еще не успели полностью разложиться. Люди, проникшие в погребение, отделили голову у человека и коня, изломали железный нож (возможно, изъяли другие предметы вооружения), но

сятся кыргызские памятники Овиюра, необходимо еще раз напомнить и о том, что курган 16, несомненно, представлял собой погребение лица или группы лиц, занимавших высокое общественное положение. Ясно, что такого рода памятники не могли сооружаться на территории, считавшейся чужой, — они могли быть сооружены только на подвластных землях.

Особо следует остановиться на некоторых вопросах, связанных с одной из наиболее важных групп находок, обнаруженных при раскопках древнекыргызских курганов в Овиюре, — на вопросах, касающихся тибетских надписей на бересте.

В IX—X вв. Тибет стал могущественным государством и угрожал даже такой отдаленной державе, как Арабский халифат. Распространение тибетского письма явилось не только одним из важных факторов в объединении страны, но также и одним из средств усиления связей Тибета с другими странами ¹⁶.

Отношения Тибета и енисейских кыргызов нашли отражение в китайских летописях. Эти источники позволяют судить о том, что древние кыргызы не только находились в дружественных отношениях с Тибетом, но и состояли с ним в военном союзе. К первой половине IX в. н. э. сложились две группировки государств Востока: в одну из них входили Китай, Уйгурское ханство и Арабский халифат, а в другую — Тибет, каганат кыргызов и племенной союз карлуков. Сведения, сообщаемые китайскими источниками, позволяют думать, что до событий 840 г. уйгуры пытались активно препятствовать развитию тибетско-кыргызских связей. Династийная хроника по этому поводу сообщает: «Сие государство (каганат кыргызов. — А. Г.) всегда было в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу; но туфаныцы при сообщениях с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху, почему брали провожатых из Гэлолу» [5, с. 355]. Из этого отрывка китайской хроники понятно, что связи древних кыргызов с Тибетом до их проникновения в Центральную

при этом не взяли такой ценный для своего времени предмет, как фрагмент китайского зеркала. Время нарушения могилы и «обезвреживания» покойного врага следует отнести к периоду кыргызской экспансии — сделали это те люди, погребения которых затем появились на этом же плато в верховьях Саглы.

¹⁶ Необходимость создания письма стала особенно ощущаться в Тибете в конце VI—начале VII в., когда цари Тибета Нам-ри-сон-цэ и его преемник Сон-цэ-гам-по начали объединение Тибета [49, с. 35]. Создание письма, по мысли объединителей Тибета, должно было способствовать ликвидации феодальной раздробленности. В 634 г. [41, с. 198] Сон-цэ-гам-по отправил в Кашмир своего министра Тхон-ми Самбхота со специальным поручением изучить санскрит и подготовить переводы на тибетский язык канонических буддийских книг. Посланец тибетского царя в течение нескольких лет пробыл в Кашмире и в Индии и изучал санскрит под руководством ученого пандита — кашмирца Девавитсимха. После того как Тхон-ми Самбхота и его спутники вернулись в Тибет, они создали тибетское письмо, в качестве образца было использовано древнеиндийское слоговое письмо VII в. н. э. [49, с. 35—36]. Таким образом, традиционные сообщения четко указывают на первую половину VII в. н. э. как на время возникновения тибетской письменности. Наиболее ранние из известных к настоящему времени тибетских текстов относятся к VIII в. К IX—X вв. принадлежат весьма многочисленные тексты на обелисках и исторические хроники из Дуньхуана.

Азию были затруднены, так как между территорией их каганата и Тибетом лежали обширные пространства, занятые враждебным Уйгурским ханством, а ранее — каганатом тугю.

После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата, когда кыргызы на время сделались хозяевами севера Центральной Азии, положение коренным образом изменилось, и тибетско-кыргызским связям более не угрожали могущественные враги, территориально отделявшие одно государство от другого. В результате событий 840 г. связи кыргызов с Тибетом не могли не получить нового развития. К сказанному нельзя не добавить, что в том же, 840 г. в Тибете произошло восстание феодалов и последователей древней шаманской религии бон; имевшее целью ликвидацию централизованной царской власти [49, с. 31], — реставрация буддизма в Тибете развернулась только в начале X в.

М. И. Воробьева-Десятовская, детально исследовавшая обнаруженные в Саглы фрагменты тибетских рукописей на бересте, приходит к весьма важным выводам.

1. Три из четырех фрагментов текстов скорее всего защитительные амулеты: фрагмент 1 содержит перечень злых духов-демонов, вызывающих болезни, во фрагменте 2 также упоминаются злые духи.

2. В текстах нет ничего, что свидетельствовало бы об их буддийском содержании. В то же время отраженная в этих документах заклинательная магия обычна для местной тибетской системы верований бон.

3. Саглыские фрагменты, по заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, датируются временем не позднее IX—X вв.

Приведенные нами факты позволяют сделать следующий вывод: находки тибетских надписей на бересте в древнекыргызском погребении IX—X вв. хорошо увязываются с исторической характеристикой эпохи, являясь вещественной иллюстрацией к тем данным, которые сообщаются историческими хрониками. Надписи на бересте, найденные в Туве, являются весьма наглядным свидетельством кыргызо-тибетских связей.

Кыргызы, как это известно из сообщений китайских источников, являлись шаманистами. Характеризуя религию кыргызов, С. В. Киселев отметил, что «постоянные сношения кыргызов с народами, принявшими буддизм и мусульманство, очевидно, не прошли для них даром и в религиозной сфере» [32, с. 615]. В то же время проникновение буддизма к кыргызам единодушно отрицалось всеми исследователями, так или иначе затрагивавшими этот вопрос, — к этому побуждало, как реалистически констатировал С. В. Киселев, «почти полное отсутствие вещественных и молчание письменных источников» [32, с. 615]. Единственный буддийский памятник с территории страны Хягас, который датируется V—VI вв., — алтарная группа, обнаруженная около села Батени. По поводу этого алтаря С. В. Киселев высказал предположение, что он являлся трофеем, попавшим на Енисей после одного из походов за Саяны в IX в. Это весьма правдоподобное предположение не давало все же оснований видеть в этом памятнике непосредственное доказательство проникновения буддизма к древним кыргызам. Саглыские же находки, со

своей стороны, дают основания для того, чтобы со всей четкостью констатировать проникновение в результате тибетско-кыргызских связей элементов шаманской религии бон¹⁷. Находки тибетских текстов в кыргызских курганах Саглы нельзя не соотносить с уже упомянутым событием истории Тибета — свершившимся все в том же, 840 г. захватом власти последователями религии бон, событием, совершенно синхронным кыргызской экспансии за Саяны. Найденные в Саглы фрагменты тибетских текстов были написаны именно в этот период — тибетское письмо давно уже было создано, однако тексты не буддийские, а шаманские.

Находки тибетских текстов на бересте являются осязаемым свидетельством непосредственных связей древних енисейских кыргызов с Тибетом и четко увязываются с конкретным фоном этой бурной эпохи истории Центральной Азии.

Исследование кыргызских курганов интенсивно продолжалось Саяно-Тувинской археологической экспедицией Института археологии АН СССР. Раскопана большая серия могильников — на Эйлиг-Хеме, Ортаа-Хеме, Темир-Суге, Хемчик-Боме. Материалы новейших исследований позволяют более обстоятельно разработать многие вопросы, и в частности вопрос о верхней хронологической границе распространения кыргызских погребений в Туве. Находки из кыргызских курганов, раскопанных к югу от Саянского хребта, необходимо детально сопоставить с материалами из курганов метрополии енисейских кыргызов — Минусинской котловины. В последние годы наиболее значительные раскопки были здесь произведены Красноярской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова [19, с. 71].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА. 1971, № 2, 3.
2. Артамонов М. И. Крепость Саркел — Белая Вежа. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1958 (МИА, № 62).
3. Артамонов М. И. Предисловие. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. М.—Л., 1959 (МИА, № 75).
4. Белецкий В. Д. Жилища Саркела — Белой Вежи. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. М.—Л., 1959 (МИА, № 75).
5. Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950.

¹⁷ В этой связи нелишне напомнить, что попытка внедрения буддизма у южных соседей кыргызов, центральноазиатских тюрков, предпринятая при Тобокагане (годы правления 572—581), не возымела серьезных последствий. Тобокаган, изучая буддийские догматы, соорудил храм, заимствовал из Китая буддийские книги. Каган пригласил гандхарского проповедника Джинагупту, который с одиннадцатью своими помощниками перевел сутры на тюркский язык и занялся проповедью буддизма среди кочевников [5, с. 233—234; 61, с. 461—463]. Известна также полемика между Бильге-каганом и «премудрым» советником Тоньюкуком по поводу желания Бильге принять буддийскую религию [5, с. 274; 33, с. 70; 37, с. 54].

6. Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. — Северная Монголия. Т. 2. Л., 1927.
7. Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958.
8. Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). — СЭ. 1966, № 3.
9. Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. — Труды ТКЭАН. Т. 2. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.—Л., 1966.
10. Гаврилова А. А. Моги́льник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.
11. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский моги́льник). М., 1964.
12. Грач А. Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве. — СЭ. 1958, № 4.
13. Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.). — Труды ТКЭАН. Т. 1. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.—Л., 1960.
14. Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.). — Труды ТКЭАН. Т. 1. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.—Л., 1960.
15. Грач А. Д. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова. — СА. 1965, № 3.
16. Грач А. Д. Археологические исследования в Сут-Холе и Бай-Тайге (Полевой сезон 1959 г.). — Труды ТКЭАН. Т. 1. Материалы по этнографии и археологии бассейна р. Хемчика. М.—Л., 1966.
17. Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы. — КСИА. Вып. 114. М., 1968.
18. Грязнов М. П. Нумизматические статьи, помещенные в № 3—4 «Вестника древней истории» за 1940 г. — КСИИМК. Вып. 11, 1945.
19. Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции. — КСИА. Вып. 100, 1965.
20. Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. — Труды ГИМ. Вып. 8. М., 1938.
21. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
22. Евтюхова Л. А. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса. — КСИИМК. Вып. 23, 1948.
23. Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов). — СА. 1957, № 2.
24. Евтюхова Л. и Киселев С. Чаа-Тас у села Копёны. — Труды ГИМ. Вып. 11. М., 1940.
25. Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции, 1935 г. — Труды ГИМ. Вып. 16. М., 1941.
26. Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане. — СА. 1967, № 1.
27. Зограф А. Н. Нумизматические статьи, помещенные в № 3—4 «Вестника древней истории» за 1940 г. — КСИИМК. Вып. 11, 1945.
28. Казakov Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского моги́льника. — Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья. Казань, 1971.
29. Киселев С. В. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции в 1936 г. — ВДИ. 1937, № 1.
30. Киселев С. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. — ВДИ. 1939, № 1.
31. Киселев С. В. Находки античных и византийских монет на Алтае. — ВДИ. 1940, № 3—4.
32. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
33. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

34. К р о п о т к и н В. В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (По данным погребального обряда). — СА. 1959, № 1.
35. К ы з л а с о в Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). — ВМГУ. 1958, № 4.
36. К ы з л а с о в Л. Р. Тува в эпоху тюркского каганата (VI—VIII вв.). — ВМГУ. Сер. 9. Исторические науки. 1960, № 1.
37. К ы з л а с о в Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
38. К ю н е р Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
39. Л е в а ш е в а В. П. Из далекого прошлого Красноярского края. Красноярск, 1939.
40. Л е в а ш е в а В. П. Два могильника кыргыз-хакасов. — МИА. № 24, 1952.
41. Л о у н о т к а Ч. Развитие письма. М., 1951.
42. Л я п у ш к и н И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1958 (МИА, № 62).
43. М а н н а й - о о л М. Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 10. Кызыл, 1963.
44. М е р п е р т Н. Я. О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК. Вып. 36, 1951.
45. Н е ч а е в а Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. — Труды ТКЭАН. Т. 2. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М.—Л., 1966.
46. П л е т н е в а С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1958 (МИА, № 62).
47. П л е т н е в а С. А. От кочевий к городам (Салтово-маяцкая культура). М., 1967 (МИА, № 142).
48. П у д о в и н В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.). — СА. 1961, № 1.
49. Р е р и х Ю. Н. Тибетский язык. М., 1961.
50. Р у д е н к о С. и Г л у х о в А. Могильник Кудыргэ на Алтае. — МЭ, Т. 3. Вып. 2. Л., 1927.
51. С о р о к и н С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. М.—Л., 1959 (МИА, № 75).
52. Т е п л о у х о в С. А. Опыт классификации металлических культур Минусинского края. — МЭ. Т. 3. Вып. 2. Л., 1929.
53. Т р и ф о н о в Ю. И. Древнетюркская археология Тувы. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 15, Кызыл, 1971.
54. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». 1938—1941. Сост. под руководством А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
55. Ч а л л а н Д. Памятники античного металлообрабатывающего искусства. — «Acta antiqua». 4. 1—2. Budapest, 1954.
56. Ш е р Я. А. Погребение с конем в Чуйской долине. — СА. 1961, № 1.
57. Ш и л о в В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА. № 50. М.—Л., 1959.
58. E r d é l y i L., D o r j s ü r e n C., N a v a n D. Results of the Mongolian-Hungarian Archaeological Expeditions 1961—1964. Budapest, 1967 (Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, № 19).
59. G a b o r i M i k l o s. Jelentes AZ 1958. Evi Mongoliai tanulmányutrol. Kulonlenyomat AZ archaeologiai Ertesitö. 1, 1960.
60. H a m p e l I. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. 1—3. Braunschweig, 1905.
61. L i u M a u - t s a i. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). Bd 1. Wiesbaden, 1958.

М. И. Воробьева-Десятовская

ФРАГМЕНТЫ ТИБЕТСКИХ РУКОПИСЕЙ НА БЕРЕСТЕ ИЗ ТУВЫ

Старейшие из известных тибетских письменных памятников относятся к VIII в. Это фольклорные тексты, хроники и документы из Дуньхуана, документы на дереве и бумаге, обнаруженные на территории Восточного Туркестана, и эпиграфические памятники с территории самого Тибета.

Дуньхуанские хроники [10] и фольклорные тексты [21; 20] написаны на китайской бумаге почерком *dbu-can* и имеют ряд характерных орфографических особенностей, по которым эти памятники могут быть выделены в самостоятельную группу. К этой группе примыкают тибетские документы на бумаге из Восточного Туркестана из коллекции Н. Ф. Петровского, хранящиеся в ЛО ИВАН СССР¹.

Документы на дереве происходят с территории современного Синьцзяна (район оз. Лобнор) и относятся ко времени господства тибетцев в этих областях (конец VII — середина IX в). По ряду орфографических и палеографических особенностей они могут быть выделены в особую группу: в этих документах впервые засвидетельствован тибетский курсив (*dbu-med*), получивший дальнейшее развитие в буддийских рукописях из Хара-Хото (XII—XIV вв). Большая часть документов на дереве была собрана А. Стейном [16, с. 162, 348, 460 и сл., 1279, 1286 и сл., табл. CL XXI и CLXXII; 17, с. 92, 101, 127, 173, 1055, 1084—1087, табл. CXXX] и опубликована Ф. В. Томасом [19]. В 1914 г. С. Е. Малов купил в селении Миран коллекцию тибетских документов на палочках и дощечках. Эти документы происходят с Миранского городища, расположенного в районе оз. Лобнор. Имена собственные и термины, представленные в документах из Мирана, позволяют датировать их серединой VIII в. Коллекция С. Е. Малова насчитывает 57 единиц, из них 54 — целые документы и фрагменты. Они хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВАН (шифры ТД 1 — ТД 566). До настоящего времени издано всего шесть доку-

¹ Документ под шифром SI $\frac{P}{135}$ подготовлен к изданию автором этих строк.

Некоторое количество документов того же времени на бумаге хранится в Берлине (см. [13, с. 5—20]).

Рис. 1. «pho-gdon» и «mo-gdon» — иллюстрация из бурятской рукописи по культам местных божеств, хранящейся в Тибетском фонде ЛО ИВАН СССР

ментов миранской коллекции (описание коллекции см. [1, с. 167—175]; издание документов см. [2, с. 70—76; 3, с. 77—85; 4, с. 68—72]).

По содержанию документы из Восточного Туркестана, насколько можно судить по публикациям, представляют собой переписку, связанную с жизнью военных гарнизонов: это регистрация поставок провианта, сведения о передвижениях отрядов и лазутчиков и т. п. Многочисленные нарушения норм орфографии могут свидетельствовать о близости языка документов к разговорному.

В Восточном Туркестане в VIII в. употреблялась только китайская бумага, она была дорогой и редкой, так что обычным материалом для повседневных записей служило дерево [12, с. 37; 16, с. 1464]. Профессиональные писцы широко пользовались также березовой корой. Известны буддийские рукописи из Кашгара и Кучи, написанные на березовой коре; так, в Рукописном отделе ЛО ИВАН хранится несколько фрагментов санскритских рукописей из коллекции Н. Ф. Петровского [8, с. 47—67] и М. М. Березовского [7], написанных центральноазиатским брахми, и рукопись Дхаммапады из Хотана (коллекция Н. Ф. Петровского), написанная на северо-западном пракрите письмом кхароштии [9].

Широко применялась березовая кора как материал для письма и в самом Тибете. Известны многочисленные талисманы и ладанки с тибетскими текстами молитв и заклинаниями против злых духов,

написанными на березовой коре. Такие тексты бытуют и в настоящее время (так, в тибетском фонде ЛО ИВАН хранятся свитки березовой коры с текстами заклинаний, которые, по представлениям тибетцев, следует класть на живот для устранения болей). Согласно верованиям тибетцев, чтобы наслать на недруга болезнь, нужно взять кусок хлопчатобумажной ткани или бересты, написать на них соком белого алоэ имя и родословную недруга, окурить этот текст (произнося при этом определенные мантры) ядовитым дымом и спрятать его там, где, как считается, обитают злые духи. Для таких магических текстов особенно рекомендуется береста [14, с. 486]. Можно полагать, что и в VII—IX вв. берестяные свитки и ладанки с различными защитительными текстами и заклинаниями сопровождали тибетцев во время их военных походов и путешествий по Центральной и Средней Азии. Магические тексты такого рода на бересте обнаружены в 1960 г. в Туве (см. [6, с. 107]).

Фрагмент I. Размеры: 55×7 мм. Узкая полоска бересты, содержит верхнюю часть обрывка строки. Чтение текста:

(1) . . . 'i *gus-pa'i gañ-zag*

'i — адъективирующий показатель (форма после гласного); *gus-pa* — «уважение, почитание, любовь» (с той же адъективирующей частицей 'i, превращающей слово в определение к следующему за ним слову); *gañ* — возможно, первый слог слова *gañ-zag* — «человек, личность; существо с развитым интеллектом». Тогда *gus-pa'i gañ-zag* следовало бы перевести «уважаемый человек, почитаемый человек» (свободное словосочетание). На обороте различаются следы двух акшар.

Фрагмент II. Размеры: 89×24 мм. Текст с двух сторон. На стороне «а» четыре неполные строки, от верхней и нижней сохранились только надстрочные и подстрочные части акшар. Чтение текста:

(1) . . . 'gdon' . . .

(2) . . . 'i *gdon-rnams dan* . . .

(3) . . . [sru]l-po'i *gdon-dag* . . .

(4) . . . o'i . . . i . . .

Текст представляет собой перечень *gdon* — злых духов-демонов, вызывающих болезни.

Исследователи культов тибетских божеств приводят некоторые сведения о *gdon* [14, с. 310—311]. Так, в тибетских текстах упоминаются «4 обычных *gdon* (*gdon phal-pa bzhi*)», «15 великих *gdon*» (*gdon chen bco-lña*) и «18 великих *gdon*» (*gdon chen bco-brgyad*). Последняя группа выступает только в форме *byis-pa'i gdon chen bco-brgyad* — «18 великих *gdon*, которые приносят вред детям». Некоторые исследователи называют «100 тысяч *gdon*, которые приносят вред детям» (*byis gdon 'bum*, см. [15, с. 12]). Лонг-дол-лама в «Словаре имен океана божеств-охранителей» посвящает этим злым духам главу под названием «18 *gdon*» (K l o ñ - r d o l - b l a - m a. bStan-sruñ dam-can rgya-mtsho'i miñ-gi grañs; собрание сочинений, ксилограф пекинского издания, № 24 (ya), л. 14a), в которой разделяет их на «*gdon*, связанных с местом» (*gnas-gdon*), «*gdon*, связанных с телом» (*lus-gdon*) и «*gdon*, связанных с действием» (*las-gdon*). Устная тибетская традиция

насчитывает 424 *gdon*, описание которых приведено в сочинении «Белый зонтик» (*gdugs-dkar*). Злые духи *gdon* выступают в женской и мужской ипостаси и подстерегают человека на каждом шагу, обрушивая на него болезни и несчастья. От злых духов *gdon* человека защищает горное божество О-ла юр-це (*sno-la gyu-rtse*), обитающее на горной вершине на северо-востоке. В его садхане («способе вызывания») перечислены все злые духи *gdon* и *'byuñ-po* (см. ниже) и различные напасти и несчастья, которые они вызывают. При повторении садханы (и соблюдении определенных условий: начертании мандалы, произнесении заклинаний, принятии соответствующей позы, погружении в созерцание и пр.) появляется божество О-ла юр-це, которое выручает из беды просящего. Переписанные тексты садханы божества О-ла юр-це и других божеств-покровителей широко употреблялись в качестве защитительных амулетов [14, с. 213—215]. Злых духов можно задобрить: оставить в соответствующем месте приношения и заклинание, написанное на бумаге или бересте; следовало также указать, в чем требовалась помощь злых духов.

В стк. 1 рассматриваемого фрагмента можно прочесть по нижним частям акшар только слово *gdon*. В стк. 2 сохранился адъективирующий показатель *'i* (форма, употребляющаяся после гласного), затем слово *gdon* с показателем множественности — *rnams* и, наконец, союз *dan* — «и», после которого стоит знак шад (/), выполняющий в данном случае функцию разделительного при перечислении (конструкция, обычная для тибетского предложения). Перед словом *gdon* стояло, очевидно, обозначение разновидности злых духов, название группы. Подобную же конструкцию мы находим в стк. 3. От названия группы злых духов здесь сохранилась только часть . . . *l-po*, может быть, [*sru*]*l-po'i gdon-dag* — «злые духи со страшным телом» [11, с. 663 и 1293], но, возможно, имелась в виду другая разновидность злых духов; *dag* в этой строке — также показатель множественности. В стк. 4 сохранились только три огласовки акшар: *o'i* (ср. выше: *po'i*) и *i*. Таким образом, текст можно перевести так:

- (1) . . . злой дух. . .
- (2) . . . злые духи [группы]. . . и . . .
- (3) . . . злые духи [со страшным телом]. . .

Как было показано выше, тексты подобного рода можно рассматривать как защитительные от злых духов *gdon*. Культ божеств-покровителей и употребление защитительных текстов против злых духов восходят к добуддийским религиям Тибета.

Оборотная сторона фрагмента II. Остатки слаборазличимых строк:

- (1) . . . одна слаборазличимая акшара в левом верхнем углу, затем лакуна (верхний слой бересты сорван);
- (2) . . . *sña-ba[r]*. . . *pa-rnams*. . .
- (3) . . . *rg[ylas]-[le*. . .

Sña-bar, возможно, «прежде, раньше» или в функции послелого «впереди, перед»; *rnams* — частица множественности; *rgyas* — «старый»; если за ним следовало слово *byed*, от которого осталось только

-е-, то это могло означать «то, что заставляет стареть». Контекст неясен.

Фрагмент III. Размеры: 50×36 мм. Текст с двух сторон. На стороне «а» четыре неполные строки. Текст написан бледной тушью. Чтение текста:

(1) . . . *dus-su sñane* . . .

(2) . . . *par-'gyur* . . .

(3) . . . *'byuñ-po* . . .

(4) . . . *ma des* . . .

Стк. 1: *dus-su* — «во время [чего-либо]» (слово *dus* — «время» с местно-направительной частицей *-su* в соответствующей форме); *sñane* — очевидно, глагольная форма, в которой конечный согласный *-n* слился с заключительной частицей *-ne*: *sñan-ne*; заключительная частица в форме *ne* в тибетском языке VII—IX вв. часто употреблялась вместо частицы *po*, обычной для современного тибетского. Слияние заключительной частицы с конечной согласной предшествующего слова неоднократно засвидетельствовано в тибетском языке VII—IX вв. Вся форма может быть переведена как «слышно» или «известен».

Стк. 2: . . . *par-'gyur* — вспомогательный глагол *'gyur* — «становиться, делаться» с частицами *-ra* и *-r*, обычно употребляющимися в сложных глагольных или отыменных формах между основным и вспомогательным глаголом или именем. Подобные сложные глагольные формы, образованные по типу «имя + *par* + вспомогательный глагол», были широко распространены в тибетском языке VII—XI вв. и сохранились в современном тибетском. Вспомогательный глагол *'gyur*, очевидно, служил для образования видовой формы основного глагола, характеризуя действие с точки зрения полноты и интенсивности. Так как в данном случае основной глагол отсутствует, переводить усеченную форму *-par-'gyur* нецелесообразно.

Стк. 3: читается одно слово *'byuñ-po* — название категории злых духов-демонов.

Стк. 4: *ma* или *-m* — заключительный слог или буква предыдущего слова, которое не сохранилось; *des* — «он, тот» (указательное местоимение *de* с частицей деятеля *-s*).

Содержание фрагмента в целом неясно. Возможно, что текст, как и предыдущий, носил защитительный характер. Подтверждением этого может служить упоминание в нем (стк. 3) злых духов *'byuñ-po*. Категория злых духов *'byuñ-po*, как и *gdon*, широко распространена в Тибете. Некоторые источники рассматривают *gdon* как разновидность *'byuñ-po*, понимая под последними более широкое название для всех демонов, а именно: *'dre*, *gdon* и *bgegs* [11, с. 925]. Другие склонны относить название *'byuñ-po* (так же, как и *gdon*) к демонам, помещаемым в северо-восточной четверти «колеса сансары» (*srid-po'i 'khor-lo*) [K l o ñ - r d o l - b l a - m a. Ук. соч. л. 126]. По представлениям тибетцев, демоны *'byuñ-po* насылают болезни и сумасшествие. Описанный выше способ наслать болезнь или несчастье на недруга с помощью магических текстов на бересте обычно связывают с *'byuñ-po*. Но есть у *'byuñ-po* и другая функция, отличающая их от *gdon*: они

насылают мираж и препятствуют выпадению осадков [14, с. 380]. В качестве жертвоприношения злым духам *'byuñ-po* используются фигурки из теста (*zor*) в форме человеческого черепа (*'byuñ-po'i thod-zor*). Защищает от злых духов *'byuñ-po* описанное выше горное божество О-ла юр-це. Защитительные тексты против *'byuñ-po* содержат описание всех бед, виновниками которых они являются, и входят в состав садханы О-ла юр-це. Ладанки или амулеты с этими текстами обязательно берут с собой путешественники или паломники, отправляясь в дорогу.

Фрагмент III, оборотная сторона. Три неполные строки. В стк. 1 и 2 первые несколько наклонных черт неясны. Чтение:

(1) . . . *sa bka'* . . .

(2) . . . *sag dañ bcu* . . .

(3) . . . *na* . . . *bcas* . . .

Текст обрывочный и неясный. Возможно дать перевод лишь нескольких отдельных слов:

стк. 1: *bka'* — «слово, речь», «приказ»;

стк. 2: *sag* — «мускул, затверждение», также «шерстяной покров шкуры»; *dañ* — союз «и», *bcu* — числительное «десять»;

стк. 3: *bcas* — «вместе с».

* * *

Три рассмотренных выше фрагмента написаны почерком *dbu-can* рукой умелого каллиграфа. Между слогами сохранились следы разделительной точки ('). По почерку эти фрагменты значительно отличаются от имевшихся до сих пор в распоряжении ученых тибетских документов VIII—IX вв. с территории Восточного Туркестана, написанных курсивным *dbu-can*, часто небрежно. Правильный каллиграфический почерк и тщательность, с которой выписаны тексты, могут служить показателем важности их для хозяина. Это не черновые хозяйственные записи или расписки, а скорее всего защитительные амулеты. Обрывочность текстов и отсутствие в них каких-либо штампов или оборотов тибетского эпистолярного стиля, обычных для документов VIII—IX вв. [5, с. 294—295], не дают возможности сделать более точные заключения об их назначении. В рассмотренных текстах нет также ни одного термина, который мог бы свидетельствовать о буддийском характере фрагментов, что позволяет датировать их периодом не позднее IX—X вв., пока буддизм, сделавшийся в это время религией верхов, не успел проникнуть в народ, продолжавший пользоваться старыми магическими текстами и заговорами. Вераования тибетцев до проникновения в их среду буддизма в настоящее время изучены довольно слабо. Это объясняется тем, что дошедшая до нас письменность появилась в Тибете поздно и была введена одновременно с буддизмом. Религиозные верования тибетцев могли получить отражение в письменных источниках только в середине VII в. Согласно последней, широко признанной теории, в Тибете начиная с глубокой древности существовали народные верования в форме местных религиозных культов. Это была религия «без названия» или

«традиция» [18, с. 158—159], нашедшая отражение в песнях и легендах. Часть из них дошла до нашего времени. «Рассказчики» (*sgruñ*) и «певцы» (*lde'u*) представляли так называемую *mi-chos* — «религию народа», которая противопоставлялась официальной религии — *lha-chos* [18, с. 159]. Термином *lha-chos* в VII в., ко времени распространения буддизма, называлась религия, впоследствии развившаяся в бон. Само слово «бон», об этимологии которого до настоящего времени нет единого мнения, для названия религии, по всей вероятности, стало употребляться позднее, лишь после того, как в Тибете буддизм был введен в качестве государственной религии — *lha-chos*. В текстах из Дуньхуана слово *bop* в форме *bop-ro* употреблялось только в значении «маг, волшебник». С нашей точки зрения, правильно связывать этимологически слово *bop* со словом *bod*, которое с древних времен служит в качестве названия Тибета. Тогда, в применении к религии, бон должно означать «тибетская, местная» в отличие от заимствованной, чужой религии — буддизма. Такое название местной религии, конечно, могло войти в употребление только начиная с того момента, когда понадобилось бон противопоставить буддизму. Народные верования, составлявшие некогда ядро бон, сохранились до наших дней. В первых веках нашей эры в связи с большой миграцией племен и народов они, очевидно, получили распространение на всей территории Центральной Азии. Та же религия бон, которая сохранилась в Тибете и на его окраинах до наших дней, по существу является не древней, а современной, видоизмененной формой, возникшей на основе древних верований *mi-chos* под сильным влиянием буддизма. Иногда называют религию бон шаманизмом. Между *mi-chos* и шаманизмом, очевидно, можно поставить знак равенства, но бон не равна ни *mi-chos* (поскольку во времена существования этих верований они не назывались бон), ни шаманизму, так как влияние буддизма привело к возникновению сложной синкретической религии. О распространении религии бон в ее новой, видоизмененной форме ничего не известно. Оформление бонского канона и фиксация его основ в письменной форме произошли в значительно более поздний период (начиная с XIV в.) под прямым влиянием буддизма, по образцу Трипитаки (т. е. Канджура и Танджура), с помощью буддийской терминологии. Именно поэтому нет возможности судить о древней тибетской религии по письменным памятникам, а других путей у нас, к сожалению, нет. В наших фрагментах скорее всего нашли отражение народные верования (*mi-chos*), носившие нейтральный характер: амулеты с таким текстом могли помогать всем. Возможно, амулеты были зашиты в одежду умершего и перенесены в его захоронение после сожжения вместе с наиболее ценными вещами. Хозяин амулета мог быть и не тибетец, мог не знать тибетского языка. Да и не все тибетцы в IX—X вв. умели читать оберегающие их тексты (равно как и понимать санскритские по происхождению дхарани — заклинания, широко бытовавшие на всей территории Центральной Азии). Однако есть прямые сведения о том, что в IX—X вв. киргизы, на территории которых обнаружены амулеты, знали тибетский алфавит, умели записывать с его помощью нетибетские тексты

и читать их. В Дуньхуане обнаружены записанные тибетскими¹ буквами китайские тексты, выполненные по заказу киргиза На-se-to 'Ab-'ga-den из знатного рода [22, с. 282].

Упомянутые в амулетах духи *gdon* и *'byuñ-po* относятся к разряду так называемых *sa-bdag* — «хранителей земли». Согласно верованиям тибетцев, они вместе с еще одной разновидностью — *klu*, «нагами», или «водяными», — населяют всю сферу между подземным царством и небом. Тибетцы обращались к садагам за помощью, когда начинали какие-нибудь земляные работы, постройки, сельскохозяйственные работы. В данном случае амулеты с заклинаниями могли служить защитой могильного кургана от разрушения: садаги привлекались к этому делу как духи-хранители. С практикой разрушения чужих курганов киргизы, как показывает опубликованная в этом сборнике статья А. Д. Грача, были хорошо знакомы.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев-Десятовский В. С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым. — УЗИВАН. Т. 6., 1953.
2. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. — ЭВ. Т. 7, 1953.
3. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. Ч. 2. — ЭВ. Т. 8., 1953.
4. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. Ч. 3. — ЭВ. Т. 10, 1955.
5. Воробьев-Десятовский В. С. Памятники центральноазиатской письменности. — УЗИВАН. Т. 16, 1958.
6. Грач А. Д. Древнекиргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте. — Настоящий сборник.
7. Мионов Н. Д. Из рукописных материалов экспедиции Березовского в Кучу. СПб., 1909.
8. Ольденбург С. Ф. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. — ЗВОРАО. Т. 8. СПб., 1893—1894.
9. Ольденбург С. Ф. Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами *kharosthi*. СПб., 1897.
10. Basot J., Thomas F. W., Toussaint Ch. Documents de Touen Houang relatifs à l'histoire du Tibet. P., 1940—1946.
11. Das S. Ch. A. Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1902.
12. Francke A. H. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. — JRAS, 1914.
13. Francke A. H. Tibetische Handschriften funde aus Turfan. — SBAW Berl., 1924.
14. Nebesky-Wojkowitz R., de. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Hague, 1956.
15. Ribbach. Drogpa Namgyal. München, 1940.
16. Stein A. Serindia. Ox., 1921.
17. Stein A. Innermost Asia. Ox., 1929.
18. Stein R. A. La civilisation tibétaine. P., 1962.
19. Thomas F. W. Tibetan Documents Concerning Chinese Turkestan. — JRAS, 1927, 1928, 1930, 1931, 1933, 1934.
20. Thomas F. W. Tibetan Literary Text and Documents Concerning Chinese Turkestan. P. 1—3. L., 1936—1955.
21. Thomas F. W. Ancient Folk-literature from North-Eastern Tibet. B., 1957.
22. Thomas F. W., Clauson G. L. M. A Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters. — JRAS, 1927.

О. Г. Большаков

К ИСТОРИИ ТАЛАССКОЙ БИТВЫ (751 г.)

Современники, как любые очевидцы, обычно запоминают совсем не то, что оказывается важным для истории. Особенно справедливо это в отношении сведений арабских историков о событиях в Средней Азии в первой половине VIII в., восходящих к племенным преданиям. Память арабских старцев с удивительной цепкостью зафиксировала мелочи второстепенных схваток и личных взаимоотношений, опуская иногда важнейшие события.

Так случилось с Таласским сражением в июле 751 г., положившим конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела. В крупнейших исторических сводах IX—X вв., даже в «Истории» ат-Табари, содержащей немало сведений о борьбе Абу Муслима за утверждение власти Аббасидов в Мавераннахре в начале 50-х годов VIII в., об этом важнейшем политическом событии нет ни слова.

В. В. Бартольд писал о нем на основании двух источников: китайского (*Тан-шу*, перевод, см. [7, с. 142, п. 1]) и арабского (компилятивной истории XIII в. Ибн ал-Асира [4, с. 253]). Согласно биографии Гао Сянь-чжи, сохранившейся в *Тан-шу*, этот полководец, приглашенный ферганским царем для расправы с царем Ши¹, казнил последнего, а его сын обратился за помощью к арабам. Гао Сянь-чжи вышел навстречу арабам во главе тридцатитысячной армии, «продвинулся на расстояние 700 ли²» и столкнулся с ними около Тараза. На пятый день противостояния армий в тылу Гао Сянь-чжи восстали карлуки; китайское войско, атакованное с двух сторон, понесло большие потери и бросилось бежать в горы Бе-ши. Конвой Гао Сянь-чжи с трудом проложил ему дорогу среди бегущих в теснине [7, с. 142, п. 2].

Ибн ал-Асир несколько иначе излагает предысторию сражения. Согласно его сведениям, ферганский ихшид попросил помощи китайского императора против царя Шаша и тот послал стотысячное войско. Осажденному царю Шаша пришлось сдаться. Узнав об этом, Абу Муслим послал против китайцев Зийада б. Салиха. Сражение произошло около реки Тараза (Талас) в зу-л-хиджжа 133 г. (30. VI —

¹ Шаш — Ташкентский оазис.

² 210—220 км.

29. VII. 751 г.). Китайцы потеряли 50 000 убитыми и около 20 000 пленными [8, с. 344] ³.

В. В. Бартольд были известны еще два упоминания Таласской битвы. Одно из них — неоднократно цитировавшееся сообщение ас-Са'алиби о том, что производство бумаги в Самарканде наладили китайцы, взятые в плен Зийадом б. Салихом [3, с. 28; 16, с. 126]. Другое — рассказ первого историка Багдада Ибн Тайфура о перстне сяхонтом, посланном Зийадом б. Салихом Абу Муслиму «из Китая» и подаренном затем ас-Саффаху; он переходил по наследству от халифа к халифу, пока не был потерян ар-Рашидом при стрельбе из лука [9, с. 8—9] ⁴. Этими тремя арабскими источниками до сих пор и ограничивались наши сведения о Таласской битве.

Нам удалось найти еще одно сообщение историка X в. и несколько косвенных упоминаний, любопытных тем, что они показывают, до какой неузнаваемости могут искажаться исторические сведения при устной передаче.

В исторической части энциклопедии Мутаххара ал-Макдиси, написанной в 966 г. по заказу вазира Саманидов, содержится такое описание событий 751 г.:

«В третьем году правления Абу-л-Аббаса расстроилось дело в Бухаре из-за выступления Шарика б. Шайха ал-Фахри ⁵ во главе 30 000 арабов из остатков разбитых войск (فلال العرب) и других людей, которые обвиняли Абу Муслима в незаконном пролитии крови и непомерных убийствах. Абу Муслим двинулся против них, имея во главе своего авангарда Зийада б. Салиха и Абу Дауда Халида б. Ибрахима аз-Зухли. Он сражался с ними, убил Шарика б. Шайха и завоевал Бухару и Согд вторично. И приказал построить стену Самарканда, чтобы служила она им крепостью, если нападут на них враги.

Он послал Зийада б. Салиха, и тот завоевывал округа Мавераннахра, пока не достиг Тараза и Атлаха. Тогда обеспокоились китайцы, их пришло больше ста тысяч, и осадили они Са'ида б. Хумайда в медине Тараза. [В это время] Абу Муслим стоял в своем лагере в Самарканде и послал на помощь Са'иду б. Хумайду рабочих ⁶ и ополчение добровольцев (حشـر المطوعة), тот несколько раз вступал с ними [китайцами] в сражение, из них было убито 45 000, взято в плен 25 000, остальные бежали, мусульмане завладели их лагерем. И ушел [Абу Муслим] в Бухару» [11, с. 24—25].

Отсюда мы впервые узнаем об осаде арабского гарнизона в Таразе, которым, по-видимому, командовал не упоминаемый больше нигде Са'ид б. Хумайд. Ему же, а не Зийаду б. Салиху приписана победа над китайцами. Не следует, однако, на этом основании считать приведенные здесь сведения недостоверными: у Ибн ал-Асира и ал-

³ Этот рассказ почти без изменений включен в «Историю народов» Ибн Халдуна [5, с. 178].

⁴ Вариант в *Kitāb az-zaḡ'ir* [2, с. 175, № 220].

⁵ Во всех других источниках — ал-Махри.

⁶ Речь идет, вероятно, о рабочих для изготовления метательных машин или для производства противоосадных работ.

Макдиси дано описание различных эпизодов одного и того же события.

Еще один персонаж, связанный с Таласской битвой, упоминается в адабном сочинении первой трети X в. *Kitāb al-maḥāsini wa-l-masāʾir* Ибрахима ал-Байхаки. Один из приближенных ар-Рашида рассказывает, что однажды халиф показал своим сотрапезникам перстень с яхонтом изумительной величины и красоты и поведал его историю: «Царь тюрков во времена Абу Муслима совершил поход на Самарканд, в котором сидел его (Абу Муслима) наместник по имени Исма'ил б. Субайх⁷. С царем тюрков был полководец (قائد) царя Китая, весьма ценимый последним. Он имел высокий сан и был на положении наследника престола (بمنزلة ولي العهد العظيم). Царь Китая послал его во главе 70 000 [воинов] на помощь царю тюрков по причине свойства с ним (الصهر كان بينهما). Исма'ил б. Субайх победил тюркское войско, обратил его в бегство и захватил все, что было в их лагере, взял в плен множество их воинов, в том числе и китайского полководца, на пальце у которого был этот самый перстень. Он взял его и послал Абу Муслиму, а Абу Муслим послал его Абу-л-Аббасу» [10, с. 503]. Далее рассказывается, что перстень, переходя по наследству, попал от ал-Махди к ар-Рашиду, минуя ал-Хади. Последний, став халифом, потребовал отдать перстень, но ар-Рашид бросил его с моста в Тигр, и посланные халифом ныряльщики не смогли его найти⁸.

В этой истории нетрудно узнать контуры предания о китайском перстне, рассказанного Ибн Тайфуром. Разница заключается лишь в том, что здесь перстень не пропал безвозвратно, а был найден по воцарении ар-Рашида и во времена ал-Байхаки находился у ал-Муктадира [10, с. 504].

Согласно версии ал-Байхаки, победителем при Таласе оказывается наместник Самарканда Субайх б. Исма'ил, о котором мы также ничего не знаем. Единственным известным до сих пор наместником Самарканда, назначенным при Абу Муслиме, был Зинба б. Нуман [6, с. 362]. Возможно, что Субайх б. Исма'ил был одним из военачальников Зийада б. Салиха. Какой-то Исма'ил б. Субайх (как в рукописном варианте) упоминается ат-Табари в описании событий 168 и 195 гг. х. [15, с. 522, 810]. Но поскольку последнее упоминание отстоит от Таласской битвы на 60 лет, то трудно ожидать, что это лицо могло в ней участвовать, занимая высокий пост.

Возможно, конечно, и другое — Исма'ил б. Субайх, занимавший высокие административные посты, оказался каким-то образом связан с легендарным яхонтовым перстнем, превратившись затем в рассказах в добывшее его лицо.

Исторические события в рассказе ал-Байхаки совершенно искажены, сражение перенесено под Самарканд, Зийад б. Салих не упо-

⁷ В одной из рукописей — Субайх б. Исма'ил.

⁸ Вариант этого рассказа, но без указания происхождения перстня, — в *Kitāb az-zaḥā'ir* [2, с. 181—183, № 224]; сходный рассказ, но об изумруде «Исмаили», — у ал-Бируни [1, с. 58—59].

минается вообще. Но он полезен тем, что помогает угадать упоминание о Таласской битве у Ибн ал-Факиха: «Абу-л-Фадл ал-Вашджирди сообщает, что царь тугузгузов дважды нападал на царя Китая в дни ар-Рашида (но говорят также, что это было в дни ал-Махди), сражение его (غزوته) произошло между Сурушаной и Самаркандом. Наместник Самарканда сразился с ним в нескольких сражениях, и были эти сражения упорными, а потом наместнику Самарканда была дарована победа над ним, он обратил его в бегство и убил множество его воинов. Говорят, что у него было 600 000 конных и пеших китайцев. Мусульмане овладели огромной добычей и захватили пленных, их дети в Самарканде изготавливают прекрасную бумагу, различное оружие и инструменты, каких не делают ни в одном из городов Хорасана, кроме Самарканда» (см. [13, с. 281—282]).

Здесь о Таласской битве напоминает только факт захвата пленных, наладивших в Самарканде производство бумаги, все остальное совершенно легендарно, а связь царя тугузгузов с Таласской битвой объясняется, вероятно, дефектом источника Ибн ал-Факиха.

События середины 751 г. возможно реконструировать следующим образом. Во время всеобщего восстания в Мавераннахре был осажден арабский гарнизон в Таразе. Обосновавшись в Самарканде после разгрома Шарика б. Шайха, Абу Муслим послал на помощь осажденным небольшой отряд добровольцев и рабочих для строительных работ, так как основная армия Зийада б. Салиха была занята чем-то другим. В это время, по-видимому, и обратился за помощью к Абу Муслиму сын царя Шаша. Вмешательство китайской армии показалось Абу Муслиму настолько опасным, что он тотчас отправил навстречу ей Зийада б. Салиха, несмотря на то что восстание в Южном Согде еще не было подавлено. Победа Зийада позволила Абу Муслиму в кратчайший срок подчинить своей власти весь Мавераннахр.

Сообщение о захваченных при этом в плен бумагоделателях выглядит несколько сомнительным: откуда могли они взяться в войске, тем более что, например, ал-Марвази относит начало производства бумаги в Самарканде к домусульманскому времени [12, с. 6, пер., с. 18]. Но достоверность его подтверждается тем, что ремесленники, захваченные в той же битве, попали даже в Месопотамию, об этом сообщает один из пленных, побывавший в Куфе и вернувшийся в Китай в 762 г. [14].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого, ред. Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долиной. М., 1963.
2. Ар-Рашид ибн аз-Зубайр. Китаб аз-заха'ир ва-т-тухаф ли-л-кади ар-Рашид ибн аз-Зубайр. Ал-Кувайт, 1959.
3. Ас-Са'алиби. Лата'иф ал-ма'ариф та'лиф... ас-Са'алиби, тахкик Ибрахим ал-Абйар и Хасан Камил ас-Сирафи. Ал-Хайра, 1379 [1960].

4. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
5. Ибн Халдун. Та'рих ал-умам. Т. 3. [Каир, 1824].
6. Abū Hanīfa ad-Dīnāwerī. Kitāb al-aḥbār aṭ-ṭiwāl. Publ. par V. Guirgass. Leide, 1888.
7. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, 6).
8. Ibn al-Athīr. Ibn el-Athīr Chronicon quod perfectissimum inscribitur. T. 5. Lugduni Batavorum, 1870.
9. Ibn Taifūr. Sechster Band des Kitāb Baġdād von Aḥmad ibn abī Ṭāhir Ṭaifūr, hrsg. H. Keller. T. 1. Lpz., 1908.
10. Ibrāhīm ibn Muḥammad al-Baiḥāqī. Kitāb al-maḥāsin val-masāwī, hrsg. von Fr. Schwally. Giessen, 1902.
11. Al-Maḡdisī. Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Tahir el-Maḡdisī, publié . . . par Cl. Huart. T. 6. P., 1919.
12. Al-Marvazī. Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turcs and India, by V. Minorsky. L., 1942.
13. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. — BSO (A)S. 12, 1948, c. 275—285.
14. Pelliot P. Des artisans chinoise à la capitale Abbaside en 751—762. T'P. 26, 1929, c. 110—113.
15. At-Tabarī. Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammad ibn Djarir at-Tabarī cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series 3, t. 3, 1879—1880.
16. Al-Tha'alibi. Lata'if al-ma'arif al-Tha'alibi an-Nisaburi, ed. P. de Jong. Leyden, 1867.

Е. И. Кычанов

ТАНГУТСКИЙ СВОД ЗАКОНОВ XII в. ОБ ИНОПЛЕМЕННОКАХ И ИНОЗЕМЦАХ

«Измененный и заново утвержденный свод законов [девиза царствования] Небесное процветание» (1149—1169) — возможно, один из самых интересных памятников светской части тангутской коллекции ЛО ИВАН СССР из мертвого города Хара-Хото. Его обнаружение в Эдзина-Хара-Хото, в застенном субургане одного из городов северной окраины тангутского государства, в месте, согласно данным «Свода законов» официально служившем для ссылки каторжан; не представляется удивительным. Ни одно административное учреждение тангутов не обходилось без «Свода законов» и дополнений к нему, ибо любое управление Великого Ся (982—1227) было и судом, где решались тяжбы и дела обвиняемых, находившихся в подчинении или ведении данного учреждения. Теперь уже очевидно, что в субурган при угрозе нашествия орд Чингисхана с севера были где-то в конце 1225—начале 1226 г. упрятаны не только книги местного буддийского храма, но и часть бумаг местной администрации, в том числе и книги законов, ибо, только руководствуясь такими книгами, тангутский чиновник мог судить или миловать всех обоснованно или необоснованно попавших в поле зрения правосудия.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» был вершиной правотворчества юристов Ся. К середине XII в., как минимум где-то около ста лет назад, утратило силу, вернее, монополию в решении тяжб обычное право. С середины XI до середины XII в. были созданы какие-то, до сих пор нам неизвестные своды законов. Лишь от одного из них, «Яшмового зеркала управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань» (1101—1113), в той же коллекции П. К. Козлова до нас дошли фрагменты [1, с. 229—243]. Это был специфический свод законов военного права, который в основных своих частях, очевидно, не утратил силы и после введения «Измененного и заново утвержденного свода законов». Но «Яшмовым зеркалом», безусловно, не исчерпывалось законодательство Великого Ся до середины XII в. Само название — «Измененный и заново утвержденный свод законов» — свидетельствует о том, что тангутам было что «изменять» и «заново утверждать». Словосочетание, традиционно переводимое на русский язык начиная с Н. А. Невского как «измененный», по-тангутски буквально означает «изменить старое». К сожалению,

как мы только что говорили, об этом «старом» приходится пока догадываться, да и мало шансов на то, что оно станет когда-либо нам известным, если, конечно, не будет открыто новых памятников древности с упрятыми в них рукописями.

В середине XII в. над составлением нового свода законов Ся работала комиссия из 23 человек. Ее члены перечислены в предисловии к «Своду» со всеми своими должностями, титулами и рангами. Среди них 7 человек принадлежали к правящему у тангутов роду Нгвем (Вэймин). В числе членов комиссии было 17 тангутов и 6 китайцев. Несколько тангутов и китайцев, членов комиссии, занимали официальные должности переводчиков с китайского языка и имели ученые степени магистров китайской словесности. Несомненно, что эти лица использовались для перевода с китайского на тангутский язык китайских сводов законов, танского «Тан люй шу и» и сунского «Сун син тун», служивших образцовыми кодексами для тангутских юристов.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» состоял из краткого предисловия, 20 глав, в которых содержалось 1460 статей, и составленного по главам указателя к ним. Сохранился он не полностью, но в двух изданных ксилографическим способом книгах разного формата, правда отпечатанных с одних и тех же досок. Общая сохранность текста составляет примерно 70—75%, из 20 глав полностью не дошла до нас лишь глава 16.

Как известно, Великое Ся, в нашем, современном понимании, было «многонациональным» государством. В данной статье нас будет интересовать, во-первых, как раз то, как в тангутском своде законов юридически отражено положение прочих народностей, проживавших в Ся, кроме господствовавшей народности ми-тангутов, и, во-вторых, то, как отразились в законах правовые моменты взаимоотношений государства Ся с соседями.

В Ся были компактные группы иноплеменного населения, прежде всего уйгуров в западных областях Шачжоу и Гуачжоу и тибетцев на юге страны, в районе Куку-Нора. Китайцы, по-видимому, жили преимущественно в восточных районах тангутского государства, главным образом в городах, занимаясь ремеслами, торговлей, земледелием в пригородах и составляя заметный по влиянию элемент в государственном аппарате тангутов.

Уйгуры, жившие вдоль западных границ, даже не рассматривались в качестве лиц, целиком подчиненных властям Ся. В частности, это видно из того, что они не были подсудны тангутским законам, а при совершении ими преступлений по каждому случаю требовалось особое решение вышестоящих властей: «Если в числе таковых [преступников-иноплеменников], — говорится в „Своде законов“ Ся, — окажутся уйгуры, перешедшие [нашу] западную границу и живущие вдоль границы в ее внутренних пределах, которые хотя и считаются подведомственными нам, но о которых говорят, что [они] не являются как подчинившимися, так и непокорными, то [о таких уйгурах, совершивших преступление], следует своевре-

менно доносить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями» [4, XX, инв. № 202, с. 36].

Компактность проживания в Ся тибетцев подтверждается другими тангутскими источниками. Как раз в годы Небесного процветания в тангутском государстве имел место мятеж тибетцев, во время которого только одна из групп восставших, укрывшихся в лесу, состояла из 145 семей, насчитывавших 2790 человек [6, инв. № 4189, с. 20]. В этом же тексте упоминаются тангутские (ми) и тибетские «хозяева». «Хозяевами» в Ся именовались земледельцы и скотоводы. В перечне 54 буддийских общин, встречающемся в главе XV «Новых законов года свиньи», собрании дополнений к «Измененному и заново утвержденному своду законов», введенном в силу 26 апреля 1212 г. [3, с. 93—98], упоминаются отдельно тибетские буддийские общины, а также и смешанные тангутско-китайские общины [5, XV, инв. № 748, с. 24].

Тангутское законодательство не предусматривало правового неравенства иноплеменников по сравнению с тангутами. Мера ответственности разных лиц за одно и то же преступление зависела от их социального положения (лично-свободный, лично-несвободный, начальник или подчиненный, имеющий ранг или не имеющий ранга) и от места данного лица в системе родственных отношений (старший или младший родственник), но не от племенной принадлежности виновного. Более того, в исключительных случаях установленное законом право на смягчение наказания или на освобождение от наказания имели и чужеземцы, например вражеские полководцы, которые сдались добровольно тангутам вместе со своей армией, и так называемые «гости». «Гостями» считались «сыновья и внуки ванов (князей) и сановников других государств, потомки тех, чьи собственные государства подчинились или исчезли» [4, II, инв. № 153, с. 16—46]. О некоторых других льготах для добровольно подчинившихся тангутам лиц будет сказано ниже.

Положение чиновников-иноплеменников в государстве Ся определялось прежде всего должностью, а не племенной принадлежностью. «Когда должностные лица — тангут, китаец, тибетец, уйгур — служат вместе, то в том случае, когда [они] занимают неодинаковые должности и исполняют разные поручения, они должны сидеть в соответствии с установленными правилами, в зависимости от занимаемого ими самими лично высокого или низкого положения». Первенство господствующей тангутской народности законодательно утверждалось только при должностном равенстве сторон. В тех случаях, когда принадлежавшие к разным народностям чиновники, тангут и нетангут, «занимают равные должности, то независимо от величины рангов [этих должностных лиц] тангут должен считаться старшим. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок». Тангут, отказавшийся соблюдать установленный законом порядок, штрафовался на пять связок (5000) монет [4, X, инв. № 4054, с. 44а—45а].

Равно в соответствии с законом наставниками буддийских общин могли быть одинаково тангуты, китайцы или тибетцы, если они

обладали установленным уровнем знаний канона и знали языки, в том числе обязательно тибетский [4, XI, инв. № 178, с. 326—33а]. Чиновникам по делам буддийской религии в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами (Шуми) также одинаково могли быть тангуты, китайцы или тибетцы: «Если в числе тангутских, китайских или тибетских юношей есть такие, которые хорошо знают и могут читать сутры и гаты, то те из них, для которых определен устав поведения, по одному или по двое могут быть назначены на должности старших начальников и передающих приказы [чэнчжи] в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами» [4, XI, инв. № 178, с. 346—35а].

Единственным исключением являлся запрет иноплеменникам служить в охране, несущей караульную службу непосредственно в том месте, где находился тангутский государь: «Не должны использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и местопребывания государя в большом числе пхинга¹, а также отобранные в вышеуказанных случаях для несения охранной службы люди из покорившихся нам китайцев, шаньгхо (см. [2, с. 157—158], возможно шарайголы. — *Е. К.*), тибетцев и уйгуров. Вместо этих [людей] сторожевую службу должна нести охрана внутренних дворцовых покоев, а те из людей, которые отобраны [из числа иноплеменников] для несения караульной службы, должны находиться там и охранять те места, которые не являются местопребыванием государя, а также охранять дальние дворцовые склады и прочие места, в которых им позволено находиться» [4, XII, инв. № 114, с. 18а—19б].

От охраны особы государя, как нигде, требовалась приверженность охраняющих правящему дому и лично императору. Это в общем-то естественное требование закона отражало тем не менее известное недоверие, которое все-таки испытывали тангуты к служившим в их армии иноплеменникам, или отражало хотя бы то трезвое понимание действительности, в которой любой нетангут потенциально мог быстрее стать врагом правящей династии, чем соплеменники государя. Правда, из текста статьи не очень ясно, распространялось ли данное положение на всех иноплеменников вообще, в том числе и из поколения в поколение проживавших в Ся, или же только на тех, кто сравнительно недавно покорился тангутам. Возможно, такая дифференциация тоже могла существовать.

Как же отразились в «Своде законов» юридические моменты взаимоотношений населения тангутского государства с соседями?

Ся, особенно на востоке и юге, имело постоянно охраняемую границу с нейтральной полосой и режимом, во многом похожим на современные порядки на границах между государствами. Охрану границ несла тангутская караульная служба. Там, где граница была точно демаркирована, местное население — земледельцы и скотоводы-кочевники — обязано было селиться и передвигаться только в строго отведенных для этого местах. Самовольный переход границы

В тангутском государстве одна из **категорий** лично-несвободных людей.

был строжайше запрещен. За этим следили караульные-пограничники, и за каждый случай перехода границы несли личную ответственность начальники караулов [4, IV, инв. № 157, с. 266]. Однако не все участки пограничной территории были строго разграничены, особенно в пустынных, полупустынных и горных районах: «На дальних границах с другими государствами, где строгого разграничения территорий не имеется и [наше государство] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы в тех случаях, когда к [нашей] внутренней стороне границы подойдут кочующие семьи, передвигающиеся совместно в поисках воды и травы для прокормления скота, или же охотники, должны возвращать [таковых] обратно или задерживать и не позволять [им] проникать в [наши] внутренние пределы» [4, IV, инв. № 157, с. 28а—28б]. Таким образом, тангутские пограничники были обязаны не пускать на территорию Ся соседей.

Перебежчиков принимали только в тех случаях, если они изъявляли желание жить и работать в государстве тангутов: «В том случае, когда какие-то чужеземцы явятся и действительно подчинятся [нам], то там, где [они] добровольно изъявили [свою] покорность, [они] могут быть включены в число солдат пограничных войск, войск внутренних районов страны или же в число служащих вспомогательных войск [этих] армий. Если среди таковых окажутся лица, которые в чужеземных пределах занимали важные посты, или те, кто, явившись и подчинившись [нам], привели с собой большое число семей, а также доставили нам достоверные секретные сведения, то по определении характера заслуг [таких] людей следует своевременно доложить о том, какой ранг, какую награду или какую должность может получить [данное лицо], кем [оно] может стать в соответствии со своей категорией, и поступать в соответствии с полученными указаниями» [4, VII, инв. № 161, с. 16]. Присвоение имущества беглых чужеземцев, подчинившихся Ся, сокрытие их самих и использование в принудительном порядке в качестве работников, а также продажа беглых другим лицам рассматривались как ограбление и наказывались соответственно в зависимости от суммы присвоенного дохода [4, VII, инв. № 161, с. 2а].

Тангут, взявший в плен чужеземца в бою, мог сделать его принадлежащим лично ему человеком, относящимся к одной из двух лично-несвободных категорий людей в Ся — *пхинга* (лично-несвободный мужчина) или *нини* (лично-несвободная женщина). Если после этого родственники пленника, «желая соединиться с ним», покорялись «государству Ми» (тангутов), то пленный получал свободу и право жить в Ся вместе со своими близкими, а пленившему его ранее человеку в соответствии с законом выплачивалась от казны стоимость пленного [4, VII, инв. № 161, с. 8б—9а].

Тангут не имел права продавать и покупать пленного чужеземца без разрешения властей: «Любому человеку запрещается покупать человека-чужеземца. Когда же окажется, что есть продавец такого человека, то на покупку следует спросить разрешение у чиновника военно-полицейского управления, пограничного эmissара,

командующего войсками или его заместителя, и если [данные должностные лица] позволят купить [чужеземца], то [его] можно купить. Когда же кто-то купит чужеземца, не испросив на то разрешения у должностного лица, то [виновному] два года [каторжных работ]» [4, XX, инв. № 202, с. 76—8а].

Добровольно подчинившиеся тангутам чужеземцы в случае совершения ими преступления, за исключением тяжких преступлений, наказуемых смертной казнью, могли получить смягчение наказания. Иноземцу, который подчинился Ся и прожил там «пять лет, считая со дня прибытия, за преступление, совершенное в первый раз, мера наказания уменьшается на две степени, а за преступление, совершенное вторично, — на одну степень. От наказания палками [таковые] освобождаются полностью. . . Если [подчинившиеся нам чужеземцы] живут [в нашей стране] менее пяти лет или же совершили преступление в третий раз и более, то по отношению к [такovým] меры по облегчению наказания не применяются и приговор [им] выносится по закону» [4, XX, инв. № 202, с. 3а—3б].

Население Ся не имело права торговать с прибывшими из-за границы послами. Это объяснялось тем, что внешняя торговля была монополией казны, действовавшей от имени государя. Даже в случае уплаты торговой пошлины тот, кто торговал с иноземцами самовольно, карался двумя годами каторжных работ [4, XI, инв. № 178, с. 24а]. Императорским указом запрещалось продавать за пределы Ся «людей, коней, доспехи для воинов и коней, коров, верблюдов и другое имущество», а также монету [4, VII, инв. № 161, с. 22а]. «Если высочайше запрещенная торговая сделка была заключена с послами или купцами, прибывшими из другого государства, то в тех случаях, когда в числе тех, с кем [была заключена эта сделка], будут послы или купцы из государств Даши (арабы, Иран и Средняя Азия) и Сичжоу (Турфан, Восточный Туркестан), а высочайше запрещенная сделка будет уже совершена и проданный товар переправлен в [чужеземные пределы], то приговор [виновным] выносится по закону о наказаниях за совершение высочайше запрещенных сделок в стране чужеземцев. . . Что же касается послов и купцов из государств Даши и Сичжоу, то, поскольку [они] являются гостями, [они] наказываются наложением на них штрафа, размеры которого законом не установлены, а та сумма, которую [они] дали за товар, должна быть возвращена [им]» [4, VII, инв. № 165, с. 22а—27а]. Вместе с тем в случае нужды купцы из Даши и Сичжоу с разрешения тангутских властей могли приобрести оружие для охраны каравана, а также фураж и продовольствие, но только в том количестве, которое им требовалось для благополучного возвращения домой [4, VII, инв. № 161, с. 22а—27а].

Тангутским послам, отправлявшимся за рубеж, тоже запрещалось «брать с собой слишком много людей и большой обоз» [4, XI, инв. № 178, с. 24б]. Кроме того, им запрещалось в неофициальной обстановке, не надев положенного по чину и должности платья, встречаться за границей с людьми, ходить к ним или звать их к себе в гости, пить с ними вино и распевать песни [4, XI, инв. № 178,

с. 25б—26а] — короче, вступать в эти и иные неофициальные контакты, которые могли повлечь за собой утечку информации из Ся. Тангутские послы могли просить для себя в чужой стране только необходимое: «еду, дрова, вино, фрукты, лекарства» [4, XI, инв. № 178, с. 26а—26б].

Иноземные послы содержались на территории Ся за счет казны: «Что касается посольств, прибывших из других государств, то военно-полицейское управление должно отдать приказ управляющим постоянных дворов выделить из государевых запасов зерна и казны продовольствие, фураж, коней и людей, передать [все это] посольству и обязать [людей] заботливо обслуживать [посольство]» [4, XIII, инв. № 219, с. 41а—41б]. Если послов ждали, они могли прямо явиться со своими делами по инстанции. Если же они прибыли неожиданно, то послы были обязаны заявить на границе местным властям о своем прибытии и ждать разрешения двигаться дальше. По территории Ся послов сопровождали тангутские чиновники. Часто один из таких чиновников получал пайцзу, что давало ему и посольству преимущества в пути в случае необходимости получения транспортных животных и продовольствия [4, XIII, инв. № 219, с. 41а—41б]. За ограбление чужеземного посла по закону полагалось наказание на одну степень большее, чем за ограбление соплеменника на ту же сумму [4, III, инв. № 169, с. 76—8а].

Только при расследовании дел послов из Китая, киданьских, тибетских, из Сичжоу и Даши, по-видимому, допускалось нечто вроде состязательного процесса, ибо дела рассматривались «посредством диспута тяжущихся сторон» [4, IX, инв. № 168, с. 10б]. Существование этой формы расследования преступлений и суда остается для нас пока еще недостаточно ясным.

Тангутские купцы, выезжавшие за рубеж с государевыми и своими товарами, обязаны были прежде всего радесть о выгоде своего государства: «В том случае, когда купец отправляется в чужое государство и с ним вместе посылают разные государевы вещи, которые должны быть проданы, и составляются списки их, то количество [государева имущества] должно устанавливаться в момент отъезда купца и оформляться соответствующими документами. Когда купец прибудет в чужое государство, то [он] обязан государево имущество продавать отдельно. Вырученные за него деньги и полученные вещи должны быть действительно освидетельствованы лично главой посольства, [с которым ехал купец], и его помощниками, их внешнее описание и количество зафиксированы в документах, и на списке вещей поставлена государева печать, та, которая находится в ведении служб внутренних дворцовых покоев. Когда же купцы возвратятся и прибудут в „государство [народа] ми“ [-тангутов], то эти вещи и документы на них должны быть переданы должностным лицам и эти [документы] должны быть просмотрены, а внешнее состояние вещей и их количество проверены одновременно. Никому из купцов смешивать государевы и частные вещи, продавать государевы вещи отдельно, подменять добротные государевы вещи на плохие частные не разрешается. Если же закон будет нарушен и произведена

подмена [вещей] или же [вещи государя и частного лица] будут смешаны, то равно те и другие вещи, государевы и частные, должны быть сосчитаны и сопоставлены, а [виновному], не считаясь с его положением и рангом, два года [каторжных работ]» [4, XVIII, инв. № 5040, с. 236—24а].

Наконец, в одной из статей «Свода законов», правда в завуалированной форме, говорится о поставке тангутами верблюдов и коней чжурчжэням в качестве уплаты дани: «Что касается верблюдов и лошадей,готавливаемых ежегодно для передачи в другое государство, и пастухов, [сопровождающих их], то [такowymi] должны стать: пастухи — 80 семей из числа скотоводов, ранее приписанных к Северному двору, и 20 семей из числа скотоводов, приписанных к Восточному двору, а также верблюды и лошади, выделенные для передачи в другое государство на основании имевшихся ранее особых постановлений» [4, XIX, инв. № 20, с. 19а]². Статья составлена глухо, нечетко, с явной целью соблюсти внутри страны достоинство «государства [народа] ми», признававшего старшинство чжурчжэньской династии Цзинь, хотя, конечно, ни о какой фактической зависимости Ся от Цзинь не могло быть и речи.

Почерпнутые нами из «Измененного и заново утвержденного свода законов» сведения об иноплеменниках в Ся и отношениях тангутов с иноземцами немногочисленны, но любопытны. Мы имеем весьма интересный для средневековья пример юридического равноправия народностей в рамках одного государства — юридически, как мы видели, иноплеменники, да и то, возможно, из недавно покорившихся тангутам, были лишены только права охранять жилые покои или местопребывание государя, т. е. служить в его личной охране, — равноправия, даже не декларированного обязательным единством религиозных взглядов. Напомним, что через 50 лет после гибели Ся монгольская политика в том же регионе по тому же вопросу была совсем иной. Иначе решалась проблема и в современных Ся государствах киданей и чжурчжэней, где существовал ряд преимуществ для господствующей народности. У киданей, например, были одни законы для киданей, другие — для китайцев [7, с. 464—465]. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, тангуты ощущали себя стойким большинством в своей стране и не боялись, как кидане или чжурчжэни, а позднее монголы, быть поглощенными подчиненными им народами. Во-вторых, в отличие от киданей, чжурчжэней, монголов они создали свое государство не в процессе завоевания культурных регионов народом, вышедшим недавно из пеленок первобытнообщинного строя и еще не научившимся по-настоящему ценить культуру, сохранившим к ней независимое и даже презрительное отношение, а будучи народом, длительное время стабильно жившим на перепутье трех больших культур — китайской, тибетской и уйгурской, народом, привыкшим ценить культуру

² В данном случае Восточный и Северный дворы — одна из единиц в довольно пестрой местной администрации Ся. Находились в северо-восточных районах тангутского государства.

соседей и строившим в государственный период свою собственную культуру и на базе достижений соседних культур. Тангуты традиционно ценили в китайце чиновника, способного администратора-конфуцианца, в тибетце и уйгуре — ученого буддиста. И хотя и у них не было недостатка, по меткому выражению акад. В. М. Алексеева, «в квасном патриотизме», таковой никогда не принимал в духовной жизни тангутского общества, насколько мы знаем, форм отрицания чужой культуры вообще. Отсюда синкретизм, свойственный процессу становления тангутской культуры, наиболее отчетливо отмечаемый исследователями в буддийской живописи, и юридическое признание равноправия всех разноплеменных подданных тангутских императоров. Наконец, тангуты нуждались и в способных к службе, грамотных людях и охотно принимали таковых из-за рубежа, даже ценой предоставления кое-каких льгот. Подчинившиеся Ся чужеземцы служили как в гражданских управлениях, так и в армии.

И последнее. Для средневекового сознания понятие племенной принадлежности, выражаясь современным языком, «национальное самосознание индивида», было иным, чем в наши дни, хотя и неодинаковым для разных регионов. Для христианского мира часто важнее было быть христианином вообще или христианином определенного вероисповедания, чем итальянцем, французом и т. п. Религиозный момент стоял на первом месте и на Ближнем Востоке: и там все мусульмане прежде всего противостояли всему немусульманскому миру. Дальний Восток, в частности Китай, в масштабах средневековья тоже никогда не обходился без иноплеменников на службе той или иной династии, не считая иноплеменных, не китайских по происхождению династий, нередко правивших страной. Для Дальнего Востока на первом месте было не единство религиозных взглядов, хотя и здесь многие народы объединяло учение Будды, а принадлежность к тому культурному комплексу, в центре которого стояла китайская культура с ее конфуцианской идеологией — представлениями о необходимости хранить преданность тому государю, которому служишь. Каждый из трех регионов выдвинул и свой единый для всех язык — латынь, арабский, китайский письменный язык вэньянь, — который помогал выходить за рамки своего этноса.

Тангутская культура в целом, безусловно, тяготела к дальневосточному региону, хотя и несла в себе определенные черты кочевых скотоводческих культур, а потому и отражала многие взгляды, свойственные той эпохе и тому региону. Известно, что китайские правители сознательно проводили в жизнь линию на приобщение к их идеологии и культуре чужеземцев. Чужеземцы должны были «преобразоваться» (*хуа*), т. е. принять китайский костюм, церемониал, образ жизни и мышления, язык и в конечном итоге стать китайцами. Например, при Тан в Чанъани функционировала специальная школа для сыновей правителей и знати соседних стран. Постепенное окультуривание соседей с последующей их ассимиляцией всегда было частью великодержавной политики китайских правящих слоев. Принять покорившихся чужеземцев в надежде

постепенно «преобразовать» их и уподобить себе — вот доктрина, которая была воспринята и тангутским правящим домом. Чтобы чужеземцы покорялись, их надо было обласкать — отсюда и раздача должностей и рангов, и предоставление вышеупомянутых льгот в случае совершения чужеземцем преступления. Все эти представления нашли свое отражение в тангутском своде законов. Данный кодекс воспринял идеи дальневосточного права, в центре которых находилось право китайское, для тангутов в тех его нормах, которые сложились к эпохе Тан и за столетия правления династий Тан и Сун.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Кычанов Е. И. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зеркало управления [лет царствования] Чжэнь-гуань» (1101—1113). — СПб. 1969. М., 1972.
2. Кычанов Е. И. Тангуты и Запад. — «Страны и народы Востока». Вып. 10. М., 1971.
3. Кычанов Е. И. Что такое «Новые законы». — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН (автоаннотации и краткие сообщения). М., 1972.
4. Измененный и заново утвержденный свод законов [девиза царствования] Небесное процветание [1149—1169]. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
5. Новые законы года свиньи [1212]. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
6. Рукопись без названия. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
7. Wittfogel K. A. and Feng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao. — Transactions of the American Philosophical Society. N. S. Vol. 36. 1946. Philadelphia, 1949.

Н. Д. Миклухо-Маклай

БАЛХСКИЙ ПОХОД ШАХА АББАСА I

В самом конце XVI в. завершилась почти столетняя борьба между Сефевидским государством и узбекской державой Шейбанидов за Хорасан. Усиление мощи Сефевидского государства на рубеже XVI—XVII вв. при шахе Аббасе I (1589—1629), с одной стороны, и феодальные смуты и междоусобия, наступившие в Средней Азии после падения Шейбанидов, — с другой, решили вопрос о владении Хорасаном в пользу Сефевидов. С тех пор, с конца XVI в. и вплоть до крушения власти этой династии в начале XVIII в., Хорасан оставался ее владением. Сменившее в конце XVI в. державу Шейбанидов узбекское государство Джанидов было слишком слабо, чтобы серьезно оспаривать владычество Сефевидов в Хорасане.

Однако мирные отношения между Ираном и Средней Азией после подпадения Хорасана под власть Сефевидов установились не сразу. Причиной этого послужила политика шахского правительства в Средней Азии. В основе этой политики лежало стремление правящего феодального класса Сефевидского государства захватить или подчинить своему влиянию плодородные земли и богатые города Средней Азии.

Средняя Азия привлекала шахское правительство еще и в другом отношении. Через нее проходили торговые пути, связывавшие Иран с рядом других стран, в частности с Сибирью и Восточным Туркестаном, откуда шли товары, весьма ценившиеся в Иране (например, меха). В качестве посредников в торговом обмене между Ираном и указанными странами выступали среднеазиатские купцы. О посреднической роли Средней Азии, например, в торговле между Ираном и Сибирью достаточно ясное представление дают слова шаха Аббаса I, сказанные русскому послу А. Д. Звенигородскому в 1594 г. «Соболи де и лисицы черные, — заявил шах, — из Сибири в Бухары ходят же, а из Бухар и сюды, в Кызылбаш (т. е. Иран), идет, и здесь де соболи и лисицы черные потому и дешевы» [1, с. 268]. Насколько Сефевидское государство было заинтересовано в торговле с Сибирью через Среднюю Азию, показывает решительное выступление шахского правительства против ограничений русским правительством торгового обмена между Сибирью и Средней Азией, препятствовавших поступлению в Иран сибирских товаров [1, с. 269].

Экспансионистские планы в отношении Средней Азии существовали у шахского правительства еще до подпадения Хорасана под власть Сефевидов [1, с. 441—442]. Эти планы оформились в период отвоевания Хорасана и обострения феодальных смут в Средней Азии, когда, по свидетельству историка Искандара Мунши, у шаха Аббаса I возникла идея «посадить на престол султаната Мавераннахра» [3, с. 407] в качестве своего ставленника одного из шейбанидских царевичей — Мухаммад-Ибрахим-султана, попавшего в плен к кызылбашам.

Сразу же после отвоевания Хорасана шах Аббас I приступил к реализации своих планов. В 1599 г. он направился в Хорасан. Официально целью поездки шаха было паломничество к гробнице восьмого шиитского имама Али-Ризы в Мешхеде, но на самом деле она была вызвана, как указывает Искандар Мунши, необходимостью «упорядочения дел Хорасана и известиями о положении дел Мавераннахра и узбеков» [3, с. 406]. В Средней Азии среди правящих феодальных кругов распавшегося государства Шейбанидов шла тогда ожесточенная борьба, которую шах Аббас и намеревался использовать в своих интересах.

Поездка шаха Аббаса в Хорасан была связана также с его стремлением упрочить свою власть и влияние в северных районах тогдашнего Хорасана (Мерв, Неса, Абиверд, Дурун). Эти районы в то время составляли отдельное узбекское владение, управляемое ставленником шаха Аббаса хорезмийским царевичем Нур-Мухаммад-ханом. Против Нур-Мухаммад-хана из-за его просефевидской политики выступили некоторые местные кочевые племена, в частности найманы, не желавшие усиления шахской власти в этих районах. Шах Аббас, направляясь в Хорасан, ставил своей задачей «помощь Нур-Мухаммад-хану и укрепление его положения» [3, с. 406].

Расчеты шаха Аббаса использовать в своих целях царившие в Средней Азии феодальные смуты и междоусобия, казались, вполне оправдались. Еще до прибытия шаха в Хорасан к нему явились два посольства: одно — из Бухары от Пир-Мухаммад-хана, последнего шейбанидского государя, другое — из Мерва от Нур-Мухаммад-хана. Эти посольства не только помогли шаху Аббасу хорошо уяснить себе политическую обстановку в Средней Азии, но и открыли перед ним широкие перспективы для вмешательства. В Средней Азии к этому времени на первом плане стояла борьба двух группировок узбекской феодальной знати за верховную власть в бывших владениях Шейбанидов. Одну из них возглавлял будущий основатель династии Джанидов (или Аштарханидов) — Баки-хан (1599—1605); другая группировка узбекских эмиров, не желавшая подчиниться Баки-хану, посадила на престол в Бухаре шейбанидского царевича Пир-Мухаммад-хана, который вел до этого отшельнический, дервишский образ жизни и был совершенно не способен управлять государством. Сторонники Пир-Мухаммад-хана стремились заручиться помощью шахского правительства в своей борьбе против Баки-хана. Поэтому и было направлено посольство к шаху Аббасу с просьбой освободить находившегося в Иране шейбанидского царе-

вича Мухаммад-Ибрахима, как единственного уцелевшего представителя династии Шейбанидов, который мог бы наследовать Пир-Мухаммад-хану.

От послов из Мерва шах узнал, что узбекские эмиры в Бухаре, враги Баки-хана, обратились к Нур-Мухаммад-хану с аналогичной просьбой. При этом эмиры указывали, что они возвели на ханский престол Пир-Мухаммад-хана по необходимости, не желая подчиниться Баки-хану, но что Пир-Мухаммад-хан не подходит для их целей, поскольку «он — дервиш, сокровища покоя и тишины предпочитает царским занятиям и деятельности, которые необходимы для управления государством» [3, с. 407]. Поэтому эмиры через Нур-Мухаммад-хана просили шаха Аббаса освободить Мухаммад-Ибрахима, с тем чтобы немедленно возвести его на ханский престол. За это эмиры обещали шаху «соблюдать единение и дружбу между узбеками и кызылбашами» [3, с. 407].

Оба эти предложения, исходившие от одной из боровшихся за власть в Средней Азии феодальных группировок, преследовали общую цель — получить помощь со стороны шахского правительства. Предложения эти, особенно последнее, как нельзя лучше отвечали намерениям самого шаха Аббаса. Он охотно согласился освободить Мухаммад-Ибрахима и отправить его в Среднюю Азию, с полным основанием рассчитывая иметь в лице этого шейбанидского царевича своего ставленника на узбекском престоле.

Однако вскоре в Средней Азии произошли события, разрушившие все эти планы. Пир-Мухаммад был убит в сражении с Баки-ханом, который одержал решительную победу над враждебной ему группировкой узбекской феодальной знати и овладел Мавераннахром.

Победа Баки-хана в Мавераннахре все же не заставила шаха Аббаса отказаться от своих планов в отношении бывших шейбанидских владений; она побудила его лишь несколько изменить свою тактику. Отправка Мухаммад-Ибрахима в Мавераннахр после победы Джанидов была бессмысленной; поэтому шах решил сделать попытку сначала утвердить свою власть в Балхской области, с тем чтобы в случае успеха начать отсюда наступление на Мавераннахр. Орудием для выполнения этого плана должен был послужить все тот же Мухаммад-Ибрахим. Шах Аббас маскировал свои цели и стремился представить свои действия как борьбу за утверждение в Средней Азии власти «законного» претендента на престол, каким являлся шейбанидский царевич Мухаммад-Ибрахим. Стремление шаха Аббаса овладеть Балхом было вызвано не только непосредственной близостью этой области к сефевидскому Хорасану, но и той обстановкой, которая в это время сложилась в Балхе.

Балхская область еще в 1527 г. вошла в состав узбекского государства Шейбанидов [5, с. 196—197]. После распада последнего в Балхе образовалось самостоятельное владение. Местная феодальная знать, стремившаяся к самостоятельности и не желавшая подчиниться различным претендентам, боровшимся за власть в Мавераннахре, поставила правителем этого владения шейбанидского царе-

вича Абд-ал-Амин-хана. Отпадение Балха от Мавераннахра давало шаху Аббасу основания надеяться овладеть без больших затруднений этой областью, выступив «защитником законных прав» шейбанидской династии в лице Мухаммад-Ибрахима.

Однако, прежде чем шах Аббас успел что-либо предпринять в этом направлении, балхская знать сама побудила его вмешаться в дела Балхской области.

Победа Баки-хана в Мавераннахре встревожила балхскую феодальную знать; не рассчитывая собственными силами удержать свою власть против Баки-хана, балхские правящие круги отправили посольство к шаху Аббасу с просьбой о помощи и об освобождении Мухаммад-Ибрахима. Естественно, что шах Аббас немедленно откликнулся на это обращение, поскольку оно вполне отвечало его собственным планам. Он тотчас же присвоил Мухаммад-Ибрахиму звание хана и объявил его своим «сыном», ставя этим шейбанидского царевича официально под свой протекторат. Кроме того, шах написал письмо балхскому правителю Абд-ал-Амину, где указал, что «страна Мавераннахр есть древний юрт и наследственное местожительство потомков покойного падишаха Джани-бек-хана» [3, с. 412] (имеется в виду Шейбанид Джани-бек, умерший в 1528 г., дед знаменитого Абдаллаха II, 1583—1598). Ныне оставшиеся в живых шейбанидские царевичи Мухаммад-Ибрахим и Абд-ал-Амин, говорилось дальше в письме шаха, должны «братски соединиться и направить усилия на овладение наследственным царством» [3, с. 412].

Насколько широки были тогда замыслы шаха Аббаса, свидетельствует то, что он издал указ о передаче Мухаммад-Ибрахиму власти «во всем Мавераннахре и Туркестане» [3, с. 412] и назначил особое войско для сопровождения Мухаммад-Ибрахима в Балх. Однако вскоре шах усомнился в истинных намерениях балхской знати. Он решил повременить с отправкой Мухаммад-Ибрахима и более точно выяснить настоящую обстановку в Балхе. Ему удалось установить, что среди военно-феодальной знати Балха существуют две группировки: одна — сторонников Мухаммад-Ибрахима, другая — сторонников Абд-ал-Амина; при этом сторонники последнего, опасаясь за свою власть, решительно противятся прибытию Мухаммад-Ибрахима в Балх. После долгих совещаний по этому поводу в шахской ставке было достигнуто соглашение, которое должно было примирить обе группировки: за Абд-ал-Амином признавалось старшинство, он объявлялся «старшим братом», а Мухаммад-Ибрахим — «младшим». После завоевания Мавераннахра один из них должен был владеть Бухарой, а другой — Балхом. Шах был недоволен тем, что его ставленнику отводится вторая роль, но вынужден был согласиться, рассчитывая со временем изменить положение. По достижении соглашения с представителями балхской знати шах направил Мухаммад-Ибрахима с кызылбашским войском в Балх.

В Меймене Мухаммад-Ибрахим был встречен представителями балхских властей и двора. Сторонники Абд-ал-Амина, прежде противившиеся приходу Мухаммад-Ибрахима в Балх, увидели, что сопротивляться бесполезно, и вернулись в Балх. Однако и сторон-

ники Мухаммад-Ибрахима решительно возражали против прихода с ним в Балх шахских войск. Они говорили шахским представителям: «Прихода кызылбашских войск [в Балх] не требуется; пусть нам оставят царевича, чтобы узбеки [сами] действовали, как они сочтут нужным для пользы государства» [3, с. 413]. Несомненно, в Балхе среди местной феодальной верхушки происходила ожесточенная борьба за власть. Одна, по-видимому большая, часть балхской знати, недовольная Абд-ал-Амином, решила выдвинуть правителем Мухаммад-Ибрахима. Этим самым она рассчитывала достигнуть господствующего положения в Балхе и заручиться дружеским отношением и даже помощью со стороны шаха. Однако и эта часть знати, как уже указывалось, отнюдь не желала установления там сефевидского владычества, а следовательно, и потери своей самостоятельности.

Шах Аббас, к которому обратились за разрешением этих споров, вынужден был уступить и отказаться от намерения занять Балх своими войсками. Однако приверженцы Мухаммад-Ибрахима взамен этой уступки заключили тайное соглашение с шахскими представителями. По этому соглашению они обязались по прибытии Мухаммад-Ибрахима в Балх свергнуть Абд-ал-Амина и сделать Мухаммад-Ибрахима своим правителем. Когда было получено это обязательство, Мухаммад-Ибрахим с согласия шаха оставил находившиеся с ним в Меймене кызылбашские войска и в сопровождении только своих узбекских приверженцев направился в Балх. Немедленно по прибытии в Балх сторонники Мухаммад-Ибрахима организовали заговор, в результате которого Абд-ал-Амин был убит и Мухаммад-Ибрахим объявлен правителем Балха. Вслед за Балхом власть Мухаммад-Ибрахима была признана и в других прилегающих к Балху местностях — Чечекту, Андхуде, Фарйабе, Шупургане. Таким образом, политика шаха Аббаса увенчалась успехом: его ставленник Мухаммад-Ибрахим стал правителем обширной области, составлявшей одну из важнейших частей бывшего Шейбанидского государства.

Как упоминалось выше, наряду с планами использовать смуты в Средней Азии шах Аббас в 1599 г., направляясь в Хорасан, ставил задачей укрепление своей власти в северных районах этой области, входивших тогда в состав отдельного узбекского владения, во главе которого стоял хорезмийский царевич Нур-Мухаммад-хан. Положение последнего было очень трудным. С одной стороны, он был ставленником шаха и признавал себя его вассалом. Шаху Аббасу Нур-Мухаммад-хан в значительной мере был обязан восстановлением своей власти в Мерве и в других районах (Абиверд, Неса, Дурун) после распада державы Шейбанидов в конце XVI в. (1598 г.), почти одновременно с подпадением Хорасана под власть Сефевидов. Искандар Мунши писал, что Нур-Мухаммад-хан «овладел [своей] наследственной областью благодаря шахскому счастью и помощи слуг падишахова кортежа» (т. е. кызылбашских войск) [3, с. 406]. Другой современный той эпохе сефевидский автор, Джунабади, также указывал, что Нур-Мухаммад-хан «стал правителем в своей стране

благодаря рабской покорности раздающему царства падишаху» (т. е. шаху Аббасу) [2, л. 347б]. Конечно, здесь налицо преувеличения сефевидских авторов, но все же не приходится отрицать факта помощи шахского правительства Нур-Мухаммад-хану при восставлении им своей власти в Мерве.

С другой стороны, понятная в этих условиях просефевидская политика Нур-Мухаммад-хана вызвала недовольство местного оседлого населения и кочевых племен, отнюдь не желавших установления у себя иноземного влияния и господства. Недовольство это было обложено в довольно обычную для тех времен и условий религиозную форму. Так, Искандар Мунши писал о племени найманов: «Те люди (найманы), заметив в его (Нур-Мухаммад-хана) поведении кызылбашский образ действий, вступили с ним в распрю и вражду» [3, с. 40б].

Позднее, как мы увидим, уже после разрыва с шахским правительством, во время переговоров с шахом, Нур-Мухаммад-хан объяснял свою нелояльность в отношении шаха давлением на него местного суннитского населения, враждебного усилению власти шиитского государства Сефевидов в этих районах. Во время этих переговоров Нур-Мухаммад-хан через своего посланца сообщил шаху: «Вражда секты (мазхаб) райатов и воинов (т. е. суннитского оседлого населения и кочевых племен Мерва) царствующему мнению (т. е. шаху Аббасу). . . да не будет сокрыта. Когда мы счастьем царства раздающего падишаха (шаха Аббаса) утвердились в древнем жилище в своем коренном юрте (т. е. Мерве), то все люди на том объединились, чтобы мы действовали согласно их исповеданию, а мы — последователи их толка (т. е. суннизма); без этого подчинения и согласия с ними не пришли бы в порядок» [2, л. 329а—329б]. Здесь, конечно, налицо стремление Нур-Мухаммад-хана подчеркнуть религиозные мотивы борьбы и одновременно переложить вину за свои действия на население Мерва, тем самым облегчив свою собственную «вину» перед шахом; однако враждебное отношение местного населения к установлению сефевидского господства не подлежит сомнению, как это убедительно показали дальнейшие события.

Враждебное отношение местного населения к шахскому правительству, безусловно, оказывало также определенное влияние на Нур-Мухаммад-хана и его политику. Помимо приведенного свидетельства по этому поводу самого Нур-Мухаммад-хана в сефевидских источниках есть еще и другие прямые указания на этот счет [2, л. 328а].

Нур-Мухаммад-хан скоро стал настороженно относиться к политике шахского правительства. Он с полным основанием мог опасаться, что усиление позиции Сефевидского государства в Средней Азии приведет если не к прямому захвату шахским правительством его владения, то, во всяком случае, к утере им самостоятельности, которой оно пользовалось в XVI в.

Все эти обстоятельства и побудили Нур-Мухаммад-хана из союзника и вассала шаха Аббаса постепенно превратиться в его скрытого врага. Это изменение в политике Нур-Мухаммад-хана привело, по-

видимому, и к ликвидации тех конфликтов его с местным населением, которые вызывались его просефевидской политикой и которые явились одной из причин поездки шаха Аббаса в Хорасан.

По прибытии в Хорасан шах пригласил к себе Нур-Мухаммад-хана, желая использовать его в своих интересах. Однако Нур-Мухаммад-хан, убедившись к этому времени в широких замыслах шаха, которым он отнюдь не хотел содействовать, и опасаясь его намерений относительно своего собственного владения, упорно уклонялся от визита к шаху. Мало того, он стремился оказать противодействие, правда скрытое, политике шаха Аббаса. Нур-Мухаммад-хан вступил в переписку с упоминавшимся выше балхским правителем Абд-ал-Амином и всячески предостерегал его относительно планов шаха Аббаса; в частности, он предостерегал Абд-ал-Амина от соглашения с шахом и советовал ему ни в коем случае «не соглашаться на прибытие Мухаммад-Ибрахима [в Балх] и не пускать кызылбашей [в Балх], так как цель шаха в отправке его (Мухаммад-Ибрахима в Балх) заключается в том, чтобы посредством его [самому] завладеть Балхом» [3, с. 415]. Наряду с подстрекательством Абд-ал-Амина против шаха Нур-Мухаммад-хан постарался еще укрепить находившиеся под его властью города Мерв и Абиверд на случай столкновения с кызылбашами.

Упорный отказ Нур-Мухаммад-хана прибыть к шаху, естественно, вызвал подозрения шаха. Когда же после убийства Абд-ал-Амина и утверждения в Балхе власти Мухаммад-Ибрахима последний прислал шаху письмо Нур-Мухаммад-хана, адресованное балхскому правителю (цитата из письма приведена выше), эти подозрения превратились в уверенность. Шахское правительство решило покончить с Нур-Мухаммад-ханом, а заодно и с самостоятельностью узбекского владения в Мерве. Такой шаг был вызван, конечно, не одной нежелательностью Нур-Мухаммад-хана, она послужила только поводом. Настоящей причиной являлась общая централизаторская политика, проводимая шахом Аббасом.

Шахские войска соответственно с этим решением направились к Абиверду и Мерву. После осады Абиверд был занят шахскими войсками, которые затем двинулись к Мерву. Нур-Мухаммад-хан не решился продолжать борьбу и вступил в переговоры с шахом. Переговоры закончились капитуляцией Нур-Мухаммад-хана и сдачей Мерва шаху. Нур-Мухаммад-хан был лишен своих владений и отправлен в качестве почетного пленника в Иран (Фарс). Здесь он жил, получая содержание от шахского двора, до своей смерти в 1611 г. (см. также рассказ о захвате Мерва шахом Аббасом I у Абул-Гази [6, с. 259—260]).

Так было ликвидировано самостоятельное узбекское владение с центром в Мерве, возникшее еще в 1536 г. [5, с. 278]. Всюду — в Мерве, Абиверде и других городах — были назначены шахом Аббасом кызылбашские правители.

Население покоренной страны отнеслось к новой власти с недоверием и враждой. Особенно страшил местных суннитов шиитский религиозный фанатизм, как правило достаточно заметный в поли-

тике Сефевидов того времени. «Мервцы и все население той страны, — писал Искандар Мунши, — вследствие различия [в вере] опасались и страшились кызылбашей» [3, с. 417—418]. В связи с этим со стороны шаха последовал особый приказ о том, чтобы «из-за различия в верованиях никого не преследовали» [3, с. 418].

При занятии Мерва местное население не подверглось обычному в те времена грабежу, производимому войсками. «Жители города и крепости [Мерва], — указывал Искандар Мунши, — получили пощадку [своей] жизни и имущества» [3, с. 418]. Вместе с тем шах Аббас, заняв своими войсками Мерв, провел немедленно разоружение местного феодального ополчения. Всем воинам было приказано сдать оружие и уходить, кто куда пожелает; тем же, кто прежде занимался сельским хозяйством, было предложено продолжать им заниматься. Мерв по приказу шаха был укреплен, и там был поставлен сильный кызылбашский гарнизон.

Все эти меры преследовали одну цель — укрепление кызылбашского господства в бывшем узбекском владении. В то же время все изложенные факты, свидетельствующие о недоверии и вражде между шахской властью и местным населением в момент установления сефевидского владычества в Мерве, позволяют сделать определенный вывод о том, что Сефевиды выступали здесь как чужеземные завоеватели и именно как таковые воспринимались населением. Вывод этот очень важен. Он лишний раз убедительно показывает, что средневековое представление об Иране как о единой территории, простиравшейся на северо-востоке вплоть до Амударьи, имело абстрактный, чисто книжный характер и никак не соответствовало конкретной исторической обстановке.

С ликвидацией самостоятельного узбекского владения с центром в Мерве одна из задач, стоявших перед шахом Аббасом, была решена, причем для укрепления своей власти в этих землях Сефевиды имели благоразумие отказаться от обычно проводившейся ими нетерпимой религиозной политики в отношении мусульманского нешиитского (суннитского) населения.

Что же касается Балха, то там образовалось отдельное узбекское владение, правитель которого Мухаммад-Ибрахим находился (как увидим ниже) в вассальной зависимости от шаха. Такое положение давало возможность шахскому правительству осуществлять свое влияние на территории вплоть до левого берега Амударьи.

Однако шахскому правительству не удалось сохранить это положение на сколько-нибудь продолжительный срок. Этому помешало, с одной стороны, восстановление бывлой мощи узбекского государства под властью новой династии — Джанидов, с другой — враждебное отношение местного населения к установлению кызылбашского владычества на территории к югу от Амударьи. Оба эти обстоятельства скоро привели к падению отдельного узбекского государства в Балхе, которое занимало центральное место в среднеазиатской политике шаха Аббаса.

Как мы видели, в свое время феодальная знать Балха вела переговоры с шахом Аббасом I, которые закончились убийством прави-

теля Абд-ал-Амина и заменой его шахским кандидатом на престол — шейбанидским царевичем Мухаммад-Ибрахимом. Этим самым балхская знать стремилась укрепить свое положение и заручиться дружеским отношением и даже помощью со стороны шахского правительства, но в то же время она совсем не желала допустить установления сефевидского владычества в Балхе. Между тем Мухаммад-Ибрахим, став правителем Балха, оказался всецело под влиянием шаха Аббаса. Когда шах Аббас находился в Хорасане, Мухаммад-Ибрахим, по свидетельству Искандара Мунши, «постоянно посылал гонцов к подножию высочайшего престола [шаха Аббаса] и докладывал о каждодневных событиях» [3, с. 418]. Такая зависимость Мухаммад-Ибрахима от шаха Аббаса, естественно, должна была вызвать большое недовольство в Балхе, и это скоро обнаружилось достаточно определенно.

Когда Мухаммад-Ибрахим после непродолжительного правления умер, его преемником стал другой шейбанидский царевич — Йар-Мухаммад-мирза, также являвшийся креатурой шаха Аббаса и еще менее популярный в Балхе, чем Мухаммад-Ибрахим.

Между тем Баки-хану удалось объединить к этому времени (т. е. к 1600 г.) Мавераннахр, и он стал стремиться к распространению своей власти на все бывшие владения Шейбанидов, в том числе и на Балх. Последовавшие в связи с этим события показали, насколько непопулярен был в Балхе шахский ставленник Йар-Мухаммад-мирза, как и сефевидское влияние вообще. Когда Баки-хан узнал о смерти Мухаммад-Ибрахима, он направил в Балх своего брата Вали-Мухаммада. По свидетельству даже сефевидского автора Искандара Мунши, большинство воинов и начальников войск в Балхе (военно-феодалной знати) не пожелало сражаться с Вали-Мухаммадом [3, с. 419]; они покинули Йар-Мухаммад-мирзу и перешли на сторону Вали-Мухаммада. Оставленный почти всеми, Йар-Мухаммад-мирза бежал с группой своих приверженцев и родственников (всего около 300 человек) в сефевидские владения. Вали-Мухаммад занял Балх, а вслед за Балхом и другие зависящие от него районы (Андхуд, Меймене, Шупурган, Чечекту) признали власть Джанидов. Так рисуется события, приведшие к падению отдельного узбекского владения в Балхе, сефевидский историк Искандар Мунши.

Рассказ об этих событиях известного узбекского историка Мухаммад-Йусуфа Мунши носит довольно фантастический характер. Он основан не на действительных исторических фактах, а на устных преданиях, имевших хождение в Балхе в XVII—XVIII вв. При всей своей фантастичности предания эти, однако, заслуживают некоторого внимания. В них, как и в рассказе Искандара Мунши, совершенно определенно зафиксирован факт безусловно враждебного отношения местного населения к шахским ставленникам, правившим в Балхе, а тем самым и к возможности установления власти Сефевидов в этой стране [4, л. 31а и др.].

Занятие Балха Джанидами означало полное крушение планов шахского правительства; тем не менее это отнюдь не заставило его отказаться от своих замыслов. Шах Аббас весьма дружески принял

беглецов из Балха во главе с Йар-Мухаммад-мирзой и решил оказать им всяческую помощь.

Между тем Баки-хан, овладев Балхом и желая упрочить свою власть в бывших владениях Шейбанидов, был заинтересован в установлении мирных отношений с шахским правительством. С этой целью, а также желая разведать намерения шахского правительства, Баки-хан направил шаху Аббасу в 1601 г. дружеское послание. В связи с этим посланием у шаха, по-видимому, появилась надежда достигнуть своих целей дипломатическим путем. Но в то же время, как видно, шах вынужден был считаться с фактом установления в Средней Азии власти Джанидов; поэтому теперь он сократил свои притязания и, по существу, ограничил их одной только Балхской областью. При этом свои истинные намерения шах тщательно скрывал, выступая под маской «защитника» прав представителей династии Шейбанидов.

В ответном послании к Баки-хану шах Аббас писал узбекскому правителю, что в свое время Мухаммад-Ибрахим овладел Балхом и «был подчинен нашим августейшим приказам» [3, с. 422]. «Ныне, — указывал шах, — у нас нет стремления (букв. „жадности“) к захвату той области (т. е. Балха)» [3, с. 422]; однако, продолжал шах, «из родственников Мухаммад-Ибрахим-хана и семейства Абдаллах-хана осталось два ребенка» [3, с. 422], которых следует как-то обеспечить. Поэтому, писал далее шах, он желал бы, чтобы «область Балх и прилегающие к ней земли, которые принадлежали Мухаммад-Ибрахим-хану, принадлежали бы им» [3, с. 423]. Напомнив затем Баки-хану, что он уже завладел Мавераннахром и Туркестаном, шах советовал ему этим ограничиться и не притязать на большее. Шах указывал Баки-хану, что ему следует малолетних представителей династии Шейбанидов «признать своими младшими сыновьями и братьями и предоставить им область Балх и округа этой (левой) стороны реки (Амударьи), а самому удовольствоваться странами Мавераннахра и Туркестана» [3, с. 423]. В заключение шах писал: «Если Баки-хан согласится с августейшим помыслом и не пожалеет им (шейбанидским царевичам) этой жалкой области (т. е. Балха), [это] будет причиной довольства его высочайшего царского величества (т. е. шаха) и доброй славы его (Баки-хана); мы также его (Баки-хана) признаем братом и окажем ему любую помощь и содействие, которые во всех отношениях будут необходимы» [3, с. 422]. Таково было содержание шахского послания Баки-хану; заканчивалось оно угрозами по адресу Баки-хана, если тот не примет шахских предложений.

Весь текст послания красноречиво свидетельствует о настоятельности притязаний шахского правительства на Балхскую область. Стремление к захвату ее было, конечно, не случайным: это была плодородная, богатая естественными ресурсами и экономически развитая область.

Через Балхскую область проходили имевшие исключительно важное значение для Средней Азии пути, связывающие последнюю с Индией, а через нее и с другими странами. Дело в том, что в связи с постоянной борьбой Сефевидского государства с узбекскими хан-

ствами, а затем и с преобладанием португальцев на Персидском заливе старинный караванно-морской путь из Средней Азии через Иран (именно через Исфахан—Хормуз—Персидский залив) в Индию был для государств Средней Азии в XVI в. почти закрыт. Поэтому первостепенное значение приобрел путь, связывавший Среднюю Азию с Индией через Балх, так же как и пути вдоль северного побережья Каспийского моря или через Мангышлак и Каспий, связывавшие Среднюю Азию с Россией.

Отсюда понятно, что шахское правительство, овладев Балхом, не только получало весьма выгодные военно-стратегические позиции, дававшие ему возможность угрожать основным тогдашним центрам узбекского государства — Бухаре и Самарканду, но и смогло бы захватить в свои руки один из важнейших узлов караванных путей из Средней Азии. Все это позволяло в еще большей степени изолировать Среднюю Азию от внешнего мира, поставить ее в зависимое положение, чего шахское правительство в конечном счете и добивалось. Такая политика проводилась вполне сознательно, что достаточно ясно видно из следующего факта. Уже упоминалось, что шахское правительство, заинтересованное в получении сибирских товаров, особенно мехов, шедших через Среднюю Азию и Иран, выступало с просьбой перед русским правительством о разрешении свободной продажи этих товаров среднеазиатским купцам. Однако в то же время шахское правительство решительно настаивало на запрещении ввоза в Среднюю Азию тех товаров, ввоз которых мог бы усилить могущество среднеазиатских государств; в первую очередь это относилось к оружию и военному снаряжению.

По этому вопросу шах Аббас I в 1594 г. говорил русскому послу А. Д. Звенигородскому: «В том бы государь ни в чем заповедати не велел в торговле (речь идет о продаже среднеазиатскими купцами сибирских мехов. — *Н. М.-М.*), лишь бы велел государь заповедати воеводам своим, чтоб бухарским людям не продавали ратных доспехов и иные никакие ратные сбруи» [1, с. 269].

С упомянутым выше письмом шахский посланец явился в Бухару, где был весьма дружески принят Баки-ханом. Последний согласился, на словах, рассматривать покровительствуемых шахом шейбанидских царевичей как своих сыновей и братьев и назначить соответствующие владения для их содержания. Однако в действительности, как выяснил шахский посол, Баки-хан был отнюдь «не согласен отдать Балх и зависимые от него земли» [3, с. 423] шейбанидским царевичам и намеревался в случае их прибытия обойтись с ними, как он сочтет для себя нужным. Это не удивительно: все причины, толкавшие шахское правительство на захват Балха, в одинаковой степени побуждали Баки-хана этому сопротивляться.

Когда окончательно выяснилась неудача переговоров с Баки-ханом, шах Аббас решил добиваться осуществления своих планов силой оружия. Его прежнее намерение оказать поддержку шейбанидским царевичам и добиться того, чтобы «область Балха и округа этой (левой) стороны реки (Амударьи), которые близки к Хорасану и [которые раньше] принадлежали Мухаммад-Ибрахим-хану, при-

надлежали бы им» [3, с. 427], осталось неизменным. С целью осуществить это намерение шах Аббас решил предпринять поход на Балх.

В 1602 г. началась подготовка к Балхскому походу. В Хорасане, в Бадгисе, была собрана значительная армия, общей численностью 50 тыс. человек, с большой по тем временам, в особенности для Ирана, артиллерией в 300 пушек, не считая прислуги, базарного люда и обоза.

Одновременно с военной шла и политическая подготовка к походу на Балх; она имела задачей придать выступлению шахского правительства характер борьбы за поправные права Шейбанидов. С этой целью шейбанидские царевичи, в свое время бежавшие из Балха после прихода туда Вали-Мухаммада, были привлечены шахом к участию в походе на Балх. По приказу шаха одному из них, Джахангиру, присвоили звание хана, а другого, упоминавшегося выше Йар-Мухаммад-мирзу, сделали его аталыком (регентом). Был издан особый указ на имя Джахангира о передаче ему во владение Балха. Кроме того, была принята еще одна мера, имевшая целью привлечь на сторону шаха кочевую знать племен Балхской области. «Вышел приказ, — писал по этому поводу Искандар Мунши, — чтобы Йар-Мухаммад-мирза от имени Джахангира также послал ярлыки (указы) начальникам племен и их обнадежил бы царскими милостями» [3, с. 428].

Когда все приготовления были закончены, шахская армия выступила по направлению к Меручаку, откуда продвинулась к Чечекту и затем направилась к Андхуду. По прибытии к Андхуду встал вопрос, осадить ли крепость или прямо идти на Балх. Вопреки мнению некоторых военачальников шах настоял на необходимости осады и взятия Андхуда, что обеспечило бы связь между продвигающейся вперед армией и оперативной базой шаха в Хорасане. Шах указывал, что, если Андхуд не будет взят, «проход из Хорасана в высокую орду (т. е. ставку шаха) будет затруднителен» [3, с. 429].

Шахские войска произвели обстрел города из 300 пушек и затем штурмовали его. Очень скоро жители города и правивший Андхудом от имени Баки-хана Мумин-бий убедились в невозможности дальнейшей борьбы и вступили в переговоры с шахом, предложив сдать Андхуд при условии дарования жизни осажденным. Шах Аббас охотно принял эти условия. На имя правителя Андхуда Мумин-бия и жителей города он издал указ, в котором, по словам Искандара Мунши, говорилось: «Наш августейший поход в эту страну произошел только для помощи и поддержки джанибековых царевичей (т. е. потомков Шейбанида Джани-бека, деда Абдаллах-хана II), и у нас нет устремления к этой области (т. е. к Балху). Никогда не имея в справедливых [наших] помыслах [ничего], кроме благополучия и спокойствия всех людей и рабов божьих, мы поддерживаем полный мир со всеми общинами (имеются в виду религиозные общины), и нам нет никакого дела до веры и религии кого бы то ни было. Истинность этих слов была им (т. е. андхудцам) показана на примере людей Мерва, Несы и Абиверда, поскольку со времени, когда они

(т. е. упомянутые выше города) вошли во власть и владение нашего славного государства, в мечетях и храмах сунниты и шииты ведут себя по своим правилам и обычаям и никому из них не делалось и не делается предложений, которые были бы противны их мнениям» [3, с. 429—430].

Отметив таким образом свою веротерпимость в отношении суннитского населения, шах предлагал Мумин-бию и находившимся с ним воинам перейти на службу к шахским ставленникам, шейбанидским царевичам, или оставить Андхуда и вернуться в Мавераннахр. Что же касается мирных жителей Андхуда, то они получали от шаха гарантию в полной безопасности своей жизни и имущества; в шахском указе говорилось, чтобы «райаты и бедняки спокойно занимались своим делом, поскольку победоносное войско им не причинит никакого ущерба» [3, с. 430].

Этот указ шаха весьма интересен. Он показывает, что шах Аббас отнюдь не рассчитывал достигнуть осуществления своих целей только силой оружия, но и стремился добиться известного расположения местного населения. Вместе с тем шахское заявление красноречиво свидетельствует, как подозрительно и враждебно относилось местное население к Сефевидам. Это достаточно ясно видно из того, что шах Аббас должен был, скрывая свои настоящие намерения, объявить, что его поход на Балх отнюдь не преследует завоевательных целей, и обещать местному населению, в своей массе суннитскому, религиозную терпимость, столь не свойственную обычной политике Сефевидов в отношении суннитов.

Получив шахский указ, правитель Андхуда Мумин-бий сдал город шаху Аббасу, который немедленно занял его своими войсками. Мумин-бию, не принявшему шахского предложения перейти на службу к шейбанидским царевичам, разрешили вернуться в Мавераннахр к Баки-хану. Шах использовал это, чтобы через Мумин-бия снова обратиться к Баки-хану с предложением довольствоваться Мавераннахром и Туркестаном и не притязать на Балх, который должен остаться за Шейбанидами.

После занятия Андхуда решался вопрос о дальнейших действиях. Шах считал, что нужно как можно быстрее идти на Балх и его взять. Однако представители узбекской знати, находившиеся в свите шейбанидских царевичей, настаивали на медленном продвижении шахских войск, обосновывая свое возражение следующим образом: «Узбекские племена, которые долгие годы являлись слугами рода Абдаллах-хана, для пользы времени и для защиты своего положения избрали поддержку Баки-хана и ему подчинились и покорились. Ныне, когда победоносный августейший шахский кортеж двинулся в эту сторону, их охватил страх и ужас; решив, что у его величества (шаха Аббаса) есть высокий замысел завоевания областей Мавераннахра и истребления и уничтожения узбеков, они по необходимости объединились вокруг Баки-хана и, насколько возможно, усердствуют в его (Баки-хана) защите. Если для них станет ясным, что его шахское величество, тень божья, не имеет притязаний на эту страну (Балх) и целью этого похода является восстановление [прав] рода

Абдаллах-хана, а [результатом его] будет предоставление той области в руки узбекских эмиров, постепенно они обретут покой, предпочтут отделиться от него (Баки-хана), и мало-помалу люди [Баки-хана] таким путем рассеются и разойдутся. Каждый день, как мы пройдем один фарсах (около 7 км), группа узбеков будет встречать кортеж царевичей» [3, с. 431—432].

Хотя шах Аббас и был против тактики, предложенной узбекским окружением шейбанидских царевичей, тем не менее он ее принял. Это было связано с надеждой шаха преодолеть вражду и недоверие местного населения и заручиться его симпатиями и поддержкой, особенно со стороны узбекской кочевой знати.

Вначале эта тактика, казалось, себя оправдала. Из Балха прибыл небольшой узбекский отряд во главе с неким Мирза-Мухаммад-беком и присоединился к шахской армии, которая медленно продвигалась к Балху. Однако никто больше к шахской армии не присоединялся. В то же время медленное продвижение по безводной местности в страшную жару (поход совершался летом) сильно измучило кызылбашскую армию и вызвало в ней различные заболевания, начавшие быстро распространяться.

С другой стороны, медленное продвижение вперед шахской армии весьма ободряюще действовало на Баки-хана и его сторонников. Их первоначальная растерянность, вызванная походом шаха Аббаса, стала постепенно проходить. Баки-хан, перешедший с войском Амударью, первое время находился в нерешительности, не зная, куда шах направляет свой удар — на Бухару или на Балх. Убедившись в том, что шах направляется к Балху и что продвижение идет весьма медленно, он решил оказать шахской армии сопротивление. Баки-хан прибыл в Балх, построил здесь возле города укрепленный лагерь и стал ожидать прихода шахской армии.

Когда войско Аббаса после 20-дневного утомительного марша достигло Балха, город оказался прикрытым укрепленным лагерьм. Шахская армия расположилась перед этим лагерем. Видя огромное численное и техническое превосходство шахских войск, Баки-хан предпочел оставаться в укреплении. Таким образом, решительного сражения, которого так ожидал шах, не последовало. Обе армии в бездействии стояли друг против друга. Так продолжалось около месяца.

Между тем положение войск Аббаса скоро сделалось очень тяжелым. Снабжать огромную армию, насчитывавшую с обозом до 100 тыс. человек, в тогдашних условиях, естественно, было очень трудно. В армии очень скоро стал испытываться недостаток продовольствия. К этому прибавилось другое, еще более страшное бедствие — болезни, которые, начавшись в войсках еще во время похода, теперь все более усиливались и приняли ужасающие размеры. Джунабади объясняет эти массовые заболевания не только страшной жарой, царившей тогда в Балхе, но также и тем, что вода, которой пользовались кызылбаши, была отравлена трупами павших животных [2, с. 332а—332б]. Последствия болезней были для армии катастрофическими. По свидетельству Искандара Мунши, одна треть армии

оказалась больной, одна треть — небоеспособной, т. е. две трети кызылбашского войска фактически были выведены из строя [3, с. 433].

В то же время надежды шахского командования на присоединение какой-либо части местного населения к шахской армии не оправдались.

Положение шахских войск с каждым днем ухудшалось. Спасти армию Аббаса могла только решительная победа. Однако узбекское войско во главе с Баки-ханом не выходило из укрепленного лагеря. Рискнуть штурмовать узбекские укрепления с измученной болезнями и лишениями армией шах Аббас, естественно, не решился; продолжать же стоять перед лагерем узбеков было бессмысленно и даже невозможно в связи со всевозрастающими болезнями в армии и уменьшением продовольствия. В этих условиях шах Аббас, чтобы избежать полной катастрофы, т. е. гибели всей армии, был вынужден отступить из-под Балха.

1 июля 1602 г. началось отступление шахских войск. Ободренные этим, узбеки немедленно перешли в контрнаступление и начали нападать на отходивших кызылбашей. Однако шахской армии, несмотря на трудности, удалось отразить эти нападения и, пройдя утомительный и опасный путь, достигнуть иранской границы в районе Меручака, избегнув, таким образом, полного разгрома и гибели. Укрепив Меручак на случай нападения узбеков, шахская армия двинулась в столицу Хорасана Герат.

Все города и местности, занятые шахом Аббасом во время похода на Балх, после отступления шахских войск снова перешли во владение узбеков. Границы между сефевидскими и джанидскими владениями остались после похода примерно в том же виде, в каком они установились еще в XVI в.

Так закончился Балхский поход шаха Аббаса I. Поход этот, несомненно, явился крупнейшей неудачей шаха — военной и политической. Действительно, с военной точки зрения поход окончился полным провалом, почти катастрофой. Шаху Аббасу не удалось одержать сколько-нибудь значительной победы над противником, к тому же шахская армия понесла огромные потери и едва избежала полного уничтожения. Искандар Мунши, оценивая результаты похода на Балх, писал: «Поистине в этом походе... победоносные войска испытали большие трудности» [3, с. 436]. Перечисляя затем наиболее выдающихся лиц из сефевидской знати, погибших во время похода, Искандар Мунши заканчивает этот перечень словами: «Наконец, из каждого племени и из каждого рода погибли люди, [однако] от многословия воздержимся, ибо язык калама вытянулся бы от [их] перечисления» [3, с. 436].

Едва ли приходится подозревать придворного сефевидского историографа в стремлении преувеличить потери, понесенные шахской армией. Правда, трудно определить их точное число, но несомненно, что они были очень велики. Это можно заключить хотя бы из следующего: еще в период пребывания шахских войск перед Балхом две трети их, как мы видели, в той или иной степени выбыли из строя;

во время отступления шахские войска продолжали нести большие потери от болезней, трудностей пути и сражений. При этом потери были столь велики, что понадобился особый приказ шаха, предписывавший хоронить всех умерших. Эта мера была предпринята с целью не дать узбекам возможности определить весь размер потерь, которые несла шахская армия во время отступления из-под Балха. Кроме того, вся артиллерия — до 300 пушек — была, по видимому, брошена во время этого отступления.

Не меньшая неудача постигла шаха Аббаса в политическом отношении. Как мы видели, он приложил немало усилий для привлечения на свою сторону населения Балхской области. Об этом достаточно ясно говорит сам факт, что вся операция против Балха велась шахским правительством под флагом борьбы за поддержку прав династии Шейбанидов, о том же свидетельствует отношение шаха Аббаса к населению Андхуда, а также принятая им тактика медленного продвижения к Балху.

Однако все эти действия шаха Аббаса не имели никакого успеха. Как можно судить по источникам, местное население не проявило никакого сочувствия и не оказало никакой помощи шахским войскам.

Убедившись в крушении своих расчетов, шах Аббас круто изменил свое отношение к местному населению. Об этом красноречивее всего свидетельствует судьба, постигшая Андхуд при возвращении кызылбашской армии из-под Балха. Теперь, вопреки прежним заверениям в полной безопасности и неприкосновенности жителей Андхуда, был отдан приказ об их поголовном угоне в сефевидские владения. Искандар Мунши об этом рассказывает следующим образом: «Переписали знатных, благородных людей, казиев, муфтиев и [других] достойных людей из жителей местечка (*касаба*) Андхуд, и было решено [их] переселить в Ирак [Персидский]; каждую семью передали одному из воинов армии, чтобы они перевезли [их] на своих верблюдах в Хорасан и Иран. Вследствие этого в мгновение ока местечко [Андхуд] обезлюдело; большинство женщин и детей [андхудцев] оказалось в плену, мало кто [из шахских воинов] не имел с собой андхудских пленников» [3, с. 434—435].

Средневековые персидские придворные историографы обычно никогда не дерзали осуждать действия своих повелителей; более того, они не считали даже нужным их как-то особо оправдывать. В свете этого представляется весьма характерным тот факт, что Искандар Мунши счел нужным сделать это и попытаться оправдать пленение и угон жителей Андхуда, произведенные по приказу шаха. С этой целью Искандар Мунши после рассказа о судьбе, постигшей андхудцев, пустился в длинные рассуждения на тему о том, что не Сефевиды, а их враги — османские султаны и Шейбаниды — первыми стали захватывать в плен мирных жителей и уводить их в рабство при своих вторжениях в сефевидские владения, причем такие действия он называет «подлым делом» [3, с. 435]. Однако едва ли Искандар Мунши прибег бы к подобного рода рассуждениям с целью оправдать шахские действия в Андхуде, если бы последние в глазах даже

тогдашнего общества не казались бы чрезмерными по своей несправедливости и жестокости.

В то же время приведенные рассуждения сефевидского историка заслуживают внимания и в другом отношении. Как мы видели, в них он приравнивает действия шаха Аббаса в Андхуде к действиям османских султанов и Шейбанидов на сефевидской территории. Этим самым Искандар Мунши лишний раз свидетельствует, что в Балхской области Сефевиды выступали как чужеземные завоеватели — факт, который в конечном счете и обусловил неудачу Балхского похода шаха Аббаса I.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.
2. Джунбади. Равзат ас-Сафавиййа. Рукопись Института востоковедения АН УзССР (Таш.), № 26 (на перс. яз.).
3. Искандар Мунши. Тарих-и аламарай-и Аббаси. Литограф. изд. Тегеран, 1897 (на перс. яз.).
4. Мухаммад-Йусуф Мунши. Тазкира-и Муким-хани. Рукопись Института востоковедения АН СССР (Л.), шифр С 467 (на перс. яз.).
5. Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Барода, 1931 (A h s a n - u t - T a w a r i k h. History of the Safavi Period of Persian History. 15-th and 16-th Centuries. By Hasan Rumlu. Persian text. Vol. 1. Edited by C. N. Seddon. Baroda, 1931).
6. A b o u l G h a z i B e h a d o u r K h a n. Histoire des mogols et des tatars. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. St.-Pbg., 1879.

П. И. Хомеев

О НЕЙТРАЛИТЕТЕ АФГАНИСТАНА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С началом первой мировой войны привлечение новых союзников стало основной целью дипломатических усилий воюющих группировок. Уже 2 августа 1914 г. германская дипломатия добилась значительного успеха в Константинополе: в этот день был подписан германо-турецкий союзный договор. Превратив Турцию в своего вассала, германская военщина устремила свои взоры дальше на восток: в числе союзников Центральных держав немцы хотели видеть и такие мусульманские страны, как Иран и Афганистан.

Что касается Афганистана, то эта страна, сопредельная с Британской Индией, привлекала к себе особый интерес германского военного руководства. В Берлине надеялись, что в случае выступления Афганистана против Англии в северных, по преимуществу мусульманских, районах Индии вспыхнет антибританское восстание. По расчетам германского министерства иностранных дел и генерального штаба, такое восстание в сочетании с англо-афганским конфликтом поставило бы англичан перед необходимостью держать в Индии значительное количество войск, что облегчило бы положение Германии на европейских фронтах. Вот почему уже в середине августа 1914 г. в Берлине началось обсуждение возможных мероприятий в Афганистане.

В этот же период планы в отношении Афганистана вынашивало и турецкое руководство, предполагавшее послать в Кабул миссию, цель которой заключалась в том, чтобы склонить афганского эмира Хабибулла-хана к вступлению в «священную войну» против Англии и России. Желая усилить намеченное предприятие за счет участия в нем представителей Центральных держав, турецкий военный министр Энвер-паша обратился в Берлин с просьбой предоставить в его распоряжение несколько германских офицеров. Предложение принять участие в турецкой экспедиции в Афганистан было истолковано в Берлине по-своему: в начале сентября 1914 г. в спешном порядке в Константинополь было направлено более двух десятков немецких офицеров. Постепенно, по ходу формирования экспедиции, численный состав немецкой группы все более увеличивался. Оснащена эта группа была солидно: из Германии в Константинополь прибыли пулеметы, миллион винтовочных патронов, радиоаппаратура и пр.

В распоряжение германской части экспедиции поступили и значительные денежные суммы.

Эти обстоятельства вызвали опасения турецких инициаторов экспедиции в Афганистан. Высокая Порта с подозрением относилась к усилению активности своих новоявленных союзников в мусульманских странах, на которые Турция сама имела «особые виды». Турецкое руководство, не рассчитывавшее на столь «представительное» участие немцев в экспедиции, решило вовсе отменить ее. Однако германское командование не намеревалось отказываться от отправки немецкой части экспедиции в Афганистан, и, таким образом, задуманное турками предприятие стало немецким. В конечном счете, правда, несколько турецких офицеров вошло в состав экспедиции, но они заняли в ней подчиненное положение.

Возглавил экспедицию в Афганистан 29-летний старший лейтенант Оскар Нидермайер, хорошо осведомленный о положении на Среднем Востоке, побывавший накануне войны в Иране и Индии, знавший несколько языков, в том числе персидский.

Противодействие турок несколько задержало отправление экспедиции. Лишь к январю 1915 г. Нидермайер со своими людьми перебрался из Константинополя в Багдад. На пути экспедиции лежала территория Ирана, отдельные районы которого контролировали английские и русские войска. Для продвижения на восток был избран наиболее безопасный путь. Покинув Багдад в конце марта 1915 г., экспедиция вскоре вступила на иранскую территорию, благополучно достигла Исфахана и остановилась в этом городе. После длительных приготовлений караван экспедиции, состоявший из двухсот с лишним вьючных животных, двинулся к афганской границе¹.

В конце июля в районе Тебеса к экспедиции Нидермайера присоединилась германская дипломатическая миссия во главе с Хентигом [6, с. 68]. Эта миссия была организована по инициативе индийского политического эмигранта Махендры Пратапа, который рассчитывал использовать поддержку кайзеровской Германии в борьбе за освобождение Индии от британского господства [40, с. 16]. Исходя лишь из военных соображений, а никак не из симпатий к индийскому освободительному движению, германское руководство пошло на встречу индийцам и поручило Хентигу сопровождать Пратапа в Афганистан. Пратап вез к кабульскому двору письма Вильгельма II, германского канцлера, а также послание турецкого султана. По прибытии в Афганистан Пратап имел намерение возглавить организацию восстания в Индии. Вернер Отто фон Хентиг, бывший секретарь германского посольства в Тегеране, был уполномочен канцлером Бетман-Гольвегом на ведение официальных переговоров с афганским эмиром и на установление дипломатических отношений между Германией и Афганистаном. В связи с последним обстоятельством присоединение миссии Хентига к явно военной экспедиции Нидер-

¹ На территории Ирана в состав экспедиции вошла группа австрийцев, бежавших из русского плена [8, с. 63].

майера придавало всему предприятию официальный дипломатический характер.

Объединенной экспедиции предстояло преодолеть самый сложный участок пути — территорию Восточного Ирана, где вдоль ирано-афганской границы по договоренности между Англией и Россией был создан войсковой заслон, с тем чтобы препятствовать проникновению в Афганистан германских и турецких элементов. В этих условиях огромный караван экспедиции был разделен на несколько групп. Для того чтобы дезориентировать противника, Нидермайер и Хентиг предприняли ряд сложных маневров.

Лишь с большим трудом, понеся немалые потери и утратив значительную часть снаряжения и груз золота, экспедиция пробилась через войсковой заслон и в ночь на 20 августа 1915 г. [8, с. 122] вступила на территорию Афганистана. 24 августа Нидермайер и Хентиг в сопровождении 35 человек прибыли в Герат, где местные власти оказали им торжественный прием [6, с. 91; 8, с. 129]².

Проникновение вражеской экспедиции на афганскую территорию крайне обеспокоило английскую колониальную администрацию в Индии. Ход событий в Афганистане в период мировой войны вызывал серьезную озабоченность англичан. В связи с отправкой значительных контингентов войск из Индии в Европу, Африку и Месопотамию внешняя политика индийского вице-королевского правительства была всецело направлена на сохранение мирных отношений с Афганистаном. Англичане всерьез опасались, что в период войны традиционные антианглийские настроения среди населения Афганистана могут проявиться крайним образом в виде англо-афганского конфликта. Свои надежды на предотвращение такого конфликта английская администрация в Индии связывала прежде всего с эмиром Хабибулла-ханом, который, в общем, предпочитал не вступать в противоречия с англичанами.

Уже 8 августа 1914 г. вице-король Индии лорд Хардинг направил Хабибулла-хану письмо, в котором он сообщал о начале военных действий в Европе и «советовал» эмиру сохранить нейтралитет и «предпринять особые меры предосторожности» на границах своего государства. В ответе на это письмо Хабибулла-хан заверил Хардинга в том, что Афганистан останется нейтральным. «Ваше превосходительство может быть уверенным на этот счет», — писал эмир [12, с. 7].

Тем не менее заверения эмира и даже провозглашение им нейтралитета на дурбаре в конце августа 1914 г. не развеяли опасений англичан по поводу ситуации в Афганистане. Вступление же в войну суннитской Турции и фетвы шейх-уль-ислама, призывавшие единоверцев начать джихад против Англии и ее союзников, усилили эти

² Население Герата особенно радушно приветствовало прибывших турецких офицеров. Их встречали как «моджахедов», т. е. как «борцов за веру» [1, т. 9, с. 530]. Чтобы в полной мере использовать авторитет турок, одному из них, старшему лейтенанту Казим-бею, входившему в состав миссии Хентига в качестве адъютанта, руководители экспедиции предоставили права «официального представителя Османской империи» [3, с. 89].

опасения; так, Хардинг допускал, что в условиях сложившейся к концу 1914 г. международной обстановки «враждебный Афганистан мог стать источником реальной угрозы для Индии» [5, с. 132].

5 ноября 1914 г. вице-король Индии вновь обратился к Хабибулла-хану с письмом. На этот раз эмир ставился в известность о состоянии войны между Англией и Турцией. Хардинг писал, что он предвидит в связи с вступлением Турции в войну возможные попытки со стороны «невежественных и злобных элементов» возбудить в Афганистане «беспорядки по ложно вызванным религиозным мотивам» [12, с. 11]. Под «беспорядками» подразумевались, конечно, антианглийские выступления.

Следует указать, что позиция, занятая эмиром в отношении Англии, вызвала недовольство придворной группировки сторонников войны, во главе которой стоял брат эмира Насрулла-хан, пользовавшийся влиянием среди духовенства и феодальной аристократии. Одновременно проанглийская политика Хабибулла-хана подвергалась критике и со стороны представителей прогрессивно настроенной интеллигенции, выступавших за ликвидацию зависимости Афганистана от Англии, за внутренние преобразования в стране.

Несмотря на то что провозглашение эмиром нейтралитета вызывало недовольство и протесты значительной части населения Афганистана, Хабибулла-хану так или иначе удавалось поддерживать внутри страны относительное спокойствие. Однако над афганскими пограничными племенами он полностью утратил контроль. По данным, которые приводит Хардинг в своих воспоминаниях, с ноября 1914 по сентябрь 1915 г. северо-западная граница Индии подвергалась серьезным нападениям афганцев не менее семи раз [5, с. 131]. Для отражения этих нападений англичанами была сформирована особая мобильная бригада [5, с. 107]. Однако в столкновениях с отрядами племен англичане не решались переходить афганскую границу, так как опасались контрмер со стороны Хабибулла-хана.

В годы войны англичане вообще были крайне осмотрительны в отношениях с эмиром. В переписке с Хабибулла-ханом, которую сам Хардинг характеризовал как «дружественную» [5, с. 100], вице-король избегал прямого диктата или угроз. Он считал более разумным высказывать эмиру «рекомендации» или «советы». Хардинг постоянно стремился внушать Хабибулла-хану, что на него «смотрят, как на „монарха“, слову которого верят» [2, с. 61].

По получении известия о проникновении в Афганистан вражеской экспедиции официальный Лондон дал совет Хардингу попытаться склонить Хабибулла-хана к выдаче немцев и турок английским властям в Индии. Но вице-король нашел, что такой шаг противоречил бы общему характеру его политики по отношению к эмиру [2, с. 60—61]. Хардинг предпочел послать Хабибулла-хану учтивое письмо, в котором он «в дружеской форме» еще раз предостерег эмира от попыток нарушить нейтралитет [2, с. 60—61]. В своем ответе Хабибулла-хан писал, что прибытие экспедиции на территорию его государства «не повлияет отрицательным образом на нейтральную позицию... Афганистана» [12, с. 12].

Тем временем, проведя в Герате две недели (с 24 августа по 7 сентября 1915 г.), немцы получили согласие афганских властей на продвижение в Кабул. В столицу Афганистана караван экспедиции прибыл 2 октября [8, с. 147].

Как раз в этот период встревоженный Хардинг, надеясь, что личное обращение английского короля к эмиру сможет подкрепить усилия колониальной администрации в Индии, предложил Георгу V написать письмо Хабибулла-хану. Король одобрил это предложение и в конце сентября 1915 г. обратился к эмиру с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Я с большим удовлетворением узнал от моего вице-короля Индии, насколько добросовестно и честно Ваше Величество сохраняет позицию строгого нейтралитета, провозглашенного вами в начале этой войны. . . Я уверен, что Ваше Величество сохранит неизменной эту дружественную позицию по отношению ко мне и моему правительству до тех пор, пока победа не увенчает оружия союзников». Далее следовали высокопарные фразы об «интересах Афганистана и мусульманской религии», о «дружбе» между обоими монархами и т. п. [12, с. 14].

«Деликатный» нажим со стороны англичан и требования придворной прогермански настроенной оппозиции поставили Хабибулла-хана в весьма затруднительное положение. Эмир не мог не учитывать настроений Насруллы и его сторонников и в результате был вынужден вступить в контакты с руководителями прибывшей экспедиции.

В октябре 1915 г. Хабибулла-хан пребывал в своей летней резиденции в Пагмане. Именно там эмир впервые и принял немцев, но сделал это не сразу. Поначалу члены экспедиции были изолированы в отведенном для них дворце, и лишь 26 октября [1, т. 10, с. 213] эмир устроил аудиенцию. Вместе с Нидермайером и Хентигом в Пагман отправились турецкий офицер Казим-бей, а также индийские эмигранты Махендра Пратап и Мохаммад Баракатулла.

При входе в летнюю резиденцию эмира навстречу миссии вышел Насрулла-хан в сопровождении нескольких придворных. Прибывших проводили в небольшую комнату, куда вскоре явился сам эмир. В начале беседы Хабибулла заявил: «Я рассматриваю вас в известной мере как купцов, которые предлагают мне свои товары. Я выберу из них то, что мне подходит и нравится». Хентиг возразил против такой постановки вопроса и заявил, что он официально уполномочен своим правительством установить дипломатические отношения между Германией и Афганистаном и имеет задание информировать эмира о сложившейся военной ситуации. Хентиг попытался выяснить соображения Хабибулла-хана в связи с намерениями Пратапа и Баракатуллы организовать антианглийское выступление в Индии, но эмир пока что умолчал о своей позиции в отношении Англии. Хабибулла то и дело переводил разговор на посторонние темы; беседа затянулась на несколько часов, однако конкретных результатов не дала [7, с. 141].

После первой встречи с эмиром Нидермайер писал в зашифрованном письме, посланном с нарочным в германское посольство

в Тегеране: «Более подробные переговоры состоятся лишь в будущем. Пока объяснения эмира не внушают больших надежд». В другом донесении сообщалось: «Быть может, потребуется. . . внутренний переворот. К войне здесь мало еще подготовлены, но мы готовы идти на самые крайние меры» [1, т. 10, с. 213].

Нужно сказать, что эти донесения Нидермайера не попали по назначению. В силу обстоятельств они оказались в российском консульстве в Мешхеде, которое передало полученную информацию англичанам.

Царская дипломатия одобрительно оценивала осторожную политику индийского вице-королевского правительства в отношении Афганистана. Россия в период войны была также заинтересована в соблюдении афганским эмиром нейтралитета. «Чем сильнее авторитет Англии в Кабуле, тем легче будет нам достигнуть ограждения наших интересов» — этого принципа, выраженного еще в феврале 1914 г. российским генеральным консулом в Калькутте [2, с. 26], царские дипломаты продолжали придерживаться и в годы войны, когда в Петрограде и Ташкенте проявлялась особая озабоченность по поводу ситуации на русско-афганской границе (см., например, [2, с. 90, 91]). В связи с последним обстоятельством индийское вице-королевское правительство шло навстречу русским дипломатам в Калькутте и предоставляло им данные о событиях в Афганистане. Видимо, донесения Нидермайера были переданы англичанам в ответ на эти услуги и в соответствии с приведенным выше принципом. Так или иначе, Хардинг не замедлил воспользоваться полученными от русских сведениями и переправил их афганскому эмиру, конечно с соответствующими комментариями [5, с. 133].

Используя переписку с Хабибулла-ханом как средство воздействия на него, вице-король Индии вместе с тем задумывался и о том, как материально заинтересовать эмира в соблюдении нейтралитета. Хардинг принял решение увеличить на 200 000 рупий ежегодную субсидию³, которая выплачивалась эмиру англичанами за отказ от участия в международных делах, а также выделить крупную сумму (около 250 000 ф. ст.) в счет задолженности эмиру по предыдущим платежам [12, с. 15; 5, с. 132].

Судя по сообщениям русских дипломатов из Калькутты, индийское вице-королевское правительство было намерено не останавливаться «ни перед какими затратами и средствами для удержания Афганистана от нарушения нейтралитета» [2, с. 100]. Англичане пошли даже на то, что обещали Хабибулла-хану официально признать после войны политическую независимость Афганистана в случае сохранения эмиром нейтральной позиции [14, с. 739].

В переписке с вице-королем Индии, как и при встречах с английским агентом в Кабуле, Хабибулла-хан по-прежнему выражал свою готовность соблюдать нейтралитет. Он прилагал и практичес-

³ По данным российского генерального консульства в Калькутте факт о повышении субсидии тщательно скрывался англичанами «из боязни скомпрометировать эмира в глазах афганского населения» [2, с. 78].

кие усилия к тому, чтобы предотвратить столкновение с Англией ⁴. Но в то же время эмир был вынужден идти на дальнейшие уступки придворной группировке сторонников войны. Поэтому он продолжал контакты с немцами.

Почти ежедневно Хабибулла-хан и Хентиг долгие часы проводили в переговорах, в результате которых был выработан проект германо-афганского договора о дружбе, персидский текст которого 24 января 1916 г. подписали с афганской стороны эмир Хабибулла-хан, с германской стороны Нидермайер и Хентиг ⁵.

В преамбуле проекта Германия и Афганистан провозглашались союзниками, однако условия, изложенные в десяти статьях документа, делали такой союз практически неосуществимым. В соответствии с договором Германия должна была поставить Афганистану 100 000 винтовок новейшего образца, 300 орудий и стратегические материалы; предоставить Афганистану безвозмездную финансовую помощь в размере 10 000 000 ф. ст.; привлечь в афганскую армию многочисленных военных специалистов. Эти условия, как видно, были тщательно продуманы эмиром. В подписании Хабибулла-ханом проекта договора можно усмотреть хитроумный маневр эмира, которым он достиг двух целей: придворная прогерманская группировка была несколько успокоена, а вопрос о вступлении Афганистана в войну повис в воздухе на неопределенное время, так как обязательства, которые взяли на себя немцы, были явно невыполнимы.

Лишь одно из условий подписанного документа стало отчасти осуществляться: эмир предложил членам экспедиции, а также австрийцам, бежавшим из русского плена, принять участие в работе по реорганизации афганской армии. Нидермайеру было предоставлено руководство школой офицеров при штабе войск Афганистана. Под наблюдение немцев, турок и австрийцев были поставлены полевые учения, теоретические занятия, строительство укреплений, производство оружия. Кроме того, Нидермайер попытался организовать работу в артиллерии. Несколько раз германские офицеры демонстрировали военному руководству Афганистана стрельбу с закрытых огневых позиций по невидимым целям, которая прежде в афганской артиллерии, судя по всему, не практиковалась [7, с. 153].

Помимо активной работы в армии немцы одновременно развернули и энергичную пропагандистскую деятельность. Дело дошло до того, что германская миссия некоторое время издавала в афганской столице собственную газету, которая распространялась на кабульском базаре. При подготовке номеров этой газеты к печати использовались английские издания, поступающие ко двору эмира из Индии, причем полученную таким образом информацию немцы истолковывали, конечно, на свой лад [7, с. 152].

⁴ Так, на Великую джиргу, состоявшуюся в Кабуле в 1915 г., эмир преднамеренно созвал всех наиболее вероятных предводителей «джихада» и таким образом на длительное время отвлек их от пропаганды «священной войны» [14, с. 739].

⁵ Полный текст проекта договора см. [4, с. 360—362].

Несмотря на то что эмир дал свое согласие на отдельные военные приготовления, общие его позиции остались неизменными: без практической поддержки со стороны Германии и Турции он отказывался выступить на их стороне.

Значительное влияние на позицию эмира в переговорах с немцами оказывали сообщения о ходе событий на фронтах мировой войны. Особое впечатление в Афганистане произвело известие об успешных действиях русских войск на Кавказском фронте ⁶.

Военные возможности России, безусловно, принимались эмиром во внимание. Хотя немцы добивались от Хабибулла-хана в первую очередь вторжения в Британскую Индию, эмир вполне отчетливо сознавал, что в случае конфликта с Англией Афганистану неминуемо пришлось бы столкнуться и с царской Россией. По свидетельству Махендры Пратапа, эмир чрезвычайно опасался возможности «быть вовлеченным в военные действия *на двух* (курсив мой. — П. Х.) наиболее опасных границах своего государства», а именно на русской и индийской [9, с. 454]. Как явствует из донесения Нидермайера, предназначенного для германского генерального штаба, в переговорах с немцами Хабибулла-хан дал согласие начать военные действия лишь по прибытии в Афганистан 20—100 тыс. германских или турецких войск ⁷, которые эмир рассчитывал использовать именно для организации отпора предполагаемому натиску со стороны России [3, с. 181—182].

Опасения Хабибулла-хана по поводу столкновения с Россией учитывались индийскими эмигрантами в Кабуле, видевшими в Афганистане потенциального союзника в борьбе с англичанами. Глава образованного в Кабуле эмигрантского «Временного правительства Индии» Махендра Пратап предпринял весной 1916 г. попытку связаться с русскими властями в Туркестане, с тем чтобы выяснить позицию России в возможном англо-афганском конфликте. Для этого он направил из Кабула в Русский Туркестан своих посланцев, которые доставили в Ташкент два письма Пратапа: одно — туркестанскому генерал-губернатору, другое — царю. В обоих письмах России предлагалось вступить в союз с Афганистаном против Англии. Царские должностные лица приняли письма, но оставили их без ответа. Перед отъездом из Ташкента в беседе с дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе индийцы попытались выяснить, останется ли Россия «хотя бы нейтральной» в случае войны между Афганистаном и Англией. Чиновник уклонился от четкого ответа [2, с. 82]. Посланцы вернулись в Кабул ни с чем.

4 мая 1916 г. в кабульской газете «Сирадж-уль-ахбар-и афганиа», с редактором которой Махмудом Тарзи индийские эмигранты были

⁶ Проведение Эрзерумской операции (январь—февраль 1916 г.) по времени совпало с пребыванием германской миссии в Кабуле.

⁷ Следует отметить, что главнокомандующий индийской армией Б. Дафф был убежден в неизбежности англо-афганского конфликта в случае проникновения турецких войск в Афганистан [11, с. 89]. Вероятность столкновения с Афганистаном учитывалась и в Лондоне, где на этот случай обсуждались сугубо оборонительные мероприятия [11, с. 87].

в дружественных отношениях, появилось открытое письмо Махендры Пратапа. На страницах афганской газеты Пратап рассказывал о своем пребывании в Германии и Турции, о встречах и беседах с кайзером Вильгельмом II, турецким султаном и Энвер-пашой. Цели своей деятельности Пратап объяснял следующим образом: «Я желаю лишь того, чтобы каждый человек в своем доме и каждый народ в своей стране жил свободно и спокойно». Здесь же Пратап писал: «Мы прибыли в Афганистан и теперь бездействуем по причине объявления нейтралитета Его Величеством эмиром» [13, с. 11]. Эти слова были явным упреком в адрес Хабибулла-хана, а письмо Пратапа в целом явилось, по-видимому, попыткой повлиять на эмира.

Между тем на требования немцев эмир отвечал лишь неопределенными обещаниями. Потерпев неудачу в переговорах с Хабибулла-ханом и не добившись согласия придворной оппозиции и армейских кругов открыто выступить против эмира, Нидермайер и Хентиг приняли решение покинуть Афганистан. Перед отъездом экспедиции из Кабула Насрулла-хан вручил Хентигу письмо на имя германского канцлера: брат эмира торопил Бетман-Гольвега с осуществлением германо-афганской «дружбы» на деле [3, с. 201].

21 мая 1916 г. [8, с. 174] немцы выехали из Кабула. Для облегчения выхода за пределы Афганистана экспедиция разделилась на несколько групп. Сам Нидермайер, выдавая себя за туркмена, преодолел часть пути по территории России, через Каракумы, и затем, минуя Мешхед и Тегеран, добрался в августе 1916 г. до Хамадана, занятого турецкими войсками. Хентиг возвращался в Европу через Китай и Америку и оказался в Германии лишь в июне 1917 г.

Некоторое время в Герате оставалась небольшая группа участников экспедиции во главе со старшим лейтенантом Вагнером. Более года Вагнер совместно с турецким офицером Казим-беем пытался организовать военную пропаганду и подрывную деятельность, направленную против Англии и России, однако успеха не имел.

И после отъезда главных сил экспедиции из Афганистана эмир не переставал колебаться. Продолжая уверять англичан в своей решимости соблюдать нейтралитет, Хабибулла-хан направил в декабре 1916 г. в Керманшах и Константинополь своего посланца для переговоров с германо-турецкими военными кругами. Условия вступления Афганистана в войну, выдвинутые представителем эмира на этих переговорах, снова оказались совершенно нереальными [3, с. 103].

Контакты с немцами, в которые эмир был вынужден вступить в годы первой мировой войны, не дали результатов.

Нидермайер и Хентиг толкали Хабибулла-хана на очевидную военную авантюру, пойти на которую эмир отказался, сознавая, что выступление на стороне Германии без поддержки извне могло привести к оккупации его страны английскими и русскими войсками и к окончательной потере самостоятельности Афганистана.

Ни авантюристические происки немцев, ни лукавое политическое заигрывание англичан, подкрепленное деньгами, не могли оказать

на эмира такого влияния, какое оказывали на него сообщения о конкретно сложившейся международной обстановке. В первую очередь именно создавшаяся на Ближнем и Среднем Востоке военная ситуация поставила эмира Хабибулла-хана перед необходимостью сохранить нейтралитет — самую разумную и верную позицию Афганистана в 1915—1916 гг.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг. Сер. 3. Т. 9. М.—Л., 1937; т. 10, М., 1938.
2. Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего министерства иностранных дел. М., 1918.
3. Adams L. W. Afghanistan 1900—1923. A Diplomatic History. Berkeley—Los-Angeles, 1967.
4. Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während des ersten Weltkrieges. Bd 2. Stuttgart, 1960.
5. Hardinge of Penshurst. My Indian Years 1910—1916. L., 1948.
6. Hentig W. O. Meine Diplomatenfahrt ins verschlossene Land. Berlin—Wien, 1918.
7. Hentig W. O. Mein Leben eine Dienstreise. Göttingen, 1962.
8. Niedermayer O. Unter der Glutsonne Irans. Dachau, 1925.
9. Pratap M. My German Mission to High Asia. — «Asia». N. Y., 1925, t. 25, № 5.
10. Pratap M. Afghanistan — the Heart of Aryan. Peking, 1932.
11. Rothwell V. H. British War Aims and Peace Diplomacy 1914—1918. Ox., 1971.
12. Stewart R h. T. Fire in Afghanistan 1914—1929. Garden City —New York, 1973.
13. ۱۹۱۶ می سراج الاخبار افغانیه
14. ۱۹۶۷ مییر غلام محمد غبار ، افغانستان در مسیر تاریخ ، کابل

Н. В. Дьяконова

К ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ II—VII вв.

Скудость сведений, сообщаемых историческими хрониками, записками путешественников, художественной литературой и другими нарративными источниками о быте народов, населявших в I тысячелетии н. э. Центральную Азию, заставляет с особым вниманием относиться к свидетельствам изобразительного искусства этой страны. Значительный круг памятников живописи, скульптуры и изделий художественного ремесла, позволяющих составить некоторое представление о повседневной жизни, бытовых реалиях, в частности об одежде, людей Центральной Азии, стал доступен благодаря работе ряда археологических экспедиций.

Памятники эти — многочисленные стенные росписи и скульптура, украшавшие буддийские монастыри, произведения коропластики, иконы на дереве и тканях. Наиболее ранние, датируемые II—V вв. археологические находки были сделаны на юге Восточного Туркестана — в Хотане, датируемые IV—V вв. — на севере, в Кучаре.

Восточный Туркестан, или Сериндия, был издревле областью активных взаимосвязей оседлого и кочевого мира, великих цивилизаций Запада и Востока, различных расовых и языковых групп. Это предопределило на долгое время установившуюся в науке точку зрения на все явления созданной здесь культуры, самая сущность которой представлялась конгломератом разнообразных заимствований. Основными источниками таких влияний и заимствований казались «индо-эллинистическое» Кушанское государство, сасанидский Иран и танский Китай [29, с. 5].

Одежда всегда была важным отличительным признаком, указывавшим на общественное и имущественное положение человека, его профессию и национальную принадлежность. И на Востоке, и в странах Запада форма одежды нередко регламентировалась государственными законами, отражая правовое положение различных социальных групп населения или подчинение одного народа другому [3, с. 200].

Древнейшие росписи из Кучара в большинстве случаев изображают легенды о последней жизни Будды, его подвиги и чудеса,

совершенные в этой жизни или предшествовавших воплощениях. Эти легенды пришли в Восточный Туркестан из Индии вместе с буддизмом, действующие в них персонажи — герои индийской мифологии или народных сказок — индийцы, и вполне понятно, что, заимствуя сюжеты, содержание этих легенд и сказаний, проповедники буддизма в Сериндии, как и художники, писавшие по их заказу, пользовались той формой, в которой они были выражены индийским искусством. Эта заимствованная иконография остается традиционной для изображения индийцев в искусстве Центральной и Средней Азии на очень долгое время [52, с. 180] ¹.

Кроме самого Будды-Шакьямуни (и бесчисленных будд прошлых и будущих времен, культ которых занял такое важное место в различных школах северного буддизма) многочисленные его ученики и последователи, принявшие монашеский обет, изображаются в монашеской одежде. Эта одежда, утвержденная уставом Винаи, состоит из двух кусков грубой ткани буровато-желтого или желтого цвета. Первый из них (*antaravasaka*) обертывается вокруг бедер, закладывается спереди складками, чтобы не затруднять шаг, и подвязывается узким поясом (*kayabandhana*). Эта часть одежды закрывает ноги до лодыжек, и подол ее обычно бывает виден из-под верхней одежды — перекинутого через плечо плаща (*sanghati*), который должен служить монаху также подстилкой и одеялом во время сна. Устав разрешал в холодное время года пользоваться еще третьим, также прямоугольным полотнищем (*uttarasanga*), которое надевалось под плащ так, чтобы окутать спину, грудь и левое плечо [34, с. 79; 28, с. 121—123].

Художники и скульпторы, создававшие каноны подобных изображений, уделяли большое внимание передаче складок этой простой по форме одежды, и именно в таких ранних канонах были в большей мере использованы приемы римского и эллинистического искусства для передачи и стилизации лежащейся складками или обрисовывающей формы тела ткани.

Так же готовой пришла в Центральную Азию иконография адаптированных буддизмом старых индийских божеств, мифологических персонажей [31, с. 49; 32, с. 173—182] ².

Их одежда, украшения, прически те же, что на рельефах Бхархута и Санчи или на росписях Аджанты. Небожителю, цари и юные герои носят на бедрах богатую ткань, прихотливыми складками скрывающую ноги до лодыжек; верхняя часть торса обнажена и

¹ Так изображены индийцы на росписях Пенджикента — в сцене игры в нарды в помещении 13 объекта IV [2, с. 47—50, табл. XIII, XIV, XV] и в некоторых фольклорных сюжетах, украшающих панель «Синего зала». Точно так же старался изобразить индийских царевичей художник, расписавший для бухар-худата «Красный зал» его дворца в Варахше [13, с. 152—158, табл. IV, VI].

² Основной признак всех этих «индийских», «античных» и древневосточных видов одежды (царской, так же как одежды монахов и аскетов) — крайняя простота ее построения. В большинстве случаев это просто полотнища ткани, различным способом драпирующие или окутывающие тело, иногда сшитые по прямой нитке или скрепленные фибулами.

украшена драгоценностями — браслетами, ожерельями и перевязями, в ушах тяжелые серьги, оттягивающие мочки до плеч, на голове венец из эгретов и розеток, переплетенных жемчужными нитями и лентами. Волосы собраны узлом на темени, их концы падают обильными локонами на плечи и спину. Аскеты-брахманы носят только короткий набедренник, часто из звериной шкуры. Волосы, их не разрешалось стричь, также завязаны на темени в высокий узел [32, табл. 11]. Богини, царицы, небесные музыкантши наполовину или полностью обнажены, но также в изобилии украшены традиционными драгоценностями [53, с. 27]. Эта категория человеческих изображений в иконографии северного буддизма сохраняет почти без изменения формальные черты своего обличья до VIII—IX вв. Меняются только стилевые особенности их передачи, становясь более схематичными и орнаментальными. Принципиальные перемены в иконографии этих персонажей происходят в VIII—IX вв., когда она перерабатывается китайскими живописцами, внесшими в нее элементы «танского реализма». Монахи и архаты уже не довольствуются одеждой, предписанной уставом Винаи, слишком легкой для сурового климата. Их начинают изображать в теплых халатах с длинными рукавами, какие, по-видимому, и носило в действительности центральноазиатское и китайское буддийское духовенство того времени [28, с. 335; 38, табл. 16]. Воспитанного в китайских моральных и художественных традициях живописца шокировала нагота блаженных обитателей рая Индры, и он прикрывал ее по мере сил пышными и фантастическими нарядами «западных варваров», похожими на те, в которых появлялись танцовщицы из Чача или музыкантши из Хотана [49, с. 110].

Если для заимствованного в Индии пантеона была принята уже раньше найденная изобразительная форма, то для божеств, демонов и героев местной центральноазиатской мифологии, которые почитались здесь и до и после распространения буддизма, нужно было найти такую форму. Было естественно обратиться к тем представлениям, которые сложились раньше и продолжали жить в народе, населявшем оазисы Восточного Туркестана в I тысячелетии н. э. Эти представления нашли наиболее четкое выражение в росписях стиля, который получил условное название «иранский» [29, с. 5; 53, с. 29]³.

Те черты, которые обусловили своеобразие его сюжетов, символики и изобразительных средств, объяснялись как персидское

³ Именно эта категория стенных росписей Восточного Туркестана дает самый обширный материал по истории местного костюма V—VII вв., представляющего для нас особый интерес. Изображения реальных людей в реальной, бытовавшей в это время одежде в значительном количестве сохранились на стенных росписях западных оазисов — в Хотане и в Кучаре, реже на северо-востоке, в Карашаре и Турфане, рано, уже в первые века нашей эры, подвергшихся политической и культурной экспансии Китая, оказавшего сильное влияние на складывавшиеся здесь формы буддийского искусства [36, с. 80]. В VIII—IX вв. заказчиками росписей и благотворителями монастырей становятся утвердившие здесь свое господство турки-уйгуры и китайцы. Они изображаются в своем характерном национальном платье.

влияние, часто как непосредственное заимствование из «сасанидского» искусства ⁴.

Открытия, сделанные в середине нашего века советскими археологами на территории Согда, Хорезма, Тохаристана, заставили по-новому оценить значение «сасанидской» культуры, которая раньше казалась единственным и универсальным источником «иранского влияния». «Теперь становилось ясно, что во многих случаях черты, которые обычно считали „иранскими“ (читай „сасанидскими“), являются элементами среднеазиатскими, точнее, согдийскими». В поддержку этой точки зрения неоднократно приводилось несомненное сходство одежды согдийцев, представленной на росписях Пенджикента, Варахши, Балалык-тепе, с изображениями такой же одежды, бытовавшей в Кучаре, Хотане, Карапаре, и даже делался решительный вывод о том, что вся раннесредневековая цивилизация Восточного Туркестана «была, по существу, согдийской» [4, с. 143; 1, с. 171; 2, с. 39].

Действительно, в VI—VIII вв. согдийцы принимали деятельное участие в трансазиатской торговле, шедшей по шелковым путям Синьцзяна. Согдийские торговые фактории существовали в это время в Турфанском оазисе, Лаулане, близ Дуньхуана. Но согдийцы не составляли численного большинства населения и не являлись культурными гегемонами в этих землях, на века раньше возделанных и обжитых другими народами. Бросающаяся с первого взгляда в глаза близость цивилизации Сериндии и Согда действительно в той же мере, в какой действительно этническая близость согдийцев и потомков саков, юзджей и кушан, заселивших в свое время Восточный Туркестан. Одежда согдийцев, хотанских саков или кучарских тохар схожа в той мере, в какой и та и другая представляют варианты одежды северных кочевников-скотоводов, приспособленной для жизни в суровых природных условиях Центральной Азии и удобной для верховой езды [49, с. 294, 304] ⁵.

Особенности одежды кушан, государство которых включало в свои границы и некоторые части Восточного Туркестана, привлекали к себе внимание ряда исследователей, единогласно отмечавших ее «варварский» центральноазиатский характер. «Кушаны, так же как и Арсакиды, сохраняют свой национальный костюм, — пишет в известной работе, посвященной династийному искусству Кушан, Д. Розенфилд, — это вариант центральноазиатской одежды, оставшейся неизменной с ахеменидского времени и греко-римских ее изображений. . . она указывает на кочевнические истоки Кушан и Арсакидов» [20, с. XXVIII; 26, с. 2231; 44, с. 177].

⁴ Точно так же возникла и тенденция толковать изображения образов, чуждых исконному (индийскому, хиньянскому) пантеону, как заимствования из зороастризма или эпоса сасанидской Персии [46, с. 135; 47, с. 9].

⁵ Можно согласиться поэтому с другим названием, предложенным для этого стиля (наряду с «иранский», в узком смысле «персидский», также иранский как «местный национальный стиль» [49, с. 28]). Оно связывает данный стиль с теми восточноиранскими народами, которые на рубеже нашей эры составляли основной этнический субстрат населения Центральной Азии [10, с. 15].

Принципиальным отличием этой «варварской» одежды от одежды классического мира и древнего Востока является то, что она была сложно выкроена и сшита так, чтобы ее надевать, а не просто окутывать тело.

Кроме донаторов, представлявших когда-то действительно живших людей — заказчиков и создателей священных изображений в «национальной кушанской» одежде, кушанское искусство, как было сказано выше, представляет также многие божества сложившегося в это время синкретического пантеона, божества, заимствованные кушанским буддизмом из древних народных верований сакских племен [6, с. 264—268]. Наряду с Буддой и богами индийского, римско-эллинистического, бактрийского и аршакидского пантеона они часто изображаются на кушанских монетах [25, табл. 96—98], в произведениях монументальной и мелкой пластики. Эти боги носят те же кафтаны и мягкие сапоги с голенищами, что и кушанские цари или вельможи [35, с. 46; 40, с. 46; 44, с. 215—216], богини — те же ниспадающие до земли платья и облегающий стан корсаж, как знатные донаторши на рельефах Матхуры и Хадды (табл. I, 1—4) и терракотовые фигурки из Беграма [23, табл. IX, XIV, XVII].

Иконография этих синкретических божеств сложилась в пору расцвета Кушанского царства, когда такая одежда еще бытовала и была отличительным признаком кушанской знати. Закрепленная канонем, она осталась неизменной и для иконографии мифологических персонажей «иранского» круга, изображавшихся в «кушанской» одежде повсюду, где существовало почитание этих божеств и героев, и впоследствии, когда реальная бытовая одежда изменилась [38, с. 59; 44, с. 177]⁶.

Формы мужской и женской одежды, представленной на изображениях кушан-донаторов и кушанских богов, повторяются многочисленными терракотами первых веков нашей эры, найденными на Йотканском некрополе, близ столицы Хотанского оазиса. Это самые старые из имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении изображений восточнотуркестанской одежды. На основании сопутствующего материала они датируются II—IV вв. Хотанские терракоты разнообразны по качеству исполнения и, безусловно, производились здесь в течение длительного промежутка времени существования города. Сейчас мы еще не располагаем убедительными дан-

⁶ И эта одежда, став традиционной и канонической одеждой божеств, также претерпела изменения, особенно когда в конце VIII—IX вв. и позднее буддийская иконография Центральной Азии испытала значительное влияние изображения искусства Китая. Эти изменения сказываются преимущественно во все большей и большей фантастичности этой одежды. Практический смысл, назначение и часто сама конструкция отдельных частей ее забыты, так, например, происходит смешение парящих женских корсажей и воинского панциря. Это смешение видно уже в согдийских изображениях четырехрукой богини Наны [5, рис. 4], «персидского бодхисатвы» на деревянных образках из Дандан-ойлыка [45, с. 133; 5, рис. 1, а, в, 5] или «плачущей женщины» из храма K9^e в Шикишине [32, табл. Е, 32—39, F, 7, 12, 37], наконец, в одежде дакинь из пещеры 42 в Безеклике и доспехах награджей и локопал и других божественных воинов в росписях Кучи, Карашира и Турфана [31, табл. Е] (см. табл. I, 5—7).

Таблица I

1 — изображение богини на монете Хувишки; 2 — донаторша, по рельефу из Шаторака; 3 — донаторша, по рельефу из Матхуры; 4 — донаторша, по рельефу из Санчи; 5 — дэви, по росписи из Кумтуры; 6 — богиня, по росписи в Пенджикенте; 7 — дакини, по росписи в Безеклике

ными для уточнения датировки отдельных предметов, но кажется несомненным, что они отражают действительную форму, а также эволюцию местного костюма на протяжении первых веков нашей эры.

Платье самых ранних женских статуэток из Йоткана очень сходно с одеждой кушанских жертвователниц или богинь Наны и Хваниды на монетах Хувишки и на рельефах Санчи или Матхуры. Оно состоит из облегающей торс длинной кофты, из-под которой опускается до земли образующая многочисленные складки юбка или ниж-

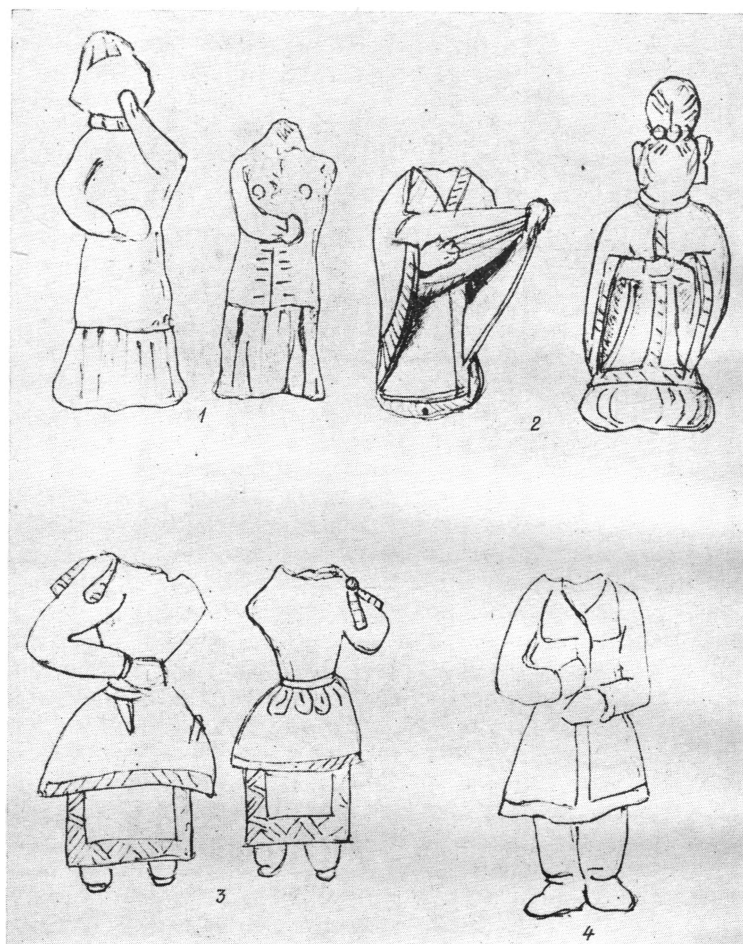

Таблица II

1—2 — терракотовые фигурки женщин из Хотана; 3—4 — терракотовые фигурки мужчин из Хотана

няя половина исподнего платья. Наиболее грубо и примитивно сработанные (обычно ручной лепки, без применения штампа) фигурки одеты в корсаж прямой, свободный и гладкий, с узкими, доходящими до запястья рукавами (застежка часто не бывает обозначена или передана условно нанесенными стекой черточками) [5, табл. 25, № 799—801] (см. табл. II, 1—2).

Более сложный и, по-видимому, более поздний женский костюм представлен коропластикой Йоткана: кофта-корсаж, плотно обрисовывающая торс и застегивающаяся спереди по всей длине, правая полка имеет треугольный отворот. Такие кофты обычно отделаны

вдоль полок и по низу галуном или тесьмой. Рукава длинные, сильно расширяющиеся книзу и по краю также украшенные тесьмой. Юбка очень широкая, образующая множество складок, она совершенно скрывает формы тела, и нужно думать, что надевалась на нижнюю, не менее широкую, из жесткой, упругой ткани [5, табл. 20, № 769, 770, 808]. На кушанских памятниках Индии эта форма платья полной аналогии не находит, но, как увидим в дальнейшем, засвидетельствована рядом изображений донаторов в росписях Кучара и Торашлыка, датируемых V—VI вв. [52, с. 324, табл. CXXVI].

Мужская бытовая одежда показана хотанскими памятниками реже, чем женская. Но также представляет хронологически разные типы. Более ранняя (II—III вв.) почти идентична парадному кушанскому костюму, состоящему из перетянутой в талии туники или кафтана, расширяющегося книзу, и широких штанов, стянутых у лодыжки или заправленных в высокие голенища мягких сапог, облегающих ногу [37, с. 47; 17, рис. 46, 50] ⁷.

Более поздние йотканские статуэтки (IV—V вв.), изображающие мужчин, находят аналогии в мужской одежде знатных донаторов-тохар кучарских росписей «иранского» стиля, датируемых VI—VII вв. Это вариант того же «варварского» костюма, состоящего из кафтана, обычно довольно короткого, стянутого в талии наборным поясом, с одним (справа) или двумя отворотами на груди. Из-под кафтана виден подол нижней одежды — рубахи с разрезами на боках. Неширокие шаровары засунуты в голенища сапог (см. табл. II, 3—4).

⁷ Такую одежду носят музыканты и танцоры на рельефных налечах хотанских ваз [5, табл. 4, № 15, 18, 19, 35]. Являлась ли здесь такая одежда повседневной, или это профессиональный наряд артистов? В пользу второго предложения говорят некоторые особенности этого костюма, обращающие на себя внимание в изображениях трех скоморохов — барабанщика, флейтиста и танцора. Силуэт их костюмов напоминает царские изображения на кушанских монетах. Своеобразие одежде этих трех персонажей придает необычный головной убор, одновременно похожий на крылатый шлем воинов Шакья из композиций «Осады Кушинары» в храмах Шикшина или Тумчука и на ту условную «сасанидскую» корону, которую нередко носят изображения фантастических царей на разнообразных предметах постсасанидского искусства Средней и Центральной Азии и Ирана. Эта штурмовая корона состоит из облегающей голову шапочки, гладкой или с поперечным рифлением, украшенной на темени большой, торчащей вверх кистью из волос или перьев и двумя крыльями или ушами над висками [27, с. 112; 38, рис. 66, 74]. Не менее загадочным украшением этих скоморохов является ромбовидное оплечье, отдаленно напоминающее бармы. Это оплечье встречается на изображениях царственных божеств, царей и артистов в живописи, скульптуре и на изделиях торевтики всех стран Азии — от Ирана до Китая [17, табл. 82; 18, с. 263; 41, с. 278]. Значение и происхождение этой странной принадлежности костюма не вполне ясно. Вероятнее всего, что в средневековой иконографии она является признаком некой «благодати», которая облакает царя, владыку или артиста как творца прекрасного, когда он считался ритуально чистым. Напрасно искать прототип этого убора среди царских инсигний Сасанидов. Изображение оплечий, правда несколько другой формы, есть на двух серебряных блодах, считавшихся некогда сасанидскими, но теперь они датируются VII в., а изображенные на них цари не претендуют быть представителями прославленной сасанидской династии [10, табл. XXXIV, № 63; XXXV, № 64] (табл. II, 3—4).

Нельзя не согласиться с мыслью, высказанной Э. Вальдшмидтом, а в дальнейшем повторенной М. Буссалли и Б. Рауландом, что объяснение многим стилистическим различиям отдельных групп восточнотуркестанских росписей нужно искать не столько в хронологической разнице между ними, сколько в тех различных «национальных традициях», которые нашли свое выражение в этих стилях, существовавших, «быть может, и одновременно» [19, с. 15; 46, с. 11].

Портреты донаторов-тохар исполнялись чаще и охотнее всего мастерами, работавшими в «национальном стиле», владевшими установившимися в VI—VII вв. для этого стиля канонами и изобразительными средствами. Но изображения донаторов или других действительно существовавших реальных людей, принимавших участие в создании религиозных памятников буддизма, существовали и сохранились также в росписях более раннего «первого стиля», связанного в значительной мере с индийскими школами живописи, в большинстве случаев действительно более ранними — V—VI вв. Таких изображений сравнительно немного. Особенно интересны своеобразные автопортреты художников, расписавших пещеру кизильского Мин-уя, получившую название «Пещеры живописцев» [38, рис. 4—7; 29, с. 11] (табл. III, 1—2). Трое юношей-художников показаны за работой. Каждый из них держит в правой, высоко поднятой руке кисть, в левой — чашечку с краской. Все трое одеты в простые прилегающие кафтаны, не доходящие до колен, подпоясанные узким гладким (ременным?) поясом с пряжкой в форме розетки спереди. У одного из них, обращенного к зрителю левым боком, хорошо виден отогнутый у шеи отворот правой полки кафтана. Этот отворот, заканчивающийся прямоугольным языком, в застегнутом виде образует высокий стоячий воротник. Интересен показанный на кафтанах двух других, обращенных к зрителю правым боком, шов, позволяющий судить о способе прикрепления узкого рукава таких кафтанов; косая линия этого шва, идущая от низа рукава почти до талии, обозначает ластовицу, или вшитый клин, необходимую для свободного движения рук. По краю все кафтаны отделаны тесьмой. Неширокие штаны заправлены в доходящие до колен голенища мягких сапог, обвязанных у лодыжек накрест тесьмой. Все живописцы носят на поясе, у левого бедра, довольно большой кинжал в ножнах, подвешенных за два полукруглых ушка.

Прическа живописцев также характерна для мужских персонажей «первого стиля», изображенных в «иранском» или «местном» одеянии: волосы, разобранные на прямой пробор, подстрижены на уровне плеч, спереди спускаются на лоб небольшой гладкой челкой. Аналогии этой прическе встречаются уже среди хотанских терракот [5, табл. 25, № 913, 914].

В кизильской «пещере гиппокампов», датируемой V—VI вв., две коленопреклоненные фигуры — мужчина и женщина — одеты в одинаковые простые, не доходящие до колен кафтаны, полностью схожие с теми, в каких изображены кучарские живописцы [29, с. 105, рис. 231, 232]. Полы, ворот и манжеты узких рукавов также оторочены узорной тесьмой, на талии такой же гладкий пояс. Муж-

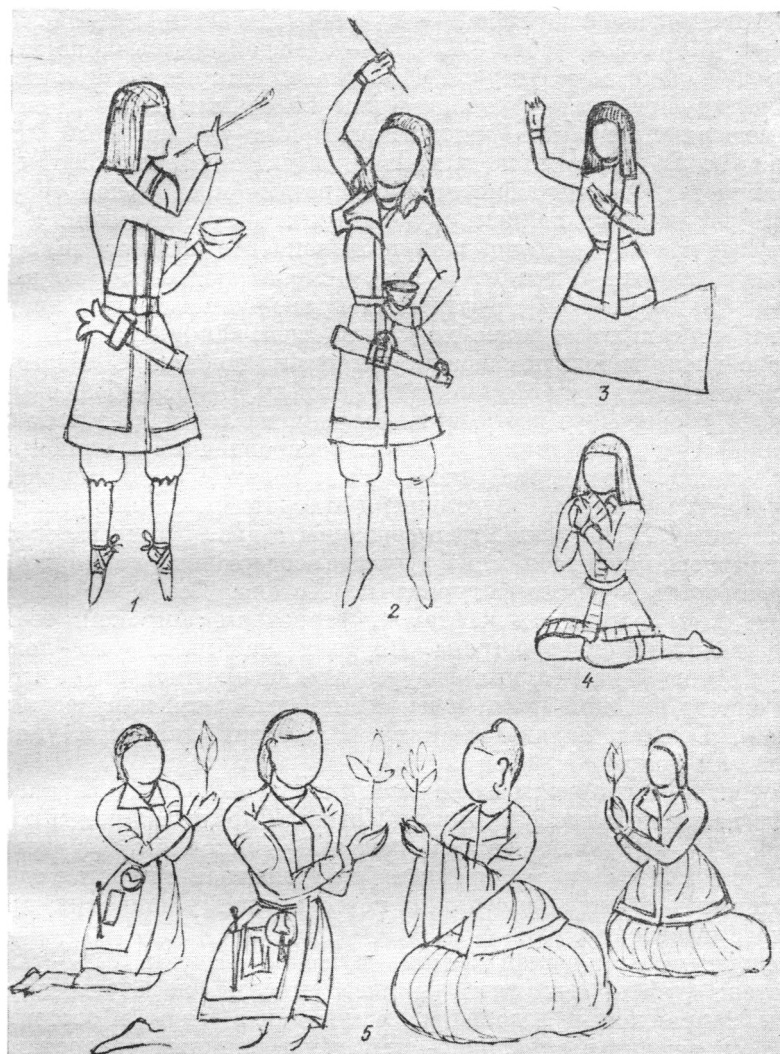

Таблица III

1—2 — живописцы, по росписи в Кизиле; 3—4 — донаторы, по росписи в Кучаре; 5 — группа донаторов, по росписи в Тарашлыке

чина носит такие же неширокие штаны, заправленные в голенища мягких, обвязанных на лодыжке тесьмой сапог. На женщине — длинная простая юбка. Оба жертвователя имеют одинаковую, совершенно такую же, как и живописцы, прическу (табл. III, 3, 4). На росписи, открытой А. Стейном в Тарашлыке, которую он датирует V—VI вв., пять довольно хорошо сохранившихся фигур колено-

преклоненных жертвователей — мужчины, женщины, отрока и двух девочек [52, с. 324, табл. СХХVI] — одеждой чрезвычайно напоминают те терракотовые фигурки из Йоткана, которые мы склонны считать датировемыми IV—V вв., а также описанных выше донаторов из пещерных храмов кизильского Мин-уя «первого стиля» (табл. III, 5). И мужчина, и мальчик носят такие же кафтаны, отличающиеся довольно большими отворотами правильной треугольной формы на обеих полках, служивших лишь украшением. У обоих такие же, как и у описанных выше живописцев, неширокие, заправленные в голенища штаны. К поясу справа подвешено по два кошелька (или футляра?), круглый и прямоугольный, для хранения денег и для таких всегда необходимых вещей, как кресало. На той же стороне висит небольшой ножик в простых ножнах. С левого бока у мужчины видна рукоять кинжала или меча. Волосы обоих подстрижены на уровне плеч и откинuty за уши, на лоб падает небольшая челка. У мужчины длинные, тонкие, расправленные в стороны усы.

Женщина одета в облегающий стан казакин с такими же, как на мужских кафтанах, треугольными отворотами. Сильно расширяющийся книзу подол доходит до середины бедра. Длинные, от локтя сильно расширяющиеся книзу рукава совершенно такие же, как на некоторых женских фигурках из Хотана. Все края казакина, так же как и мужских кафтанов, оторочены широкой тесьмой. Юбка женщины очень широка. По тому, как пышно она ложится вокруг стоящей на коленях фигуры, можно предположить, что сделана она из плотной ткани и надета поверх одной или нескольких нижних. Волосы, гладко зачесанные, забраны наверх и уложены небольшим узлом на темени.

Вероятно, живописцы из Кизила и жертвователи из Тарашлыка, так же как некоторые фигурки из Йоткана, представляют тип более ранней, IV—VI вв., одежды жителей Восточного Туркестана. Быть может, это в то же время и более обычная и простая одежда, сохранявшаяся очень долго как повседневная у широких кругов местного населения.

Основными принадлежностями мужской одежды VII—VIII вв. остаются: рубаша с круглым по шее вырезом, не очень широкие штаны, заправленные в голенища сапог или в гетры, и застегивающийся спереди кафтан с одно- или двусторонними отворотами на груди. В отличие от одежды, представленной памятниками IV—VI вв., она усложнена различными деталями. Эти различия — не просто смена моды, им придается особое значение как признаку социального положения носящего ее лица. Более старые и простые основные формы, издавна имевшие широкое распространение, продолжают существовать одновременно с новыми, представленными на росписях не ранее VII—VIII вв.

Так, шестнадцать меченосцев из хорошо известной, названной их именем кизильской пещеры одеты как в униформу в кафтаны простого покроя и на первый взгляд кажутся очень похожими на таких же рыцарей, сражающихся или пирующих на стенах пещерно-джиргентских дворцов. Однако это сходство ограничивается общим

силуэтом, в то время как детали одежды, отвечающие каким-то особым, существующим в данном месте, в данной конкретной среде требованиям и вкусам, различны.

Кафтаны меченосцев длинные, ниже колен, с узкими до запястья рукавами. По краю, как обычно, обшиты широкой тесьмой. Оторочка горловины у края отогнутой в виде отворота правой полки переходит в ленту, которая позволяла доверху застегнуть эту одежду и, закинута или закрепленная на левом плече, превращалась в своеобразный стоячий воротник. Такая форма воротника засвидетельствована только в росписях Кучарского оазиса (табл. IV, 3).

Так же как кушаны, согдийцы и парфяне, жители Восточного Туркестана надевали под кафтан рубаху с круглым вырезом, видимую между распахнутыми отворотами верхней одежды. Горловина рубахи обычно оторочена другой, гладкой или узорной, тканью. Каков был покрой этой исподней одежды, надевалась ли она просто через голову или имела застежку, с уверенностью сказать нельзя. Однако идущая от ворота посередине груди вертикальная черточка, показанная на некоторых росписях, позволяет думать, что здесь была застежка.

Одной из самых характерных особенностей восточнотуркестанской одежды были одно- и двусторонние отвороты различной формы. Односторонние отвороты всегда с правой стороны, так как, за очень редким исключением, все «варвары» Центральной Азии и вообще «Западного Края» носили правую полу сверху [3, с. 278]. Односторонние отвороты бывают простой треугольной формы, трапецевидные, как у живописцев, или дополненные лентой, как у меченосцев. На внутренней стороне их всегда видна подкладка другого цвета, чем та ткань, из которой сшит сам кафтан и отделяющие его каймы. Кафтаны с двусторонними отворотами часто совершенно того же покроя, что и описанные выше, но сами отвороты в таком случае обычно гораздо шире (табл. IV, 1).

Кафтаны с наплечниками (табл. IV, 2), по всей вероятности, являются парадными одеяниями, присвоенными наиболее знатным высокопоставленным людям. У них всегда два отворота и застежка посередине; они плотно облегают стан, но книзу не очень сильно расширяются, зато на обоих боках сделаны разрезы от подола почти до самой талии, которые дают свободу движениям и удобны для посадки верхом⁸. Наплечники в виде полукругов по краю украшены такой же, как весь кафтан, каймой или оборкой. Они сделаны из жесткого, негнущегося материала и нависают над плечами, как крылья. Из такого же материала и колоколообразные, доходящие до локтя рукава этих кафтанов. Такие рукава отличаются почти всегда совершенно особым орнаментом в виде косой клетки, передающей, по-видимому, стежку по вате или войлоку. На внешней стороне их часто бывают прикреплены металлические бляхи круг-

⁸ Подобные разрезы на боках обычны в одежде согдийцев на кафтанах и рубахах, но фасон самого кафтана согдийцев иной. Он обычно закрыт до самого верха, а если расстегнут, то отвороты на груди небольшие, узкие.

Таблица IV

1—3 — донаторы-рыцари, по росписям в Кизиле; 4 — донатор (царь?), по росписи в Кучаре; 5 — знатные донаторши, по росписи в Кучаре

лой или сердцевидной формы. Этот тип кафтана — не что иное, как имитация боевого или парадного доспеха, подобные которым носят божества «богатырского» класса, хранители городов, воины Шакья в сценах «Осады Кушинары», бывшей одной из любимых композиций в росписях и скульптурных декорациях кучарских и караширских буддийских храмов V—VIII вв. [29, с. 24, 47, 58, рис. 90, 117, 468—469].

Доспехом или имитацией его, по-видимому, нужно считать и подобие держащегося на широких лямках, закрывающего до колен перед и спину фартука (табл. IV, 4). Очень похожий защитный панцирь у фигуры воина из Хадды [17, табл. 57]; там это, несомненно, боевой доспех, верхнюю часть которого прикрывают большие металлические бляхи, а нижняя представляет собой кусок кожи или войлока с укрепленными на нем рядами прямоугольных металлических пластинок. Так же как доспех-фартук кучарских князей, доспех воина из Хадды надет поверх кафтана.

Среди многочисленных изображений донаторов особое и очень важное место принадлежит царям и членам княжеских семей. Кроме надписей, приводящих иногда имя и титул изображенного⁹, высокое происхождение и исключительность их передавались разными внешними признаками, среди которых видное место занимала и форма одежды.

В кафтан с двумя большими треугольными отворотами и наплечниками одет глава княжеской семьи на изображениях из пещеры 19 в Кумтуре. Из-под широких до локтя рукавов видны узкие, обтягивающие предплечье, с манжетой на запястье рукава нижней одежды. В данном случае эта одежда, по-видимому рубаха с разрезами на боках для шага, того покроя, который засвидетельствован многочисленными изображениями как в Центральной и Средней Азии, так и на сасанидских памятниках. Следующий за князем взрослый сын одет в такой же кафтан с рукавами до локтя и наплечниками; видны узкие, доходящие до запястья рукава и гладкий круглый вырез нижней одежды. Здесь же двое младших сыновей или родственников мужского пола, один из которых еще ребенок; он написан в меньшем масштабе, носит кафтан с узкими длинными рукавами и односторонним, правым, отворотом. Кафтаны всех мужчин стянуты на талии наборными поясами, к которым подвешены слева кинжалы (у всех) и длинные, прямые, с крестовидной рукоятью мечи (только у двух старших), справа — кошельки, платки и висящие вертикально ножики [29, рис. 53]¹⁰.

Группа жертвователей из той же пещеры 19, по-видимому «благородных», но не царской крови, носит простые кафтаны с узкими длинными рукавами и односторонним, правым, отворотом.

На знатных тохарах в «Краснокупольной пещере» и на кучарском царе из «Пещеры Майи» кафтан с колоколообразными рукавами до локтя и разрезами на боках, без отворотов на груди (застегнутый доверху?), поверх которого надет защитный доспех — передник

⁹ Подобные надписи послужили важным источником для установления некоторых фактов и хронологии истории Восточного Туркестана [53, с. 76]. К сожалению, в большинстве случаев они настолько повреждены, что не поддавались удовлетворительному прочтению.

¹⁰ Таков же княжеский костюм двух возглавляющих процессии жертвователей-мужчин в пещере, «которая восточнее пещеры меченосцев» в кизильском Мин-уе. Юноша и мальчик в левой группе одеты в такие же, как отец, кафтаны с двумя треугольными лацканами и наплечниками, но подол нижней, разрезанной на боках одежды виден из-под кафтана только у главы семьи.

на широких лямках. Нижняя часть руки до запястья в узком рукаве с манжетой. У шеи виден круглый вырез рубахи. К надетому поверх всех этих принадлежностей наборному поясу подвешены: слева — кинжал в ножнах в виде вытянутого ромба и длинный меч с большой крестообразной рукоятью, справа — платок, завязанный внизу сложным узлом (табл. IV, 1—2).

Кучарские рыцари носят такую же мягкую обувь, обтягивающую ногу, как и кушаны, но она валяется (если это войлок) или кроится (если это кожа) по форме ноги и облегает ступню, придавая ей изящную форму, чем выгодно отличается от бесформенных сапог Канишки, мешкообразных, собиравшихся складками на подъеме. Высокие, доходящие до колен голенища этих сапог хорошо видны на изображениях живописцев и одетого в туземную рыцарскую одежду телохранителя Будды — Ваджрапани одной из киришских росписей. На более поздних изображениях (VII—VIII вв.) сапоги редки, чаще голени жертвователей «второго стиля» защищают гетры или поножи из войлока или меха, иногда покрытые гладкой или узорчатой тканью с оторочкой другой расцветки. Такие гетры встречаются и на подлинных сасанидских памятниках, например на охотничьих рельефах в Так-и Бостане [42, с. 114]¹¹. Эти гетры имеют проходящую под свод стопы лямку, а сверху подвязываются. Эта система подвязки обуви к поясу очень хорошо видна на позднейших, IX—X вв., росписях уйгурской школы из Бесеклика [37, табл. 19, 21, 22, 29] (табл. V, 5).

Пояса, всегда надетые поверх кафтана или иного вида верхней одежды, носят только мужчины; неширокие, плотно охватывающие стан ремни украшены набором металлических блях и пряжек. К поясу слева подвешивался длинный прямой меч с прямой же цилиндрической или слегка уплощенной рукоятью и крестообразной гардой. Ножны, по-видимому деревянные, обтянутые кожей, украшались вверху металлической обоймицей с крючком или петлей для крепления к поясу и оконечием цилиндрической, сердцевидной или имеющей вид геральдической лилии формы. Меч подвешивался на довольно длинных ремешках свободно, в слабонаклонном положении. С этой же стороны, ближе к переду, помещался кинжал. Кинжалы, довольно большие, двух основных типов, либо с прямой рукоятью и такими же ножнами, либо сложной формы с перехватами посередине крупной бутеролью и крестовиной у основания клинка. Ножны такого типа оружия имеют обычно вид трапеции или вытянутого ромба, так что с вложенным в них кинжалом напоминают архаическую форму ваджры—принятого в индийской и буддийской иконографии символа молнии. Кинжал подвешивался в почти горизонтальном положении либо за два имеющихся на ножнах ушка полукруглой формы (так же как на изображениях согдийцев в Пенджикенте и на Варахше), либо при помощи привязанной непосредственно к поясу широкой ленты или платка из дорогой ткани, охва-

¹¹ Такую же, по существу, принадлежность одежды всадника представляют и войлочные, обшитые шелком поножи из Нойн-Улы.

Таблица V

1—3 — донаторы, по росписям в Кизиле; 4 — донаторы-согдийцы, по росписи в Кучаре; 5 — обувь донаторов-уйгур, по росписям в Бесеклике

тывающих ножны посередине [4, табл. IX; 13, табл. 13, с. 19, 21; 15, с. 63] (табл. IV, 1—2; V, 3).

Справа у пояса — небольшой, подвешенный строго вертикально (за одно ушко в верхней части ножен), гладкий, в простых ножнах, не боевого, а бытового назначения ножик, кошелек круглой или прямоугольной формы, часто сделанный из большого нарядного платка, особым образом завязанного и превращенного таким образом в мешочек, заканчивающийся внизу пучком красивых складок.

Одежда тохарских женщин, показанная росписями «второго стиля», не менее сложна и разнообразна, чем мужская, и, пожалуй, обладает еще большим количеством особенностей, отличающих ее от современной ей женской одежды Согда, Бухары, Ирана.

Верхнее платье состоит из тех же двух основных частей, которые носили сакские дамы при дворе Канишки: облегающего стан корсажа и широкой длинной юбки. Но корсаж, имевший на кушанских и ранних хотанских вещах еще сравнительно простые линии, здесь так четко обрисовывает фигуру, что становится несомненным усложнение его покроя. По-видимому, эта часть женской одежды, сшитая из шелка, холста или шерстяной ткани, упоминается в найденных А. Стейном документах кхарошти под названием «kamchuli» [16, с. 76].

Корсажи или казакины восточнотуркестанских женщин очень разнообразны; разница их покроя и отделки, так же как форма мужских кафтанов, соответствует разнице в общественном положении изображаемых.

Доступный в настоящее время изобразительный материал не позволяет установить точно крой и способ построения восточнотуркестанской одежды. Ни живопись, ни скульптура не показывают швы и посадку ткани; в частности, нельзя сказать с уверенностью, как вшивался рукав. Только в некоторых случаях (живописцы) четко показаны ластовицы. Обычно же рукава восточнотуркестанского платья очень точно облегают плечо, что заставляет предполагать сложный вырез проймы (табл. IV, 5; V, 1—2).

Так же как и кафтаны, женские казакины застегиваются спереди и бывают украшены одно- или двусторонними лацканами. В изображениях знатных дам их дополняют такие же, как и у мужчин, торчащие наподобие крылышек наплечья. Иногда корсажи сильно декольтированы, тогда грудь прикрывает совершенно прозрачная шемизетка или рубашка (табл. IV, 5). Разнообразны и рукава этой части женского костюма; чаще всего они прямые, плотно облегающие руку до запястья, с очень простой манжетой. Такая форма, по-видимому, обычна для более простой, повседневной одежды. Частая, встречающаяся уже на самых ранних памятниках форма — облегающий плечо и сильно расширяющийся книзу от локтя. Колоколообразные, полудлинные, до локтя, рукава, засвидетельствованные позднее, были, по-видимому, как и наплечники, знаком высшего сана женщины. Из-под них всегда бывает виден узкий, доходящий до запястья рукав какой-то нижней одежды из очень тонкой ткани (табл. IV, 5; V, 2). Такие рукава встречаются на изображениях дам, сопровождающих царей и, по-видимому, являющихся их женами или членами семей.

Так же как и мужские кафтаны, женские казакины и корсажи обшивались по краям галуном или полосой узорчатой дорогой ткани. Иногда они украшались по низу длинными треугольными фестонами с бубенцами. Вероятно, это было также отличительным признаком знатных, так как встречается только на изображениях женщин, сопровождающих царя [38, с. 44, рис. 22, 23] (табл. IV, 5).

Бросается в глаза и необычная ширина юбок; судя по рисункам ткани, особенно по вертикальным полосам, часто украшающим их, они не расклинивались, а сшивались из прямых полотнищ, собранных у талии. Это делало шире бедра и придавало одежде необходимую пышность. Ткань, используемая для таких юбок, должна была быть очень плотной и жесткой, скорее всего шерстяной. Шерстяные ткани и войлок находили вообще очень широкое применение в портняжном искусстве Восточного Туркестана, и в отличие от Согда и вообще Средней Азии, где мы встречаем повсеместное использование для богатой и парадной одежды полихромных шелков и камки, здесь их место во многих случаях занимает шерсть местного производства. Шерсть была исконным и традиционным материалом в быту тех сакских и тохарских племен, которые в середине I тысячелетия н. э. составляли еще основной пласт населения и в северных, и в южных оазисах [3, с. 233, 246, 257; 49, с. 197].

О производстве в Восточном Туркестане войлоков и шерстяных тканей, а также о вывозе их в Китай как предметов роскоши сообщают неоднократно и династийные хроники, и донесения посольств и путешественников [3, с. 233, 257]. Выделкой войлоков особенно славилась Куча. Среди дипломатических даров, поднесенных кучарцами танскому императору Сюан-цзуну (847—860), упоминается, в частности, войлок тонкой выработки, расшитый лебяжьим пухом [49, с. 200]. Говоря об обычаях Хотана, эта же хроника сообщает: «Жители подстригают волосы, одеяние носят шерстяное» [3, с. 249]. Все же использование для одежды, особенно для парадной одежды, шелка несомненно [49, с. 202]. Шелководство и шелкоткачество проникли в северные оазисы уже в середине I тысячелетия н. э., а в экономике Хотана этот вид промышленности играл первенствующую роль вплоть до XX в. [22, с. 25; 43, с. 638; 51, с. 143; 16, с. 76].

Памятники Пенджикента, Варахши, Балалыка и Афрасиаба говорят о широком и повсеместном употреблении тканей с пресловутыми рисунками «сасанидского» типа для всех основных видов и мужского, и женского платья. Росписи из Восточного Туркестана дают совсем иную картину [1, с. 182; 2, табл. IX, X; 15, с. 64]. Хотя узорчатые ткани, по-видимому также полихромные шелка, часто украшают знатных кучарцев или обитателей Хотана, но в отличие от Согда этот шелк служит, как нередко в Нойн-Уле и Пазырыке, покрытием шерстяных или войлочных частей одежды [9, с. 40, рис. 34, XII].

Широкие, торчащие, как кринолины, юбки обычно украшены нашитыми каймами узорной ткани, наложенными на гладкий фон—шерстяной или бумажный. Жесткие линии мужских кафтанов и женских казакинов с негнушимися, стоящими как накрахмаленные отворотами и наплечьями также не позволяют предполагать, что эти вещи сшиты целиком из такого мягкого и гибкого материала, как шелк.

Иные, отличные от среднеазиатских и узоры восточнотуркестанских шелков. Если, как было сказано, в Согде мы встречаем весь классический «сасанидский» репертуар огромных медальонов с не-

сущими ожерелья утками и фазанами, сенмурвами, кабаньими головами, то в Синьцзяне дамы и рыцари носят ткани, украшенные мелким, преимущественно геометрическим или геометризованным растительным орнаментом. Наиболее частые мотивы этих текстильных рисунков — круги и ромбы небольших размеров. Этот мелкий орнамент больше напоминает китайские полихромные шелка, образцы которых известны по находкам на территории как Центральной, так и Средней Азии. Правда, классические «сасанидские» рисунки не редкость и для Восточного Туркестана; здесь находили и подлинные ткани и их изображения. Однако такие ткани использованы не для одежды, а как декоративные — для завес, ковров, обивки мебели [7, с. 58].

Своеобразны и отличны от известных нам согдийских и сасанидских головные уборы и прически обитателей Восточного Туркестана. Прически наиболее ранних (II—IV вв.) хотанских терракотовых фигурок мужчин и кучарских живописцев очень просты: недлинные, подстриженные у плеч волосы разделены прямым пробором и откинuty назад; волосы прямые или слегка волнистые, но никогда не завиты в пышные кудри, как у Сасанидов. Никогда не носят здесь и спущенных на виски косиц, как у согдийцев на росписях Пенджикента или Варахши [2, табл. XIV, XV, XVII; 4, табл. XXXVII, XXXVIII; 13, табл. XIII, XIV]. И мужские и женские прически более позднего времени (VI—VII вв.), представленные хотанской короoplastикой и изображениями донаторов в росписях «второго стиля» северных оазисов, особенно примечательны благодаря длинным густым челкам, необычным образом расчесанным и уложенным надо лбом. Остальные волосы убраны за уши и связаны на затылке или на темени лентой, концы которой развеваются за головой изображенного.

В головных уборах в виде держащихся на макушке чепцов или наколок с множеством падающих на плечи лент (так же как и в платьях более сложного покроя, с оплечьями, бубенцами и т. п.), по-видимому, изображались только царицы или представительницы царских семейств (табл. IV; 5; V, 2).

Наряду с описанными здесь определенными и устойчивыми формами одежды, присущей местному населению, встречаются варианты или отклонения от этих форм, которые позволяют думать, что в данном случае изображен иностранец или инородец.

Интересный пример такого отклонения от обычной для восточнотуркестанской формы одежды представляет группа донаторов в «Пещере со звериным фризом» в Кирише [29, с. 185, рис. 426] (табл. V, 4).

Изображенные на этой росписи двое мужчин и молодая женщина носят кафтаны с разрезами на боках и двусторонними отворотами на груди, очень похожие на кафтаны кучарских жертвователей-тохар. Правда, отвороты уже, а видная из-под кафтана узорчатая юбка женщины не так широка, как напоминающие кринолины юбки тохарских дам. Необычны для восточнотуркестанского костюма надетые внакидку, как плащ или ротонда, шубы, также украшенные двойными

отворотами на груди. Такая одежда и манера ее носить внакидку не засвидетельствована изображениями коренных жителей Хотана, Кучара или Турффана, но встречается в росписях Пенджикента [2, с. 39], Балалык-тепе [1, с. 233] и Варахши [13, табл. XIV], на изделиях согдийской короластики и торевтики [8, табл. IV, V; 10, рис. 19.]. На голове женщины и одного из мужчин надеты небольшие узорчатые шапочки, сшитые из четырех секторов и очень похожие на современные тибетейки. Скорее всего эти не совсем обычные почитатели буддийской святыни — согдийские купцы, водившие свои караваны по Великому шелковому пути, бывшему в середине I тысячелетия важнейшей торговой артерией Азии. Маленькая фигурка лежащего верблюда, на которую опирается ногой один из мужчин, подтверждает такое предположение.

Приведенный здесь достаточно обширный изобразительный материал позволяет сделать вывод, что одежда населения и южных и северных оазисов Восточного Туркестана II—VII вв. была в основных своих чертах единообразна. Это была одежда центральноазиатских «варваров», весьма близкая к одежде, засвидетельствованной памятниками кушанского изобразительного искусства, и генетически с ней связанная. На протяжении многих веков своего бытования эта одежда претерпела лишь очень незначительные изменения, главным образом в деталях, служивших отличительными признаками социального положения носящего ее человека.

Существенные перемены в основном характере одежды, как и во многих сторонах быта Центральной Азии, произошли в VIII—IX вв., когда политическая и культурная экспансия танского Китая и подчинение значительной части страны туркам-уйгурам изменили этнический состав населения и нарушили существовавшую здесь культурную преемственность.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А л ь б а у м Л. И. Балалык-тепе. К истории культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.
2. Б е л е н и ц к и й А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. — Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
3. Б и ч у р и н Н. Я. [И а к и ф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
4. Д ь я к о н о в М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. — Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
5. Д ь я к о н о в а Н. В., С о р о к и н С. С. Хотанские древности. Л., 1960.
6. Д ь я к о н о в а Н. В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. — ТГЭ. Т. 5. Л., 1961.
7. Д ь я к о н о в а Н. В. «Сасанидские» ткани. — ТГЭ. Т. 10. Л., 1969.
8. М е ш к е р и с В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
9. Р у д е н к о С. И. Культура хуннов и Нойнулинские курганы. М.—Л., 1962.
10. С м и р н о в Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
11. Т р е в е р К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

12. Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит. — ТГЭ. Т. 2. Л.—М., 1958.
13. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
14. Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Таш., 1966.
15. Шишкин В. А. Новые памятники искусства Согда. — «Искусство». 1966, № 1.
16. Agrawala S. R. C. A Study of Textiles and Garments as Depicted in Kharoshti Documents from Chinese Turkestan. — «Bharatiya Vidya». Vol. 14. New Delhi, 1953.
17. Auboyer J. L'Afghanistan et son art. P., 1968.
18. Bénisti M. A propos d'un relief inédit de Karla. — «Arts Asiatiques». Vol. 8. Fasc. 4. P., 1961.
19. Bussagli M. Painting in Central Asia. Genf, 1963.
20. Dalton O. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. L., 1926.
21. Erdmann K. Die Entwicklung der Sassanidischen Krone. — «Ars Islamica». Vol. 15—16, 1951.
22. Franke O. Eine chinesische Tempelinschrift aus Idikutschari bei Turfan. — APAW, 1907.
23. Ghirschmann R. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire, 1945 (MDAFA, т. 12).
24. Godard A., Godard Y., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bamian. Paris—Bruxelles, 1928 (MDAFA, т. 2).
25. Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967.
26. Götz H. The History of Persian Costume. — SPA, т. 3.
27. Grabar A. L'art Bizantin de l'antiquité et de moyene âge. P., 1968.
28. Griswald A. B. Prolegomena to the Study of the Buddha's Dresses in Chinese Sculpture. — «Artibus Asiae». Т. 26. Вып. 2. Ascona, 1963; т. 27. Вып. 4. Ascona, 1965.
29. Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. B., 1912.
30. Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bamian. P., 1933 (MDAFA, т. 3).
31. Hallade M. The Ornamental Veil or Scarf. — «East and West». N. S. Vol. 15. Rome, 1964—1965.
32. Hallade M. Sculptures, peintures et objets divers. Toumchouq II. P., 1964.
33. Homes D. A propos d'une statue «Parthe». — «Syria». Vol. 37. Fasc. 3—4. Beyrouth, 1960.
34. Kern H. Manuel of Indian Buddhism. Strassburg, 1896.
35. Kierffel C. M. Kušana Art and the Historic Effigies of Mat and Surkh Khatal. Marg. Vol. 15. № 2. Bombay, 1962.
36. Kümmel O. Turfan und die chinesische Kunst. — «Die buddhistische Spätantike in Mittel-Asien». Bd 3 (7). B., 1933.
37. Le Coq A. Chotscho. B., 1913.
38. Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. B., 1925.
39. Lüders E. Textilien im alten Turkistan. — APAW, 1936.
40. Meunie J. Shotorak. P., 1942 (MDAFA, т. 10).
41. Mus P. Le Bouddha paré, son origine indienne. Cakyamuni dans le mahayanisme moyen. — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient». Hanoi, 1929.
42. Peck H. The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan. — «Artibus Asiae». Т. 31. Вып. 2—3. Ascona, 1969.
43. Ritter C. Erdkunde. B., 1938.
44. Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berclay—Los Angeles, 1967.
45. Rowland B. The Bejewelled Buddha in Afghanistan. — «Artibus Asiae». Т. 24. Вып. 1. Ascona, 1961.
46. Rowland B. Zentralasien. Baden-Baden, 1970.

47. Sarre F. Turfan und die persische Kunst. — «Die buddhistische Spätantike in Mittel-Asien». Bd 3 (7). B., 1933.
48. Schaffer E. H. The Golden Peaches of Samerkand. A Study of T'ang Exotics. Berckley—Los Angeles, 1963.
49. Schlumberger D. Descendants non méditerranées de l'art grek. — «Syria». Vol. 37. Fasc. 3—4. Beyrouth, 1960.
50. Stein A. Serindia. Ox., 1921.
51. Stein A. Innermost Asia. Ox., 1928.
52. Stein A., Binyon B. The Thousand Buddhas. L., 1921.
53. Waldschmidt E. Über die Darstellung und Stil der Wandgemälde bei Kutscha. — «Die buddhistische Spätantike in Mittle-Asien». Bd 2 (6). B., 1928.
54. جلیل ضیاء پور پوشاک باستانی ارانیان از کهنترین زمان تا پادان ۱۳۴۳
 شاهای ساسانیان ' طهران ' فروردین ۱۳۴۳ (Джалиль Зия-Пур. Одежда
 иранцев с древнейших времен до конца сасанидского царства. Тегеран, 1343 г. х.).

И. Б. Бентович

ОДЕЖДА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(по данным стенных росписей VI—VIII вв.)

Памятники изобразительного искусства, в частности стенная живопись, — богатейший источник для изучения различных сторон жизни и быта. Во многих случаях она является единственным источником для изучения предметов, не находящихся отражения ни в письменных памятниках, ни в археологических материалах.

За последние десятилетия в научный обиход вошло значительное количество росписей, открытых археологами в Средней Азии. Богатым в этом отношении оказался древний Согд. На вскрытых городищах самаркандского Согда — Афрасиабе, Пенджикенте — и в Бухарском оазисе, в Варахше, стенные росписи дают обширные материалы о быте населения этих городов VI—VIII вв.

Афрасиаб — столица древнего Согда, один из древнейших центров Средней Азии (середина I тысячелетия до н. э. — XIII в. н. э.). В 1965 г. в нем было вскрыто большое здание дворцового типа, в зале которого открыта живопись прекрасной сохранности. Здесь изображены различные сцены, необычайно богатые реалиями. Так, в сцене, изображающей посольство чаганианцев к царю Самарканда (так объясняет сцену согдийская надпись), все действующие лица одеты в одежды из узорной ткани, носят драгоценные украшения и оружие — мечи, ножи, кинжалы. Лошади и слоны покрыты дорогими покрывалами и попонами [27].

В Пенджикенте ведутся раскопки города VI—VIII вв., где обнаружены улицы, жилые постройки, храмы, дворец и ремесленные кварталы. Открыты великолепные памятники изобразительного искусства — глиняная и деревянная скульптура и монументальная живопись, которая украшала жилища богатых домов и стены храмов. Эта живопись также дает громадное количество реалий [12; 22; 4].

В Бухарском оазисе расположено городище Варахша [28]. На этом городище впервые были обнаружены стенная роспись и резной штук, датируемые VII—VIII вв. Роспись открыта в двух залах — «Красном» и «Восточном». В «Красном» зале роспись носит орнаментальный характер (повторяются элементы одной композиции): борьба героя с фантастическими животными. Изображения слонов условны, художник рисовал их по изображениям, не зная натуры. Тем не менее отдельные детали росписи мы принимаем как реально

существовавшие. В «Восточном» зале изображены сцены из дворцовой жизни, в которых убранство, одежда и вся утварь представлены очень реалистично, что сближает эту роспись с росписью Пенджикента.

Помимо Согда настенная живопись открыта в Тохаристане — в Балалык-тепе, памятнике эфталитского времени V—VI вв. [1]. Стены центрального помещения здания покрыты росписью, изображающей попарно сидящих на пиру мужчин и женщин. Все они одеты в богатые одежды, сшитые из различных тканей.

Буддийский монастырь VII—VIII вв. Аджина-тепе подвергался различным ремонтам и перестройкам. В помещениях этого монастыря обнаружены различные скульптурные изображения и живопись. Изображение сидящего Будды расположено на фоне живописного ковра, скульптура лежащего Будды находится на пьедестале, покрытом узорной тканью [16]. Кроме настенной росписи для характеристики эпохи раннего средневековья в Хорезме мы привлекаем расписные оссуарии из могильника Ток-кала. Здесь на одной из стенок и крышке алебастрового оссуария изображена сцена оплакивания умершего. Художник с документальной правдивостью передал подробности погребального обряда, быта и, в частности, одежды [10]. В древней Уструшане, на городище Кахкаха I, на стенах дворцового помещения открыта многосюжетная роспись, дающая также некоторые представления о бытовавшей здесь одежде [48, с. 183].

При изучении одежды немаловажное значение имеет ткань, из которой она сшита. Несмотря на скудость археологических находок, мы все же можем представить себе, какого рода ткани были в употреблении в Средней Азии в эпоху раннего средневековья.

Наиболее ранние ткани были обнаружены в Киргизии — в могильниках Кара-Булак (I—IV вв.) [3] и Кенкол (II—IV вв.) [8; 25, с. 3]. В Хорезме, в замке Якке-Парсан (IV — нач. VIII в.), были найдены фрагменты шерстяных и хлопчатых тканей и куски шерсти и войлока, части одежды [20, с. 98; 19, с. 147]. Фрагменты тканей трех видов обнаружены при раскопках упомянутого уже городища Балалык-тепе в Тохаристане. Несколько фрагментов обуглившейся хлопчатой ткани найдено в Пенджикенте. Большое количество тканей, относящихся к периоду раннего средневековья, обнаружено в крепости на горе Муг, в верховьях Зеравшана [9; 7]. Здесь в 1933 г. найдено 135 фрагментов тканей, в основном некрашеной хлопчатой, шелковой и шерстяной. На Северном Кавказе, в урочище Мощевая Балка, найдены шелковые ткани VII—VIII вв. Как установлено, эта ткань *занданечи* привозилась из Согда [14; 13].

Ткачество в Средней Азии является одним из древнейших ремесел. Об этом свидетельствуют отпечатки тканей на керамике из могильника Бургулюк (II тысячелетие до н. э.) и многочисленные находки прясел и ткацких грузил. В дальнейшем, в средние века, ткацкое ремесло в Средней Азии получило широкое развитие и как домашнее, и как выделившееся в специальное.

О том, каким образом шилась одежда в древности, мы можем судить по фрагментам одежды с горы Муг, на образцах и обрывках которой сохранилось несколько видов швов, которые применялись

в различных случаях. Так, швом «встык» сшивались между собой кромки двух кусков, «запашивка» применялась при сшивании косых кусков, например выкроенных деталей одежды. Часто встречается шов «вперед иголку», которым нашивался один кусок на другой. Швом «назад иголку» куски сшивались для прочности, в этих же случаях, очевидно в спешке, куски иногда небрежно пришиты швом «через край».

Надо отметить, что изделия из тонкого шелка, в частности мешочки из разных кусков ткани, шиты очень тщательно и аккуратно, тонкими швами, тонкими нитками.

В замке Якке-Парсан в Хорезме известен фрагмент хлопчатых штанов с поперечным швом на бедрах.

Изображенная на росписях одежда сшита из очень разнообразной по узорам ткани; такими же разнообразными представляются ткани покрывал и различных завес.

Роспись Пенджикента располагается в большинстве случаев на стенах помещений несколькими ярусами. Верхние ярусы живописные, здесь все реалии, и в частности ткани, изображены многоцветными. В нижнем ярусе, где изображения графические, одежда передана более или менее схематично, без деталей, но в основном повторяет изображения живописные.

Мужская одежда

Основной покрой одежды для периода раннего средневековья, как принято называть в этнографии, туникообразный, т. е. одежда сшита из перекинутого на плечах целого куска ткани. Условно называем эту одежду кафтаном. Различаются два вида кафтанов — распашной и нераспашной.

Распашной кафтан (рис. 1, а, б) застегивается наглухо сверху донизу, правая пола находит на левую, ворот круглый, вырезан по шее. Рукава не вшиты, а выкроены из боковых полотнищ, пришитых к основному, среднему полотнищу. Они длинные, узкие, с высокими, до локтя, манжетами. В боковых швах кафтана, примерно от бедра вниз, сделаны разрезы, необходимые для шага и при положении сидя. (Эти разрезы давали возможность в этом положении закрывать ноги полами кафтана.)

Правая пола кафтана и боковые разрезы оторочены широкой каймой из ткани иного рисунка. Ширина каймы на поле — 10—12 см. Кайма по боковым разрезам имеет различную форму: сходит вверх на нет или имеет ступенчатый выступ или прямоугольное окончание.

Манжеты сделаны из материи такого же рисунка, что и кайма. В тех случаях, когда кафтан шился из однотонной ткани, кайма и манжеты делались из ткани крупного рисунка. Если же ткань кафтана имеет крупный узор, то кайма и манжеты выкраиваются из мелкоузорчатой ткани. Длина кафтанов достигает примерно половины икры; делались они на подкладке или имели подбортники — на отогнутом сверху борту видна одноцветная, иногда голубая, подкладка. Из-под открытого ворота распашного кафтана виден круглый ворот

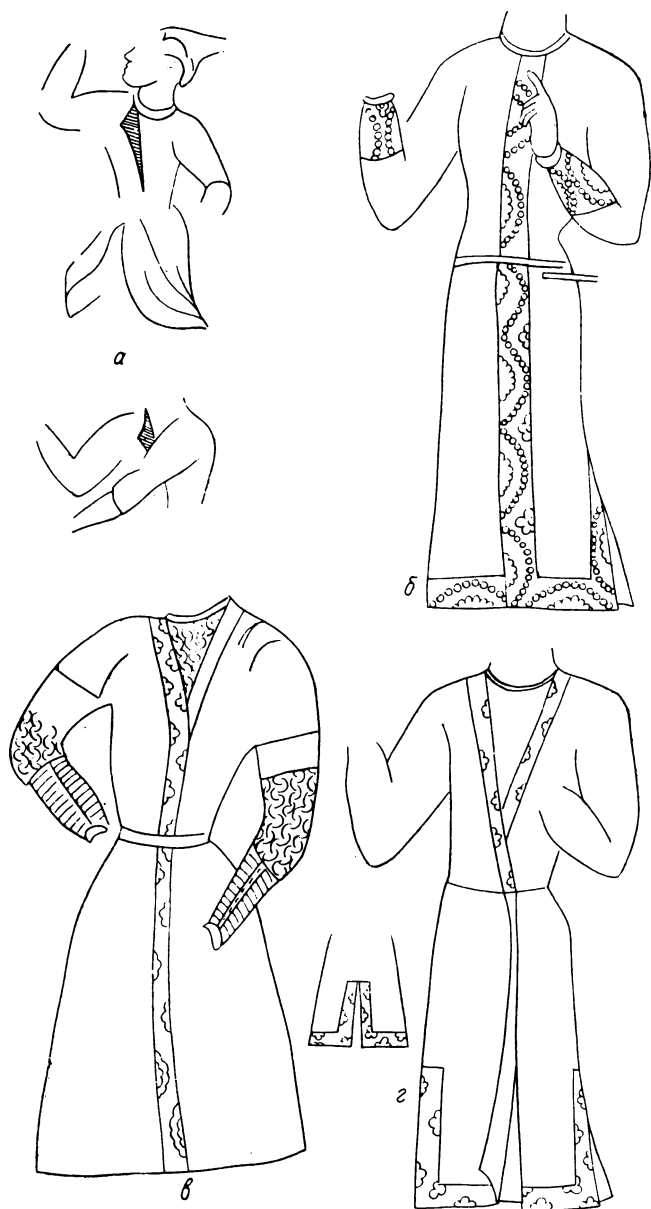

Рис. 1. Мужская одежда

a — распашной кафтан; *б* — распашной кафтан, реконструкция;
в — «налатник»; *г* — распашной кафтан без отворотов

нижней рубахи. Обычно талия перетянута узким поясом с металлическими накладками.

Разновидностью распахного кафтана является кафтан открытый сверху, с узкой полосой, окаймляющей борта и ворот. На рукавах — невысокая манжета. Под кафтаном видна рубаха с круглым воротом (рис. 1, з).

Другой разновидностью распахной одежды является своеобразный «налатник», который представляет собой кафтан с короткими рукавами и каймой по обоим бортам, надевавшийся поверх кольчуги (рис. 1, в).

Если сравнить описанные распахные кафтаны Пенджикента с другими изображениями, найденными в Средней Азии, то можно заключить, что распахной кафтан с правым отворотом, обшитый по полам каймой, является особенностью моды Пенджикента. Специфичным для Пенджикента является также упомянутый выше так называемый «налатник».

Другой вид мужской верхней одежды — нераспахной кафтан (рис. 2). Этот вид кафтана является характерным главным образом для древнего Согда, встречается в росписях Пенджикента, Афрасиаба и Варахши. Он представляет собой одежду в виде «рубахи», надевавшейся через голову. Шилась эта одежда как из гладкой, так и из узорной ткани. Отделка делалась из ткани другого рисунка, располагалась широкой полосой по подолу и переходила в прямоугольное окаймление боковых разрезов или в виде ступенчатой полосы, сходящей кверху на нет.

Ворот окаймлялся вокруг шеи узкой полосой ткани, а от окаймления ворота на плечи выкладывалось его продолжение в виде «погон-наплечников» (рис. 2, а). В том случае, когда кайма делалась из ткани в мелкий узор, «погоны» выкраивались как продолжение каймы ворота. Если же кайма по подолу и манжеты делались из разрезанной на полосы ткани с так называемым «сасанидским» узором — с большими медальонами перлов, то ворот обшивался тканью одежды, а «погоны» пришивались отдельно (рис. 2, б). Эти «погоны» представляют собой вырезанный квадратный кусок ткани, куда обязательно входят целый медальон перлов и четыре части узора, находящегося между медальонами. Более или менее соответствуют пенджикентским наплечники в виде медальонов на коптских туниках [17, с. 41].

На рельефах Таки-бустана на приближенных царя мы видим также «наплечники-погоны». Длинные рукава заканчиваются высокими манжетами, также сделанными из ткани отделки [35, pl. XV, XVI].

На талии нераспахной кафтан был перетянут поясом.

Наиболее интересны и выразительны нераспахные кафтаны на росписи Афрасиаба. На известной композиции во дворце изображены чаганианские послы, прибывшие к самаркандскому царю с дарами [27]. Вся одежда здесь имеет необычайно роскошный вид, главным образом за счет различных «сасанидских» тканей с птицами, баранами, кабанами и сенмурвами внутри медальонов. Разнообразие дополняют узкие каймы подолов, боковых разрезов, манжет и ворота. Отличи-

Рис. 2. Мужская одежда

а — нераспашной кафтан с воротом и наплечниками; б — нераспашной кафтан без ворота с наплечниками; в — плащ-накидка, деталь ворота и наплечника

тельной чертой нераспашного кафтана в росписях Афрасиаба является широкая узорная кайма у ворота. Атрибутами к этой одежде служат подвешенный справа и завязанный узлом большой платок и кошель четырехугольной формы с закругленными углами.

В Варахше изображение нераспашных кафтанов имеется в «Восточном» зале, в сцене около жертвенника. Один из участников этой сцены одет в обычный кафтан с каймой, а другой — в кафтан из узорной ткани, с подчеркнутыми двойными швами на груди и плечах.

В росписи Аджина-тепе одежда тохаристанцев по облику очень сходна с одеждой пенджикентской: дароносцы одеты в наглухо застегнутый сбоку распахнутой кафтан с высоким воротником, с широкими рукавами. Талии затянуты золотыми поясами, на которых прикреплены кинжалы [16].

Плащ-накидка с двумя отворотами встречается в росписи Пенджикента сравнительно редко. Он представляет собой свободно лежащую на плечах накидку из гладкой ткани с широкими отворотами — воротником, окаймленным узорной тканью. Две узорные каймы проходят и по краю обоих бортов накидки. Из-под нее видна нижняя одежда с круглым воротом и широкими рукавами (рис. 2, в).

Штаны. К сожалению, четкого и полного изображения этого рода одежды росписи не дают. Частичное их изображение имеется на росписях Пенджикента и Варахши. Штаны на выпуск носились в том случае, когда был надет нераспахнутой кафтан. Это хорошо видно на всадниках (рис. 3, а). Здесь нижний край штанины и боковой шов оторочены длинноворсовым мехом: мех изображен редкими двойными штрихами. Покрой штанов в верхней части может быть восстановлен по этнографическим параллелям: штаны должны были быть приспособлены для сидения на полу скрестив ноги и верхом на лошади, поэтому шились с широкой вставкой-клином в шаг.

На росписях Пенджикента, относящихся к раннему периоду (V—VI вв.), имеются изображения штанов, направленных в сапоги, но несколько иного вида: они широкие, ложатся мягкими складками и слегка опускаются на высокие сапоги (рис. 3, б).

Набедренные повязки. В росписях фольклорного сюжета изображены люди в набедренных повязках (рис. 3, в). Различаются три вида повязок: 1) повязка-покрывало, лежащая широкими складками вокруг ног, выше колен; 2) повязка, располагающаяся ниже талии, держащаяся на бедрах; она также широкими складками охватывает бедра, оставляя колени открытыми; 3) третья повязка также закрывает только бедра; завязывается ниже талии, над левой ногой видна поперечная перевязь, подхватывающая ткань у самого бедра. В последних двух случаях повязки надеты на стариках, очевидно на индийских брахманах.

Головные уборы. До наших дней дошли три плетеные головные сетки из тонких хлопчатых ниток [6]. Найдены они в крепости на горе Муг и представляют собой головной убор, плотно прилегающий к голове, с двумя полосами сзади, свободно опускающимися по спине. Очень возможно, что эти полосы являются распоротыми накосниками. Узоры плетения сложные и разнообразные.

На росписях Пенджикента мужские головные уборы представлены главным образом шапками типа колпака (рис. 3, г). Колпак — это мягкая шапка, надевавшаяся на лоб, очевидно из мягкой толстой ткани типа войлока, без околыша, с длинным высоким концом, загибающимся назад. На боках, над валиками, сделаны разрезы. В некоторых случаях конец не загибался назад, а весь колпак укладывался на голове глубокими складками. Вариантом этого головного убора является колпак с околышем, состоящим из трех частей —

одна слегка возвышающаяся надо лбом и две более низкие по бокам. Колпаки такого рода были принадлежностью обычного ежедневного костюма. При парадной одежде надевался другой головной убор — типа шлема, с поперечной перетяжкой на темени, но также с длинным узким концом, опускающимся назад.

Этнографическими исследованиями установлено, что колпак является очень древним головным убором, имеющим очень характерный покрой из четырех долек треугольной формы [26]. Кроме колпаков на росписях изображены и другие виды головных уборов: шапка с маленькими, опущенными вниз полями и чалма со спущенным сбоку небольшим концом.

Обувь. Из письменных источников известно, что в хозяйстве древних согдийцев обработка кожи занимала очень существенное место [15; 23]. Кроме этого о высоком уровне кожевенного производства говорят и находки в крепости на горе Муг. Здесь были обнаружены хорошо сохранившийся сапог, кожаные обшивки плетеных крышек и мелкие фрагменты обработанной кожи [7, с. 371].

Изображенная на росписи Пенджикента обувь не многообразна по виду и одинакова для мужчин и женщин (рис. 3, *б*). Преобладает изображение мягких невысоких кожаных сапог. Высота их примерно до середины икры, подошва и задник в некоторых случаях изображены двумя линиями, как бы показывая швы. В передней части голенища от середины подъема вставлен большой треугольник, который дает ему ширину. По бокам треугольника в некоторых случаях делался несложный фрагмент в виде волнистой или прямой линии. Эта обувь была, очевидно, самой распространенной и служила для ежедневной носки.

От описанных выше отличаются изображения сапог на фигурах стражей в главном помещении храма II, датируемом, как нам представляется, с большой степенью вероятности VI—VII вв. Это высокие, до колен, сапоги с широкой полосой темно-красного цвета под коленями (очевидно, отворот). По низу голенища, над щиколоткой, проходит еще одна полоса, но она значительно уже.

Существовала и специальная «спортивная» обувь. Она представляет собой мягкие короткие сапоги из кожи или войлока, доходящие до щиколоток. По верхнему краю заметно округлое утолщение (закатанный мягкий сапог?).

Чулки можно видеть на людях, сидящих скрестив ноги. Они свободно, не обтягивая, лежат на ступнях, что подчеркнуто длинными, свисающими вниз концами.

Очень отличается обувь людей, находящихся возле роскошно одетой четырехрукой богини. На них высокие мягкие сапоги и на щиколотке — широкий бант с длинными концами, пропущенными через круглую с перлами пряжку. Такие же банты мы видим на обуви в росписи во дворе храма II и в помещении 10-а того же храма. В обоих случаях роспись относится к периоду VI—VII вв.

Богиня обута в бапки, закрывающие подъем. Между пальцами

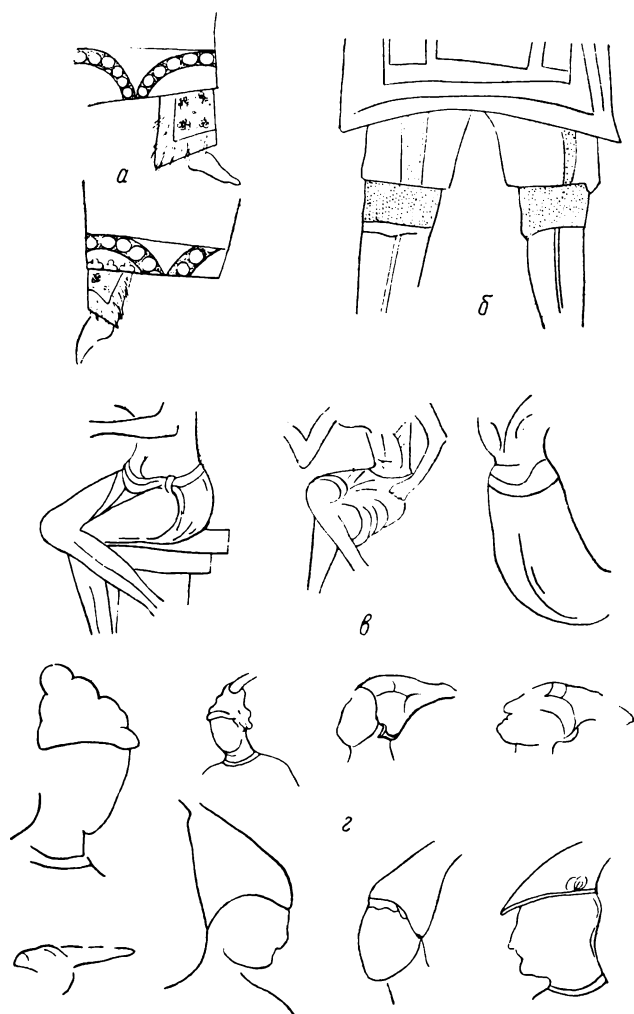
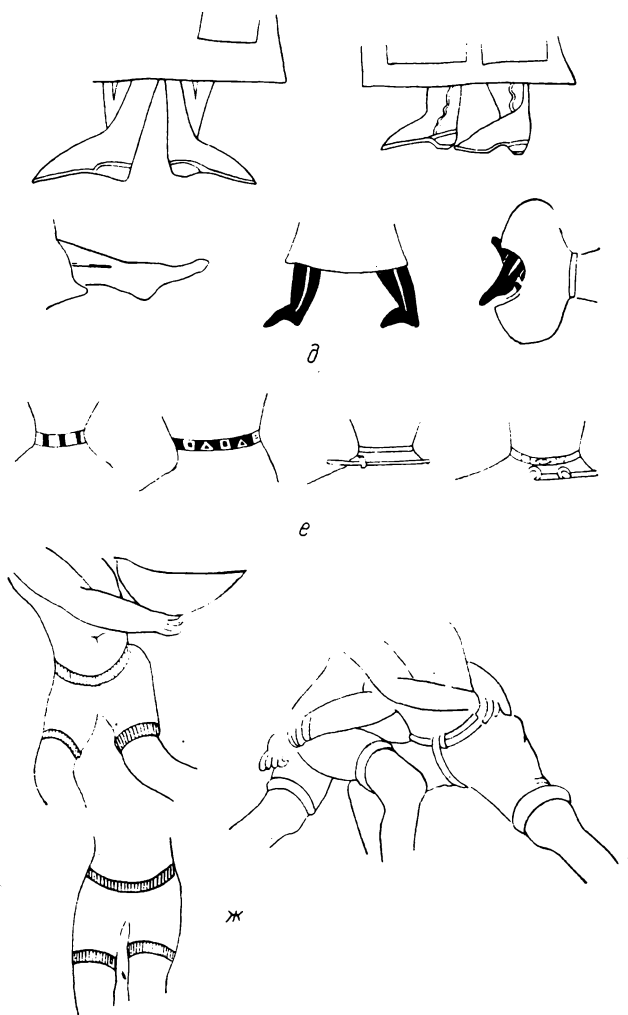

Рис. 3. Муж
а — штаны; б — штаны; в — набедренные повязки; г — голов

проложены узкие ремешки. Башмаки украшены драгоценными камнями и бантами на щиколотке.

Можно допустить, что такие башмаки реально и не существовали, но художник знал по индийским изображениям такую обувь [30, taf. XXXII—XXXIII].

Пояс. Пояс был необходимой принадлежностью туалета в древнем Согде (рис. 3, в). Вся одежда обязательно подпоясывалась поясом. Различается несколько поясов: 1) твердый пояс с металлическими накладками, бляшками и наконечниками [21]. Это, очевидно, почет-

ская одежда

ные уборы; д — обувь; е — пояс; ж — одежда борцов

ный пояс, он часто изображается золотым; 2) пояс, на который навешиваются нож, кинжал и меч; 3) третий вид пояса — твердый, с которого свешиваются специальные ремни, служащие для прикрепления необходимых предметов [29]. Такой пояс со свешивающимися четырьмя концами имеется на китайской статуэтке VII в. (прислужник, см. [31, fig. 9b]) и на росписях из Восточного Туркестана, изображающих уйгура [33]; 4) изредка встречается на росписи мягкий пояс, завязывающийся узлом. Это было, очевидно, принадлежностью костюма низшего сословия; 5) исключительным представляется пояс,

изображенный на четырехрукой богине. Он сделан из мягкой ткани, украшен спереди тремя рядами жемчужин, а концы пропущены через круглую золотую бляшку. Почти аналогичный пояс был открыт в Пенджикенте же на фрагменте глиняной скульптуры: широкий пояс с пряжкой, украшенной несколькими рядами жемчуга.

Женская одежда

Женская одежда на росписях Пенджикента представлена в основном тремя видами.

1. Распашной кафтан с полосой каймы по борту и с высокими манжетами. Кафтан этот аналогичен мужскому, но здесь, очевидно, является верхней одеждой.

2. Платье с широкой оборкой по подолу.

3. Платье с открытым воротом и широкой юбкой.

Распашной кафтан делался с закрытым круглым воротом, с разрезами на боках, с окаймляющими полосами на полах и подоле (рис. 4, а); чаще всего шился из одноцветной ткани.

Платье с широкой оборкой на подоле сделано из одноцветной ткани, с круглым воротом, длинными рукавами, которые закончены высокими манжетами (рис. 4, б). От колен вниз следует широкая складчатая оборка, так что общая длина платья уходит до щиколоток. Над оборкой лежит горизонтальная полоса узорной ткани. Аналогичная полоса положена и вертикально, от горловины до оборки. На рукавах — манжеты.

В платье такого покроя одеты арфистка и танцующая женщина с кинжалом. Характерное отличие имеется на платье арфистки: в верхней части — своеобразная кокетка, которая обозначена тремя выступами на плечах и груди. Очевидно, на спине сделан и четвертый выступ.

Третий вид женской одежды на росписях представлен длинным, до щиколотки, платьем с глубокими складками. Под грудью оно стянуто поясом. Ворот платья круглый, рукава длинные, с высокими манжетами. Платья этого типа в некоторых случаях сочетаются с длинными мягкими шальями, покрывающими плечи. По антропологическому типу изображенные женщины — китайнки, по аналогиям со статуэтками эти платья были одеждой китайских музыкантов и танцовщиц.

Интересна одежда женщин на росписях Балалык-тепе [1]. Она состоит из нижней рубахи-платья, сшитой из гладкой материи, с круглым воротом, длинными, очень широкими рукавами с манжетами и надевающейся поверх накидки. Ворот и манжеты нижней одежды видны из-под накидки. Накидка сделана из узорной ткани, обшита по краям и подолу темной, иногда узорной каймой, на правой стороне накидки — один треугольный отворот, также отороченный каймой. На обоих полах на уровне талии прикреплено по кольцу-пряжке, через которые продеты оба конца ленты. Эта лента служила, очевидно, поясом. Разница в одежде женщин заключается лишь в тканях различного узора.

В росписях Варахши («Восточный» зал) изображена большая жен-

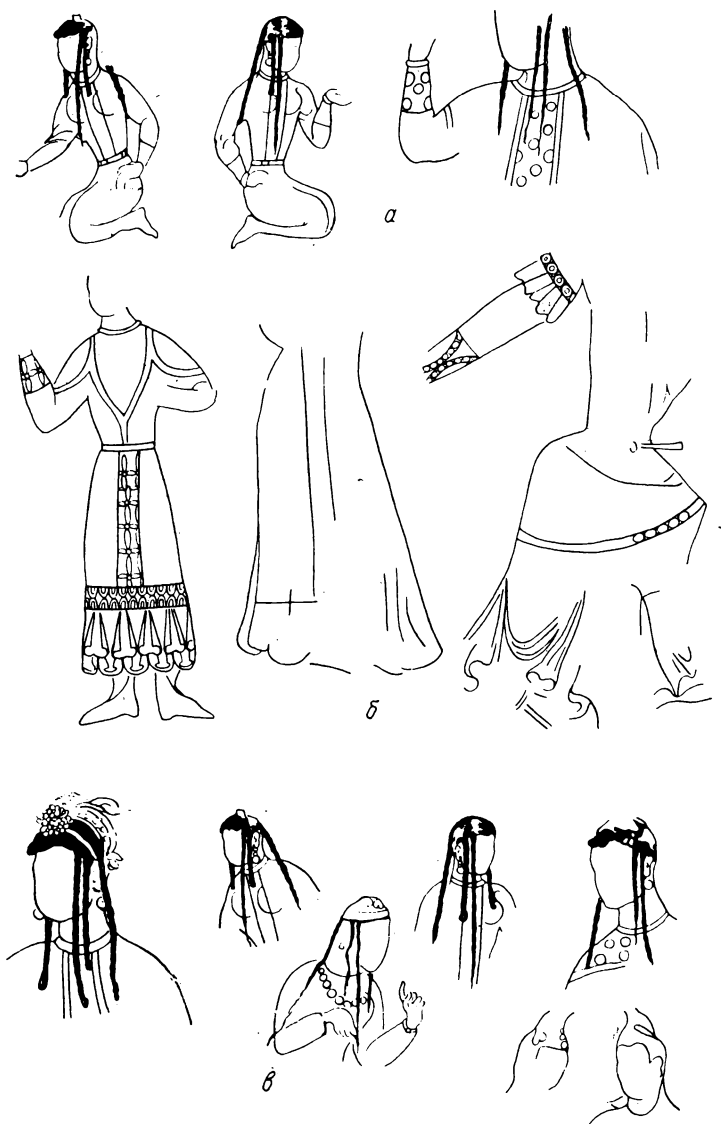

Рис. 4. Женская одежда

a — распашной кафтан; *б* — платье; *в* — головные уборы и прически

ская фигура (жрица?) с нимбом вокруг головы [28]. На ней надета накидка желто-розового цвета из ткани с орнаментом кружками. Под накидкой различается нижняя одежда с круглым воротом и высокими манжетами из ткани с кругами перлов.

На хорезмийском оссуарии из Ток-калы можно отметить: 1) распашную одежду; 2) платье на кокетке с круглым воротом; 3) платье с круглым воротом и вертикальной полосой из ткани другого цвета, доходящей до пояса [10].

Головные уборы и прически женщин (рис. 4, в)

Головные уборы женщин очень немногобразны и в общем представляют собой маленькие шапочки, плотно облегающие голову. Форма такого головного убора непосредственно связана с прической. По росписям Пенджикента характерная женская прическа состоит из пяти кос: по две косы на висках и одна на спине. Косы спускаются ниже плеч, почти до пояса. Такую прическу носили незамужние женщины. Этнографические исследования говорят о том, что прическа из пяти кос бытовала среди девушек Средней Азии — в горном Таджикистане, во многих районах Узбекистана [26, с. 313]. Археологические находки свидетельствуют о древности такой прически: статуэтка из Пай-Арыка, изображающая девушку с косами, датируется II тысячелетием до н. э. [26, с. 315].

В росписях Афрасиаба на голове придворной дамы виден локон на виске, в Варахше на изображении женщины — также спускающийся прямой локон, а на плечах сзади — две большие пряди волос. На росписях Балалык-тепе характерной женской прической является пропущенная через бусину тонкая косичка или прямая прядка волос на висках и перевязанный лентами пучок волос высоко на затылке. На оссуариях Ток-калы изображенная женская прическа состоит из двух кос по плечам.

Характерный костюм помогает выделить из общей массы изображений группу танцовщиц и музыкантов. Так, на росписях Пенджикента на нескольких женских фигурах поверх платья изображены длинные шали. Манера носить их была очень изысканной. Например, в одном случае шаль наброшена на плечи и слегка опущена на спину. В правой поднятой руке женщина держит конец шали, свисающий вниз. В другом случае шаль перекинута через левое плечо, через правый бок переведена вперед и на левом боку у бедра придерживается левой рукой. В третьем случае шаль наброшена на оба плеча спереди и обоими концами опускается назад. Очевидно, шали делались из легкой тонкой одноцветной ткани. Более всего к ним подходят камчатные ткани — *фаринд*.

Судя по изображениям, большинство женщин с шальями — танцовщицы и музыкантши, одна из них держит в руках лютню. Китайские статуэтки танского времени — танцовщица и музыкант — в точности повторяют изображение женщин-музыкантш на росписи Пенджикента. Они также одеты в открытые длинные платья с коротким лифом, на плечи накинута тонкая шаль [32, с. 147].

Акробаты и борцы одеты почти одинаково: у акробатов — облегающие штаны красного цвета с черной каймой, у борцов — штаны, засученные выше колен, талия затянута мягким кушаком, перевязанным ~~спереди~~. Можно предположить, что это было нечто вроде спортивной формы (рис. 3, ж).

Аналогии этим костюмам борцов мы находим в гандхарском искусстве [31, fig. 445]. Здесь каменные рельефы изображают борцов, одетых в штаны до колен, и трех акробатов, у которых короткие штаны в мягкую складку или длинный кусок ткани, обернутый вокруг бедер, с концами, пропущенными между ног сзади наперед и заложенными спереди за пояс.

В письменных источниках доарабского времени в той или иной связи неоднократно встречаются упоминания об одежде, прежде всего это относится к согдийским документам с горы Муг [24, с. 23]. В брачном договоре, в статье об обязанностях мужа, говорится о том, что муж обязан давать жене пропитание, одежду, украшения [15, с. 23]. В письме-фраманда Деваштичу сообщается, что имеются «хорошие одежды», которые он посылает. К сожалению, конкретно не указывается, какие именно [15, с. 151]. В другом письме пишется о посланном седле и «небольших башмаках». Имеется в виду определенный тип обуви — «башмаки для улицы, сапоги» [15, с. 153]. В некоторых письмах сообщается о стоимости одежды: «...и фраметанской женщине за 15 драхм платье» [15, с. 182].

В хронике ат-Табари, которая является главным источником для периода арабского завоевания Средней Азии, упоминаются ткани и одежда местного населения. Так, о соратнике Деваштича Карзандже сообщается, что он повязал зеленым *фариндом* головы своим шакирам (720 г.)¹. К 737 г. относится описание ат-Табари одежды Курсуля, кагана тюркешей: «На нем были штаны из *дибаджа*, украшенного кругами, и плащ из *фаринда*, обшитого каймой из *дибаджа*»².

В «Истории Бухары» Нершахи [2, с. 441, 442; 36] пишет о селении Зандана, о том, что бумажные материи *занданечи* вывозят во все области: Иран, Фарс, Кирман, Индустан и др. Все вельможи и цари шьют из них себе одежды и покупают по той же цене, как парчу [36].

Важнейшим центром текстильного производства был Мерв. Здесь производились шелковые и хлопчатые ткани, известные всему миру.

Связи Средней Азии с соседними странами проявляются в различных областях и прослеживаются, в частности, в торговле тканями.

Торговые связи с Китаем отмечены еще в IV в., но наиболее тесными они становятся в танскую эпоху. О связях Согда с Китаем говорят образование согдийских колоний на Шейковом пути, согдийские документы, обнаруженные в Синьцзяне, а также археологические находки китайских шелков на территории Средней Азии, главным образом Согда. Одной из первых находок китайских тканей в Сред-

¹ Табари II, 1445 (цит. по [5]).

² Табари II, 1690 (цит. по [5]).

ней Азии были тонкие и легкие шелка желтого и красного цветов из Кенкольского могильника (II—IV вв.) [8].

В коллекции тканей из крепости на горе Муг часть шелковых тканей относится к китайскому производству, некоторые из них находят себе прямые аналогии среди шелковых тканей погребений Астаны [9, с. 21]. Значительную долю в этой коллекции занимают китайские камчатные ткани, которые арабские авторы называют *фаринд*, а первоначальное название этой ткани — *принг* [5].

В связи с находкой китайской камчатной ткани с «сасанидским» медальоном оказалось возможным выявить целый ряд тканей, в орнаменте которых сочетаются элементы западные и китайские. В этом, очевидно, следует видеть стремление китайских художников подражать очень распространенному узору «западных» стран — Ирана, Византии и Средней Азии. Можно предположить, что подобные ткани изготовлялись в Китае специально для вывоза на Запад, где на них был большой спрос.

Искусство сасанидского Ирана оказалось очень мощным и влиятельным, и «сасанидский» стиль получил самое широкое распространение, несмотря на политическую разобщенность областей Средней Азии и Ирана. Примером такого влияния может служить глубокое проникновение на Восток и Запад «сасанидских» мотивов, в частности знаменитого узора медальонами, зародившегося в Иране еще в V в. [11, с. 81]. В Средней Азии это проявляется ярче всего в одежде на росписях Афрасиаба. Здесь мы видим многочисленные варианты тканей с медальонами с изображением внутри кабанов, крылатых коней, слонов и т. д. В отличие от одежды росписей Пенджикента, где из этой ткани делались только кайма и манжеты, здесь изображены целиком сшитые кафтаны. Так, в кафтан из ткани с кабанями в медальонах одет один из послов [27, с. 21]. В кафтанах из ткани с птицами и баранами в медальонах изображены верховые на рельефах в сцене охоты в Таки-Бустане [35, pl. XV, XVI].

Что касается покроя одежды согдийцев, то сходство его с сасанидским очень незначительно: можно указать на одежду всадников в Таки-Бустане и на серебряных блюдах восточного происхождения, укороченную спереди и сзади, и на разрезы по бокам кафтанов. Пояса со свисающими ремнями, изображенные в Таки-Бустане, также находят себе параллели в росписях Пенджикента.

Памятники живописи и скульптуры Восточного Туркестана привлекаются исследователями как дополнительный материал при изучении искусства Средней Азии. На росписях пещерных монастырей Дуньхуана, Турфана, Карашара, Кучи, Кызыла прослеживается взаимовлияние искусства Китая, Индии и Средней Азии. Влияние согдийского искусства прослеживается в изображении таких реалий, как утварь, оружие и в особенности одежда. В этом отношении для нас очень ценны «пещеры Майа» — «меченосцев» и «художников» [30, taf. XIX—XX, XLVI—XLIX, рис. 89]. Так, в пещере «меченосцев» изображены ктитеры в распашных кафтанах с отворотом на правой поле. Так же как и в росписях Пенджикента, кафтаны сшиты из одной ткани, а кайма сделана из другой. Очень сходны штаны всадни-

ков, обрамленные по низу каймой. Обращает на себя внимание покрой штанов: в верхней части штанин изображена часть вставного широкого клина, сделанного, правда, из ткани другого цвета. Это изображение позволило сделать реконструкцию покроя штанов. Выкроенные из нескольких деталей высокие сапоги [24, taf. 38] очень сходны с сапогами, изображенными в Пенджикенте, и главным образом с сапогами, найденными на горе Муг.

Очень сходны такие детали пояса, как кошель [33, taf. 17].

Связи древней Средней Азии с Византией также можно проследить по тканям и одежде. Торговый путь на запад через Северный Кавказ был проложен согдийцами еще в конце VI в., но и в дальнейшем он играл в торговле шелком большую роль. Возникший в VI в. согдийский центр шелкоткачества находился под влиянием и византийского шелкоткачества — известно несколько тканей, узор которых подражает византийским образцам [13, с. 119]. Византийские ткани опознаются и по росписям в Балалык-тепе и Пенджикенте. Различные бронзовые детали поясного набора, сделанные по византийскому образцу, найдены и при раскопках в Пенджикенте.

Итак, изображения на стенных росписях Средней Азии, и в частности Пенджикента, дают более или менее цельное представление о бытовавшей в VI—VIII вв. одежде.

Состав одежды в основном однообразен: в целом существует один покрой — туникообразный — для платьев и кафтанов, причем кафтаны мужские и женские почти не различаются между собой.

Социальные особенности проявляются не в покрое одежды, а в характере ткани, из которой она сшита. То же следует сказать и о специфике одежды профессиональных групп: она не отличалась от обычной по крою (рубаха?), но делалась из простой ткани. Правда, следует отметить специфическую одежду борцов и танцоров.

Для шитья одежды применялась ткань как местного производства, так и импортная.

В целом одежда свидетельствует о большом художественном вкусе, что особенно наглядно проявляется в хорошо подобранных узорных и цветовых сочетаниях тканей одежды и отделки.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А л ь б а у м Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.
2. Б а р т о л ь д В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. — Б а р т о л ь д В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.
3. Б а р у з д и я Ю. Д. Кара-Булакский могильник. — ТИИАИ Киргизской ССР. Вып. 2, 1956.
4. Б е л е н и ц к и й А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
5. Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., Л и в ш и ц В. А. Камчатные ткани с горы Муг. — СЭ. 1963, № 4.
6. Б е н т о в и ч И. Б. Ажурные плетеные изделия с горы Муг. — КСИИМК. Вып. 61, 1956.

7. Бентович И. Б. Находки на горе Муг. — МИА. № 66. М.—Л., 1958.
8. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
9. Винокурова М. П. Ткани из замка на горе Муг. — ИООНАН ТаджССР. Вып. 14, 1957.
10. Гудкова А. В. Ток-кала. Таш., 1964.
11. Дьяконова Н. В. «Сасанидские» ткани. — ТГЭ. Т. 10. Л., 1969.
12. Живопись древнего Пянджикента. Отв. ред. А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов. М., 1954.
13. Иерусалимская А. А. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом (Об одной уникальной ткани из северокавказского могильника Мошова Балка). — НАА. 1967, № 3.
14. Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА. 1967, № 3.
15. [Лившиц В. А.] Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. Юридические документы и письма. Чтение, пер., коммент. В. А. Лившица. М., 1962.
16. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
17. Матеев М., Ляпунова К. Художественные ткани коптского Египта. М.—Л., 1951.
18. Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны. — СА. 1973, № 3.
19. Неразик Е. Е. Раскопки Якке Парсан. — МХЭ. Вып. 7, 1963.
20. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М., 1966.
21. Распопова В. И. Поясной набор Согда. — СА. 1965, № 4.
22. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. Отв. ред. А. М. Беленицкий и Б. Б. Пиотровский. М., 1959.
23. [Боголюбов М. Н., Смирнова О. И.] Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы. М., 1963.
24. Согдийский сборник. Сборник статей по памятникам согдийского языка и культуры, найденным на горе Муг в Таджикской ССР. Л., 1934.
25. Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСИИМК. Вып. 64, 1956.
26. Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — ТИИЭАН СССР. Т. 21. М., 1954.
27. Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Таш., 1966.
28. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
29. Gröpp G. Der Gürtel mit Riemenzungen auf den Sassanidischen Relief in den grossen Grotte des Taq-e-Bustan. — Archaeologische Mitteilungen aus Iran. N. F. Bd 3, 1970.
30. Grünwedel A. Alt-Kutcha. B., 1920.
31. [Ingholt H.] Gandharan Art in Pakistan. With ill., fotogr. by Islay Lyons. Introd. and Descriptive Catalogue by Harald Ingholt. [N. Y., 1957].
32. Mahler J. G. The Westerners among the Figurines of T'ang Dynasty of China. Roma, 1959.
33. Le Coq A. Die buddhistische Spätantiken im Mittelasien. B., 1922.
34. Le Coq A. Chotcho. B., 1913.
35. Peck E. H. The Representations of Costumes in the Reliefs of Taq-i Bستان. — «Artibus Asiae». T. 31. Вып. 2—3. Ascona, 1969.
36. Sergeant R. B. Materials for a History of Islamic Textiles up to the Mongol Conquest. — «Ars Islamica». Vol. 9—12, 1942—1946.

*А. М. Беленицкий,
В. И. Распопова*

СОГДИЙСКИЕ «ЗОЛОТЫЕ ПОЯСА»

«И прибыл Кутейба в окружении родных и двоюродных братьев к воротам Самарканда. И там встретил его Гурек, сын ихшида, и поклонился он ему (Кутейбе). Затем он (Кутейба) пошел дальше, пока не дошел до дома огня. И сел он в нем. Затем прибыл Гурек и остановился перед ним без меча. И посмотрел Кутейба на гулямов Гурека, опоясанных золотыми поясами, инкрустированными драгоценными камнями. И это вызвало его яростный гнев, так что глаза налились кровью (стали красными). И захотел он нарушить [договор] с Гуреком. И это стало видно по его лицу. Но затем, считая это неблагоразумным, он оставил в силе то, на чем помирился с Гуреком» [12].

В этом красочном рассказе, сохранившемся в сравнительно недавно открытом раннеарабском историческом труде ал-Куфи, передающем один из эпизодов, имевших место после захвата арабами в 712 г. Самарканда, обращает на себя внимание то, что причиной ярости арабского полководца явились «золотые пояса» на гулямах из окружения самаркандского царя Гурека. Пышно одетая свита побежденного Гурека являла собой резкий контраст с окружением арабского полководца, и особенно блестящие золотом и драгоценными камнями пояса.

О «золотых поясах» согдийской знати упоминают и другие авторы, писавшие о событиях того времени. Приведем некоторые из них.

Табари в связи с осадой Самарканда Кутейбой приводит рассказ о попавшем в засаду и перебитом арабами отряде молодых воинов, спешивших на помощь осажденным из Шаша. При этом сообщается: «И среди убитых были только сын царя, и [сын] вельможи из их знати, и витязь из их витязей. И захватили мы превосходное оружие, дорогие одежды, золотые пояса и горячих коней» [10, сер. II, с. 1243].

Тот же автор в сообщении об известном восстании согдийцев в 721 г. упоминает о прибытии «из Байарката и Сабаската тысячи человек, на которых были золотые пояса» [10, сер. II, с. 1441].

Неоднократные упоминания о «золотых поясах» в Бухаре мы находим у Наршахи. Так, сообщая о почетной страже известной Хатун, правительницы Бухары, Наршахи пишет, что «они были опоясаны золотыми поясами с подвешенными мечами» [7, с. 10; ср. 1, с. 238].

Золотые и иногда серебряные пояса являются принадлежностью одежды и экипировки героев *Шах-наме*. В некоторых местах имеются интересные детали. Так, говорится: «Пояс у него был из чистого (блестящего) золота и изумруда (*забарджаб*)». Или: «На золотом поясе в каждой накладке (бляшке) был вставлен драгоценный камень» [15, т. 4, с. 1801, 1840].

В глазах Фирдоуси пояс являлся одним из признаков царской власти.

В предсказании о том, что младенец Феридун станет царем, говорится, что когда он вырастет, то «будет добиваться (искать) пояса, короны, престола и кулаха» [9, с. 56].

Приведенные сведения говорят о том, что в домусульманское время среди знати было широко распространено ношение золотых или по крайней мере серебряных поясов.

О внешнем облике этих наборных «золотых поясов» дают представление памятники искусства, в особенности стенные росписи. В живописи Пенджикента знатные мужчины всегда изображены опоясанными желтым поясом; по-видимому, художник имел в виду пояс с золотыми накладными бляшками. Надо отметить, что детали пояса, как правило, тщательно не выписывались. Иногда пояс разделен на квадратики и треугольники с маленькими квадратиками внутри. Видимо, так передавались чередующиеся прямоугольные и полукруглые бляшки. В двух случаях мы имеем изображения поясов с тщательно проработанными деталями. Это в росписи помещения 10 объекта XVI и помещения 1 объекта XXIV. Изображения накладных бляшек хорошо согласуются с обнаруженными при раскопках бронзовыми. В Пенджикенте и на других памятниках Средней Азии найдены части наборных поясов, которые в сочетании с живописным материалом дают достаточно оснований для реконструкции пояса согдийского воина. Детали наборных поясов, происходящие из раскопок, в подавляющем большинстве бронзовые, единичные экземпляры изготовлены из серебра. Письменные источники, как мы видели, свидетельствуют о ношении согдийской знатью «золотых поясов».

У нас пока имеется лишь одна золотая бляшка, некогда украшавшая, как можно полагать, пояс. Очень интересно устройство этой бляшки. Она состояла из тонкой золотой фольги, наложенной на медную основу. Внутри обкладки имелись зеленые окислы меди. Бляшка была рельефной, подтреугольной формы, с каплевидными концами. Эта бляшка найдена в завале одного из хозяйственных помещений дворца правителя Пенджикента. Бляшки такой же формы и техники изготовления — золотая фольга на бронзовой основе — найдены в погребениях VII в., в могильнике Kiskörös-Vágóhid в Венгрии. Все бляшки найдены в разграбленных погребениях, и точное место их на костюме покойного не было зафиксировано. Д. Ласло на основании аналогий в скифском материале предполагает, что эти бляшки украшали шапочки [13, табл. 1, IV, XVII, с. 25].

Бляшки того же типа найдены вместе с частями поясного набора VI—VII вв. в Северной Монголии. Похожие по форме бронзовые

бляшки происходят из погребения конца VI—начала VII в. в Кудыргэ [3, с. 25, табл. XX, 14].

Наряду с золотой фольгой в Пенджикенте для обкладки бронзовых частей наборных поясов использовалась серебряная фольга. Обломки двух щитков — как можно предполагать, от пряжек, изготовленных из бронзы, — имеют обкладку тонкой серебряной фольгой. Один из таких щитков найден в слое первой четверти VIII в.

С вопросом о применении согдийскими мастерами техники тиснения связан вопрос о матрицах. Этот вид производства в Европе эпохи переселения народов изучен Й. Вернером [11]. Согдийские мастера также были хорошо знакомы с техникой тиснения. Найдены бронзовые матрицы, на которых производилось тиснение тонкого листа металла. В Пенджикенте, в слое VII в., найдена бронзовая матрица для тиснения поясных наконечников. Она удлиненной формы, с килевидным концом и слегка вогнутыми боковыми сторонами. Верхняя сторона покрыта рельефным растительным орнаментом. Матрица массивна и не имеет приспособлений для крепления. Эта матрица по своим пропорциям и очертаниям, с вогнутыми сторонами и приостренным концом, а также сложным рельефным орнаментом напоминает аварские поясные наконечники.

В фондах Самаркандского музея хранится массивная, орнаментированная схематически изображенным цветком матрица для тиснения из тонких листов металла поясных наконечников. Эта матрица напоминает центральноазиатские наконечники, изготовленные из тонкого листа золота на медной подкладке [5, рис. 34].

В Пенджикенте кроме уже упоминавшейся матрицы для тиснения поясных наконечников найдена матрица для тиснения бляшек. Она подквадратной формы, с вогнутыми сторонами и квадратным углублением на верхней стороне.

Отметим также еще одну бронзовую матрицу. Она найдена в завале помещения 111 объекта III. Матрица массивная, округлой формы, с рельефным изображением морды льва. По краю идет бордюр из перлов, прерывающийся в верхней части.

Помещение, в котором была найдена эта матрица, представляет собой изолированное от жилого массива и открытое на улицу небольшое помещение торгово-ремесленного назначения. Помещение относится, вероятно, к середине VIII в., так как в первой четверти VIII в. помещения этого района имели другой план.

В связи с пенджикентскими находками следует упомянуть, что на городище Сиркап в Таксиле в мастерской раннего кушанского периода был найден целый набор медных матриц для тиснения [14, т. 1, с. 195; т. 2, с. 582; т. 3, табл. 179, 37—102].

В. А. Булатова отмечает находку «трех медных обтяжек для медальонов или пуговиц с выбитым профилем» при раскопках жилого комплекса VII—VIII вв. в Куве [2, с. 24].

В Пенджикенте кроме матриц найдены вещи из цветных металлов, изготовленные техникой тиснения. Таким же образом изготовлены тонкие золотые обкладки. Такова округлой формы с тиснением в виде розетки золотая бляшка, найденная на полу помещения

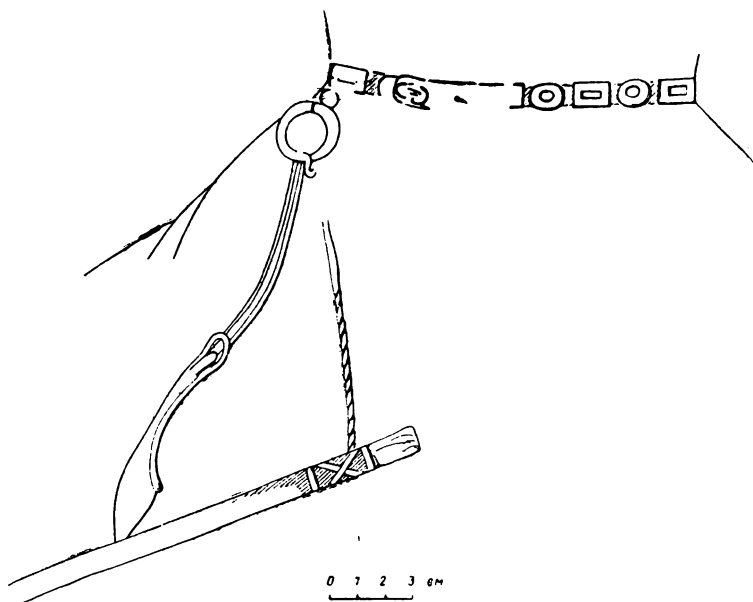

Рис. 1. Прорисовка пояса из росписи южной стены помещения 1 объекта XXIV городища древнего Пенджикента

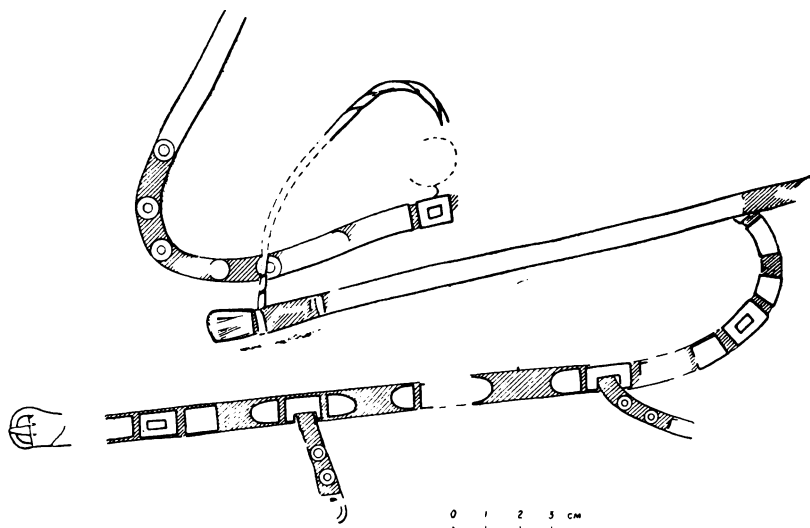

Рис. 2. Прорисовка снятого пояса из росписи южной стены помещения 1 объекта XXIV городища древнего Пенджикента

1 объекта XXII. Толщина золотого листа — 0,06—0,1 мм. Диаметр — 1,5 см, вес — 0,81 г.

Таковы четыре золотых брактеата, найденные в Пенджикенте.

Из тонкой медной (?) пластины оттиснута бляшка диаметром 2 см, орнаментированная кружками по краю и гротескным изображением лица в профиль. Бляшка найдена на полу помещения, датированного монетами серединой VIII в.

Таким образом, приведенные материалы показывают, что согдийские мастера VII—VIII вв. хорошо были знакомы с техникой тиснения металлов. Части наборных согдийских поясов изготавливались из различных металлов — бронзы, серебра и, конечно, золота. В то же время нам известны части наборных поясов из бронзы, покрытых серебряной фольгой, а также бляшки из золотой фольги, изготовленные техникой тиснения.

«Золотые пояса», как видно из приведенных выше сведений письменных источников, были признаком сословной принадлежности среднеазиатской знати. Отношение к поясу как к знаку отличия вообще характерно для эпохи раннего средневековья. Как показывают рунические эпитафии, материал, число и форма поясных украшений служили знаком отличия.

Д. Ласло на основе анализа погребений аварских могильников установил, что рангу воина соответствовал определенный металл — золото, серебро с золочением, бронза с серебрением, бронза, а также форма и число поясных украшений.

С. А. Плетнева по материалам Дмитровского могильника салтовояцкой культуры пришла к выводу, что пояс отражает место его владельца в воинской среде [8, с. 162—166].

Такое же положение было и в Согде. Здесь мы также видим употребление различных металлов для изготовления деталей наборных поясов, что должно было соответствовать рангу их владельцев. У какой-то части согдийских дехкан, несомненно, были «золотые пояса», украшенные вставками из драгоценных камней. Но те «тысячи человек, на которых были золотые пояса», скорее всего носили «золотые пояса», бляшки которых были лишь покрыты тисненой золотой фольгой. В этой связи надо отметить, что детали наборного золотого пояса из перещепинского погребения также изготовлены на медной основе. Украшение бронзовых частей пояса золотой фольгой засвидетельствовано в аварских и кыргызских древностях [13; 4, с. 34—36].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
2. Булатова В. А. Археологические работы в рабаде Кувы VII—VIII вв. — Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к соещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г.). Л., 1970.
3. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.

4. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
5. Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены. — «Труды Государственного Исторического музея». Вып. 11. М., 1940.
6. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Таш., 1897.
7. Наршахи. История. Персидский текст (по литографии, напечатанной в 1904 г. в Новой Бухаре).
8. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — МИА. № 142. М., 1967.
9. Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. 1. Под ред. Е. Э. Бертельса. М., 1960.
10. At-Tabari. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Ser. II, 1884—1889.
11. Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung. — «Antikvariskt arkiv». 38. Early Medieval Studies 1. Stockholm, 1970.
12. Kurat A. N. Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Semerkand'i Zabtı. . . — «Ankara Üniversitesi dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi». С. 6. № 4, 1948.
13. László G. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars. — «Archaeologia Hungarica». Т. 34. Budapest, 1955.
14. Marshall J. Taxila. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.
15. The Shah Nameh. An heroic Poem. . . By Abool Kasim Firdousee. Carefully collated. . . by Turner Macan. Vol. 1—4. Calcutta, 1829.

А. П. Терентьев-Катанский

ДВЕ ГРАВЮРЫ ИЗ ТАНГУТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЛО ИВАН (к вопросу о тангутском костюме)

До недавнего времени все, что мы знали об одежде тангутов, ограничивалось далеко не полным и не всегда достоверным материалом из китайских источников.

Судя по сведениям, содержащимся в них, в интересующем нас вопросе существовало две тенденции. В «Сунши» есть сообщение о том, что тангутский император Тоба Юань-хао (годы правления 1031—1041), еще будучи наследником, говорил, что тангутам более пристала одежда из шерсти и шкур, чем из шелка [6]. Эти слова свидетельствуют о борьбе сторонников национального костюма с роскошью, начавшей проникать в царство тангутов извне, из более культурных соседних стран, главным образом из Китая [6]. Став императором, Юань-хао поспешил ввести для чиновничества форму, по-видимому близкую к национальному костюму (подробнее об этом пойдет речь ниже).

В одном из храмов Западного Китая (Юйлиньку, близ Дунь-хуана) сохранилась фреска, изображающая знатных тангутов (по-видимому, чиновников) в сопровождении слуг [5]. До недавнего времени эта фреска была единственным известным науке изображением тангутов.

В настоящее время, когда иконографический материал, добытый экспедицией П. К. Козлова, сделался объектом исследования специалистов, можно судить о тангутской одежде, опираясь на сведения, исходящие от самих тангутов.

Цель данной статьи — обратить внимание лиц, изучающих культуру Центральной Азии, на две гравюры из Хара-хото, могущие пополнить и уточнить наше представление о тангутском костюме. Обе гравюры иллюстрируют, по-видимому, какой-то апокриф, не дошедший до нашего времени¹.

Композиция их одна и та же. Изображен двор помещения дворцового типа, вымощенный узорными плитами. На заднем плане — возвышение, к которому ведут пять ступеней. Возвышение огорожено

¹ Текст, сопровождающий гравюру под шифром 3861, не имеет отношения к ее содержанию. Гравюра под шифром 8349 найдена отдельно, без сопровождающего текста.

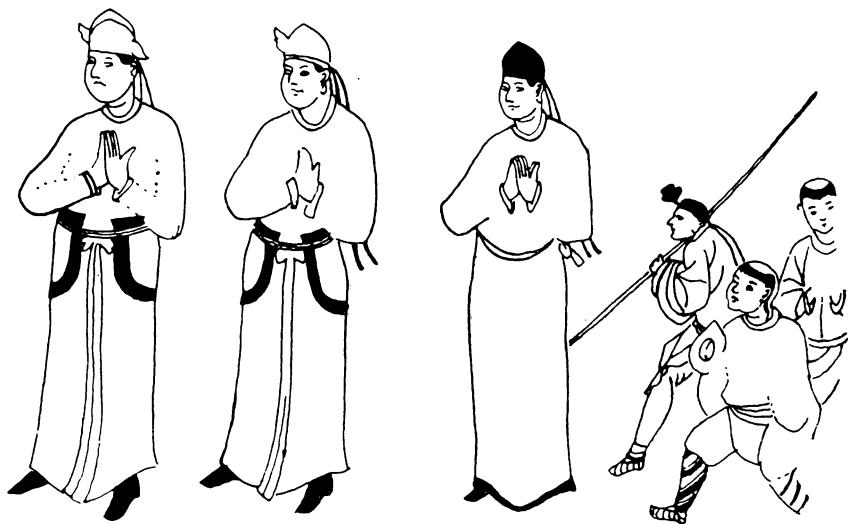

Рис. 1. Фреска из Юйлиньку (прорисовка с фотографии)

перилами. Столбики, завершающие их, украшены сверху стилизованным цветком лотоса. Над возвышением — навес с фризом китайского типа.

Посреди двора — большая змея, свернувшаяся кольцом ². Рядом со змеей — надпись в картуше: «Госпожа Ши [в] теле змеи проявилась». На возвышении под навесом слева — император на троне, справа — буддийский монах с жезлом, простерший вперед правую руку. За троним императора и во дворе, вокруг змеи, — придворные (на гравюре под шифром 3861 — 11 человек, под шифром 8349 — 18 человек).

Источники сохранили мало данных о том, как выглядело одеяние тангутского императора. Есть сведение, что Юань-хао, упоминавшийся выше, носил узкий белый халат и войлочную шляпу [6]. Позднее императоры ввели при дворе пышный церемониал по образу китайского, требующий соответствующих одеяний. На немногочисленных изображениях донаторов императорское одеяние представляет собой халат с широкими рукавами и высокую шапку китайского типа [3]. Одежду императора можно видеть также на иконах солнечного божества, с которым у тангутов были связаны понятия об активном начале, отце и государе. Именно в такой китайской одежде мы видим императора на гравюре 8349. Халат с широкими рукавами, шапка с рубчатым верхом и шнуром — все это чрезвычайно напоминает одеяние духа солнца. На гравюре император имеет китайского типа усы, остроконечную бородку и бакенбарды.

² На гравюре 8349 голова змеи отсутствует (рисунок испорчен лакуной).

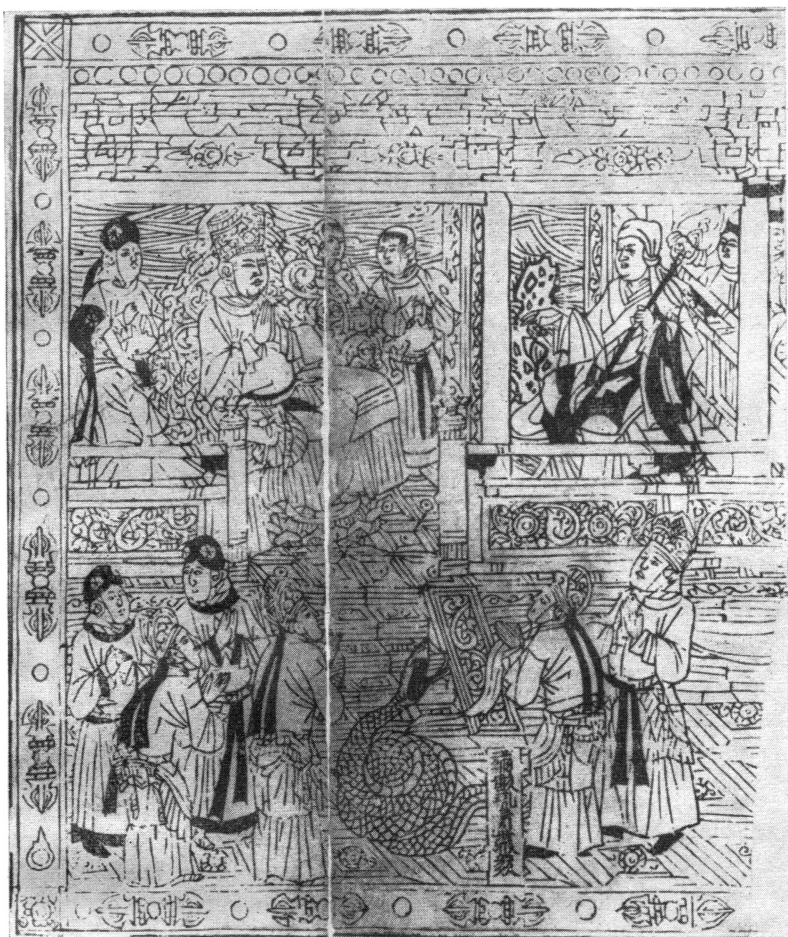

Рис. 2. Гравюра № 3861

Трон его представляет собой кресло с невысокой спинкой, украшенной головами драконов.

Совсем иным предстает перед нами император на гравюре 3861. Он одет в халат с узкими рукавами. На голове его — высокая цилиндрическая шапка с узорами, не имеющая аналогии среди китайских головных уборов. На императоре — набедренник, на китайских рисунках являющийся принадлежностью военного костюма. Трон его, с пышной и высокой спинкой, напоминает трон Будды на рисунках религиозного содержания. Ноги императора опираются на подставку в форме цветка лотоса.

Одежда придворных на интересующих нас гравюрах также двух типов. Чиновники на гравюре 8349 одеты в китайские халаты с ши-

Рис. 3. Гравюра № 8349

рокими рукавами. У чиновников, стоящих за тронем императора, — обычные китайские шапки с лопастями. В группе, находящейся слева от изображения змеи, — четыре человека в таком же наряде и двое в своеобразных шапках, похожих на китайские, и в халатах с гофрированной оборкой. Та же одежда на людях, составляющих группу справа от змеи: двое — в высоких шапках, похожих на китайские, и четверо — в обычных китайских чиновничьих халатах и шапках.

Прежде чем приступить к описанию одежды чиновников на гравюре 3861, следует вспомнить распоряжение Юань-хао относительно формы должностных лиц [1]. Гражданским чиновникам предписывалось носить головную повязку, узкий халат коричневого или темно-красного цвета и высокие сапоги. Военные носили красные с узорами халаты, серебряные с позолотой пояса и шлемы. По-

следние, в зависимости от ранга, были золотыми, серебряными с золотыми украшениями (см. ниже) и черными, из лакированной кожи.

На фреске из Юйлиньку изображены три человека, по-видимому чиновники. Все трое одеты в узкие темно-красные халаты. Двое первых имеют набедренники, что, по-видимому, указывает на принадлежность их к военным чиновникам, головные уборы типа шлемов и пояса со свешивающимися концами. Третий, без набедренника, в узком халате с темной каймой снизу и черном головном уборе — шапке или повязке. У всех троих с шапок свешиваются сзади по две длинные темные ленты.

Достаточно сравнить персонажи и фрески из Юйлиньку с придворными на гравюре 3861, чтобы обнаружить несомненное сходство. Стоящие за троном императора чиновники одеты в халаты с узкими рукавами и темные головные уборы с лентами. Единственная деталь, отличающая эти головные уборы от аналогичной шапки (или повязки) на фреске из Юйлиньку, — розетки, украшающие их по бокам.

В группе слева от змеи два чиновника носят такие же головные уборы с розетками. Их халаты украшены черной каймой вокруг воротника, на рукавах и снизу.

Двое других имеют поверх халата набедренники. Их головные уборы представляют собой шапки или шлемы, покрытые сложным узором. Похожие узоры украшают шапки двух первых чиновников на фреске из Юйлиньку. Здесь уместно вспомнить, что шлемы старших военных чиновников были украшены золотыми «облаками» [1]. Если считать, что персонажи, носящие эти головные уборы на гравюре 3861 и фреске из Юйлиньку, — военные (судя по набедренникам), то перед нами — изображения шлемов, указанных в источнике.

Все чиновники на гравюре 3861 и на фреске из Юйлиньку обуты в черные узконосые сапоги.

Кроме придворных на обеих гравюрах около трона помещены изображения слуг. На гравюре 8349 это женщины, держащие в руках опахала в форме птичьего крыла. Одежда и прически их китайские. На гравюре 3861 рядом с императором также находятся два человека, полуприкрытые пышной спинкой трона. Это мужчины в халатах с узкими рукавами. На их головах — прическа *туфа*. Эту своеобразную прическу ввел Юань-хао, приказавший своим подданным брить голову, оставляя валик надо лбом и две длинные пряди на висках.

Такую же прическу носят слуги, сопровождающие чиновников на фреске из Юйлиньку.

Интересно то обстоятельство, что чиновники на гравюре 3861 и фреске из Юйлиньку не имеют *туфа*. В тангутском фонде ЛО ИВАН *туфа* встречается на гравюре 8100, также у слуг и крестьян. У донаторов на иконах, хранящихся в Эрмитаже, *туфа* встречается только два раза (один раз у слуг). Вообще, вопрос о *туфа* пока остается спорным [4]. Может быть, преемники Юань-хао оставили *туфа* только простому народу, в то время как знатные носили другую прическу. Примером подобного разделения может служить Куча, где подданные стригли волосы на макушке, а правитель волос не стриг [2].

За спиной монаха на гравюре 3861 видна фигура в халате и непонятном головном уборе (последний скрыт навершием посоха монаха). На гравюре 8349 это же место занимают четыре персонажа в шапках, похожих на китайские шапки с рубчатым верхом, и в доспехах. Они держат штандарты с изображением стилизованной жемчужины, имеющей основанием голову дракона.

Изображение монаха на обеих гравюрах почти одинаково. Он одет в «лоскутную» рясу. На голове у него — повязка. В левой руке — посох со сложным навершием, обычная принадлежность буддийского монаха.

Анализ бумаги интересующих нас гравюр не дает возможности точно датировать их.

Таким образом, гравюра 3861 является единственным памятником (не считая фрески в Юйлиньку), донесшим до нас изображение национальных тангутских костюмов, не затронутых влиянием извне.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Б и ч у р и н Н. Я. [И а к и н ф]. История Тибета и Хухунора. Ч. 2. СПб., 1833, с. 24.
2. Б и ч у р и н Н. Я. [И а к и н ф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 296.
3. Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР, № 2735.
4. T e r e n t y e v - K a t a n s k y A. P. The Appearance, Clothes and Utensils of the Tanguts. — The Countries and Peoples of the East (selected articles). М., 1974, с. 219—220.
5. С е Ч ж и - л ю. Дуньхуан суй лу. Шанхай, 1957, табл. 42 (на кит. яз.).
6. Сунши. Шанхай, 1936, цз. 485, с. 13а (на кит. яз.).

С. Г. Агаджанов

**БРАЧНЫЕ И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ
ОГУЗОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА В IX—XIII вв.**

Настоящая статья по своей тематике дополняет и развивает в несколько иных аспектах ранее опубликованную нами работу [2]. В предлагаемой статье освещаются некоторые черты быта и культуры огузских племен, оставивших заметный след в этнической истории целого ряда тюркоязычных народов Средней и Передней Азии. Главным образом рассматриваются брачные и свадебные обряды и связанные с ними ритуалы. Исследуемые вопросы представляют несомненный интерес для историко-этнографического изучения азербайджанцев, туркмен, казахов, узбеков, каракалпаков и других тюркоязычных народов — этнических преемников огузских племен в Западной Азии и Восточной Европе.

Настоящая статья написана в основном по письменным источникам: рукописным и опубликованным в отечественной и зарубежной печати. Использование привлеченного к исследованию комплекса фактов представило немалую трудность, поскольку он относится к различным группам огузов, расселившихся в XI в. после распада государства сырдарьинских ябгу и в ходе сельджукских завоеваний от Сырдарьи до Нила, от Каспия до Средиземного моря. Огузские племена смешивались здесь с коренным населением, принимали некоторые местные обычаи, сами оказывали влияние на отдельные стороны культурной жизни. Поэтому освещение рассматриваемого круга вопросов немыслимо без критического отбора фактов, их тщательного анализа и исторического синтеза. В соответствии с этим привлекаемые нами данные сопоставлялись между собой, причем за основу брались материалы, относящиеся непосредственно к среднеазиатско-казахстанским огузам.

Материальная и духовная культура огузских племен Средней Азии и Казахстана была тесно связана с особенностями их хозяйственной жизни и общественного строя. В своих основных чертах она была порождением кочевого быта и интенсивно развивавшихся патриархально-феодальных отношений. Доминирование экстенсивного скотоводства, разложение старых родо-племенных отношений и развитие классового общества наложили свой отпечаток на их повседневную жизнь. Это нашло свое отражение в типах их жилища

в пище, одежде, а также в религиозных верованиях и различных обрядах.

Среди многочисленных огузских обрядов прежде всего привлекают внимание брачные и связанные с ними свадебные церемониалы. Данные средневековых источников позволяют говорить о существовании у огузов различных форм семейно-брачных отношений, в основе которых лежал моногамный брак. В исторически отдаленные времена, память о которых сохранилась лишь в легендах и преданиях, у них, по-видимому, существовала эндогамия. Огузские исторические сказания сохранили воспоминание о женитьбе на близких родственниках с отцовской стороны. В них сообщается, например, о женитьбе легендарного Огуз-хана на своей двоюродной сестре¹, которая была дочерью младшего брата его отца Кара-хана [33, с. 81—82; 21, с. 41; 30, с. 7, 8]. По мнению некоторых исследователей, с течением времени этот атрибут родовой эндогамии утратил среди огузов свое прежнее значение и стал постепенно исчезать [52, с. 105].

В рассматриваемый период в основе семейно-брачных отношений у огузов лежала экзогамия — запрет браков внутри родственных групп. Жен огузы выбирали из других *илей*, и в девичьих песнях выход замуж оплакивался как переход в «чужой иль» [64, с. 109]. С другой стороны, обычным эпитетом для обозначения невесты у малоазиатских огузов служило *йад кызы* 'дочь чужака' [64, с. 105]. Герои огузского эпоса, например Дели Домрул, женятся на девушках из других племен [20, с. 62]. Жених и невеста, как правило, не знали друг друга до свадьбы, но обрученные старались найти всяческие поводы для тайного свидания [20, с. 32—40].

Среди огузских племен сравнительно долгое время сохранялось и умыкание девушек, что также было связано с господством экзогамного брака. В эпических сказаниях и преданиях огузов упоминается о похищении юношами девиц с помощью дружины из сорока джигитов. Умыкание происходило обычно с согласия девушки с помощью так называемого *йоргычи*. Пережитки этого древнего обычая бытовали у многих тюркоязычных народов, в частности у туркмен, азербайджанцев и турок [64, с. 109—111].

В отдаленном прошлом огузы Средней Азии и Казахстана, видимо, редко вступали в браки с женщинами из других народов². Однако с момента их появления на исторической арене в источниках часто упоминается о женитьбе огузов на чужеземках. Смешанные браки получали среди них наибольшее распространение в период сельджукских завоеваний XI—XII вв. Огузские юноши и мужчины стали брать жен не только из мусульманских, но и из христианских народов. В Закавказье и Малой Азии, например, они вступали в браки с грузинками, армянками, гречанками [20, с. 143, 191 и др.].

¹ Такие архаичные формы брачных отношений существовали и у других соседних с огузами средневековых тюркоязычных народов. В частности, турки-чигили нередко женились на своих сестрах [61, с. 19]; аналогичный вид брака отмечается у тюрков-халаджей [65, с. 441; 4, л. 510а—511б].

² Историк Мирхонд утверждает, что они в старину вообще не женились на женщинах из других народов [10, с. 5].

Семейные отношения у огузов первоначально основывались на принципах единобрачия. Даже после массового обращения в ислам у них сравнительно долго не было многоженства. В. В. Бартольд первым обратил внимание на тот факт, что исповедовавшие мусульманскую религию герои огузского эпоса имеют лишь одну жену [20, с. 115]. Даже если женщина была бездетна, ее мужу не приходило в голову взять вторую жену ³.

Это мнение В. В. Бартольда подтверждается рядом источников сельджукского периода. Первые Сельджукиды, как видно из средневековых источников, имели одну жену, а султан Тогрул-бек женился повторно лишь после смерти Хатун, своей законной супруги, в 1061 г. [50, с. 20, 21; 15, с. 57 и сл.; 45, с. 315 и сл.]. Однако с течением времени, по мере укрепления ислама многоженство постепенно стало у огузов более распространенным явлением. Несмотря на это, сфера его действия ограничивалась главным образом богатой и зажиточной средой, так как женитьба была связана с уплатой калыма. Больше всего многоженство получило распространение среди аристократической верхушки, особенно среди представителей различных огузских династий: они кроме «законных» четырех жен имели еще и гаремы с наложницами и рабынями. Периодические набеги и войны огузов с соседними народами сопровождалась захватами в плен женщин и девушек, значительная часть которых продавалась в гаремы. Другая часть пленниц становилась домашней прислугой, обращалась в наложниц и жен-рабынь.

Одной из архаических форм брака у огузов был левират, существовавший еще в доисламскую пору. Ибн Фадлан, посетивший в X в. огузские кочевья в Западном Казахстане, писал: «Если (у огузов) умирает человек, имеющий жену и детей, то старший из его детей женится на его жене, если она не была его матерью» [32, с. 61]. Пережитки левирата сохранились у огузских племен и после их обращения в мусульманскую веру ⁴. Известно, например, что в XI в. Сельджукид Тогрул-бек женился на вдове своего покойного брата Чагры-бека [50, с. 26].

Женитьбе предшествовал выбор невесты, после чего начиналось сватовство. Выбор невесты производился в основном ближайшими родичами жениха, поскольку его возраст, как правило, не превышал 15 лет [19, с. 87]. Кроме того, у огузов, как и у других народов, имел место сговор грудных и малолетних детей ⁵ по соглашению между их родителями [9, с. 32]. Очевидно, в более ранний период жених сам выбирал себе невесту, но точными данными мы не располагаем. Имеются лишь косвенные сведения, говорящие о том, что у средневековых тюрок практиковался своеобразный обычай, свя-

³ Разумеется, за исключением тех случаев, когда женились вторично по обычаю левирата.

⁴ Левират существовал и у других средневековых тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии (см. [51, т. 2, с. 49]).

⁵ Подобный обычай существовал до недавнего времени у многих народов, в том числе у туркмен. Малолетним обрученным девочкам туркмены-сарыки повязывали на голову специальную повязку в знак их помолвки [21].

занный с выбором невесты. Ибн ал-Факих и другие авторы отмечают, что если кто-либо из тюрок хочет жениться, то он «высматривает ту, которую желает, и набрасывает ей на голову покрывало»⁶. После этого она считалась его женой, а ее отец и брат не могли воспрепятствовать их браку [16, л. 169б]. Такой обычай мог некогда существовать и у огузов, но в дальнейшем он, вероятно, постепенно утратил свое значение и исчез.

Вступление в брак у огузов, как правило, начиналось с визита сватов в дом будущей невесты. В качестве сватов выступали наиболее уважаемые люди, а сами сваты по-огузски назывались *йорыгчи* и *савчи*⁷. Обычно ими были люди старшего поколения, пользовавшиеся большим авторитетом [20, с. 36, 37]. В этой роли выступали и свахи (*йенге*) — обычно жены братьев или дядей жениха⁸. *Йенге* у огузов, как и у других средневековых тюрок, играла большую роль и в свадебной церемонии.

Одно из самых ранних описаний сватовства у огузов Средней Азии и Казахстана содержится в «Записке» Ибн Фадлана. «Правила женитьбы у них (огузов), — пишет он, — такие: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, дочь его или сестру его или кого-либо из тех, кем он владеет, он одаряет его на столько-то и столько-то хорезмийских одежд. И когда он заплатит это, то и везет ее к себе. А иногда выкупом бывают верблюды или лошади или иное подобное. И ни один не может соединиться со своей женой, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее (женщины) владетель» [32, с. 61].

Приведенное свидетельство явственно указывает на наличие выкупа за невесту, существовавшего у огузов еще до принятия

⁶ Пережитки такого обычая сохранялись, например, в начале XX в. у кумыков: «Во время свадьбы из сомкнутых рядов людей выходил один с платком в руке, стремительно бросал платок в одну из девиц, избранную им и стоящую против него в таком же сомкнутом ряду своих подруг, говорил нараспев, та отвечала и носилась с ним в изящном танце по кругу» [22, с. 141].

⁷ В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) отмечается, что *йорыгчи* по-огузски означает «сват» [25, т. 2, с. 43], а *савчи* — это человек, развозящий письма (записки) в качестве посредника между сватами (стороной жениха и родней невесты) [25, т. 3, с. 441]. А. Инан сопоставляет огузский термин «йорыгчи» с турецким (анатолийским) термином «göçücü», которым обозначается человек, способствующий умыканию девушки. При этом он неверно читает *йорыгчи* словаря Махмуда Кашгарского как *йорыгчи*, что в языке некоторых современных тюркоязычных народов означает «совершающий набег, разбойное нападение» [64, с. 111]. Этимология огузского слова «йорыгчи» для нас остается неясной, но не исключена возможность, что генетически оно связано с древнетюркским *йорыг* — «искусный», *йорыг тил* — «искусный язык» (в словаре Махмуда Кашгарского, см. [25, т. 3, с. 15]).

⁸ В семантике термина «йенге» прослеживаются следующие основные моменты: в качестве термина родства по браку он обозначает «старшая невестка», «сноха», «жена старшего брата или дяди»; кроме своего главного значения — «старшая невестка» — словом «йенге» обозначалась женщина, сопровождавшая новобрачную в дом ее будущего мужа. В некоторых современных тюркских языках *йенге* — это провожатая невесты (родственница жениха, старая женщина или же подружка невесты), остающаяся при новобрачных после свадебной церемонии [31, с. 65, 66].

мусульманской религии. В качестве такого «калыма»⁹ служили одежды, предназначавшиеся, вероятно, для будущей жены и ее родичей, а также скот, главным образом верблюды и лошади. Размер выкупа за невесту, судя по всему, определялся во время сватовства, и жених не имел права увести новобрачную в свой дом без уплаты калыма в полном размере. В исторической литературе существует мнение о том, что калым возник у огузов вследствие умыкания девушек, на почве экзогамного брака [64, с. 112]. Однако обычай платы за невесту имеет более сложные и глубокие корни и, по-видимому, как и у большинства народов, исторически связан с переходом от матрилокального к патрилокальному поселению [17, с. 170].

Плата за невесту была под силу не каждому, главным образом состоятельным женихам и их ближайшим родичам. Поэтому неимущие и бедняки подчас договаривались о взаимной выдаче сестер без уплаты калыма. Такая встречная, или перекрестная форма брака существовала у многих тюркоязычных народов средневековья, о чем имеются сведения уже в источниках XI в. [25; 41]. Судя по некоторым историко-этнографическим данным, в бедных семьях, среди безродных и сирот (*оксыз*) существовал порядок отработки женихом платы за невесту. Мужчина, не имевший средств для уплаты калыма, нанимался на работу в хозяйство родителей невесты на определенный срок¹⁰. По истечении срока хозяева должны были выдать за него дочь либо уплатить стоимость выкупа за другую невесту [64, с. 139—143].

Рассматриваемый брачный институт существовал и в более позднее время у тюрко-монгольских народов Центральной и Средней Азии. В XII в. у монголов по этому обычаю Темучин был отправлен «в зятя» в дом своей невесты. Существование такого же института отмечается и в начале XIII в. — у тюркоязычных племен Средней Азии. В этом отношении большой интерес представляет рассказ Джувейни о женитбе Османа, правителя Самарканда, на дочери хорезмшаха Мухаммада II. Когда после свадебного пира он захотел вернуться обратно, то мать невесты Туркан-хатун воспрепятствовала этому. Ссылаясь на старый тюркский обычай¹¹, она

⁹ Термин условен, так как мы не знаем эквивалента, которым обозначался у огузов выкуп за невесту в X в.

¹⁰ Этот срок колебался от одного года до нескольких лет, а у некоторых племен — до рождения первого ребенка [64]. В этом отношении определенный интерес представляют содержащиеся в китайских хрониках сообщения о ранне-средневековых народах Центральной Азии. В них говорится, например, о том, что у племен тйеле «муж прибывает служить в семью жены, управляет имуществом, кормит мужчин, затем возвращается» [23, с. 39]. Аналогичный обычай существовал и у другого племени — ухуаней, у которых «муж делается слугой в женином доме на два года; после этого женин дом щедро снаряжает дочь на [новое] место жительства» [23, с. 134].

¹¹ «تُرکان خاتون برسم تُرکان که بر سبیل اعزاز واکرام تا مدت یک سال تمام داماد رادا خانۀ او نکذارند بمراجعت سلطان عثمان رضا ندا»

заявила, что зять должен оставаться в доме родителей своей жены в течение одного года [64, с. 142].

В классовом патриархально-феодальном обществе средневековых кочевых народов Центральной и Средней Азии этот институт семейно-брачных отношений стал одним из средств эксплуатации бедняков. Юноши и мужчины, не имевшие возможности уплатить калым, должны были отрабатывать его стоимость в хозяйстве семьи невесты. Обычно они становились пастухами и занимались пастьбой скота и уходом за ним ¹².

Порядок уплаты калыма, не противоречивший нормам ислама, сохранился у огузов и после их обращения в мусульманскую веру. Произошли лишь некоторые изменения в обряде заключения «покупного» брака. Уговор родственников жениха и невесты о размере калыма стал оформляться теперь по законам мусульманского права ¹³.

Этот обряд совершался в доме жениха доверенными и опытными лицами, скреплявшими брачный договор своими подписями или печатями. Оформление брака происходило в присутствии жениха и обязательном участии факиха — мусульманского законоведа. Главными пунктами брачного контракта были размер выкупа за невесту и махра (предназначавшегося жене в случае развода или смерти мужа). После составления брачного договора жених раздавал подарки невесте и ее родственникам [10, с. 88, 89].

Калым уплачивался в основном звонкой монетой, но в него входили еще одежды, ткани, головные уборы, платки, а также скот, рабы и слуги. В XI в. денежная часть калыма за знатную невесту (принцессу) колебалась от 100 000 до 400 000 динаров и нескольких сот тысяч дирхемов. Жених, как и в старые времена, не имел права увести невесту до полной выплаты калыма [10, с. 89].

После завершения переговоров и уплаты выкупа устраивался *той* — свадебное торжество. Существовал древний обычай, согласно которому в этот день жених пускал стрелу, там, где она падала, ставили *гирдек* — юрту или шатер для новобрачных ¹⁴. Накануне *тойа* жених и его друзья угощались и веселились в *гирдеке*. Сначала у огузов, видимо, справлялась «малая», а затем уже «большая» свадьба в доме жениха [20, с. 40].

Забирать невесту отправлялся свадебный поезд, в котором наряду с другими ехала *йенге*. Невесту увозили в специальном паланкине, установленном на спине верблюда и называвшемся по-огузски

¹² В древнетюркских и староуйгурских текстах в значении «зять» употребляется термин «küädägi» [11, с. 324; 44, с. 317]. Этимология термина не ясна, но существует предположение, что в его основе лежит глагол «küä» — «беречь, стеречь, присматривать, пасти скот» [25, т. 2, с. 324; 44, с. 139].

¹³ Разумеется, браки у огузов могли совершаться и по неписанным правилам обычного права (*төре*).

¹⁴ В словаре Абу Хайяна такая юрта называется *кырдак*, а в других источниках — *кертäk*, причем отмечается, что это покрытый войлоками шатер для новобрачных [39, с. 49; 14, с. 22].

өгюрмәк¹⁵. На обратном пути свадебный поезд жениха соплеменники невесты забрасывали камнями [42].

Скудость исторических данных не позволяет воссоздать в деталях весь свадебный ритуал, связанный с прибытием невесты в дом жениха. Однако в средневековых источниках содержатся некоторые сведения, относящиеся к упомянутой выше женитьбе Тогрул-бека на дочери халифа Каима. Эти данные в определенной мере могут быть использованы для реконструкции старых огузских свадебных обрядов.

Абу-л-Фарадж Григориус и Имад ад-Дин Исфакхани рассказывают, что после заключения в 1063 г. брачного контракта дочь халифа была доставлена в г. Рей — резиденцию Сельджукида Тогрул-бека. Невесту поместили в одной из худжр, прилегавших к восточной части султанского дворца. Затем ее ввели ночью в специальную комнату для новобрачных, где стояли напротив друг друга два украшенных золотом и серебром трона. Невесту посадили на золотой трон, вошел жених, поцеловал землю, почтил невесту и сел на трон, украшенный серебром. Султан Тогрул-бек после этого послал жене халифа Арслан-хатун (она была дочерью Чагры-бека) драгоценные ожерелья, царские чаши из чистого золота, вышитое золотом *фарадж* (женское покрывало для лица), края которого были украшены жемчугом. Целую неделю султан раздавал всем подарки, в том числе сватам [50, с. 25].

Интересные детали о встрече новобрачных (Тогрула и дочери Каима) сообщает историк Абу-л-Фарадж. «Рассказывают, — пишет он, — что, когда дочь [халифа] прибыла в дом [Тогрул-бека], султан и знатные турки поднялись [со своих мест] и, согласно своему обычаю, [стали] танцевать; они становились на колени и вставали, при этом пели тюркские песни. Для невесты был приготовлен золотой трон. Султан вошел, поклонился невесте до земли, почтил ее и, не остановившись, вышел. Султан делал так в течение семи дней, пока она не обнажила своего лица, чтобы он увидел ее» [45, с. 315].

Среди тюркоязычных племен средневековой Центральной и Западной Азии довольно широко бытовала ритуальная борьба между женихом и невестой. Следы этого обычая выявляются и по огузским эпическим сказаниям, в которых молодой джигит и его нареченная состязаются в конных скачках, стрельбе из лука, борьбе [20, с. 35—37]. Победив девушку, юноша трижды целует ее в уста и надевает на палец кольцо¹⁶. В огузском эпосе такие состязания описываются

¹⁵ В современном туркменском языке такой паланкин называется *кеджебе*, что созвучно с термином «кажаве», употреблявшимся среди газневидских тюрков XI в. *Кажаве* того времени представляло собой «два крытых сиденья, расположенных по бокам верблюда, мула и иного вьючного животного» [1, с. 959].

¹⁶ Разумеется, не все эти детали можно отнести к рассматриваемому периоду, так как эпос *Деде Коркут* отражает и многие более поздние реалии. Кроме того, в описываемых в эпосе брачных обрядах, несомненно, отразились и инновации, происшедшие в быту и культуре огузских племен в Закавказье и Передней Азии. Несмотря на это, в *Деде Коркут* описывается существовавшая некогда реально и имевшая весьма древнее происхождение ритуальная борьба между женихом и невестой.

при первой встрече обрученных, еще не сыгравших свадьбу. По другим сведениям, борьба между женихом и невестой происходила в доме мужа в первую брачную ночь. Жених в этом состязании, как правило, торжествовал победу.

Однако случалось и так, что верх одерживала невеста, а это считалось уже позором¹⁷. Известно, например, что одна из караханидских принцесс дала подножку и свалила в первую брачную ночь своего жениха — газневидского султана Масуда (1030—1041). Махмуд Кашгарский утверждает, что с тех пор появилась тюркская поговорка: *кыз бирле кйрйшмй, кисрак билй йарышма*¹⁸.

Большое значение в свадебной церемонии огузов придавалось *йенге*, в роли которой обычно выступала жена брата жениха. *Йенге*, видимо, в *гирдеке* соединяла руки молодых в знак вечности их супружеской жизни [62, с. 229]. Она же оставалась при женихе и невесте в первую брачную ночь, но эту роль могла выполнять и рабыня или служанка (*эгатли карбаши*).

Свадьба отмечалась торжественно, причем на нее нередко съезжались не только близкие, но и дальние огузские роды. В таких случаях, очевидно, посылали специальное приглашение, что по-огузски называлось *чакрыш* [25; 41]. Гости рассаживались в юртах, украшенных кошами, паласами, коврами, различными подстилками. В богатых домах расстилались дорогие *кали* с цветными узорами, стилизованными изображениями животных и птиц¹⁹. Расстилались скатерти, подавались кушанья и напитки из кобыльего, верблюжьего, коровьего и овечьего молока (*кумыс, айран, кымран*)²⁰. В знатных домах угощали изысканными блюдами из дичи, например зажаренными на вертеле кекликами, подавали жаркое с перцем, луком, чесноком, рисовый плов (*тане*) и особое блюдо (*зерде*) из риса с приправой из шафрана [60, с. 29—32].

На свадьбах, пирах и других торжествах огузы рассаживали гостей строго в соответствии с их социальным происхождением и имущественным положением²¹. Согласно их обычному праву, в центре садился член ханского уруга, по правую сторону от него — представители «старших», а по левую — «младших» племен. Каждый из них

¹⁷ Такое ритуальное состязание имеет очень давние истоки у народов Средней Азии и Казахстана. Борьба между женихом и невестой имела место еще у древних саков. «Кто из саков хочет жениться на девушке, — писал Климент Александрийский, — должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе останется за девушкой, борец остается ее пленником и поступает в ее полное распоряжение. Только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть» [7, с. 23—24].

¹⁸ В дословном переводе эта поговорка означает: не борись с девицами, не состязайся в беге с молодыми кобылицами.

¹⁹ Некоторое представление о коврах среднеазиатских огузов дают образцы ковров сельджукского периода из Малой Азии [58; 47]. Однако ковры среднеазиатских и малоазиатских огузов нельзя полностью отождествлять, так как они, вероятно, имели как сходные черты, так и свои отличия.

²⁰ Более подробные сведения о кушаньях и напитках огузов даны в нашей предыдущей статье [2].

²¹ Эти торжества назывались *той, байрам, шиян* [25, т. 3, с. 103, 133, 401; 39, с. 67; 34, л. 10а].

знал свое место и получал определенную долю мяса. Сидевшим на правой стороне подавалась правая лопатка, передняя правая ляжка и мясо с ребрами правого бока животного; племена левого крыла получали левый бок, левую заднюю ляжку и крестец [33, с. 87—90].

Знатные и богатые забивали для *тоя* большое количество скота: лошадей, быков, овец. Среднеазиатские огузы, как и другие тюрки-кочевники, предпочитали конину, но лошадей резали в десять раз меньше, чем баранов- [26, с. 4—5]. Прибывшим на свадьбу после угощения раздавали подарки [34, л. 10а].

Свадебные торжества не обходились без песен, музыки, состязаний, игр и танцев. Музыканты исполняли народные мелодии на деревянных «тюркских» флейтах — *сыбызгу*, похожих на свирель [22, с. 9; 40, 223; 25, т. 1, с. 478]. В качестве духовых инструментов служили также камышовые дудки²², на которых играли *дудюкчи* [41, с. 74; 25, т. 1, с. 405; 39, с. 51, 56].

Самым любимым и распространенным у огузов музыкальным инструментом был *кобуз*²³. Он представлял собой вид скрипки со струнами и смычком из конских волос²⁴. Среди огузо-туркменских племен, вероятно, начали постепенно входить в моду и струнные инструменты наподобие саза [43, с. 33]. Пение сопровождалось аккомпанементом на *тумрюках* и *тефах*²⁵ — бубнах или небольших барабанах [25, т. 1, с. 379; 41, с. 68; 39, с. 54].

Большой популярностью у огузов пользовались сказители и певцы (*озаны*), которые бродили с кобзой в руке «от народа к народу, от бека к беку» [20, с. 12]. Они исполняли песни, рассказывали дастаны, выступали на празднествах и свадьбах [42, с. 35—36]. Покровителем музыкантов и певцов считался легендарный Коркут-Ата, которому народные казахские предания приписывают изобретение *кобуза* [53, с. 286; 5, с. 228; 13, с. 230—235]. *Озаны*, аккомпанируя на нем, рассказывали былины о подвигах богатырей и других эпических персонажей. Такие сказания историко-былинного и эпико-героического содержания были известны под названием *Огуз-наме*.

Судя по данным источников, огузам Средней Азии и Казахстана были известны древнетюркские устные предания. Одним из таких

²² Называлась она *дудюк*, но этим термином в огузо-туркменской среде Передней и Малой Азии в XIV—XV вв. обозначался и «маленький барабан полукруглой формы, глиняный или медный» [43, с. 30].

²³ Смычковый инструмент под таким названием был известен и среди казахов. Побывавший в первой половине XIX в. в казахских степях А. Лёвшин отмечал, что *кобыз* похож на «старинный русский гудок или даже немного на скрипку, не имеет верхней деки, состоит из выдолбленного полшария с приделанной кверху ручкой и с выпуском внизу для утверждения подставки; струны толсты, из конских волос, играют на нем, держа в коленях и водя смычком» [24, с. 140].

²⁴ В арабо-тюркском словаре XIII в. отмечается, что *кобуз* — вид скрипки, а *кобузчи* — игрок на *кобузе* [41, с. 87]. *Кобуз* в качестве музыкального инструмента упоминается также в источниках XI в. [25, т. 1, с. 18; т. 2, с. 185]. В филологическом трактате Абу Хайяна отмечается, что на *кобузе* играли певцы — *озаны* [39, с. 113].

²⁵ Бубен под таким названием известен сейчас у азербайджанцев, армян и других народов Кавказа.

древних сказаний была героико-легендарная повесть о царе Шу и Александре Македонском [25, с. 3, с. 56]. Рассказы о подвигах Искандера Двурогого (Зу-л-Карнайна) сравнительно рано проникли к огузам и другим тюркоязычным народам Средней и Центральной Азии [8]. Среди них были также распространены древнеиранские сказания о Феридуне, Афросиабе, Рустеме Зале, лекаре-мудреце Лукмане [18, с. 166, 167]. Большой популярностью, видимо, пользовались древнетюркские предания о Тонга-Эр-Алпе, образ которого имеет связь с древним персонажем персидско-таджикской литературы — Афросиабом [25, т. 1, с. 288].

В словаре Махмуда Кашгарского приводится отрывок из песни об этом эпическом герое:

Умер ли муж [по имени] Тонга,
Злой мир остался ли?
Отомстил ли он судьбе?
Сердце теперь разрывается.

Огузам Средней Азии и Казахстана, по-видимому, был хорошо известен цикл древних сказаний о Тонга-Эр-Алпе и Афросиабе, на что указывает сопоставление данных Махмуда Кашгарского с эпосом *Деде Коркут*. Согласно *Диван лугат ат-тюрк*, сестру Афросиаба звали Газ [25, т. 3, с. 120]. Образ этой девушки являлся, видимо, своеобразным эталоном женской красоты. Поэтому для обозначения девичьей стройности и обаятельности употреблялось выражение «похожая на Газ». Юные героини огузского эпоса обычно сравниваются с этой древней красавицей [57, с. 137].

Среди огузов исследуемой поры бытовали и другие историко-эпические предания, которые затем оформились в виде полупоэтических рассказов об Огуз-хане. В конце XI — начале XII в. уже сложились сказания о Гузе, сыне Мансака, считавшегося предком всех огузов [27, с. 102, 103]. Позднее под влиянием ислама образу легендарного Огуз-хана были приданы черты мусульманского героя [3].

Самым крупным эпическим памятником средневековых огузов является *Деде Коркут*, который состоит из песен, сложенных в различное время. Исследователи выделяют в эпосе ряд сказаний, возникших в Средней Азии и Казахстане [6, с. 76]. Цикл таких песен состоит из сказаний о Коркуте, Салыр-Казане, Бисате, Дегегазе и Бамси-Бейреке [20; 12; 43].

Огузские певцы, выступая на свадебных торжествах, исполняли и песни (*айтым*) различного жанра. Судя по данным Махмуда Кашгарского, у них было немало лирических, боевых и других песен [25, т. 2, с. 12; т. 3, с. 29]. Эти народные песни проникнуты тонким пониманием красоты и природы. В одной из них, например, весьма образно пелось:

Растаяли черные льды,
Полились горные воды,
Рассеялись голубые облака
И плавают [в небе], как лодки.

Сохранились и некоторые образцы староогузских песен — *тартымов*²⁶, одна из которых посвящена легендарному Салыр-Казану [21, с. 71, 72]. *Озаны* малоазиатских огузов исполняли лирические песни, называвшиеся *тюркмани* и *варсаки* [54; 55]. Устраивались музыкальные состязания, на которых импровизировались «предусмотренные обычаем» мелодии и песни [49, с. 117]. Наряду с песнями, имевшими общеогузскую известность, по-видимому, существовали и «племенные» мелодии и песни [56, с. 154].

Музыка и пение сопровождалось плясками под аккомпанемент *кобуза* и удары *бубна*. Танцоры кружились, приседали, прихлопывали в ладоши в такт музыке [29, с. 46; 10, с. 91]. При первом свидании с невестой плясал жених, танцевали и его близкие друзья. Иногда заставляли плясать и невесту, танец которой сопровождали хлопаньем в ладоши. Очевидно, эти танцы имели и какое-то магическое значение: возможно, были призваны оградить молодоженов от сглаза и злых духов.

Огузские свадьбы и другие торжества сопровождалось также пантомимическими и другими народными представлениями. В XII в. подобные театрализованные сценки разыгрывались у огузо-сельджукских племен Анатолии. Анна Комнина сообщает, что во время одного из своих походов на тюрко-сельджуков византийский император Алексей, у которого заболели ноги, вынужден был сделать остановку. Недуг императора стал темой несмешливой пантомимической сцены, устроенной турками, которые изображали его болезнь и лечение ее докторами [46, с. 71, 72].

Известен и другой факт, связанный с одними из предков огузов — саларами, переселившимися в XIV — начале XV в. из Серахса через Самарканд в Синьцзян [63, с. 243—246]. Обычно на свадьбах они разыгрывали театрализованное действо, изображая переезд их родоначальника Карамана на белом верблюде в Синьцзян. В этой свадебной игре участвовало несколько персонажей, двое из них, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображали верблюда, а третий — самого Карамана [35, с. 3, 36, 37].

Приведенные факты дают основание считать, что у средневековых огузов существовали свадебные игры — народные представления; подобные театрализованные действия разыгрывались и на других торжествах.

Огузы во время свадеб устраивали и различные состязания: скачки, борьбу, стрельбу из лука по мишени. Самым любимым зрелищем были конные скачки (*йарыш*), победители которых получали в награду призы. Огузские беки и султаны держали специальных лошадей, предназначенных для таких состязаний [50, с. 15, 16]. Скаковые кони, называвшиеся по-огузски *йугрук ат*, ценились очень высоко [25; 41].

В огузских племенах, особенно среди племенной знати, была распространена игра наподобие конного поло (*човган*). В некоторых

²⁶ Этимологически слово «тартым», по мнению А. Н. Самойловича, означает «дарение предмета, показывающего искусство дарящего» [36, л. 526].

огузских преданиях утверждается, что в старину у них был обычай избирать ханом того, кто побеждал в этой игре [59, с. 385]. *Човган* был излюбленной игрой многих представителей династии Сельджукидов [28]. Однако неизвестно, насколько конное поло было распространено среди широких масс ²⁷.

Игроки в *човган* обычно разделялись на две партии всадников, которые выходили на поле. Устанавливались специальные ворота, и цель игры заключалась в том, чтобы провести в них мяч. Конные соперники с азартом гоняли мяч по полю с помощью деревянных клюшек. Игра была силовой, сопровождалась падениями с лошади и травмами и поэтому требовала немалой отваги.

Свадебные игры огузов не обходились и без стрельбы из лука по мишени, называвшейся *ок амач* [25, т. 3, с. 206]. Одним из видов лучных состязаний (*чалыш*) была игра в *алтын кабак* [59, с. 387; 19, с. 140]. Некоторое представление о ней можно составить по сообщению историка Макризи о состязаниях тюрок-мамлюков Египта. Для стрельбы по такой мишени султан Байбарс из каждых десяти своих воинов приказал отобрать двух лучших. Воинов облачили в нарядные одежды и устроили соревнование, в котором принял участие и сам Байбарс. Состязание началось с метания копий, а затем пускались стрелы в мишень. Отличившиеся меткостью попадания в цель военачальники-эмиры получили в награду коней из личной конюшни султана. Простые же солдаты, участвовавшие несколько дней в этой игре, удостоились почетных одежд [49, с. 117].

Лучные состязания в меткости стрельбы устраивались также при Сельджукидах Малой Азии. Отличившиеся в этих соревнованиях огузские воины награждались подарками. Лучшие стрелки из лука удостоивались особых знаков отличия, получали право носить у локтя хвост тигра [9, с. 52 и сл.].

Рассмотренные историко-этнографические материалы позволяют судить о характерных чертах семейно-брачных отношений и свадебных церемониях огузских племен Средней Азии и Казахстана в IX—XIII вв. Они свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период у огузов существовали брачные запреты экзогамного характера. Семейно-брачные институты огузов и связанные с ними свадебные ритуалы говорят о наличии глубокой имущественной дифференциации в условиях огузского кочевого раннефеодального общества. Анализируемые данные позволяют также выявить пути трансформации и приспособления архаических форм брачных отношений к требованиям и нормам монотеистической религии. Брачные и свадебные обряды огузов были в своих основных чертах порождением кочевого образа жизни и патриархально-феодальных отношений.

²⁷ В средневековых источниках содержатся данные о том, что первые сельджукские правители не умели играть в *човган* [37, л. 151]. Поэтому можно предположить, что они заимствовали эту игру у своих предшественников — Газневидов [48, с. 256]. Однако это не исключает возможности бытования среди рядовых огузов игр с мячом, которые чем-то напоминали *човган*.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда. Пер. и коммент. А. К. Арендса. М., 1969.
2. Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии в IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк). — «Страны и народы Востока». Вып. 10. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1971.
3. Агаджанов С. Г. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.
4. Амин Ахмад Рази. Хафт иклим. Рук. ЛО ИВАН СССР, с. 605.
5. Ауэзов М. О., Соболев Л. Эпос и фольклор народа. — «Литературный критик». 1939, № 10—11.
6. Бартольд В. В. Еще известие о Коркуте. — ЗВРАО. Т. 19, 1909.
7. Баженов Л. В. Древние авторы о Средней Азии. Таш., 1940.
8. Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1948.
9. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941.
10. Гусейнов Р. А. Об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии. — «Географическое общество СССР. Доклады Восточной комиссии». Вып. 1 (2). Л., 1965.
11. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
12. Жирмунский В. И. Исторические источники сказания о разграблении дома Салор-Казана. — Древний мир. Сборник в честь академика В. В. Струве. М., 1962.
13. Жубанов А. Струны столетий. Очерки о жизни и творческой деятельности казахских народных композиторов. А.-А., 1958.
14. Зайончковский А. К изучению золотоордынской лексики. — Вопросы тюркологии. Таш., 1965.
15. Ибн ал-Асир ал-Джазри. Тарих ал-камил. Т. 1—12. Каир, 1301 г. х.
16. Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. Фотокопия мешхедской рукописи. ИВАН СССР. Иф. В-202.
17. История первобытного общества. М., 1968.
18. Иранский героический эпос в тюркских литературах. — Фердовси. Л., 1934.
19. Кашани Гаффар и. Нигаристан. Тегеран, 1962.
20. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.—Л., 1962.
21. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958.
22. Курьшжанов А. К истории и критике «Тюрко-арабского словаря» XIII в. — Исследования по истории казахского языка. А.-А., 1965.
23. Кюнер П. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
24. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832.
25. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк. Т. 1—3. Стамбул, 1333—1335 г. х.
26. Мирхонд. Китаб-и тарих-и раузат ас-сафа. Т. 1—7. Бомбей, 1266 г. х.
27. Муджмал ат-таварих ва-л-кисас. Тегеран, 1329 г. х.
28. Муizzi Нишапури. Диван-и Муizzi. Тегеран, 1318 г. х.
29. Овезбердыев К. Материалы по истории туркмен-сарыков. — Труды ИИАЭАН ТуркмССР. Т. 6. Аш., 1962.
30. Огуз-наме йа худ Сельджук-наме. Изд. Н. Асима. Стамбул, [б. г.].
31. Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
32. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. Л. А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952.
34. Тарих-и Ал-и сельджук. Рукопись ЛО ИВАН СССР, Д-116.
35. Тенишев Э. Р. Саларские тексты. М., 1964.

36. Туманский А. Родословная туркмен. Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 2, оп. 4, № 20.
37. Шабангарай. Маджма ал-ансаб. Рукопись ЛО ИВАН СССР, С-372.
38. Шемшеддинов А. Легенды и сказания кумыков. — «Этнографическое обозрение». 1910, № 1—2.
39. Abu Naууan. Kitab al-idrāk li-lisan al-atrāk. İstanbul, 1931.
40. Brockelmann C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kaš-gari's Divan Luṭat at-Türk. Lpz., 1928.
41. Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der leidener Handschrift. Leiden, 1894.
42. Ergin M. Dede Korkut kitabı. Ankara, 1958.
43. Et-tuhfet-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiye. İstanbul, 1945.
44. Gabain A. v. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950.
45. Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. C. 1. Ankara, 1945.
46. Danişmend I. Türkiyat ve islâmiyet tedkikleri külliyyatı. İstanbul, 1956.
47. Dietz E. Türk sanatı. Başlangıcından günümüze kadar. İstanbul, 1946.
48. Hashmi. Society and Religion under the Ghaznavids. — «Journal of the Pakistan Historical Society». Karachi. 1958, vol. 6, p. 3.
49. Histoire des sultans Mamlouks de l'Egypte, par Taki-eddin Ahmed Makrizi. Trad. par M. Quatremere. T. 1. P., 1842.
50. Histoire des Seljoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-Din al-Katib al-Isfahani. Texte arabe publ. par M. Th. Houtsma. Leide, 1889.
51. The History of the World-Conqueror of Ala-ad-Din Ata-Malik Juwaini. Transl. by J. A. Boyle. Vol. 1—2. Manchester, 1958.
52. Inan A. Güvey. — «Türkiyat Mecmuası». C. 9, 1951.
53. Köprülü M. F. Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar. İstanbul, 1934.
54. Köprülü M. F. Anatolische Dichter in der seldschukischen Zeit. — «Körösi Csoma Arhivum». Budapest, 1922.
55. Menzel Th. Die türksiche Literatur in Kleinasien. — «Körösi Csoma Arhivum». Bd 2. H. 5. Budapest, 1930.
56. Minorsky V. A Civil and Military Review in Fars. — BSOS. Vol. 10. P. 1, 1939.
57. Namik H. Über das Kitab-i Dede Korkut. — «Körösi Csoma Arhivum». Bd 15. Budapest, 1926.
58. Neugebauer R., Orendi I. Handbuch der orientalistischen Teppichkunde. Lpz., 1909.
59. Osmanlı tarihleri. C. 1. İstanbul, 1949.
60. Oral M. Z. Selçuk devri yemekleri ve ekmekleri. — «Türk Etnografya Dergisi». Ankara. 1956, № 1.
61. Rohr-Sauer A. Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan. Stuttgart, 1939.
62. Salemann C. Noch einmal die seldschukischen Verse. — «Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg». T. 2, 1892.
63. Trippner I. Die Salaren, ihr Aufstand 1781. — CAJ. 1964, vol. 10, № 4.
64. Inan A. Türk düğünlerinde exogamie izleri. — «Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar». Toplayanlar H. Eren. I. Halaşi Kun. Ankara, 1950.
65. Yakutar-Rumi. Mudjam al-Buldan. T. 1—6. Beyrouth, 1955—1957.

В. А. Ромодин

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОСНОВНЫХ ГРУПП АФГАНСКИХ (ПАШТУНСКИХ) ПЛЕМЕН И ИХ РАССЕЛЕНИЕ В XVI—XVII вв.

Длительное сохранение деления на племена и роды — одна из важных особенностей истории афганцев (паштунов) как в средние века, так и в новое время. События их политической и военной истории, как правило, тесно связаны с взаимоотношениями племен, и знакомство с родовыми генеалогиями и родо-племенной структурой позволяет лучше и полнее понять многие стороны прошлого афганского народа.

Известные до сих пор факты истории этого народа согласно свидетельствуют о том, что в реальной жизни афганского общества прочно сохранялось существование «племен», «родов» и различных родовых подразделений, хотя терминологически границы их по источникам трудно установить (наиболее распространенным термином для обозначения «рода» и «подразделения племени» был «хель»). Несомненно, что социально-экономическое содержание родо-племенной структуры и ее звеньев у афганцев изменялось в различные исторические эпохи; здесь мы не будем касаться связанных с этим явлением социологических и историко-этнографических вопросов. Вне зависимости от подхода к этим вопросам и характера их решения знакомство с традиционной генеалогической структурой представляет интерес для специалистов различного профиля, изучающих прошлое афганцев, — для историков, этнографов, филологов и т. д.

Изложенные ниже исторические сведения об афганских племенах и их расселении основаны на письменных источниках, но при подборе данных для генеалогических таблиц привлекались также материалы этнографов Средней Азии, полученные расспросным путем у знатоков генеалогических преданий афганских племен [2а, с. 169]. В генеалогических таблицах пунктирными линиями обозначены: происхождение по материнской линии, брачные связи и включение в генеалогическую структуру приемных детей путем усыновления.

Традиционные генеалогии и родо-племенная структура афганцев в известных нам письменных источниках относительно полно были зафиксированы только в XVI—XVII вв. Впервые достоверные и обстоятельные сведения об афганских племенах и их расселении приводятся в «Записках» Бабура. Эти сведения основаны главным

образом на его личных наблюдениях и отличаются высокой степенью точности, дают возможность представить гораздо более отчетливо и подробно картину расселения афганских племен в начале XVI в., чем фрагментарные сообщения о них, содержащиеся в предшествующих источниках.

Относительно полную картину свидетельства Бабура дают для населенной афганцами территории, расположенной между долиной Свата на севере и Дераджатом на юге. Часть Пешаварской долины и Свата уже тогда населяли юсуфзаи, о которых Бабур говорит довольно много, что объясняется как тем, что он пробыл в их землях сравнительно более долгое время, так и тем, что из этого племени он взял себе жену. К югу от юсуфзаев Бабур упоминает ряд впоследствии хорошо известных афганских племен, населявших уже тогда территории, на которых они в основном и оставались до наших дней: мухаммадзаи (в районе Хаштнагара), африди (в районе Хайбарского прохода), бангаши (вокруг Хангу), тури, ниязаи, исакхель (в Дамане), киви (хель шетаков) в Банну, гильджи (гильзаи) вокруг Газни, в районе Мукура, в Каттавазе [1, с. 164, 172 и др.].

В некоторых случаях упоминания отдельных афганских племен в «Записках» Бабура не дают достаточных оснований для определения мест, где данные племена тогда жили. Это относится к упоминаниям об оракзае и вазирах [1, с. 268, 284]. Однако, исходя из контекста сообщения об отряде, состоявшем из оракзаев «и некоторых афганцев, живших на берегу Синда», можно все же предположить, что оракзаи обитали там же или примерно там же, где они живут и сейчас. Только в двух случаях — относительно момандов и дилазаков — по описанию видно, что из тех мест, где их застал Бабур, эти племена впоследствии ушли. О том, что моманды находились где-то в районе Мукура, свидетельствует сообщение о грабеже момандов при походе Бабура из Кабула в Мукур [1, с. 250]. Дилазаков же Бабур застал в 1519 г. в Пешаварской долине, и они не были еще к тому времени вытеснены оттуда другими афганскими племенами.

Упоминания в *Бабур-наме* о племени гагиани позволяют полагать, что это племя тогда находилось около самого Пешавара. Впоследствии гагиани оказались в районе Доаба, который их потомки занимают и до сих пор, т. е. это племя после Бабура совершило перемещение местного характера на сравнительно незначительное расстояние — в пределах Пешаварской области.

Из крупных афганских племен в *Бабур-наме* совершенно не упомянуты два — абдали и хаттаки. Возможно, что отсутствие упоминаний о племенах абдали объясняется тем, что Бабур меньше с ними встречался, чем с другими афганцами, хотя и завоевал Кандагар и Заминдавар — основные районы расселения абдалийских племен в XVII в. Еще труднее объяснить, почему в сочинении Бабура ничего не говорится о хаттаках¹. Между тем он проходил через Кохат, где всего через несколько десятилетий после него, при Акбаре

¹ Возможно, что хаттаков Бабур разумел под упомянутым им общим названием группы племен карлани, в которую входят племена хаттак и шетак (баннучи).

(1556—1605), хаттаки с центром в Аккоре были уже столь сильны, что именно их ханам этот внук Бабура поручил охрану важного пути от Аттока до Пешавара. Бабур был при подготовке похода в Индию весьма заинтересован в положении дел в Пешаварской долине и в примыкающих к ней районах, в связи с чем различные афганские племена, находившиеся там тогда, упоминаются в *Бабур-наме*: юсуфзаи, дилазаки, афридии, гагиани и т. д.

Анализ картины расселения афганских племен, восстановленной по свидетельствам Бабура, несмотря на имеющиеся в ней некоторые пробелы, дает возможность утверждать, что в общих чертах она была примерно такой же, какой известна по источникам второй половины XVIII — начала XIX в. Из происшедших в течение XVI—XVII вв. изменений, вызванных продолжавшимися передвижениями отдельных племен, отметим здесь некоторые, относящиеся к крупным и мелким группам племен, упоминаемым чаще других в описаниях событий истории афганцев и Афганистана.

1. Юсуфзаи вскоре после Бабура закончили завоевание горных областей, расположенных к северу от Пешаварской долины, и овладели Бунером, Сватом и Пянджкорою.

2. Дилазаки, разбитые объединенными силами племен хахи в 20-х годах XVI в., а затем племенами гория-хель в 30-х годах того же столетия, были оттеснены тогда на левый берег Инда, откуда в начале XVII в. падишах Джахангир переселил их в глубь Индии. В новое время лишь незначительная группа дилазаков оставалась около Аттока.

3. В 30—40-х годах XVI в. Камран во время борьбы с Хумаюном получил поддержку со стороны некоторых афганских племен, прежде всего гория-хель, халилей и момандов. За оказанные услуги Камран содействовал расселению поддерживавших его племен в плодородных районах около Пешавара.

4. Абдали, которые издавна жили в Кандагарской области, были вынуждены в начале правления сефевидского шаха Аббаса I (1587—1629) уступить значительную часть занимаемых ими до того земель гильзаам и под их нажимом передвинуться в Гератскую область. Как уже отмечалось выше, в *Бабур-наме* название племени абдали не встречается. Хотя нет оснований сомневаться в давности проживания абдали в Кандагарской области или в прилегающих к ней горных местностях, до сих пор не обнаружено упоминаний об этом племени в источниках ранее правления шаха Аббаса I. Впрочем, абдали (абдал) упомянуты в числе других афганских племен, выступавших союзниками юсуфзайского хана Каджу в войне против племен гория-хель, в сочинении *Тарих-и Хафиз Рахмат-хани*, представляющем собой позднюю (вторая половина XVIII в.) обработку более раннего сочинения, написанного на пашто [9]. Речь идет о событиях, относящихся примерно к середине XVI в. В качестве союзников юсуфзаев перечислены следующие афганские племена: утман-хель, жадун, канси, жеберджани (?), саркани (?), абдал, тарин, мишвани, хаттак, вардак, махджар (?), ниязи, турани, рахвани, лунн, мандузаи, рогани.

5. В XVI в. несколько небольших племен (марваты, даулат-хель, миян-хель и татор) были вытеснены гильзайским сулейман-хелем (насколько позволяют судить источники, основным местопребыванием гильзаев с давних времен были горные районы, примыкающие к Газни). Эти племена двинулись на восток, разбили племена пранги и сури и заняли земли, которые остались затем за ними: марваты, вытеснив в XVII в. ниязаев, поселились в песчаной местности, которая стала известна затем под названием Марват (в области Банну), даулат-хель и татор обосновались в Танке и других районах. В XVII в. гандапуры заняли земли в округе Дера Исмаил -хан.

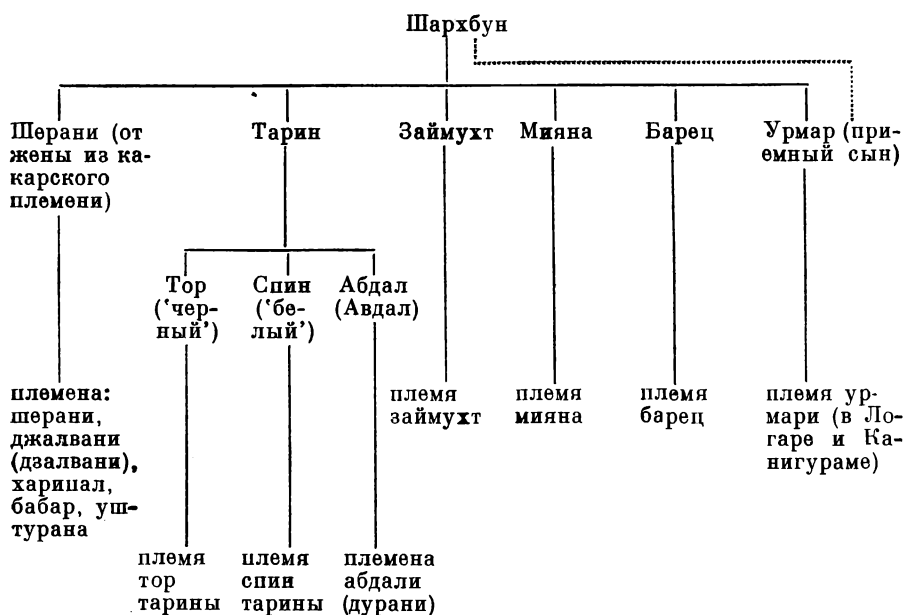
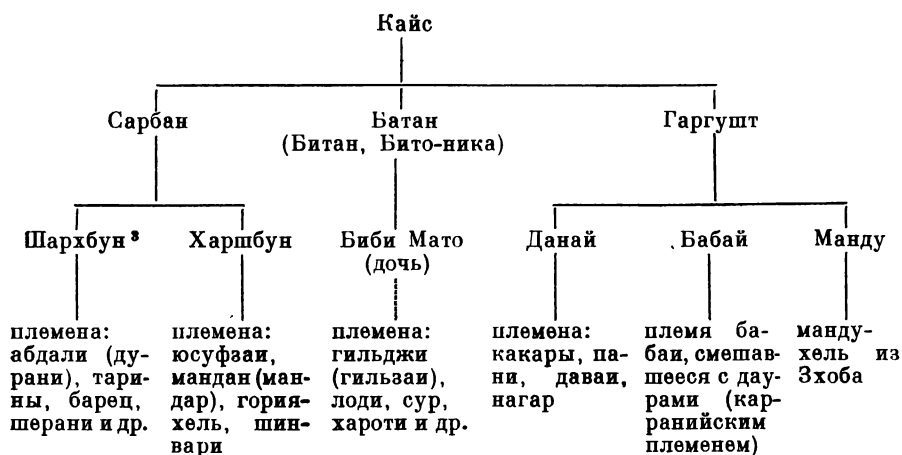
Кроме *Бабур-наме* сведения об афганских племенах XVI—XVII вв., также значительно более подробные, чем в источниках предшествующего периода, сохранились в исторических сочинениях, написанных на персидском языке при дворах правителей Индии из афганских Лоди и Сур, а затем при дворе Великих Моголов. В этих сочинениях, появление которых было вызвано непрерывающимся интересом к истории афганцев в Индии, содержатся предания и генеалогии афганских племен, причем некоторые из таких сочинений были основаны и на собственной историографии афганских племен, известные нам памятники которой появились, по-видимому, не позднее XVI в.

Соответственно своим генеалогиям, афганские племена делятся на четыре основные группы по именам родоначальников: сар(а)бани, батани (или битани), гаргушти и карлани (каррани). По приводимым у афганских и индийских историков XVI—XVII вв. данным (повторяющимся затем в некоторых сочинениях XVIII в.), всего афганских племен насчитывалось более 380. Из них 105 относились к группе сарбани, 77 — к группе мати (связанной только по женской линии с родоначальником Батани, или Битани), 95 — к гаргушти и 105 — к карлани (каррани) [4, т. 2, с. 40, 122]. Родоначальниками трех первых групп, согласно ставшим традиционными преданиям, были сыновья Кайса (он же Абд ар-Рашид, он же Патан), предка афганцев, в то время как карлани стоят более или менее особняком и различными способами косвенно связываются с общим генеалогическим древом.

Соответственно этим генеалогиям, происхождение первых трех групп афганских племен в самом общем виде можно представить схемами, опубликованными на с. 243, 244 ².

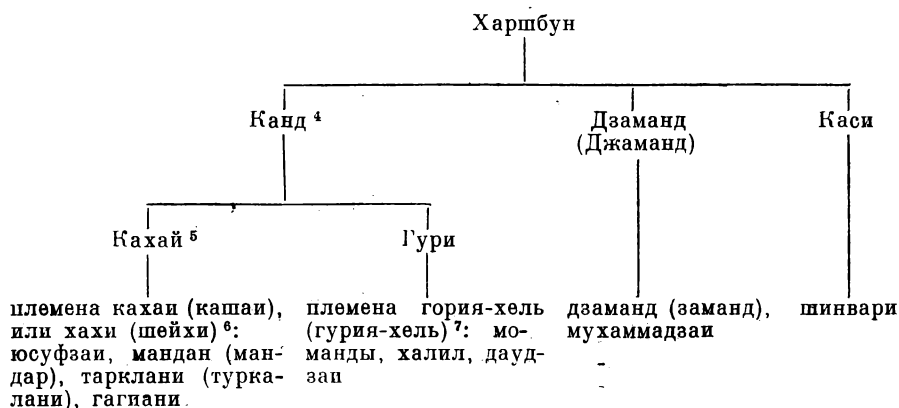
Как гласят предания, Сарбан был старшим сыном Кайса. У Сарбана было два сына: Шархбун и Харшбун. От Шархбуна ведут свое происхождение племена, которые по месту их расселения можно в целом характеризовать как западную ветвь сарбани. Происхождение важнейших племен этой ветви можно представить второй схемой, приведенной на с. 243.

² Эти схемы приводятся в справочной литературе (см. прежде всего [8]).

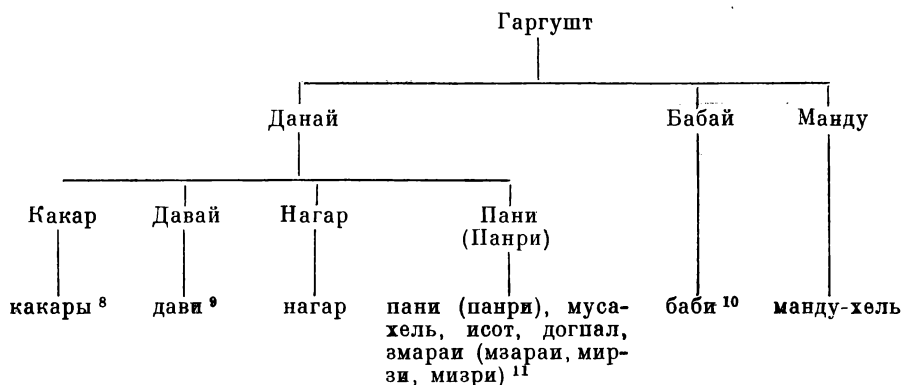

³ По записи афганских преданий в сочинении конца XVI—начала XVII в. *Тазкират ал-абрар* (л. 696), имя этого родоначальника произносилось Шербун или Ширбун (شیربُون).

К восточной ветви сарбани относятся такие племена:

Среди племен, ведущих свое происхождение от Гаргушта, самое многочисленное — какары. Наряду с ними к Гаргушту, третьему сыну Кайса, возводят свое происхождение следующие племена:

Одна из крупнейших групп афганских племен, гильджи (гильзаи), как уже отмечалось выше, связывается с общим генеалогическим древом афганцев только по материнской линии — через родоначальницу Мато (дочь Батана), супругом которой, согласно распростра-

⁴ В *Тазкират ал-абрар* (л. 696) Кунд или Гунд (کُند).

⁵ Там же — Шейхи (شیخی).

⁶ К группе кахай (хахи) позднейшая традиция относит также племена ху-гиани и сафи.

⁷ К группе гория-хель (гурия-хель) позднейшая традиция относит также племена чамкани.

⁸ По многим версиям, какарам родственны гадуны (джадуны) — небольшое племя в Мардане и Хазаре (Пакистан).

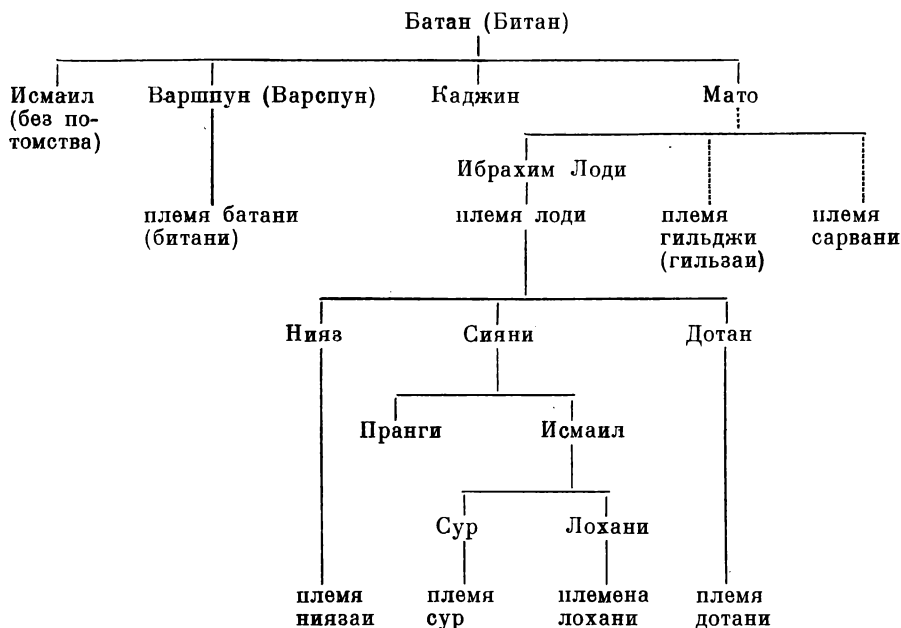
⁹ Племя дави смешалось с какарами.

¹⁰ Баби смешались с даурами — племенем, сблизившимся с карланийской группой афганских племен.

¹¹ К числу племен из потомков Пани относят также сафи [3, с. 19].

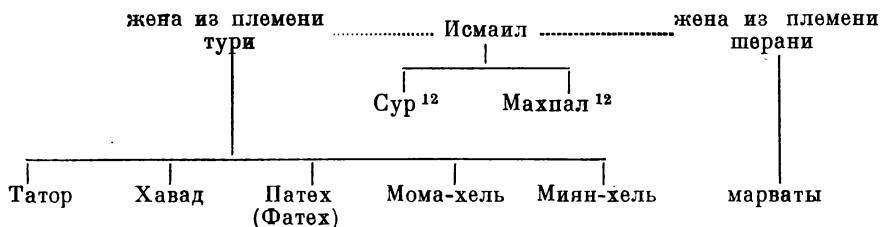
ненным преданиям, был гурский царевич Шах-Хусайн. От нее же ведут свое происхождение племена группы лоди, сыгравшие видную роль в политической истории Индии, а также племя сарвани. О происхождении племен ветви батани существует ряд значительно отличающихся друг от друга версий, и уже наличие множества вариантов указывает на сложность состава этой ветви и на включение в нее разнородных групп, по-разному соединяемых путем усыновлений и т. п. в одно генеалогическое древо. Приводим несколько основных версий (вариантов):

ВАРИАНТ 1

Исмаил (сын Сарбана, усыновленный Батаном), объявленный бездетным в приведенной выше первой версии генеалогии ветви батани, согласно другой версии, оставил многочисленное потомство, и к нему возводят свой род следующие племена:

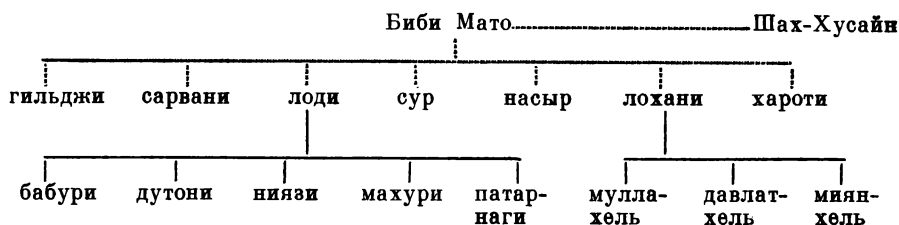
ВАРИАНТ 2

¹² От какой жены Исмаила происходят Сур и Махпал, в данной версии не указывается.

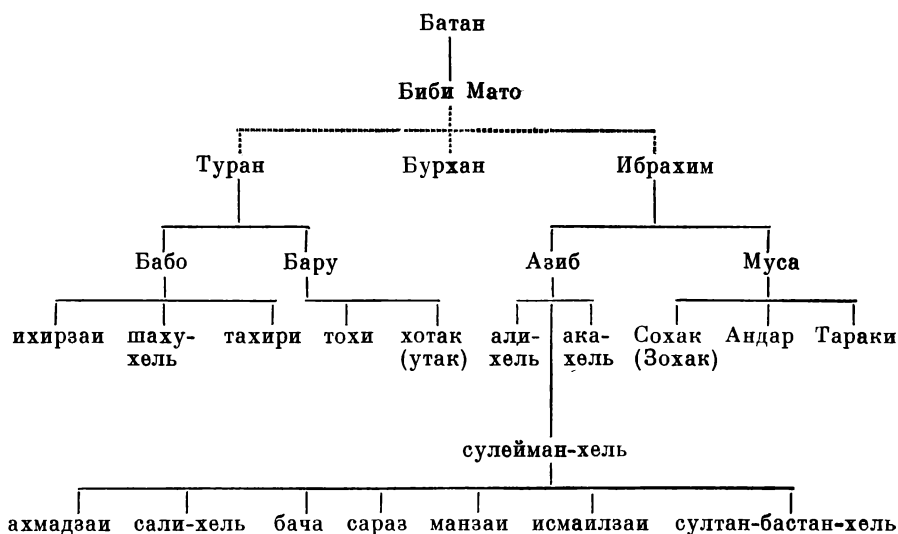
ВАРИАНТ 3

(племена, происходящие от Биби Мато)

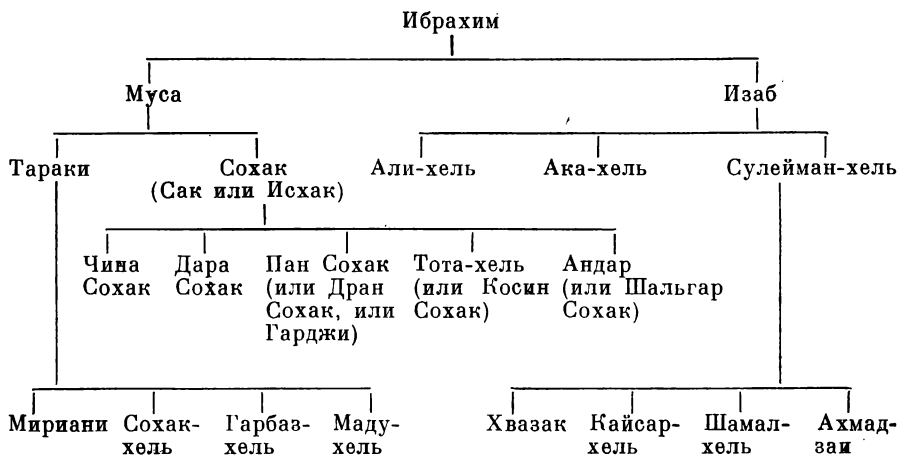
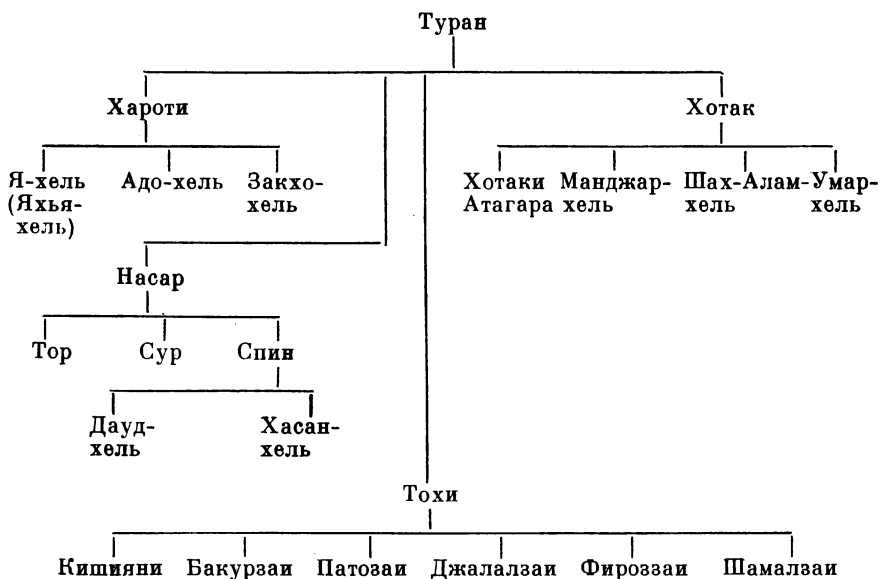
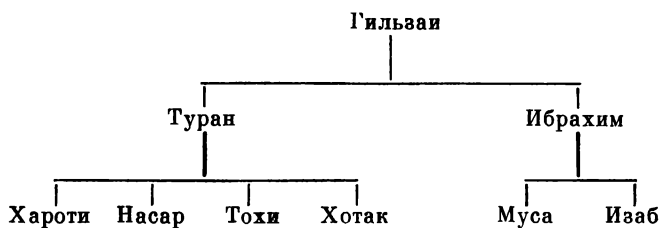
Приведем еще один вариант генеалогий батанийской ветви (по Рауфу), показывающий структуру племен гильзаев (гильджи) и крупнейшего гильзайского племени — сулейман-хеля.

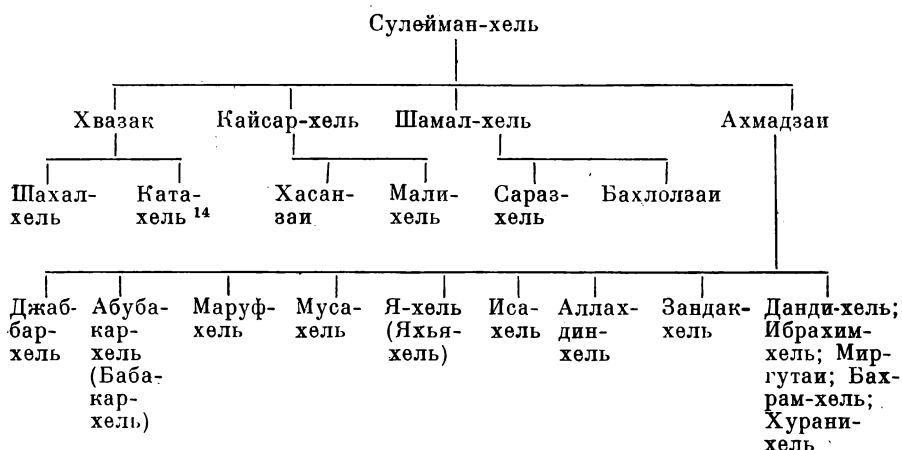
ВАРИАНТ 4

По сведениям, собранным в Северо-Западной Пограничной провинции Индии в 1932—1934 гг. капитаном Робинсоном, родо-племенная структура основных гильзайских племен к этому времени представлялась в следующем виде ¹³:

¹³ Для удобства разбираем составленные Робинсоном схемы на большее число схем с целью упростить громоздкие таблицы, помещенные в его книге [7, с. 56, 58, 59; App. 3]. Книга эта вышла в свет в Индии в 1935 г. в качестве секретного издания и в доступные автору настоящей статьи библиотеки не поступала; мне удалось ознакомиться с ней только в 1970 г. по фотокопии, полученной из India Office Library.

По этнографическим данным XIX — начала XX в., имеются различные версии, включающие группу карлани в общее генеалогическое древо афганцев. Согласно одной из таких версий, у Гаргушта был сын Бурхан, сыном которого был Карлан (Карран). По другой версии, Карран был найден одним человеком из племени урмари и усыновлен не имевшим сыновей братом этого человека, выменявшим ребенка на найденный им железный топор (или, в другом варианте, котелок для варки пищи, называемый на пашто *кархай*, отсюда Карран) ¹⁵. Отвлекаясь от сказочных подробностей народных преданий такого рода, следует подчеркнуть многократно отмеченный в литературе и немаловажный для исторической этнографии афганцев факт, что целый ряд крупных племен Сулеймановых гор, входящих в группу карлани, по представлению многих знатоков афганских генеалогических преданий, только условно связан с Кайсом и его тремя сыновьями.

По одной версии, предком карланийских племен бангашей и вазиров был Кахай, сын Каррани, согласно другим — вазирь и дауры совсем не связаны с Кайсом, его тремя сыновьями и их потомством.

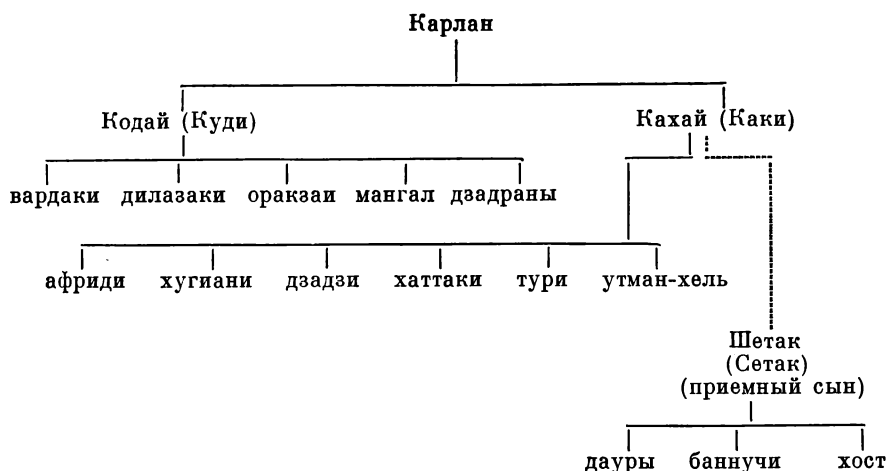
Общая картина родословных связей карланийских племен показана схемой на с. 249.

Как видно из приведенной схемы, племена баннучей и дауров только условно (через Шетака, приемного сына Кахая) связываются с генеалогией карланийской группы, а большое племя вазиров стоит совсем особняком и не включено в эту карланийскую генеалогическую схему. Существуют, однако, другие варианты карланийских генеалогий, по которым не только потомство Шетака, но и вазирь прямо связываются с родоначальником Карланом.

В одном из таких вариантов отсутствуют Кодай и Кахай, сыновья Карлана, и племена выводятся непосредственно от этого пра-родителя, однако сохраняется деление на две ветви — куди и каки.

¹⁴ Кроме того, в состав Хвазак входят Атак-хель и другие подразделения, не перечисленные в схеме Робинсона.

¹⁵ См. [5, с. 381, 382].

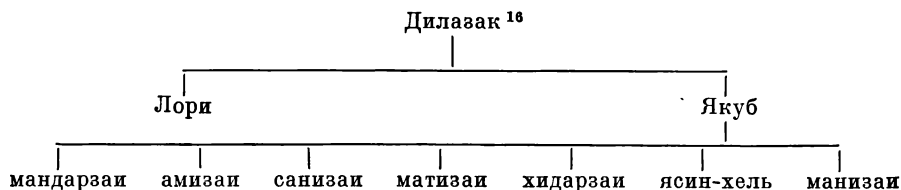
Приводим этот вариант в отдельной схеме для каждой ветви:

а) [ветвь] куди

В афганской традиции принадлежность дилазаков к афганцам нередко ставилась под сомнение. В связи с этим в этнографической литературе высказывались впоследствии предположения об отличном от афганцев «скифском» или сакском происхождении дилазаков.

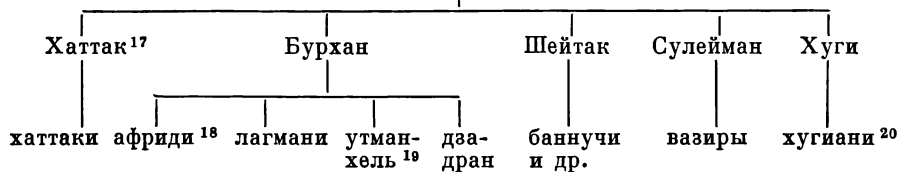
Вытесненные в XVI в. юсуфзяями из Пешаварской долины, дилазаки затем, в XVII в., при падишахе Шах-Джахане, были переселены в Индию. Среди афганцев и в соседних с ними землях впоследствии остались лишь небольшие группы дилазаков. В Афганистане их к нашему времени насчитывается около пяти тысяч человек; в Аттоке в начале XX в. их было всего около тысячи человек. Кроме того, разбросанные группы семей дилазаков отмечались в округах Хазара и Равалпинди (Пакистан). Подразделения дила-

¹⁶ History of the Afghans, т. 2, с. 130 (по сочинению XVIII в. Хуласат ал-ансаб).

б) [ветвь] *каки*

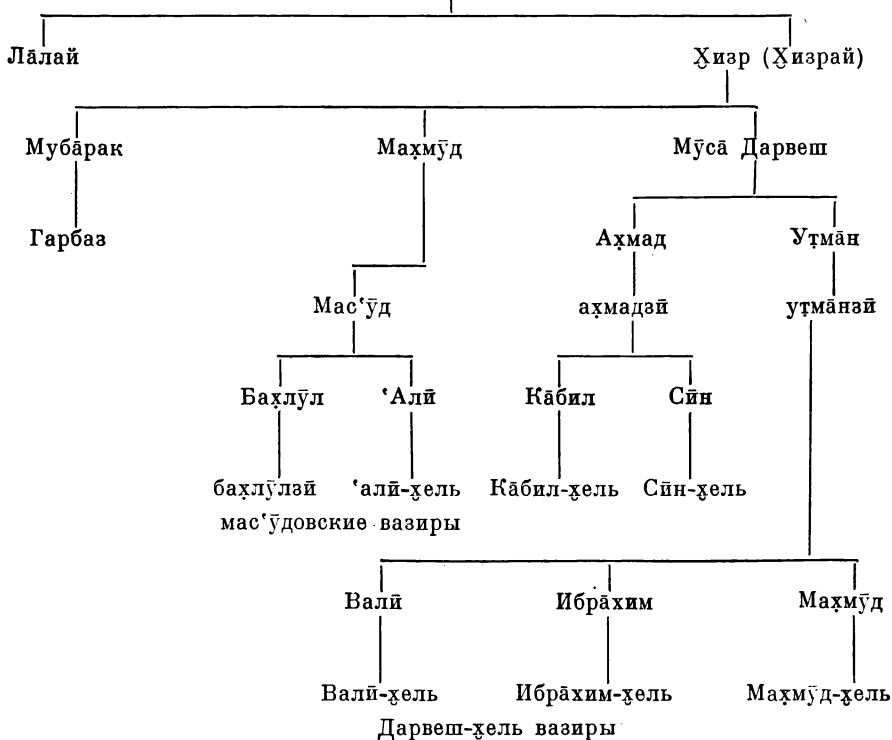
Карлан

заков (ведущих свою родословную от Якуба), по афганской генеалогической традиции, показаны на схеме на с. 249 [4, с. 130 (по сочинению XVIII в. *Хуласат ал-ансаб*)].

Более подробно происхождение основных вазирских племен представляется (по Раверти) следующим образом [6, с. 156]:

Вазир, сын Сулеймана

¹⁷ По другому варианту, родоначальником племени хаттаков был Лукман, происходивший от Кодая, сына Карлана.

¹⁸ По другому варианту, родоначальником племени африди был Фаридун, происходивший от Мани, сына Кодая.

¹⁹ По другому варианту, родоначальником утман-хеля был Утман, сын Кодая.

²⁰ По другому варианту, от Хуги происходят кроме хугианей также племена тури и дзадзи.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Таш., 1958.
2. А х у н д Д а р в е з а Н а н г р а х а р и. Тазкират ал-аббар ва-л-ашрар. Рукопись ЛО ИВАН, С-560.
- 2а. Р о м о д и н В. А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (паштунском) населении Афганистана. — «Страны и народы Востока». Вып. 15. Африка и Азия. М., 1973, с. 169—172.
3. С а г о е О. The Pathans 500 B. C. — A. D. 1957. L., 1958.
4. N e a m e t U l l a h. History of the Afghans translated from the Persian of Neamet Ullah by Bernhard Dorn. Vol. 1—2. L., 1829—1836.
5. R a v e r t y H. J. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan Geographical, Ethnographical and Historical. . . L., 1881.
6. R a v e r t y H. J. The Waziri Afghans and Their Country, by Major H. J. Raverty. — «The Imperial and Asiatic Quarterly Review and Oriental and Colonial Record». Woking. 1895, ser. 2, vol. 9, January—April, с. 153—165.
7. R o b i n s o n J. A. Notes on the Nomad Tribes of the Eastern Afghanistan. New Dehli, 1935.
8. R o s e A. A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province. Vol. 1—3. Lahore, 1919.
9. D o r n B. Beiträge zu der Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey. — «Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Petersbourg». T. 4. № 1—2, 1838.

Т. И. Султанов

**«СЕМЬ УСТАНОВЛЕНИЙ» — ПАМЯТНИК ПРАВА КАЗАХОВ
XVII в.**

«Каждая форма производства, — писал К. Маркс, — порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» [1, с. 714]. Действительно, для изучения общественного строя любого общества первостепенное значение имеют законодательные памятники, юридически фиксирующие сложившиеся в обществе отношения. Возникнув на определенной ступени развития общества, они выражают конкретные общественно-экономические и правовые отношения и несут на себе отпечаток своего времени.

В истории права казахов периода Казахского ханства известен только один законодательный памятник, называемый самими казахами *Жети Жаргы* («Семь установлений»). В научной литературе этот памятник права именуется также «Уложением хана Тауке» и «Законами хана Тауке».

Жети Жаргы дошло до нас лишь в поздних записях русских ученых и известен в двух редакциях, отличающихся вариациями текста и неодинаковым количеством и порядком статей. Одиннадцать фрагментов этого «Уложения», записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника» [25, с. 185—188]. Текст второй редакции *Жети Жаргы* приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов Ал. Левшина [17, с. 170—178]. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Уложения») запись Ал. Левшина не представляет *Жети Жаргы* в первоначальном его виде. Ал. Левшин записал «Уложение хана Тауке» более чем через сто лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности его передачи. У самих казахов *Жети Жаргы* не был нигде записан. При устной передаче из поколения в поколение «Уложение», проходя через годы и десятилетия, претерпевало определенные изменения.

История изучения *Жети Жаргы* также имеет давнюю традицию: некоторые соображения о времени составления и общем характере «Уложения» были высказаны уже Г. Спасским и Ал. Левшиным. В дальнейшем к *Жети Жаргы* обращались, исключительно по записи Ал. Левшина, многие исследователи правовых обычаев и истории казахов [2, с. 115—129; 6, с. 116—119; 8, с. 24; 10, с. 154—

158; 11, с. 3—8; 13, с. 489—490; 14, с. 175—177; 15, с. 19—22; 18, с. 243—248; 24, с. 42—63]. Последней по времени работой, специально посвященной этому памятнику, является небольшая по объему статья на казахском языке академика АН Казахской ССР С. Зиманова и арабиста Н. Усерова, в которой основное место отведено вопросам этимологии словосочетания *Жети Жаргы* [12, с. 65—70].

В настоящей статье мы изложим некоторые замечания о времени и побудительных причинах составления *Жети Жаргы* и рассмотрим состав этого памятника права казахов.

Мы не располагаем точными сведениями о том, кто был автором (авторами) этого «Уложения» или инициатором (инициаторами) его составления. Со ссылкой на предания, творцом *Жети Жаргы* принято называть хана Тауке (ум. в 1718 г.). Он будто бы собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Улу жуза, Казбек-бия из Орта жуза, Айтек-бия из Киши жуза — и, обсудив с ними «случавшиеся между киргизами частые ссоры», составил и утвердил эти законоположения [25, с. 185—186]. Согласно другому преданию, Тауке-хан собрал на урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская обл.) семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Ишима» в новые обычаи, называемые «Жети Жаргы» [8, с. 24; 24, с. 43].

Упоминание здесь имен ханов Тауке, Касыма и Ишима, видимо, не лишено основания. Инициатива составления *Жети Жаргы*, несомненно, должна была исходить от Тауке-хана. Время его правления приходится на один из самых трудных периодов в истории казахского народа, когда возникла острая необходимость выработки новых норм, способных заменить часто нарушаемый обычай точным законом, уложенным в твердые рамки, в обязательные для всех членов общества правила¹. С другой стороны, *Жети Жаргы* как правовой памятник, очевидно, нельзя считать чем-то совершенно новым, характерным для времени Тауке-хана: в этом «Уложении», разумеется, нашли свое отражение и традиционные нормы обычного права, бытовавшие в степи в более раннюю эпоху. Вместе с тем можно предполагать, что и прежде наряду с осященными временем обычаями племен в Казахском ханстве действовали неписанные узаконения, законоположения, постановления других ханов, которыми могли быть и Касым и Ишим, что, видимо, и отразилось в памяти народа [8, с. 24—26].

Трудно сказать что-либо определенное и конкретное об источниках «Уложения хана Тауке». Одни авторы, утверждая, что у казахов «до позднейшего времени сохранились во всей чистоте правовые обычаи и порядки, при каких они жили еще в эпоху монгольской зависимости», настаивают на том, что *Жети Жаргы* — это результат заимствования «порядков, развитых „великой ясой“ Чингиса» [18, с. 244—245; 10, с. 154]. Однако содержание текста ясы Чингисхана не было известно не только казахам, но, видимо, и самим монголам XVII в. [7, с. 10]. Другие авторы высказывают

¹ Подробно об этом см. ниже.

прямо противоположное мнение — о полной независимости *Жети Жаргы* от ясы. Но поскольку яса представляла из себя не что иное, как продукт обычного права [3, с. 89; 4, с. 22—39; 5; 23], а обычное право XIII и XVII вв. имело, несомненно, много общего [9, с. 389], то, естественно, традиционные нормы народного обычая, вошедшие в свое время в состав ясы Чингисхана и не потерявшие смысла в условиях казахского общества времен Тауке-хана, были приняты составителями *Жети Жаргы* как норма их обычного права, как требование, соответствующее их интересам.

Таким образом, в качестве источников *Жети Жаргы* следует признать не древние письменные тексты, а старый, всем знакомый и всеми признаваемый свод обычного права (служивший основой ясы Чингисхана), а также неписанные узаконения других казахских ханов, предшественников Тауке. Вместе с тем в него вошли постановления, вызванные потребностями военно-политической и социальной жизни казахского общества за период, предшествовавший принятию «Уложения».

В научной литературе нет единого мнения о времени составления *Жети Жаргы*: без особой аргументации одни авторы относили его ко второй половине XVII в. [10, с. 154—155; 26, с. 344], а другие — к началу XVIII в. [14, с. 176; 21, с. 3]. Наиболее приемлемым нам кажется первое мнение, высказанное еще Г. Спасским. Можно даже утверждать, что создание *Жети Жаргы* имело место в 70-х годах XVII в. после принятия ойлратами второго варианта уложения *Цааджин-Бичик* и явилось ответным действием Тауке-хана и его окружения на решение сейма джунгарских тайш и законодательную инициативу Галдан-хунтайджия.

Переход в конце XVI в. в руки казахов Ташкента и г. Туркестана, стремление Аштарханидов вытеснить казахских владетелей из этих городов, с одной стороны, и близкое соседство иноплеменного врага в лице калмаков — с другой, поставили Казахское ханство в XVII в. в положение, которое делало его похожим на осажденный лагерь. Если при этом войны с Аштарханидами велись прежде всего за господство над городами и шли с переменным успехом, то на юго-востоке продолжалась изнурительная война с сильным противником из-за обладания кочевьями. В этой войне, принимавшей все более ожесточенный характер по мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли, казахские владетели все чаще терпели неудачи, а отдельные успехи даже в крупных сражениях не могли существенно повлиять на общие результаты, следствием чего явилась потеря казахами значительной части своих кочевий. Это вызывало, в свою очередь, внутренние неурядицы, и прежде всего борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникшие междоусобия создавали условия и предпосылки для нарушения традиционного обычая и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни. Это, в свою очередь, должно было вызвать обратную реакцию — стремление к законодательному урегулированию распатавшихся общественных устоев, поскольку только на этом пути была возможна полная мобилизация сил для общей обо-

роны от внешнего, более сильного врага — калмаков, война с которыми была неизбежной.

Однако военно-политическая ситуация Казахского ханства в середине XVII в. не является единственной причиной появления *Жети Жаргы*. Важную роль в создании «Уложения» сыграло определившее его характер стремление приспособить существовавшие нормы обычного права к новым потребностям феодализирующегося казахского общества, заменить устаревшие нормы новыми, которые соответствовали бы интересам феодальной знати. Во всяком случае, такое заключение можно сделать на основании многих положений *Жети Жаргы*.

Таким образом, в «Уложении хана Тауке» были зафиксированы те социальные и правовые нормы, посредством которых индивид включался в общественную структуру ханства. Совокупность норм и обычаев, а также разрешаемых с их помощью конфликтов и спорных ситуаций в жизни казахов XVII в. и составила «Уложение хана Тауке». Нам же оно известно по преданиям как законодательная инициатива Тауке-хана и его ближайшего окружения.

Анализ «Уложения хана Тауке» затруднителен еще и по следующим причинам. Во-первых, оно известно нам не целиком, а лишь в отрывочных записях-пересказах. Во-вторых, дошедшие до нас тексты «Уложения» представляют собой результат языковой транспозиции: известные ныне варианты *Жети Жаргы* зафиксированы на русском языке, т. е. на языке, на котором создатели этого свода не говорили и не думали. Это имеет свои отрицательные стороны: чужой язык скрывает оттенки мысли; социальная, правовая и иная терминология источника не отражает точно понятий, употреблявшихся в казахском обществе XVII в., и т. п.

Состав *Жети Жаргы*, несмотря на его фрагментарность, довольно разнообразен. Он содержит нормы административного, уголовного, гражданского права, а также положения о налогах, религии и др., охватывая, таким образом, разные стороны жизни казахского общества.

Верховная власть, по *Жети Жаргы*, была сосредоточена в руках хана. Он судил и наказывал за преступления и проступки, разбирал иски, издавал обязательные распоряжения с целью поддержания общественного порядка, а также устанавливал порядок налогообложения. Однако хан не был единственным носителем власти. Ему, верховному сюзерену, приходилось делить ее с султанами и биями, сосредоточившими в своих руках власть над улусными и родовыми людьми и управление ими. Общегосударственные дела также находились в ведении феодальной знати. В одном из пунктов «Уложения» об участии султанов и родо-племенных старейшин в управлении ханством, в частности, говорилось: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных»².

² Здесь и далее ссылки на статьи *Жети Жаргы* в основном тексте даются по книге Ал. Левшина, т. е. по второй редакции [17, с. 170—178].

При этом ни один человек не должен был являться на «народные собрания»³ иначе как с оружием. Это требование было настолько строгим, что явившийся на курултай безоружным не имел права голоса и младшие в нарушение всех обычаев могли не уступать ему места.

В *Жети Жаргы* узаконивалось регулярное налогообложение боеспособной части населения казахских улусов в пользу хана и биев. Предпоследний пункт «Уложения» гласит: «Чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно».

Все казахские племена, роды и поколения должны были иметь свою собственную тамгу. По записи Ал. Левшина, тамги эти тогда же и были розданы «с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество для различения, что кому принадлежит».

Как и в других правовых памятниках эпохи средневековья, основное место в *Жети Жаргы* отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно «Уложению», в перечень преступных действий включались: 1) убийство; 2) увечье; 3) изнасилование; 4) побои; 5) воровство; 6) оскорбление; 7) несоблюдение правил сыновней почтительности; 8) прелюбодеяние; 9) кровосмешение.

Таким образом, в *Жети Жаргы* предусматривалась ответственность за преступления против личности, за нарушение прав собственности, семейного права и нравственности. Следует отметить, что политические и должностные преступления в статьях *Жети Жаргы* не названы.

За совершение действий, квалифицируемых как преступные, виновные подвергались различным видам наказаний. В *Жети Жаргы* сохранялся принцип талиона: «за кровь мстить кровью, за увечье — таким же увечьем». Впрочем, этот принцип уже потерял свою прежнюю непреложность. «Наказания могут быть смягчаемы по приговору судей или по согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою». Возможность откупа, однако, представлялась не всегда, и в четырех случаях узаконивалась смертная казнь⁴: 1) если жена умертвит мужа и родственники не простят ее; 2) если «женщина умертвит от стыда младенца, незаконно прижитого»; 3) если муж становится свидетелем акта прелюбодеяния своей жены; 4) если установлен факт богохульства⁵.

Смертная казнь была двух видов: удушение и побивание камнями (за богохульство) (см. [21, с. 20—22]).

³ О регулярных осенних собраниях казахов см. [2, с. 121—122].

⁴ Яса Чингисхана, наоборот, как бы вся насквозь пропитана суровым духом, признававшим смертную казнь чуть ли не единственной мерой борьбы с преступностью, даже с простой человеческой халатностью и неосторожностью, возводимыми ясой в ранг преступления [4, с. 27—32; 5, с. 40—50].

⁵ В первой редакции *Жети Жаргы* по этому поводу содержится только одна статья, которая гласит: «Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или доказан будет четырьмя свидетелями, для страха другим убивали» [25, с. 187].

Самым распространенным видом наказания был кун (возмещение). С согласия истцов даже убийца мог таким образом сохранить себе жизнь. Размер куна, варьируемый в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего (знатный — незнатный, господин — раб и т. п.), свидетельствует о классовом характере *Жети Жаргы*. Так, за каждого убитого рядового кочевника убийца платил его родственникам «1000 баранов»⁶, за женщину — 500, а за убийство султана или ходжи кун взимался в семикратном размере. Стоимость раба приравнивалась к стоимости беркута или охотничьей собаки.

За членовредительство, побои и оскорбление словами также платили определенным количеством скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец — 20 и т. д.⁷; обида султана или ходжи словами наказывалась пеней в «9 скотин», а за побои взыскивалось «27 скотин»⁸.

В *Жети Жаргы* есть также правило на тот случай, когда следствием ушиба женщины будет рождение мертвого ребенка: «Если женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого младенца, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев за каждый месяц — по одной лошади; а за младенца от 5-ти до 9 месяцев за каждый месяц — по одному верблюду»⁹.

При совершении кражи учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину «трижды девять (27) раз украденное»¹⁰. Если был украден скот, то «виновный должен придать к верблюдам одного пленного»¹¹, к лошадям — одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овец. При этом лошади и скот, бывшие в чужих руках, взыскивались с приплодом, кроме скота, угнанного во время баранты. Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства¹².

⁶ По первой редакции *Жети Жаргы*, «за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника» [25, с. 186].

⁷ По ойратскому уложению, «кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка и пять [скотин]; за лишение среднего пальца взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять [скотин], за мизинец взять три [скотины]» [7, с. 46].

⁸ По ойратскому уложению, «кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей или табунангов, с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей или табунангов, с того взять пять [скотин], если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка» [7, с. 39].

⁹ По ойратскому уложению, «кто будет причиною выкидыша дитяти, с того взять столько девятков, сколько месяцев было [выкидышу]» [7, с. 50].

¹⁰ Счет по девяткам встречается и в ясе, и в ойратском уложении [4, с. 32; 7, с. 39—40 и др.].

¹¹ По первой редакции *Жети Жаргы* — «одного слугу» [25, с. 186].

¹² Согласно повелению Галдан-хунтайджия, судьи должны были выделять определенную часть возмещения «на двор [князя]; невыполнение этого влекло за собой штраф в двукратном размере [7, с. 59].

Кроме смертной казни и материальной компенсации в *Жети Жаргы* предусматривались еще три вида наказания: конфискация имущества, ostrакизм и предание публичному позору. Первый вид наказания применялся по отношению к людям, принявшим христианскую религию; второй — к беременным женщинам за убийство своих мужей; третий — за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избиение родителей)¹³. В последнем случае виновника сажали на черную корову лицом к хвосту с навязанным на шею старым войлоком, корову водили по аулам, виновного при этом стегали плетью.

Совершение двух преступлений одновременно (воровство и убийство) влекло за собой простое суммирование наказаний, и виновник нес ответственность за два преступления.

Изнасилование приравнивалось к убийству. Но женитьба на изнасилованной девушке и уплата за нее соответствующего калыма избавляли преступника как от смертной казни, так и от возмещения¹⁴.

По *Жети Жаргы*, уголовная ответственность обычно распространялась лишь на непосредственного виновника. Но тем не менее сохранялся принцип коллективной ответственности родственной группы (ближайшие родственники, сородичи, свойственники и т. п.) за своего члена, и если, например, ответчик к суду не являлся или не мог заплатить положенного куна, то пеня взыскивалась с его родственников или с его «аула». В таком случае сородичам и жителям «аула» предоставлялось право поступать с ответчиком по своему усмотрению.

Нормы гражданского права не получили в *Жети Жаргы* достаточной разработки. Это объясняется, вероятно, не только и даже не столько фрагментарностью существующих текстов *Жети Жаргы*, сколько тем обстоятельством, что многие отношения между согражданами регулировались господствовавшими в обществе нормами обычного права, и потому «Уложение хана Тауке» их касалось лишь отчасти.

Субъектом права признавались только свободные: раб не признавался юридическим лицом. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит один из пунктов «Уложения». За владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежавшего ему раба¹⁵. Но личная свобода, которой обладала основная масса казахского общества, не всегда представляла собой юридическое полноправие, и в ряде случаев ущемлялись права и свободных лиц, в первую очередь это касалось женщин. Так, женщины, «равно как работники, слуги и рабы», не могли выступать на суде в ка-

¹³ Небезынтересно отметить, что за избиение отца или матери *Цааджин-Бичик* предусматривал материальную компенсацию в размере «трех девятков голов скота» [7, с. 41].

¹⁴ Ойратским уложением за изнасилование девушки устанавливался штраф в размере «двух девятков голов скота» [7, с. 49].

¹⁵ По ойратскому уложению, «кто убьет своего раба, с того взять пять девятков; кто убьет рабыню, с того взять три девятка» [7, с. 41].

честве свидетелей. Полноправным юридическим лицом был только лично-свободный, «могущий носить оружие» мужчина — хозяин дома, глава семьи. При этом права, которыми обладал или которых был лишен каждый свободный мужчина, устанавливались в прямой зависимости от его социального статуса в обществе (происхождение, родословие и т. п.).

В *Жети Жаргы* вошли также некоторые установления шариата, предусматривавшие, в частности, меры защиты ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство.

В области семейно-брачных отношений утверждалось право родительской власти над жизнью своих детей, закреплялось неравноправное положение женщины в семье. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются», — гласил закон. Дети же, напротив, за всякое нарушение сыновней почтительности подвергались различным наказаниям: дочь — воздаянию по произволу матери, сын — публичному позору. Жена и дети, знавшие о преступлении мужа или отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию, «ибо на старшего в семействе не позволено доносить». Мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее оставить у себя, уплатив мужу калым и дав ему, кроме того, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которой можно было избежать, выплатив кун¹⁶.

В вопросах наследственного права *Жети Жаргы* подтверждало, по-видимому, нормы обычного права. После смерти отдельно проживавшего бездетного сына его имущество поступало к отцу. После смерти родителей малолетних детей отдавали в опеку ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия — «посторонним надежным людям».

Одним из пунктов «Уложения» предусматривалось наследование по «духовному завещанию», которое делалось при родственниках и муллах, что можно, видимо, рассматривать уже как отклонение от обычного права.

Право творить суд признавалось только за ханом и биями-родоначальниками: «Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников». Судьям и посредникам за решение дела в качестве судебной пошлины (*бийлик*) полагалось отдавать десятую часть возмещения. При обвинении в преступлении без очевидных улик требовалось от двух до семи свидетелей (например, четыре — для обвинения женщины в супружеской неверности, семь — для обвинения в богохульстве

¹⁶ По *Цааджин-Бичик*, «кто подговорит [с собою] к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит [с собою] к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девяток с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе» [7, с. 56].

и т. п.). В случае отсутствия свидетелей требовалась присяга ¹⁷, но давать таковую ни истец, ни ответчик сами за себя не могли, и за них должны были присягать люди, известные своей честностью. При этом за обвиняемым сохранялось право, если он имел «подозрение на судей», просить замены судейского состава.

Привести в исполнение судебный приговор должна была сама выигравшая тяжбу сторона. Этот способ, порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводил на деле к тому, что баранта (насильственный угон скота) ¹⁸, нередко оканчивавшаяся побоищем со смертными случаями, рассматривалась *Жети Жаргы* не как акт самоуправства, а как правомерное явление жизни казахского общества того времени: «Если осужденный не исполняет приговора суда или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право с позволения своего старейшины произвести баранту, т. е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску» [17, с. 176]. Из этого пункта «Уложения» также следует, что судебная и административная власть на местах не были строго отделены друг от друга и бий представлял в своем лице и родоначальника, и судью, и представителя административной власти на местах.

В тех случаях, когда дело касалось семейных конфликтов, правом наказывать по своему произволу (в порядке осуществления норм обычного права) пользовались: хозяин — в отношении раба, мать — в отношении дочери, муж — в отношении жены. Наказание за кровосмешение назначалось по приговору семейства, «ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям».

Характер расследований преступлений и судебных процессов в *Жети Жаргы* не отражен совсем. О том, что судебный процесс носил публичный характер, можно судить по другим источникам.

Таково основное содержание дошедших до нас текстов *Жети Жаргы*. Как видно из его состава, основная направленность «Уложения хана Тауке» — соблюдение привилегий казахской феодальной верхушки, защита прав собственности и порядков, господствовавших в патриархальной семье, поддержка мусульманской религии. Судя по тому, что в составлении (или принятии) *Жети Жаргы* участвовали представители всех трех казахских жузов, можно заключить, что зафиксированная в нем совокупность правовых норм территориально действовала не только в отдельных жузах, но в пределах всего Казахского ханства.

Период действия *Жети Жаргы* нам в точности неизвестен. По мнению М. Красовского, повторенному рядом исследователей [11, с. 7],

¹⁷ О церемонии присяги см. [11, с. 6; 19, с. 74—75].

¹⁸ О баранте (по-казахски *барымта*) см. [8, с. 170—171; 22, с. 30—36].

Жети Жаргы имело силу, «да и то условно-обязательную», только при жизни хана Тауке [20, ч. 1, с. 53]. Согласно другому мнению, «Уложение хана Тауке» сохраняло действительную силу и при правлении Абулхайр-хана, т. е. до середины XVIII в. (см. [25, с. 188—189]). Как считает Т. М. Культелеев, «Уложение хана Тауке является юридическим памятником казахского обычного права, главным образом действовавшим до начала XIX века» [16, с. 90].

При постановке вопроса о периоде действия *Жети Жаргы* следует учитывать и тот факт, что «Уложением хана Тауке» не регламентировались, разумеется, все обычно-правовые нормы, действовавшие среди казахского населения, и наряду с *Жети Жаргы* на практике применялись и традиционное право, и новые правовые нормы, возникавшие исподволь, неприметно, приспосабливаясь к насущным потребностям времени.

Представляется очевидным, что определение периода действия *Жети Жаргы* неразрывно связано с проблемой разделения традиционного, нового и того, что из действовавших в XVIII—начале XIX в. правовых норм, не зафиксированных в известных нам записях «Уложения хана Тауке», безусловно принадлежит *Жети Жаргы*. Однако это едва ли можно полностью осуществить, опираясь лишь на имеющиеся фрагментарные записи «Уложения хана Тауке» и не привлекая дополнительных данных историко-этнографического характера.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
2. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. А.-А., 1948.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
4. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863.
5. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис Хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Брюссель, 1939.
6. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. С древнейших времен по 1870. М., 1941.
7. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.
8. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Таш., 1889.
9. Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах. — Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
10. Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия. — ИОАИЭК. Т. 20. Вып. 4—5. Казань, 1904.
11. Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.
12. Зиманов С., Осеров Н. «Жеті—Жарғы» туралы бірер сөз. — «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1975, № 4.
13. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1967.
14. История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.

15. Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Оренбург, 1898.
16. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). А.-А., 1955.
17. Левшин А. л. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832.
18. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древнейший монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.
19. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск, 1886.
20. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргиз. Составил полковник генштаба Красовский. Ч. 1—2. СПб., 1869.
21. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. А.-А., 1948.
22. Мякутин А. л. И. Юридический быт киргизов. I. Вещное право. II. Обязательственное право. Оренбург, 1910.
23. Рязановский В. А. Великая Яса Чингиз-хана. — «Известия Харбинского юридического факультета». Т. 10. Харбин, 1933.
24. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. — ТОУАК. Вып. 15, 1905.
25. Спасский Г. Киргиз-Кайсаки Большой, Средней и Малой орды. — «Сибирский вестник». Ч. 9. СПб., 1820.
26. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.

А. З. Розенфельд

ДАРВАЗКО-ВАНДЖСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Народное творчество горцев Дарваза и Ванджа (Таджикская ССР) исключительно богато и разнообразно. Наиболее популярны здесь четверостишия (*рубои*) и сказки. В недавно опубликованных переводах сказок народов Памира [19] обращает на себя внимание ряд сказок, варианты которых широко распространены в Дарвазе и на Вандже, например «Тоҷбек и Гульқурбон», «Плешивец-пастух», «Оим и Ориф» и др. [17, 14]. Однако этим не исчерпывается многообразие дарвазско-ванджского фольклора.

К устному народному творчеству следует отнести и многочисленные легенды и предания, бытующие в различных вариантах в Дарвазе и на Вандже. Часть этих легенд и преданий носит религиозный характер и связана с деяниями легендарных святых и их мазарами [3]. Особенно много рассказов посвящено богатырским подвигам почитаемого горцами этих районов, особенно в Бадахшане, Али, зятя пророка Мухаммеда, в битвах с кафирами или с различными чудовищами, например с драконами (*аждаҳо*), которых Али неизменно побеждает. Другая часть легенд и преданий посвящена развалинам древних крепостей, сооружение которых приписывается легендарным владетелям Дарваза — Кахкаха, Шахшаха — или их сестрам. С этими персонажами связывают остатки многих крепостей и в других районах Таджикистана, в частности в Бадахшане.

Интересная легенда была записана нами в различных вариантах в дарвазских и ванджских кишлаках. Одним из первых этой легендой заинтересовался Н. А. Кисляков [7; 14]. Эта легенда, распространенная в Бадахшане, легла в основу известной поэмы народного поэта Таджикистана Мирсаида Миршакара «Золотой кишлак» (*Ҷишлоқи тилло*), переработанной им впоследствии в пьесу. Заблудившийся в горах охотник неожиданно увидел среди ледников в горном ручье румяное яблоко, приплывшее издалека. Охотник захотел узнать, откуда могло здесь появиться яблоко. Он пошел вверх по ручью, и вдруг перед ним открылся неведомый кишлак. Люди все были одеты в белые одежды, женщины не закрывали лиц. Хотя кишлак был окружен льдом и снегом, в нем росли плодовые деревья, зеленела трава на лужайках, повсюду цвели прекрасные цветы, посуда и утварь были из чистого золота. Кишлаком мудро и справедливо правили старейшины. Охотник долго прожил среди этих

людей, но потом затосковал по родине, и тогда его с завязанными глазами отвели снова к тому месту, где он увидел румяное яблоко, но строго предупредили, чтобы он никому не открывал тайну золотого кишлака. Лишь перед самой смертью охотник открыл тайну своему сыну, но сколько люди ни искали золотой кишлак, они его найти не смогли. В этой легенде отразилась вековая мечта простых людей об идеальном устройстве мира.

Одним из распространенных жанров дарвазского фольклора являются *латифа* — забавные рассказы, анекдоты, побасенки. В них высмеиваются различные человеческие пороки, такие, как невежество, зазнайство, глупость, жадность и т. п. Как обычно, в *латифа* отражается какой-нибудь эпизод из истории селения, района, содержатся насмешки над односельчанами или соседями. Вот некоторые примеры *латифа*.

Один дарвазец из кишлака Пошхарв пришел в соседний Каратегин. В разговоре он нечаянно употребил излюбленное дарвазцами словечко *гал* 'сейчас', его собеседник, каратегинец, засмеялся. Пошхарвец в сердцах сказал: «Тебе не понравилось *гал*? Сто раз *гал*, *гал*, *гал*!»

Двое дарвазцев, жители кишлака Зинг, отправляясь в дальнюю дорогу, повесили себе на шею по тыковке, чтобы не затеряться среди других людей. Во сне один из них потерял свою тыковку, утром он спросил у своего спутника: «Если ты — это я, ведь тыковка у тебя на шее, то где же тогда я?!»

Согласно преданиям, подтверждаемым и историческими фактами, 200—250 лет назад началось переселение жителей из бедного высокогорного Вахио-боло в соседнюю плодородную Ванджскую долину. В настоящее время все жители Ванджа делятся на две основные группы: ванджи — аборигены края, живущие в верхней части долины, и вахиочи — выходцы из Вахио-боло [16; 17]. На Вандже существуют рассказы о том, что вахиочи до переселения не были знакомы с садоводством и огородничеством. Один вахиочи, увидев впервые в жизни зеленый орех, надкусил его и заметил: «Яблоко очень хорошее, но горькое» (на Вандже издавна растет орех). С другой стороны, согласно преданию, сами ванджцы были в те далекие времена совершенно темными и невежественными. Они не знали, что солнце всходит само, и перед восходом солнца взваливали себе на спину «солнечный камень», 'камень дня' (*санги руз*), и по очереди обходили с ним вокруг селения. Лишь после того как одна женщина из Вахио-боло объяснила своему мужу-ванджцу, что солнце само взойдет, и не пустила его обходить с камнем селение, этот обычай прекратился. Возможно, что в этом *латифа* содержатся отголоски древнего соляного культа.

Некоторые анекдоты сложены уже в наши дни. Так, рассказывают, что при постройке автомобильного тракта Душанбе—Хорог (1940 г.) одна старая дарвазка, увидев впервые автомобиль, подошла к шоферу с охапкой свежего клевера и предложила покормить машину. Шофер объяснил ей, что машина «ест» не клевер, а масло и бензин.

Из поэтических форм фольклора наряду с *рубои* значительное место занимают песни — *суруд*. Песни исполняются на семейных и общественных праздниках, в часы отдыха, в особенности зимними вечерами в клубах, чайханах, а в прошлом — в *алоузона* при мечетях, игравших роль общественных мужских домов в горных кишлаках [5]. В большинстве своем песни не выходят за рамки традиционных форм таджикской классической поэзии — *газелей* и *месневи*. Песни исполняются чаще всего дуэтом под аккомпанемент дутара, также и без музыкального сопровождения, отмечено и сольное пение. На Вандже очень широко распространено хоровое пение с запева-лами (*кафлесгуй*, ср. *кафлес* 'половник') и подголосками (*қошуқгуй*, ср. *қошуқ* 'ложка'). Такое хоровое пение начинает один голос, к нему постепенно присоединяются поочередно все певцы, сопровождают пение пять-восемь музыкантов, аккомпанирующих ритмичными ударами в бубны.

Одной из разновидностей местных песен являются дуэты лирического или комического содержания — *лапар*. В подобных дуэтах поют юноша и девушка, часто дуэты имеют форму вопросов и ответов. *Лапар* — один из популярных номеров в концертах самодеятельности, обычно он сопровождается танцем.

Насколько нам удалось проследить, песни преимущественно исполняются мужчинами и несвойственны женскому репертуару.

Среди песенного фольклора имеются стихи религиозные, проникнутые мистицизмом, это глубоко пессимистические песни, соответствовавшие тяжелому положению дарвазцев-горцев. Некоторые духовные песни посвящены подвигам Али.

Нередко певцы исполняют произведения классических поэтов, среди которых наиболее популярны произведения Хафиза, Джами и Бедиа. В настоящее время исполняются песни на слова современных советских поэтов, в особенности А. Лухути, Мирзо Турсун-заде и многих других. Некоторые певцы включают в свой репертуар и песни зарубежных исполнителей, передаваемые по радио, — афганские или индийские.

МЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Тысячелетняя таджикско-персидская поэзия развивалась не только при дворах правителей в различных странах Ближнего Востока, она существовала в разнообразных жанрах устного народного творчества, а также жила и развивалась повсюду, где языком народа была та или иная форма таджикского и персидского языков, — в творчестве местных поэтов-иллитератов. Конечно, большая часть из произведений местных поэтов исчезла бесследно, но наиболее талантливые произведения сохранились в устной передаче, в различных рукописных сборниках — *баёз*, личных альбомах, тетрадках, а иногда можно обнаружить и целые диваны в рукописных собраниях или у частных лиц [2].

В Дарвазе и на Вандже известны имена многих местных поэтов. Некоторые из них были достаточно образованны и владели всем арсеналом средств классической поэзии. Среди этих поэтов были и такие, кто писал не только на литературном языке, но и на местном дарвазском диалекте (Мулло Дуст из Ёгида, Мулло Ёр Ванджи). Приведем одну из лирических газелей Мулло Ёра, которая положена на музыку и исполняется местными певцами:

Умрҳо шуд ки гирифтори тум, э ҳелагари,
Ҳама дам ташнаи дидори тум, э ҳелагари.
Ранги парвона надорам ба касе руйи ҳаво,
Моили оташи рухсори тум, э ҳелагари.
Руз дар пеши дарат мисли сагон нучёк кеме,
Шаб ҳама дар паси девори тум, э ҳелагари.
Нестам ҳечи ғам аз евару шуи сияҳат,
Талхакаф аз хуши қимори тум, э ҳелагари.
Раҳма меоя, месора, қаҳраш хераме,
Шуи дилтангу дилафгори тум, э ҳелагари.
Ёри мазлуми бечорара ғамгин кари,
Боз сад гуна харидори тум, э ҳелагари.

Перевод:

Целая жизнь прошла, как я очарован тобой, о лукавая,
Постоянно жажду свидания с тобой, о лукавая.
Я не похож на мотылька, порхающего в воздухе,
Мечтаю о твоём огне, о лукавая.
Днем я у твоих дверей скулю, как собака,
Всю ночь я за стеной твоей, о лукавая.
Нисколько я не горюю о твоём чёрном муже и его брате,
Совершенно меня убивают твои уловки, о лукавая.
Подстерегает, выслеживает меня, злится
Твой злой, хмурый муж, о лукавая.
Ты огорчаешь несчастного бедняка Ёра,
И все же я страстно желаю тебя, о лукавая [9; 14; 15].

Стихи местных поэтов в равной мере могут быть отнесены как к письменной литературе, так как они с самого начала записаны либо самими авторами, либо переписчиками, так и к устному народному творчеству, поскольку бытуют в устной передаче и нередко в различных вариантах, иногда довольно далеких от оригинала. Особенно интересны стихи, написанные на диалекте, но с соблюдением всего арсенала таджикско-персидской метрики — *аруза*. Такие стихи создавали многие дарвазские поэты, но наиболее талантливы и популярны стихи Мулло Ёра Ванджи и Мулло Дуста из дарвазского кишлака Ёгид. Вот одна лирическая газель Мулло Дуста, записанная Н. А. Кисляковым в декабре 1930 г. в кишлаке Сангвор (бывший Тавильдаринский район). Газель написана на дарвазском диалекте (ср. также [14, с. 235]):

Ғал бәдуме ки ту чу, зулфа парайшу карайи,
Мена ки хәрхәпәка бе сару сомү карайи.
Ҳамза умам ба барәт, ҳеч на доем ту мачак,
Ови чашмам ба бари рум ту Ҷайҳу карайи.
Сурхи аз лолаи пурмак ту бизой дар линҷот,
Мәни сахмотайи бо сахмора Ҷайру карайи.

Карайи ҳайшу нишат бо рафиқуни дигар,
 Ситаму ҷабру олам ба мени маҷну карайи.
 Рузи мурам ки кабудлуш қаран ниру ҷувон,
 Ин чи инсоф ки ту куртара гулгу карайи.
 Ба ҳазизуноу бузургуну калунуни худо
 Сухта сухта мени дар ҳишқат ҳайру карайи.
 Шуҳи ҷуни мени роҳата ёруни дигар,
 Мена гириндайу унора ту ханду карайи.
 Ҳамза зурвим, карум гич, найумай синакум,
 Толеҳи шумум ва гур, ки мена ру ру карайи.
 Мулуҳо мунҷири чингир карум ру ва дарёт,
 Сап сапак умам, кунлахшөк шит шим ва дарёт.
 Шакари хөш чишунди, мена масту карайи,
 Ин Мулло Дуст, аҷаб ҷура, тә маймун карайи.

Перевод:

Сейчас я знаю, что ты, душа, распустила свои локоны,
 Меня, ничтожного, ты сделала беспокойным.
 Много раз я приходил к тебе и ни разу не поцеловал тебя,
 Слезы полились у меня по лицу, словно река Джейхун.
 Краской красно-красного тюльпана ты намазала свои щеки,
 Меня, безрассудного из безрассудных, ты поразила.
 Другим друзьям ты доставляешь радость и наслаждения,
 Мне же, безумно влюбленному, ты даришь лишь гнет и притеснения.
 В день моей смерти, когда стар и млад одеваются в синее, —
 Где же справедливость? — Ты нарядилась в розовое платье.
 Перед божьими святыми, благочестивыми, праведниками,
 Ты сожгла меня своей любовью, поразила меня.
 Ты играешь моей любовью ради развлечения других влюбленных,
 Меня ты заставляешь плакать, а их смеяться.
 Сколько я ни прилагал усилий, безумствовал, ты не припала к моей груди.
 Пусть бы сгинула моя злосчастная судьба, когда я тебя встретил.
 Сколько я ни тайлся у твоей двери,
 Приползал, скользя, к твоей двери,
 Дав испробовать свою сладость, ты опьянила меня.
 Удивительно, как ты превратила Мулло Дуста в обезьяну.

По существующей поэтической традиции местные поэты, так же как и классические поэты, в последнем стихе упоминают свое имя, однако так бывает не всегда, и тогда трудно установить авторство иного стихотворения, приписываемого тому или иному автору. В подтверждение своей мысли приведем четверостишие, приписываемое Мулло Ёру, однако его скорее можно отнести к числу бродячих, так как оно распространено в различных вариантах не только на Вандже, но и во многих других районах Таджикистана — в верховьях Зеравшана, в Кулябе и т. д. [1; 10; 11]:

Навиштам ман дар ин девори кӯҳна,
 Бимонад аз мани мискин нишона,
 Касе пурсад ки он мискин кучо ши?
 Бигу: бәгрехт аз ҷабри замона.

Перевод:

Я написал на этой старой стене,
 Пусть останется от меня, несчастного, след.
 Если кто-нибудь спросит: «Куда девался этот несчастный?» —
 Скажи: «Бежал от гнета своего века».

В настоящее время число местных поэтов не только не уменьшилось, но чрезвычайно возросло, чему способствуют всеобщая грамотность населения и большое число учащихся высших учебных заведений. В творчестве современных местных поэтов преобладают гражданские мотивы, оно злободневно и отражает повседневную жизнь кишлака, популярны также сатирические стихи, наряду с этим много стихов лирического содержания. Среди местных поэтов — учащиеся старших классов средней школы, студенты вузов, учителя, работники культуры, колхозники. Некоторые произведения печатаются на страницах районной и центральной прессы или издаются в сборниках. По сравнению с творчеством дореволюционных поэтов стихи современных местных поэтов скорее следует отнести к письменной литературе, чем к фольклору.

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

В настоящее время обрядовый фольклор в Дарвазе сохраняется лишь как пережиток старины. Это вполне естественно, так как с подъемом социалистической культуры, в условиях сплошной грамотности ушли в прошлое многие старые обряды, связанные с мусульманской религией и домусульманскими воззрениями дарвазцев.

Сейчас в Дарвазе и Вандже очень трудно восстановить полностью все элементы фольклора, сопровождающего традиционный свадебный обряд. В современной сельской свадьбе хотя и сохраняется старая обрядность, но далеко не в такой последовательности и не так строго, как это имело место в недавнем прошлом [8]. Теперь свадебные песни заменяются всевозможными *рубои*, объединяемыми традиционным припевом [13; 14; 2a].

Почти полностью исчезли похоронные плачи, сохранившись лишь в самых отдаленных от районных центров кишлаках, например на Верхнем Вандже. Поскольку похоронные плачи связаны с мусульманской обрядностью, в них содержится много упоминаний о боге, о предопределении свыше, об ангелах, о дне воскресения из мертвых. В прошлом на Вандже женщины-плакальщицы сопровождали похоронную процессию и громко пели траурные *рубои*, правда, иногда присоединяли к ним и *рубои* другого содержания [18].

В дарвазском фольклоре трудовые песни занимают весьма скромное место, можно предположить, что в Дарвазе и на Вандже трудовые песни не были так распространены, как, например, в Кулябской области [1]. Из трудовых песен нами в Калайхумбском районе была записана жатвенная песня *Ман доғ*, состоящая из различных *рубои* и повторяющегося бейта, который является запевкой и припевом после каждого стиха *рубои*: *Э ёло, ёре, ман доғам, ё дуст* 'О друг, я горюю, о друг'. Эта песня исполняется двумя певцами перед самым концом жатвы, когда дожинается последний участок поля. В кишлаке Кеврон Калайхумбского района записана была другая трудовая песня, которая поется во время молотбы. В прошлом, а в ряде мест и сейчас, как известно, молотба в горном Таджи-

кистане производилась при помощи запряжки нескольких волов (*галагоу* 'стадо волов'), которые ногами выбивают из колосьев зерно, затем оно веется на току с помощью ветра, тогда и поется песня *Майдоне, майдоне, пал майдоне*. Это также различные *рубои*, объединенные приведенным припевом [14].

ВЕСНЯНКИ

К обрядовому фольклору следует отнести также стихи и песни, исполнявшиеся в навруз — Новый год, древний народный праздник таджиков и других иранских народов, приходящийся на 21 марта — весеннее равноденствие. В настоящее время празднование навруза почти нигде не сохранилось [6], однако в Бадахшане у припамирских таджиков, на Вандже и в кишлаке Ёгид Калайхумбского района (Дарваз) этот праздник отмечается и сейчас. В прошлом навруз праздновался очень торжественно, к этому дню белили дома, на стенах домов мукой делали различные узоры, шили новые платья. Этот праздник предшествовал началу пахоты. В настоящее время в Дарвазе новогодние песни сохранились лишь в памяти людей старшего поколения, так же как и обряды, связанные с этим праздником. Рассказывают, что до революции *муллобачи* (учащиеся медресе) в этот день ходили по домам с бумажными цветами, пели песни и собирали подаяние для себя и своего учителя. В этих песнях славил приход весны. Варианты веснянок распространены и в других районах Таджикистана [1]. Существовал также обычай (в Дарвазе, Вандже, Бадашхане), по которому дети влезали на крыши домов и в дымовое отверстие (*рузан, дарича*) пели песни, за что хозяйка дома одаривала детей сладостями и другим угощением [12].

Баҳор омад, баҳор омад,
Баҳори лолазор омад.
Биёбонҳо гулистон шуд,
Камарҳо ҷумла бустон шуд,
Баҳор омад, баҳор омад,
Баҳор омад бо серрузи,
Бизан гулҳои наврузи,
Бидоз тоқии гулдузи,
Баҳор омад, баҳор омад.

Перевод:

Весна пришла, весна пришла. \
Весна с тюльпанами пришла,
Степи превратились в цветники,
Все склоны гор покрылись цветами,
Весна пришла, весна пришла.
Весна пришла с сытными днями,
Разбросай весенние цветы,
Надень узорную тюбетейку,
Весна пришла, весна пришла.

В целом, характеризуя обрядовый фольклор, можно отметить, что этот жанр сохранился в значительно стершихся формах и находится на пути к полному исчезновению.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Среди бытующих в Дарвазе и на Вандже пословиц и поговорок — *зарбулмасал* — одна часть несомненно является местного происхождения, что можно видеть и по их языковому воплощению, и по упоминанию в них местных географических названий, и по этнографическим признакам. Другая же часть представляет собой пословицы и поговорки общего таджикского фонда, среди которых немало и книжного происхождения [20; 21].

Местные пословицы и поговорки отражают дореволюционный быт дарвазцев. Это можно показать на примере такой популярной поговорки, как *Ванчи ман, ганчи ман* 'Мой Вандж, мое сокровище'. Как указывает Н. А. Кисляков, она приписывается одному из ванджских феодалов [5]. Популярность ее объясняется тем, что по сравнению с каменистым и скудным Вахио-боло и даже Дарвазом широкая, плодородная долина Ванджа славилась обилием хлеба и фруктов. Сюда приходили обменивать различные кустарные изделия (например, *карбос* — домотканое хлопчатобумажное полотно и др.) на пшеницу, тут, тутовое толокно, сушеные абрикосы и орехи, которыми особенно славится Вандж и в настоящее время. Ряд местных пословиц и поговорок носит поучительный, назидательный характер, например поговорка, связанная с мусульманскими представлениями об аде и шайтане; смысл этой поговорки направлен против легкомысленных, беспечных людей, живущих минутными наслаждениями. Некоторые поговорки и пословицы являются частью какого-нибудь рассказа, притчи. Примером этого может явиться следующее предание. В старые времена живущие на Восточном Памире киргизы нападали на Вандж, забирали в плен мужчин, уводили девушек. Однажды какой-то крестьянин поливал свое поле. Вдруг появились трое киргизов и напали на него. Крестьянин попросил разрешения прочесть молитву. Вместо намаза он громко закричал: *Сета асало, сета анано, луз кинам, мезанано, луз накинам, мебарано* 'Трижды асало, трижды анано, закричу — убьют, не закричу — уведут'. Люди услышали крики и вызволили его. Эти слова — *луз кинам, мезанано, луз накинам, мебарано* — употребляются в качестве поговорки. Следует лишь отметить, что эта поговорка в различных вариантах встречается и в фольклоре других районов Таджикистана.

Приведем несколько характерных дарвазских пословиц и поговорок, в которых отражены и диалектные особенности: *Ободиш қишлоқ — осиёб* 'Процветание кишлака — в мельнице'. *Дузах тангу торикай, шайтон аҷаб марди чобикай* 'Ад темен и тесен, а шайтан удивительно проворен'. *Унҷо ки хуни ноғ рехт, унҷо ватани ширин* 'Там, где пролилась кровь от пупка, там милая родина', *Шапара аз майдакиш ки хам накуни, калон ки шуд, хам намешава* 'Если не согнешь прут в детстве, когда он станет большим, его уже не согнешь', *Кампира гуфташ ки рақс кун, гуфташ ки пога танг аст* 'Старухе сказали: «Потанцуй!» Ответила: «Места мало!»', *Хари пир ҳар чанд бора набара, роҳа мебара* 'Старый осел хотя и не потащит

груз, но по дороге пройдет', *Сикандар шаи мо, раи Кайванд раи мо* 'Александр [Македонский] — наш шах, тропинка Кайванд — наша дорога'. В последней поговорке отразилось предание о завоевании Александром Македонским Дарваза.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Детские игры обычно сопровождаются песенками или считалками. Мальчики и девочки до шести-семи лет играют вместе, дети постарше играют раздельно, и здесь уже появляются песенки и считалки, которые распространены среди девочек и среди мальчиков. Стихи или песенки произносятся соответственно каждому элементу игры. Если играющие разделяются на две партии, используется форма диалога: одна партия задает вопросы, другая — отвечает. Таким образом, детский фольклор складывается из самых различных элементов.

Некоторая часть детского фольклора поется или рассказывается взрослыми для маленьких детей. Это коротенькие сказки, песенки и т. п. Сюда можно отнести и колыбельные песни, хотя собственно колыбельных песен в дарвазском фольклоре очень мало. Обычно мать, баюкая ребенка, поет различные *рубои*, объединяя их вступлением или припевом: *ала, ала-ала-ала чун* или *лала-лала-лала*. Вот пример одной колыбельной песенки, записанной на Вандже:

Дилам, дилам, дилам, э,
Банди дилам, дилам, э,
Сурхи занам линчота,
Чикак кашим чипмота,
Шона заним миёта,
Кавша харим бай пота,
Буса кеним лабота
Бай рафтаи Вахиёта,
Дилам, дилам, дилам, э
Дил, дил, дил. . .

Сердце мое, сердце мое, сердце мое,
Сердце мое, сердце мое, э,
Я нарумяню твои щеки,
Начерним твои глаза,
Расчешем гребнем твои волосы,
Купим тебе туфли,
Поцелуем в губы,
Когда ты поедешь в Вахро,
Сердце мое, сердце мое, сердце мое,
Сердце, сердце, сердце. . . [14].

ЗАГАДКИ

Загадки (*чистон*) загадываются и детьми и взрослыми. Значительная часть загадок, бытующих в Дарвазе, местного происхождения, они посвящены предметам домашнего обихода, домашней утвари, деталям постройки, домашним животным или окружающей природе — птицам, насекомым, растениям. Вот примеры местных загадок:

Мэтники нақшин,
Ғалти дар овшин,
Бёбро, дар деку ёшин,
Деғу косама бёбин.

Пестрый камень
Упал в водослив,
Выйди, посиди на декуне
(глинобитные нары в доме),
Посмотри на мои котлы и чашки.
(Ответ: лягушка.)

Низенький старичок
Связал изгородь,
Разъяренный бык
Сломал изгородь.
(Ответ: снежный обвал.)

С этой стороны ущелье, с той
 стороны — ущелье.
Посредине — бляение ягненка.
(Ответ: колыбель и младенец.)

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 272

15. Розенфельд А. З. Новые материалы о ванджском поэте Мулло Ёре. — В честь 85-летия профессора А. А. Фреймана. М., 1963 (КСИНА, т. 57, Иранская филология).
16. Розенфельд А. З. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.
17. Розенфельд А. З. Дарвазский фольклор. Ч. 1. — «Страны и народы Востока». Вып. 10. М., 1971.
18. Розенфельд А. З. «Говораи ноз» — древний погребальный обряд на Вандже и траурные рубои. — Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
19. Сказки народов Памира. Перевод с памирских языков. Сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. Отв. ред. и автор предисл. А. Н. Болдырев. М., 1976.
20. Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. Душ., 1967.
21. Хисомов Камар. Взаимосвязь таджикских устных и письменных пословиц. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Душ., 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение.
АВПР — Архив внешней политики. России. СПб.
БМОИП — «Бюллетень Московского общества испытателей природы».
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВДИ — «Вестник древней истории».
ВЛГУ — «Вестник Ленинградского государственного университета».
ВМГУ — «Вестник Московского государственного университета».
ГИМ — Государственный Исторический музей (М.).
ДАН — «Доклады Академии наук СССР».
ДВК — «Доклады Восточной комиссии».
ЖС — «Живая Старина». СПб.
ЗВМО — «Записки Всесоюзного минералогического общества». М.—Л.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб., Пг.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР». М.—Л.
ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества». Л.
ИИАЭАН ТуркмССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.
ИОАИЭК — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».
ИООНАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук». Душ.
ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества». Таш.
ИТФАН — «Известия Туркменского филиала АН СССР». Аш.
КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР».
КСИБ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М.—Л., М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркмении». М.—Л.
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
МЭ — Материалы по этнографии.
НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
ППВ — Памятники письменности Востока.
ППВ — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник». М.
СА — «Советская археология». М.
СП — Сибирский приказ (фонд ЦГАДА).
СТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб.
СЭ — «Советская этнография». М.—Л., М.
ТГМ — Труды Геологического музея им. Карпинского. М.—Л.
ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа». Л.
ТИГАНК — «Труды Института геологии Академии наук Китая».
ТИИАК КиргССР — «Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР». Фрунзе.

ТИИАЭ КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». А.-А.
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
 ТКЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
 ТЛГУАН — «Труды Лаборатории геологии угля Академии наук СССР».
 ТОУАК — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». Оренбург.
 УЗИБАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». М.—Л., М.
 УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета».
 УЗТНИИЯЛИ — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Тувинской АССР». Кызыл.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока». М.—Л.
 ЯМ — Язык и мышление. М.—Л.
 АОН — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae». Budapest.
 АРАУ — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Philologisch-historische Klasse. B.
 BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
 CAJ — «Central Asiatic Journal». The Hague — Wiesbaden.
 GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
 IGR — «International Geology Revue». Wash.
 JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
 JSFOu — «Journal de la Société Finno-ougrienne». Helsinki.
 MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan».
 P.
 N. F. — Neue Folge.
 N. S. — New Series.
 SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst».
 SPA — A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Ed. by A. U. Pope. L.—N. Y.
 SPAW — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse». B.
 T'P — «T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale». Paris—Leiden.
 UAJ — «Ural-altaische Jahrbücher». Wiesbaden.
 VOK — Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Wiesbaden.

CONTENTS

I. Geography. Historical Geography. Travels

V. M. Sinitsyn. Scientific Reconnaissance in Central Asia	5
A. L. Gryunberg. Travels in the Eastern Hindu Kush (1963—1968)	28
B. A. Valskaya. Y. P. Kovalevsky's Travels in Western Kazakhstan in 1839—1840 (based on an unpublished «Travel Register»)	46
Y. A. Knyazhetskaya. Journey of the Tobolsk Cossack Fyodor Skibin to the Cossack Horde in 1694—1696	66
T. N. Golubeva. Emir Abdurrahman's Treatise «Pandnama-ii dunia va din» and Its Historical-Cultural Significance	74
S. I. Bayevsky. Geographical Names in Early Persian Explanatory Dictionaries (11th—14th Centuries)	83

II. History, Archeology, Epigraphy

S. G. Klyashorny. Ancient Turkic Inscription on the Stone Sculpture from Choiren	90
A. D. Grach. Ancient Kyrgyz Burial Mounds at the Northern Border of the Great Lakes Depression and the Discovery of Tibetan Inscriptions on Birch Bark	103
M. I. Vorobyova-Desyatovskaya. Fragments of Tibetan Birch-Bark Manuscripts from Tuva	124
O. G. Bolshakov. On the History of the Battle of Talas (751)	132
Y. I. Kychanov. The 12th-Century Tangut Code of Laws on Foreigners and Aliens	137
N. D. Miklouchov-Maklay. Shah Abbas's I Balkh Campaign	147
P. U. Khoteyev. On the Neutrality of Afghanistan During the First World War	164

III. Ethnography, Art

N. V. Dyakonova. On the History of Clothes in Eastern Turke- stan in the 2nd—7th Centuries	174
I. B. Bentovich. Clothes in Central Asia in the Early Middle Ages (A case study of 6th—8th centuries wall painting)	196
A. M. Belenitsky, V. I. Raspopova. The Sogdian «Gold Belts»	213
A. P. Terentyev-Katansky. Two Etchings from the Tangut Collection of the Leningrad Department of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences (concerning the Tangut national dress)	219
S. G. Agadzhanov. Marriage and Wedding Rites of the Oguzes of Central Asia and Kazakhstan (9th—13th centuries)	225
V. A. Romodin. Genealogical Structure of the Main Afghan (Pashtu) Tribes and Their Geographical Distribution in the 16th—17th Centuries	239
T. I. Sultanov. «Seven Statutes»: 17th-Century Legal Code of the Kazakhs	252
A. Z. Rozenfeld. Darvaz-Vanj Folklore	263
Abbreviations	274

СОДЕРЖАНИЕ

I. География. Историческая география. Путешествия

В. М. С и н и ц ы н. Научные рекогносцировки в Центральной Азии	5
А. Л. Г р ю н б е р г. Путешествия по Восточному Гиндукушу (1963—1968).	28
Б. А. В а л ь с к а я. Путешествия Е. П. Ковалевского по Западному Казахстану в 1839—1840 гг. (по неопубликованному «Путевому журналу»)	46
Е. А. К н я ж е ц к а я. Путешествие тобольского казака Федора Скибина в Казачью орду в 1694—1696 гг.	66
Т. Н. Г о л у б е в а. Сочинение эмира Абдурахмана <i>Панднама-йи дунйа ва дин</i> и его историко-культурное значение	74
С. И. Б а е в с к и й. Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.)	83

II. История. Археология. Эпиграфика

С. Г. К л я ш т о р н ы й. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна	90
А. Д. Г р а ч. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте	103
М. И. В о р о б ь е в а - Д е с я т о в с к а я. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы	124
О. Г. Б о л ь ш а к о в. К истории Таласской битвы (751 г.)	132
Е. И. К ы ч а н о в. Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах	137
Н. Д. М и к л у х о - М а к л а й. Балхский поход шаха Аббаса I	147
П. И. Х о т е е в. О нейтралитете Афганистана в первой мировой войне	164

III. Этнография. Искусство

Н. В. Д ь я к о н о в а. К истории одежды в Восточном Туркестане II—VII вв.	174
И. Б. Б е н т о в и ч. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенных росписей VI—VIII вв.).	196
А. М. Б е л е н и ц к и й, В. И. Р а с п о п о в а. Согдийские «золотые пояса»	213
А. П. Т е р е н т ь е в - К а т а н с к и й. Две гравюры из тангутской коллекции ЛО ИВАН (к вопросу о тангутском костюме)	219
С. Г. А г а д ж а н о в. Брачные и свадебные обряды огузов Средней Азии и Казахстана в IX—XIII вв.	225
В. А. Р о м о д и н. Генеалогическая структура основных групп афганских (паштунских) племен и их расселение в XVI—XVII вв.	239
Т. И. С у л т а н о в. «Семь установлений» — памятник права казахов XVII в.	252
А. З. Р о з е н ф е л ь д. Дарвазско-ванджский фольклор	263
Список сокращений	274

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. 22

Средняя и Центральная Азия
География, этнография, история
Книга 2

Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР

Редактор Л. В. Негря
Младший редактор И. И. Исаева
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Л. И. Письман

ИБ № 13971

Сдано в набор 15.10.79. Подписано к печати 12.03.80. А-01755. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,5. Уч.-изд. л. 20,02. Тираж 2400 экз. Изд. № 4455. Зак. 812. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.
28 л.

Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ
в VII—VI вв. до н. э. 8 л.

Эпиграфические памятники Северного Кав-
каза на арабском и турецком языках.
Часть 3. 11 л.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов и «Академкнига», а также по адресу:
117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, ма-
газин № 3 («Книга—почтой») «Академкнига».*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут

Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая: (Расовая морфология современного населения). 28 л.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (Материалы Международного симпозиума ЮНЕСКО). 40 л.

Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и в средние века. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книжоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга—почтой») «Академкнига».

